Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2016 • Том 21

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 5 от 25.05.2016 г.

Редакционная коллегия:
А.В. Егоров (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, П.А. Водопьянов, Е.В. Давлятова, А.Н. Дулов, В.С. Елисеев,
А.П. Косов, О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, М.А. Можейко,
С.А. Моторов, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, И.Р. Чикалова, В.М. Шорец

Редакционный совет:
София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсонс (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия), Т.А. Ященко (Украина)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО “ВГУ им. П.М. Машерова”»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
В54 Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – Т. 21. – 220 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2016

Оглавление

История

Юрчак Дз.В., Якаўлева-Юрчак А.М. Спроба стварэння Ісламскай дзяржавы Азавад і дзейнасць салафіцкіх груповак на поўначы Рэспублікі Малі 5

Сидорович Е.С. Французские промышленники и мастера на Юге Украины в конце XVIII – первой половине XIX ст. 11

Сливенко В.А. Особенности профессиональной подготовки сотрудников системы прокурорского надзора УССР в 1920-е гг. (по материалам Юга Украины) 15

Бахир Ю.Н. Подготовка специализированных кадров в организациях Общества Красного Креста БССР в 1944–1991 гг. 20

Моторова Н.С. Система земского самоуправления на территории белорусских губерний: функции и структура 25

Мартынюк А.В. Между Псковом, Витебском и Нейгаузеном: забытая война на Ливонском пограничье в середине XIV века. Часть 1 30

Яковлева Г.Н. Дискуссии о новом быте на страницах газет г. Витебска периода нэпа 37

Трубчык А.Г. Уплыў польскай і савецкай адукацыйнай палітыкі на беларускую школьную справу ў 1919–1921 гг. 47

Тымкив С.А. О земледелии населения летописного Губина 54

Семенчук С.А. Языческие каменные изваяния левобережной части Среднего Поднестровья в X–VII вв. до н.э. 59

Шевкун П.В. Коммуникативные процессы в белорусско-литовских православных епархиях: эволюция системы образования (конец XVIII – первая половина XIX в.) 63

Краско Г.Г. Деятельность органов государственной безопасности в 1944–1953 гг.: современная белорусская историография 70

Косов А.П. США в современном мире: оценки российских консерваторов 75

Пашуто А.В. Трудоустройство демобилизованных воинов и участников партизанского движения, их закрепление в народно-хозяйственном комплексе БССР (1944–1947 гг.) 84

Николаева И.В. Повседневные практики и общественные настроения населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны (по материалам устных источников) 90

Философия

Павочка С.Г. Историософская концепция евразийства в контексте проблемы специфики социально-исторического развития России 95

Contents

History

Yurchak Dz.V., Yakauleva-Yurchak A.M. An Attempt to Create the Islamic State of Azawad, Activities of Salafi Groups in the North of the Republic of Mali 5

Sydorovych E.S. French Manufacturers and Artisans in the South of Ukraine in Late XVIIIth – Early XIXth Century 11

Slivenko V.A. Aspects of Training in the System of Prosecutor Supervision in the Ukrainian SSR in the 1920s (Based on the South of Ukraine) 15

Bahir Y.N. Specialized Staff Training in Red Cross Organizations of the BSSR in 1944–1991 20

Motorova N.S. Zemstvo System on the Territory of Belarusian Provinces: Functions and Structure 25

Martyniouk A.V. Between Pskov, Vitebsk and Neuhausen: the Forgotten War in the Lithuanian Borderlands in the Middle of the 14th Century 30

Yakovleva G.N. Discussions on New Type of Lifestyle in Vitebsk Newspapers during the New Economic Policy (NEP) Period 37

Trubchyk A.H. Impact of Polish and Soviet Educational Policy on Belarusian School Affairs in 1919–1921 47

Tymkiv S.A. About the Agriculture of the Inhabitants of the Chronicle Gubin 54

Semenchuk S.A. Pagan Stone Sculptures of the Left-Bank Part of the Middle Podnestrovye in the X–VII Centuries BC 59

Shevkun P.V. Communicative Processes in Belarusian – Lithuanian Orthodox Dioceses: Evolution of the Education System (Late XVIII – First Half of the XIX Century) 63

Krasko G.G. National Security Bodies in 1944–1953: Contemporary Belarusian Historiography 70

Kosov A.P. USA in the Contemporary World: Russian Conservatives' Assessments 75

Pashuto A.V. Job Placement of Demobilized Soldiers and Members of the Guerrilla Movement, their Rooting in the National Economy of the BSSR (1944–1947) 84

Nikolayeva I.V. Everyday Practices and Public Attitudes of Vitebsk Region Population in the Post Occupation Period of the Great Patriotic War (Based on Oral Sources) 90

Philosophy

Pavochka S.G. Eurasian Historiosophical Conception in the Context of the Problem of the Specificity of Russian Social and Historical Development 95

Голубев С.В. «Законы» Платона и современное правосознание 105

Рудковский Э.И. Социокультурная среда, региональная идентичность и приграничное сотрудничество 110

Карапетян И.А. Интеграционные и дезинтеграционные тенденции в современном информационном обществе 115

Давлатова Е.В., Далимаева Е.О. Социальное самочувствие студенческой молодежи в трансформирующемся обществе 121

Golubev S.V. Plato's «Laws» and Contemporary Sense of Justice 105

Rudkovski E.I. Social and Cultural Environment, Regional Identity and Borderline Cooperation 110

Karapetyan I.A. Integration and Disintegration Tendencies in the Contemporary Information Society 115

Davlatova E.V., Dalimayeva E.O. Social Health of Student Youth in the Society under Transformation 121

Филология

Васильев В.Л. О происхождении названий города Витебск и реки Витьба 133

Храбан Т.Е. Лексическое заимствование как результат межкультурной и межъязыковой коммуникации 138

Шаколо А.В. «Лес» и «дом» как ключевые концепты главной оппозиции сказочного дискурса (в рамках общей дискурсивной теории) 144

Шеверинова О.В. Художественные ономастиконы произведений В.П. Астафьева и Г. Бёлля как отражение русского и немецкого национально-культурных пространств 148

Ершова Е.В. Образ города в творчестве Вуди Аллена 154

Навасельцава Г.В. Жанрава-стылёвая спецыфіка раманаў "Зубрэвіцкая сага" Янкі Сіпакова і "Дом" Адама Глобуса 160

Качалова Л.Е. Роль грамматических средств в коммуникативной ситуации родитель → ученик (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов) 165

Галковская Ю.М. Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования ... 174

Никитенко Т.В. Пейоративные процессы в лексике русского языка XVIII века 179

Крицкая Н.В. Языковая метафора с позиций когнитивной лингвистики (на материале языка Марины Цветаевой) 184

Уткевіч В.І. Метад "эстэтычнай памежнасці" ў беларускай літаратуры канца XIX – пачатку XX ст. 189

Петрушенко О.А. Методические аспекты формирования иноязычной профессиональной компетенции будущих специалистов в сфере туризма 196

Белавус Н.П. Пісьменнік у мастацкім асэнсаванні Максіма Багдановіча 200

Несцяровіч В.І. Нематываваныя абстрактныя назоўнікі ў кітабе XIX ст. 204

Рецензия 209

Да XVI Міжнароднага з'езда славістаў (Бялград, 2018) 211

Philology

Vassilyev V.L. The Origin of the Names of the City of Vitebsk and the Vitba River 133

Hkraban T.E. Lexical Adoption as the Result of Cross-Cultural and Cross-Language Communication 138

Shakola A.V. «Forest» and «House» as Key Concepts of the Main Opposition within the Fairy Tale Discourse (in the Contextof the General Discourse Theory) 144

Sheverinova O.V. Literary Onomasticons in Works by V.P. Astafyev and H. Böll as a Reflection of Russian and German National and Cultural Spaces 148

Ershova E.V. The Image of the City in Woody Allen's Literary Works 154

Navaseltsava G.V. Genre and Stylistic Specificity of Novels "Zubrevitskaya Saga" by Yanka Sipakov and "House" by Adam Globus 160

Kachalava L.E. Role of Grammatical Means in the Communicative Situation of Parent → Pupil (Based on English and Russian Fiction) 165

Galkovskaya Y.M. Regional Onomastics: Problems and Current Approaches 174

Nikitsenka T.V. Pejorative Sense Development in the Lexis of the Russian Language in the XVIII Century 179

Kritskaya N.V. Language Metaphor from the Point of View of Cognitive Linguistics (Based on the Material of Marina Tsvetayeva's Language) ... 184

Utkevich V.I. The Method of Aesthetic Borderline in Belarusian Literature of Late XIX – Early XX Centuries 189

Petrushenko O.A. Methodological Aspects of Shaping Foreign Language Professional Competence for Would-be Specialists in the Sphere of Tourism 196

Belous N.P. Writer in the Artistic Interpretation by Maxim Bogdanovich 200

Nesciarovich V.I. Unmotivated Abstract Nouns in the Kitab of the XIXth Century 204

Review 209

To XVI International Meeting of Slavists (Belgrade, 2018) 211

ИСТОРИЯ

УДК 323.2(662.1)

Спроба стварэння Ісламскай дзяржавы Азавад і дзейнасць салафіцкіх груповак на поўначы Рэспублікі Малі

Юрчак Дз.В., Якаўлева-Юрчак А.М.
Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

У артыкуле паказваецца сітуацыя, якая склалася на пачатку XXI стагоддзя на поўначы Малі. Вызначаюцца прычыны і асаблівасці выступлення ваяўнічых плямён туарэгаў, а таксама наступствы стварэння Незалежнай дзяржавы Азавад, у тым ліку актывізацыя радыкальных ісламскіх груповак, якія перахапілі ініцыятыву ў сепаратыстаў і стварылі сваю дзяржаўнасць. Асаблівая ўвага надаецца пытанню барацьбы з радыкальнымі ў ісламістамі, а таксама гісторыі стварэння салафіцкіх арганізацый, якія стаяць за большасцю тэрарыстычных актаў на тэрыторыі Малі і сумежных дзяржаў.

Мэта даследавання – аналіз сітуацыі на поўначы Малі, што выявілася ў выступленні туарэгскіх плямён, абвяшчэнні Ісламскай дзяржавы Азавад і дзейнасці разнастайных салафіцкіх тэрарыстычных груповак, якія пагражаюць стабільнасці на захадзе Сахары і Сахеля.

***Матэрыял і метады.** Пры напісанні артыкула выкарыстоўваліся агульнанавуковыя (аналіз, сінтэз, індукцыя, дэдукцыя і г.д.) і прыватныя метады гістарычнай навукі (гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны і гістарычнай рэтраспекцыі). Крыніцамі пры падрыхтоўцы артыкула сталі аналітычныя работы па названай тэматыцы і інфармацыйныя паведамленні ў франкамоўных сродках масавай інфармацыі.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** Аналіз крыніц дазволіў прасачыць складаныя этнапалітычныя працэсы на поўначы Малі, вызначыць прычыны і вынікі выступлення туарэгаў у 2012 годзе, акрэсліць актывізацыю дзейнасці салафіцкіх арганізацый у раёне Азавада і асаблівасці іх стварэння.*

***Заключэнне.** Прычынай выступлення туарэгаў стала дэстабілізацыя сітуацыі ў суседняй Лівіі і ўсёй паўночнай Афрыцы, што выклікала вяртанне значнай колькасці туарэгаў у Малі, дзе яны спрабавалі стварыць сваю дзяржаўнасць. Гэтым скарысталіся прыхільнікі радыкальнага ісламу, якія былі прадстаўлены некалькімі арганізацыямі, яны ажыццявілі спробу стварэння ўласнай дзяржавы на поўначы Малі. Толькі ўмяшальніцтва французскіх войскаў не дало ім гэтага зрабіць, але сітуацыя ў дзяржаве і па сённяшні дзень застаецца нестабільнай.*

***Ключавыя словы:** Малі, туарэгі, Азавад, тэрарызм, ісламскі фундаменталізм, Аль-Кайда.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 5–10)

An Attempt to Create the Islamic State of Azawad, Activities of Salafi Groups in the North of the Republic of Mali

Yurchak Dz.V., Yakauleva-Yurchak A.M.
Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article describes the situation at the beginning of the XXI century in the north of Mali. The cause and features of warlike tribes of the Tuareg as well as consequences of the creation of the Independent State of Azawad are identified, including activation of Islamic radical groups and separatists to seize the initiative and create their own state. Particular attention is paid to the fight against radical Islamists, as well as the history of Salafist organizations which are behind most of the terrorist acts on the territory of Mali and neighboring countries.

The purpose of this article is the analysis of the situation in northern Mali, which manifested itself in the rebellion of Tuareg tribes, proclaiming the Islamic State of Azawad and activities of Salafist terrorist groups that threaten the stability of the Western Sahara and the Sahel.

***Material and methods.** When writing this article we used scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, etc.) and private methods of historical science (historical-genetic, historical and comparative method and historical flashbacks). The sources were analytical articles on this subject and the informational messages in the French-speaking media.*

***Findings and their discussion.** The analysis allowed to trace the sources of the complex ethno-political processes in the north of Mali, to determine the causes and results of the Tuareg rebellion in 2012, to outline the revitalization of Salafist organizations in the region of Azawad and peculiarities of their creation.*

***Conclusion.** The cause of the Tuareg rebellion was destabilizing of the situation in neighboring Libya and across North Africa, which caused the return of a significant number of Tuaregs in Mali, where they were trying to create their own state. The supporters*

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: kajuga@list.ru – **Дз.В. Юрчак**

of radical Islam took advantage of this; they were presented by several organizations and carried out an attempt to create their own state in the north of Mali. Only the intervention of French troops prevented them from do this, but the situation in the state still remains unstable.

Key words: *Mali, the Tuareg, Azawad, terrorism, Islamic fundamentalism, al-Qaida.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 5–10)

Уцэнтры ўвагі перадавых артыкулаў сусветных медый 20 лістапада 2015 года ізноў апынулася сталіца Малі Бамака. На гэты раз прычынай падобнай увагі да афрыканскага горада стала сітуацыя, звязаная з чарговай атакай тэрарыстаў на замежных грамадзян у атэлі "Рэдзісан Блю". Такім чынам, гучна праявілі сябе тэрарыстычныя групы Заходняй Афрыкі, якія ў апошні час яўна знаходзіліся на другім плане на фоне актыўнасці салафітаў так званай "Ісламскай дзяржавы". Пры гэтым многія ўжо забыліся, што на поўначы Малі ў 2012 г. на практыцы мог быць рэалізаваны праект пабудовы дзяржавы ісламскіх фундаменталістаў, і толькі актыўныя дзеянні французскіх войск падчас рэалізацыі на практыцы аперацыі "Сервал" не далі гэтага ажыццявіць.

Мэта даследавання – аналіз сітуацыі на поўначы Малі, што выявілася ў выступленні туарэгскіх плямён, абвяшчэнні Ісламскай дзяржавы Азавад і дзейнасці разнастайных салафіцкіх тэрарыстычных груповак, якія пагражаюць стабільнасці на захадзе Сахары і Сахеля.

На вялікі жаль, дадзеная тэматыка амаль не вывучалася ў беларускай гістарыяграфіі. Гэта абумоўлена тэрытарыяльнай аддаленасцю і тым, што падзеі адбыліся адносна нядаўна, а іх вынікі мы працягваем назіраць у паўночна-заходняй Афрыцы і па сённяшні дзень. У расійскай гістарычнай і палітычнай навуцы з'явіўся шэраг публікацый па дадзенай тэме. Пра гэта сведчаць работы І. Ігнатчанкі і В. Філіпава [1–2]. Пэўная колькасць прац належыць еўрапейскім і амерыканскім вучоным. Прычым найбольшая колькасць даследаванняў па малійскай гісторыі выканана ў Францыі, што абумоўлена гістарычнымі сувязямі былой калоніі і метраполіі.

Матэрыял і метады. Пры напісанні артыкула выкарыстоўваліся як аналітычныя работы па названай тэматыцы, так і інфармацыйныя паведамленні ў франкамоўных сродках масавай інфармацыі, якія дазволілі дасягнуць пастаўленай мэты і прасачыць эвалюцыю салафіцкіх груп на поўначы Малі. Аўтарамі былі выкарыстаны агульнанавуковыя (аналіз, сінтэз, індукцыя, дэдукцыя і г.д.) і прыватныя метады гістарычнай навукі. Сярод апошніх варта прыгадаць гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны і метад гістарычнай рэтраспекцыі.

Вынікі і іх абмеркаванне. У 2012 г. Малі ахапіў палітычны крызіс, які распачаўся з выступлення туарэгаў. Складанасці з гэтым народам для чорнага кантынента не з'яўляюцца новымі. Туарэгскае пытанне спарадзілі каланізатары яшчэ ў пазамінулым стагоддзі. На Берлінскай канферэнцыі ў лістападзе 1884 г. – лютым 1885 г. еўрапейскія кіраўнікі дамовіліся пра прынцыпы акупацыі афрыканскіх зямель і канфігурацыю палітычных межаў у Афрыцы. Пасля Другой сусветнай вайны французы, пакідаючы свае афрыканскія калоніі, захавалі штучна вызначаныя межы без уліку рассялення мясцовых народнасцей. Верагодна, гэта было зроблена для таго, каб у далейшым захоўваць ролю арбітра ў развіцці няпростых стасункаў новых афрыканскіх дзяржаў. Таму Рэспубліка Малі стала дзяржавай адразу для 25 разнастайных этнічных груп, сярод якіх апынуліся народы, расселеныя кампактна на тэрыторыі дзяржавы (бамбара, малінке, дагоны, сенуфо, бабо і інш.), што пражываюць па ўсёй тэрыторыі рэспублікі (фульбэ, тукулеры), а таксама качавыя народы поўначы (маўры, арабы, туарэгі). Апошнія з качэўнікаў засялялі не толькі Малі. Прыгаданыя вышэй былыя французскія межы прывялі да таго, што гэты народ стаў засяляць тэрыторыю пяці афрыканскіх краін: Малі, Буркіна-Фасо (раней Верхняя Вольта), Нігера, Алжыра і Лівіі. Пры гэтым з-за адсутнасці належнага кантролю над межамі і адкрытага ігнаравання штучнага падзелу туарэгі рэгулярна качавалі паміж дзяржавамі.

Разам з тым вольналюбівыя туарэгі не пакідалі думак пра ўласную незалежную дзяржаву ў Сахары, якую яны называлі "Азавад", што пагражала стабільнасці ў Заходне-Афрыканскім рэгіёне. Таму толькі на тэрыторыі Малі да 2012 года адбыліся тры маштабныя туарэгскія паўстанні. Першае з іх у 1960-х гадах падавілі з дапамогай французскіх войскаў. Паўстанні 1990–1995 і 2007–2009 гадоў былі крывавымі, і супакоіць качэўнікаў атрымалася ў першым выпадку дзякуючы вынікам малійскай рэвалюцыі 1991 года і звяржэнню дыктатара Мусы Траорэ, які аказаўся няздольным падавіць выступленне ваенным шляхам, у другім выпадку – праз дапамогу лівійскага лідара Муамара Кадафі.

Апошні актыўна выкарыстоўваў туарэгаў у сваіх мэтах. У прыватнасці, ён даў прыстанішча на тэрыторыі Лівіі качэўнікам, якія пакідалі Малі падчас маштабных засух, што суправаджаліся голадам, і ўзгаданых вышэй паўстанняў. Каля 2 тысяч туарэгаў служылі ў элітным Панафрыканскім легіёне і стваралі найбольш баяздольныя сілы арміі Лівіі. Акрамя таго, М. Кадафі вылучыў ідэю стварэння федэрацыі "Вялікая Сахара", якая прадугледжвала шырокую аўтаномію для туарэгаў. Падчас пастаянных канфліктаў з удзелам ваяўнічых туарэгаў Кадафі рэгулярна выступаў пасрэднікам на перамовах. Падтрымліваючы на тэрыторыях афрыканскіх дзяржаў ачагі ўнутранай напружанасці з дапамогай туарэгаў, палкоўнік істотна павялічваў свой палітычны ўплыў у гэтых краінах. У выніку туарэгскае пытанне стала добрым рычагом уздзеяння на ўрады Малі, Нігера і Буркіна-Фасо [1].

Акрамя таго, сітуацыя ў Малі ўскладнялася тым, што супрацьстаянне розных народаў дзяржавы было абумоўлена гістарычна і захоўвалася ў памяці разнастайных этнічных груп. Так, аселыя земляробы і рыбакі (плямёны, якія размаўляюць на мовах манда і сангай), што складаюць вялікую частку жыхароў Малі, жывуць на шчыльна заселеным паўднёвым усходзе краіны. Носьбіты мовы фульбэ займаюцца развядзеннем буйной рагатай жывёлы на паўднёва-заходніх яе ўскраінах. У той жа час на вялікіх прасторах поўначы Малі (па правы бок ад ракі Нігер) пражываюць пераважна жывёлаводы-качэўнікі, у тым ліку і туарэгі. Складаная кампазіцыя моў, культур і традыцый сама па сабе тоіць небяспеку ўзнікнення канфліктаў. Сітуацыя ўскладняецца тым, што гістарычная памяць малійцаў захоўвае вобразы ворагаў. На працягу ўсёй гісторыі краіны земляробы пакутавалі ад набегаў качэўнікаў, якія актыўна ўдзельнічалі ў гандлі рабамі. Туарэгі і дагэтуль рабуюць караваны на транссахарскіх шляхах, займаюцца захопам людзей, гандлююць зброяй і наркотыкамі [2].

Падзеі 2011 года ў Лівіі карэнным чынам змянілі сітуацыю на поўначы Малі. Пасля гібелі Муамара Кадафі туарэгі як найбольш адданыя яго прыхільнікі сталі па сутнасці персонамі non grata і з восені 2011 года ў мэтах асабістай бяспекі былі вымушаныя пакінуць гэтую краіну. Былы консул Лівіі ў Малі туарэг Муса Куні спрабаваў дамовіцца з новымі лівійскімі ўладамі аб уключэнні туарэгаў у сілавыя структуры посткадафісцкай Лівіі, але беспаспяхова [1]. Зыход туарэгаў змяніў сітуацыю ў Малі, бо колькасць гэтага ваяўнічага народа ў дзяржаве адразу павялічылася ў некалькі разоў. Больш за тое, калі туарэгі атрымалі ў Лівіі баявы вопыт, а таксама і сучасную зброю (у тым ліку захопленую ў апазіцыйных груповак), яны сталі сілай, якая магла эфектыўна супрацьстаяць нематываванай малійскай арміі. Апошняя была ўкамплектавана старой савецкай зброяй і налічвала не больш за 5000 салдат. Нават сёння пасля дапамогі звонку ўзброеныя сілы Малі налічваюць каля 8000–8200 чалавек [3], што надзвычай мала для дзяржавы, плошча якой пераўзыходзіць плошчу Францыі ў два разы.

У выніку напрыканцы 2011 года праз аб'яднанне некалькіх сепаратысцкіх арганізацый быў створаны Нацыянальны рух за вызваленне Азавада (Mouvement National de Libération de l'Azawad – MNLA). А ў студзені 2012 года на поўначы Малі распачаліся баявыя дзеянні туарэгаў супраць рэгулярных войскаў. Апошнія былі дэмаралізаваныя і няздольныя аказаць істотнае супраціўленне. Больш за тое, сярод ваенных пачаліся хваляванні, якія прывялі да ваеннага перавароту і звяржэння Прэзідэнта Малі Амаду Тумані Турэ (Amadou Toumani Tour). Увесь парадокс гэтага перавароту ў тым, што да заканчэння прэзідэнцкага тэрміну заставалася толькі некалькі месяцаў, а сам кіраўнік дзяржавы не збіраўся ўдзельнічаць у новых выбарах. Таму многія аналітыкі палічылі, што пераварот быў арганізаваны звонку, тым больш лідар хунты капітан Амаду Санаго (Amadou Sanogo) праходзіў ваенную падрыхтоўку ў ЗША [2]. Сапраўды, гэта магло карэнным чынам змяніць расклад сіл напярэдадні новых выбараў. Але варта ўлічваць і тое, што гэта мог быць пратэст супраць палітыкі, якая праводзілася на поўначы Малі, і адначасова просты спосаб адмовіцца ад вайны з туарэгамі (агалоўнае, захаваць жыццё) для дэмаралізаваных салдат. Загадкавым выглядае гэты пераварот і па той прычыне, што яго арганізатары пад пагрозай увядзення санкцый праз два тыдні добраахвотна і без асаблівых умоў адмовіліся ад улады. Тым самым Малі вярнулася да дэмакратыі, хаця ўся поўнач краіны была непадкантрольная ўраду.

6 красавіка 2012 г. MNLA абвясціў стварэнне Незалежнай дзяржавы Азавад (Azawad), якая аб'яднала тры паўночныя рэгіёны: Гао, Цімбукту і Кідаль. Гэта 825,000 км^2 (2/3 тэрыторыі Малі і 10% насельніцтва краіны). 7 чэрвеня 2012 г. быў створаны Часовы ўрад Азавада. Паралельна стала відавочным, што сярод

туарэгаў адсутнічае адзінства. Па-першае, яго не было ніколі, бо племя было падзелена на кланы і групоўкі, якія рэгулярна супрацьстаялі паміж сабою. Па-другое, сярод туарэгаў у барацьбе з малійскім урадам вылучаліся дзве вялікія групы: свецкая MNLA, якая выступала з сепаратысцкімі мэтамі, і разнастайныя салафіцкія групы, якія марылі пра ўстанаўленне дзяржавы, пабудаванай на прынцыпах шарыяту і не выключалі экспарту паўстання за межы ўзятых пад кантроль правінцый. І хаця напачатку 2012 года гэтыя сілы дзейнічалі сумесна, у канцы вясны ў іх асяроддзі намеціўся сур'ёзны разлад. Ён быў выкліканы нежаданнем большасці туарэгаў жыць па законах шарыяту. Тым больш традыцыі саміх туарэгаў (асабліва матрыярхат) ніяк не ўпісваліся ў каноны салафізму. Акрамя таго, прыхільнікі MNLA вельмі адмоўна сустрэлі аб'яднанне джыхадзістаў, яно намецілася 26 мая 2012 г. праз заключэнне дагавора паміж самымі ўплывовымі фундаменталісцкімі групоўкамі ў рэгіёне "Ансар ад-Дзін" (Ansar Dine ці Ansar ad-Din) і "Аль-Кайдай ісламскага Магрыбу" (Al-Qaïda au Maghreb islamique), якія стварылі так званую Пераходную раду Ісламскай дзяржавы Азавад [4].

Усё гэта прывяло да адкрытага супрацьстаяння. 26 чэрвеня 2012 г. ісламісты з групоўкі "Рух за адзінства і джыхад у Заходняй Афрыцы" (Mouvement pour l'unicit et le jihad en Afrique de l'Ouest) узялі пад кантроль Гао, які раней утрымлівалі туарэгі Азавада. 27 чэрвеня салафіты выбілі туарэгаў з Цімбукту і Кідаля, а да сярэдзіны ліпеня занялі апошні бастыён MNLA – Ансага, размешчаны за 100 км на паўднёвы ўсход ад Гао. 15 ліпеня 2012 г., пасля таго як Азавад апынуўся пад кантролем ісламістаў, яго ўлады паведамілі, што адмаўляюцца ад ідэі незалежнасці на карысць аўтаноміі. Салафіты ж абвясцілі пра стварэнне Ісламскай дзяржавы Азавад [5].

У канцы верасня 2012 года ўрад Малі распаўсюдзіў зварот з заклікам накіраваць на поўнач дзяржавы міжнародны ваенны кантынгент для барацьбы з салафіцкімі групоўкамі. Эканамічная супольнасць Заходняй Афрыкі пачала падрыхтоўку да ваеннай аперацыі ў Малі і заявіла пра гатоўнасць накіраваць у рэгіён 3300 ваеннаслужачых з краін Афрыканскага саюза. Афіцыйны Парыж пагадзіўся ажыццяўляць інструктаж ваенных і агульнае кіраўніцтва. Але гэтых сіл ва ўмовах поўнай дэмаралізацыі было б недастаткова [5].

Сітуацыя пачала рэзка змяняцца ў пачатку 2013 года. Кіруемыя ідэяй распаўсюджання Ісламскай дзяржавы Азавад за кошт паўднёвай часткі Малі баевікі радыкальных салафіцкіх груповак пачалі наступ. 10 студзеня 2013 г. яны захапілі населены пункт Кона. У сваю чаргу, 11 студзеня французскія сілы з авіяналёту на пазіцыі салафітаў распачалі ваенную аперацыю "Сервал" (назва пустыннага драпежнага ката) на поўначы Малі. На наступны дзень у аперацыі ўжо былі задзейнічаны сухапутныя войскі. Дзеянні Францыі выклікалі рэзкую рэакцыю джыхадзісцкіх груповак. У прыватнасці, прэс-сакратар Аль-Кайды ісламскага Магрыбу назваў французаў інтэрвентамі і крыжаносцамі, а таксама параіў "капаць магілы для сваіх сыноў" [6].

Супрацьстаяць французам маглі даволі сур'ёзныя сілы джыхадзістаў. Па ацэнках даследчыкаў, групоўка "Ансар ад-Дзін" налічвала ад 5000 да 10000 баевікоў, "Аль-Кайда ісламскага Магрыбу" – каля 1000, "Рух за адзінства і джыхад у Заходняй Афрыцы" – 500. Прычым самае баявое ядро салафітаў дасягала 3000 байцоў [7]. Таму французская армія не магла разлічваць на тое, што баявыя дзеянні на вялікіх абшарах супраць такіх сіл праціўніка будуць хуткімі і эфектыўнымі.

Але ўжо да канца зімы 2013 года французы выбілі джыхадзістаў з буйных населеных пунктаў, тым не менш ліквідаваць усе іх базы ў пустынных раёнах Сахары і Сахеля не атрымалася. Летам кіраўніцтва Францыі заявіла пра завяршэнне аперацыі "Сервал" і пачатак новай аперацыі "Бархан", у якой планаваўся таксама ўдзел войскаў Буркіна-Фасо, Малі, Маўрытаніі, Нігера і Чада. Адначасова на тэрыторыі Малі былі разгорнуты сілы ААН – Шматпрофільная комплексная місія Арганізацыі Аб'яднаных Нацый па стабілізацыі ў Малі (МІНУСМА). Але ўсе дзеянні замежных дзяржаў не дазволілі цалкам ліквідаваць асноўныя групоўкі джыхадзістаў, якія працягваюць дзейнічаць на тэрыторыі Малі і сумежных дзяржаў і зараз.

Французская ваенная аперацыя "Сервал" прывяла да значных страт сярод джыхадзістаў. Гэта прымусіла "Аль-Кайду ісламскага Магрыбу" аб'яднаць свае сілы з "Ансар ад-Дзін". Па стане на 2014 г. экспертамі іх колькасць ацэньвалася менш за 700 чалавек для мясцовай "Аль-Кайды" і каля 800 для прыхільнікаў "Ансар ад-Дзіна" [8].

Як узгадвалася вышэй, сілы салафітаў у Малі былі прадстаўлены некалькімі арганізацыямі. Іх аб'ядноўвалі ідэі вяртання да "чыстага ісламу" і пабудовы ісламскай дзяржаўнасці, з апорай на законы шарыяту. Пры гэтым кантроль над многімі рэгіёнамі Малі ў свой час яны ўзялі дзякуючы ваеннаму патэнцыялу, а таксама выкарыстанню

ўнутраных племянных асаблівасцей і супярэчнасцей. Але сярод салафітаў Малі поўнай еднасці таксама няма. Адзінае, што іх аб'ядноўвае ў апошні час, – гэта цесная сувязь з крыміналам і супрацьстаянне "Ісламскай дзяржаве", апошняе выклікана барацьбой за лідарства сярод ісламістаў на сусветным узроўні, а малійскія групоўкі (дакладней іх лідары) у гэтым супрацьстаянні пакуль займаюць бок "Аль-Кайды".

Самай уплывовай арганізацыяй ісламістаў Малі з'яўляецца "Ансар ад-Дзін" (з арабскага – "абаронцы веры"), яна заснаваная ў канцы 2011 г. былым актыўным удзельнікам туарэгскага паўстання 1990–1995 гг. Іядам Аг Галі (Iyad Ag Ghali, па мянушцы "Ліс пустыні"). Гэты сын пастуха на момант стварэння арганізацыі быў вядомым туарэгскім палітычным дзеячам. У той час ён служыў у Ісламскім легіёне Кадафі. У 1990-х гадах Аг Галі дасягнуў прымірэння туарэгаў з кіраўніцтвам Малі, за гэта атрымаў пасаду ва ўрадзе дзяржавы, а затым быў прызначаны ганаровым консулам Малі ў Саўдаўскай Аравіі. Менавіта ў гэты час Аг Галі пачынае актыўнае супрацоўніцтва з рознымі салафіцкімі групоўкамі. Карыстаючыся сваім аўтарытэтам, ён неаднойчы кантактаваў з прыхільнікамі крайняга ісламу ў Малі і выступаў у якасці пасрэдніка пры вызваленні захопленых еўрапейцаў. Разлічваў Аг Галі і на вядучую ролю ў кіраўніцтве Азавада, але лідары MNLA з-за радыкальных рэлігійных поглядаў апошняга не прапанавалі пасады, на якую мог разлічваць палітык такога маштабу, што і прымусіла яго стварыць уласную арганізацыю [9]. Галоўным адрозненнем "Ансар ад-Дзін" з'яўляецца тое, што ў яе складзе пераважаюць адны туарэгі, якія прынялі радыкальны ислам.

Пры гэтым не трэба блытаць гэтую тэрарыстычную групоўку з аднайменнай малійскай арганізацыяй "Ansar ed-Dine", заснаванай яшчэ ў 1992 годзе ў Бамака. Лідарам гэтай легальнай ісламскай групы з'яўляецца Шэрыф Усман Хайдара (Chérif Ousmane Haïdara), віцэ-прэзідэнт Вярхоўнай ісламскай рады Малі. Па стане на 2013 г. названая арганізацыя налічвала 800 тысяч чалавек і мела свае філіялы ў многіх дзяржавах Афрыкі і нават Францыі. Сам Шэрыф Усман Хайдара наступным чынам ацэньваў з'яўленне аднайменнай тэрарыстычнай групоўкі: "Яны ўзялі нашу назву, каб скарыстацца нашай папулярнасцю і стварыць блытаніну, таму што яны ведаюць што мы суфіі, жорстка выступаем супраць вахабізму, як і ўсіх формаў фундаменталізму" [10].

Другая ўплывовая салафіцкая групоўка на поўначы Малі – "Аль-Кайда ісламскага Магрыбу", якая з'яўляецца інтэрнацыянальнай тэрарыстычнай арганізацыяй (на фоне туарэгскага "Ансар ад-Дзіна"), і сама назва яе падкрэслівае сувязь з "Аль-Кайдай". Арганізацыя ўзнікла 25 студзеня 2007 г. на аснове алжырскай па паходжанні "Салафіцкай групы пропаведзі і змагання" (Groupe Salafiste pour la Prédication et le Combat), заснаванай у 1996 г. Хасанам Хатабам (Hassan Hattab). Гэтая фундаменталісцкая ўзброеная групоўка размешчана ў Алжыры, але здзяйсняе акцыі ў сумежных краінах, уключаючы Малі. На думку спецыялістаў, у апошнія гады яна ператварылася ў найбольш эфектыўнае і багатае падраздзяленне "Аль-Кайды", абыйшоўшы яе арабскія і афганска-пакістанскія структуры [6].

У 2011 г. ад "Аль-Кайда ісламскага Магрыбу" адкалоўся "Рух за адзінства і джыхад у Заходняй Афрыцы", які складаецца ў асноўным з арабаў, што пражываюць у раёне Цімбукту, і алжырцаў [7]. Менавіта гэтая групоўка падчас спробы абвяшчэння Ісламскай рэспублікі Азавад кантралявала такі буйны горад, як Гао. Адной жа з самых вядомых іх вылазак стаў захоп адразу сямі алжырскіх дыпламатаў.

Другім асколкам ад "Аль-Кайды ісламскага Магрыбу" стала групоўка "Падпісаныя крывёю" (Les Signataires par le sang), апошняя набыла самастойнасць са снежня 2012 г. Узначаліў гэтую групу харызматычны ўдзельнік вайны ў Афганістане Мохтар Бельмохтар (Mokhtar Belmokhtar, ён жа "Аднавокі" і "Містэр Мальбара"), пра смерць якога заходнія спецслужбы паведамлялі ў апошнія гады некалькі разоў. Але гэтая інфармацыя не пацвярджалася іншымі крыніцамі. Месцам базіравання "Падпісаных крывёю" таксама стаў горад Гао [11].

Апошняе абумовіла іх цеснае супрацоўніцтва з "Рухам за адзінства і джыхад у Заходняй Афрыцы". Вынікам гэтага супрацоўніцтва стала аб'яднанне двух груповак пры падтрымцы кіраўніка "Аль-Кайды" Аймана Аль-Завахіры. Гэта афіцыйна адбылося 22 жніўня 2013 г. А новая тэрарыстычная групоўка атрымала назву "Аль-Марабітун" (Al Mourabitoune), тым самым яна была названа ў гонар мусульманскай паўночнаафрыканскай дынастыі Альмаравідаў, якая існавала ў XI–XII стст. [12].

Менавіта гэта арганізацыя і стаяла за тэрарыстычным актам у Бамака, які адбыўся ў лістападзе 2015 года. Чарговая вылазка

“Аль-Марабітун” паказала, што сітуацыя ў Малі застаецца нестабільнай нават пасля нядаўняга падпісання мірнай дамовы паміж урадам і вядучымі палітычнымі сіламі Азавада. Салафіты ў мірным працэсе не ўдзельнічалі, таму яны гатовы працягваць барацьбу супраць афіцыйнага Бамака, замежнага вайсковага кантынгенту і ўмераных палітычных сіл поўначы Малі. Вялікія і не падкантрольныя поўнасцю прасторы Сахары і Сахеля ствараюць для гэтага спрыяльныя ўмовы. А гандаль наркотыкамі, зброяй, атрыманне выкупаў за закладнікаў дае надзейны эканамічны падмурак для прыцягнення новых баевікоў і працягу барацьбы.

Заключэнне. Такім чынам, туарэгскае пытанне, якое існавала ў Малі з самага ўзнікнення дзяржавы, асабліва абвастрылася пасля звяржэння ў Лівіі рэжыму М. Кадафі. Гэта прывяло да ўцёкаў значнай колькасці ваяўнічых туарэгаў з Лівіі ў Малі, дзе яны дэстабілізавалі і без таго складаную сітуацыю. Вынікам узброеных сутыкненняў з урадавымі войскамі стала абвяшчэнне Незалежнай дзяржавы Азавад. Складанай сітуацыяй скарысталіся прыхільнікі радыкальнага ісламу, якія ўтварылі Ісламскую дзяржаву Азавад і выступілі з ідэяй пашырэння халіфата на ўсю тэрыторыю Малі. Салафіцкі дзяржаўны праект ва ўмовах французскай ваеннай дапамогі ўраду Малі аказаўся нежыццяздольным. На жаль, поўнасцю ліквідаваць джыхадзісцкія групоўкі ў раёне Сахары і Сахеля не атрымалася. І складана ўявіць, якім чынам на такой вялікай плошчы гэта можна зрабіць. Таму “Ансар ад-Дзін”, “Аль-Кайда ісламскага Магрыбу” і “Аль-Марабітун” працягваюць уяўляць вялікую небяспеку ў рэгіёне як для ўрада і мясцовага насельніцтва, так і для замежных грамадзян, якія не вельмі імкнуцца ў такіх умовах наведваць дзяржаву.

Літаратура

1. Игнатченко, И.В. Туареги перекраивают карту Африки / И.В. Игнатченко // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/gpolit/2012-05-25/1_tuaregi.html. – Дата доступа: 22.11.2015.
2. Филипов, В. Путч в Мали: причины и последствия / В. Филипов // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=453#top-content. – Дата доступа: 23.11.2015.
3. Roger, B. Deux ans après l’opération Serval, où en est l’armée malienne? // Jeune Afrique [Ressource électronique]. – Mode d’accès: www.jeuneafrique.com/34583/ politique/deux-ans-apr-s-l-op-ration-serval-o-en-est-l-arm-e-malienne/. – La date de l’accès: 21.11.2015.
4. Mali: le MNLA dénonce l’accord de fusion avec les islamistes d’Ansar Dine // l’Expression [Ressource électronique]. – Mode d’accès: http://www.lexpressiondz.com/ linformation_en_continue/154586-mali-le-mnla-denonce-l-039-accord-de-fusion-avec-les-islamistes-d-039-ansar-dine.html. – La date de l’accès: 26.11.2015.
5. Непризнанные государства – Исламское государство Азавад // Геополитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geopolitics.ru/2014/01/ nepriznannye-gosudarstva-islamskoe-gosudarstvo-azavad/. – Дата доступа: 23.11.2015.
6. French troops continue operation against Mali Islamists // BBC News [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.bbc.com/news/world-africa-20997522. – Date of access: 27.11.2015.
7. Mali. Qui sont les islamistes à qui la France a déclaré la guerre ? // France Télévisions [Ressource électronique]. – Mode d’accès: http://www.francetvinfo.fr/monde/mali/mali-qui-sont-les-islamistes-a-qui-la-france-a-declare-la-guerre_203247.html. – La date de l’accès: 29.11.2015.
8. Matarese, M. Le chef des Touaregs islamistes est de retour / M. Matarese // Le Figaro [Ressource électronique]. – Mode d’accès: http://www.lefigaro.fr/international/2014/08/07/01003-20140807ARTFIG00252-le-chef-des-touaregs-islamistes-est-de-retour.php. – La date de l’accès: 27.11.2015.
9. Mali: Iyad ag Ghali, le rebelle touareg devenu djihadiste // l’Expression [Ressource électronique]. – Mode d’accès: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/afrique/mali-iyad-ag-ghali-le-rebelle-touareg-devenu-djihadiste_1103497.html. – La date de l’accès: 29.11.2015.
10. Malagardis, M. A Bamako, l’autre Ansar ed-Dine fulmine / M. Malagardis // Libération [Ressource électronique]. – Mode d’accès: http://www.liberation.fr/planete/2013/01/25/a-bamako-l-autre-ansar-ed-dine-fulmine_876894. – La date de l’accès: 27.11.2015.
11. Le jihadiste Mokhtar Belmokhtar rompt avec Aqmi // Libération [Ressource électronique]. – Mode d’accès: http://www.liberation.fr/planete/2012/12/09/un-nouveau-groupe-islamiste-au-nord-mali_866308. – La date de l’accès: 28.11.2015.
12. Roger, B. Terrorisme: le groupe de Mokhtar Belmokhtar et le Mujao annoncent leur fusion / B. Roger // Jeune Afrique [Ressource électronique]. – Mode d’accès: http://www.jeuneafrique.com/168972/politique/terrorisme-le-groupe-de-mokhtar-belmokhtar-et-le-mujao-annoncent-leur-fusion/. – La date de l’accès: 28.11.2015.

Паступіў у рэдакцыю 17.12.2015 г.

УДК 94(477)«17/18»:33

Французские промышленники и мастера на Юге Украины в конце XVIII – первой половине XIX ст.

Сидорович Е.С.

Херсонский государственный университет, Херсон (Украина)

В конце XVIII – первой половине XIX ст. начинают свою деятельность французские переселенцы, которые были привлечены к развитию промышленного сектора Юга Украины. Это способствовало развитию такой отрасли хозяйства, как, например, овцеводство.

Цель работы – влияние французских специалистов на становление некоторых отраслей промышленности Юга Украины в конце XVIII – первой половине XIX ст.

Материал и методы. *Анализируются архивные документы государственных архивов Украины, которые представлены в фонде 1 Государственного архива Одесской области, документы Государственного архива Херсонской области, где содержится информация о землевладении отдельных французских аристократов. В исследовании используются методы сравнительного анализа и описательный.*

Результаты и их обсуждение. *Рассматривается влияние французских специалистов на становление и развитие промышленности Юга Украины. Особенно акцентируется внимание на деятельности Вильгельмина Рувье и Рене Вассала, которая была у истоков создания «промышленного» овцеводства в регионе. Выделяются условно три периода (конец XVIII ст., начало XIX ст. и первая половина XIX ст.), которые анализируются отдельно. Выделена география расселения представителей французской нации на территории Таврической и Херсонской губерний.*

Заключение. *Французские промышленники, мастера, ремесленники и другие специалисты способствовали развитию экономики Северного Причерноморья. Эти иностранцы заложили основы для дальнейшего развития региона в XIX столетии. Их вклад в исследуемый период выражался, прежде всего, в том, что ими были построены и запущены в работу предприятия, в частности овчарни и заводы по переработке шерсти; внедрены новые технология и методы, а также собственные изобретения в промышленный сектор региона, что содействовало развитию целых отраслей хозяйства; было осуществлено благоустройство городов и государственных учреждений, что способствовало созданию определенной инфраструктуры региона.*

Ключевые слова: *французы, ремесленники, промышленники, правительство, овцеводство, предприятие, губерния, отрасль.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 11–14)

French Manufacturers and Artisans in the South of Ukraine in Late XVIIIth – Early XIXth Century

Sydorovych E.S.

Kherson State University, Kherson (Ukraine)

At the end of the XVIII – first half of the XIX century French settlers, who were attracted to the development of the industrial sector of the South of Ukraine, began their activity. This has contributed to the development of such sectors of the economy as sheep breeding.

The purpose of the article is analysis of the French influence on the development of certain industries of the South of Ukraine at the end of the XVIII – first half of the XIX century.

Material and methods. *Historical documents of the State Archives of Ukraine, which are represented in Fund 1 of the State Archive of Odessa Region, documents of the State Archive of Kherson Region, which provide information on land ownership of some French aristocrats, are analyzed. In the study the method of comparative analysis and the method of description are used.*

Finding and their discussion. *The influence of French experts on the establishment and development of industry in the south of Ukraine is studied. Attention is focused on the activities of Wilhelmina Rouvier and Rene Vassal, who were the founders of the «industrial» sheep breeding in the Region. Provisionally three periods are singled out (the end of the XVIII century, the beginning of the XIX century and the first half of the XIX centuries), which are analyzed separately. Geography of settlement of representatives of the French nation on the territory of Taurian and Kherson provinces is identified.*

Conclusion. *French industrialists, craftsmen, artisans and other professionals contributed to the economic development of the Northern Black Sea. These foreigners laid the foundation for further development of the Region in the XIX century. Their contribution to the monitored period was expressed primarily in the fact, that they: 1) constructed and put into operation companies, in particular the sheepfold and wool processing plants; 2) introduced new technologies and methods, as well as their own invention in the industrial sector of the Region, which contributed to the development of entire sectors of the economy; 3) carried out the modernization of cities and public institutions, which contributed to the creation of a specific infrastructure in the Region.*

Key words: *Frenchmen, artisan, industrialists, government, sheep breeding, enterprise, province, branch.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 11–14)

Адрес для корреспонденции: e-mail: eg.sidorovitch@yandex.ua – **Е.С. Сидорович**

Присоединение новых земель после русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. привело к увеличению территорий европейской части Российской империи. Этот факт, в свою очередь, обусловил начало освоения новоприсоединенных земель не только русскими и украинскими, но и западноевропейскими переселенцами, что стало одним из способов решения конкретных экономических проблем Юга Украины. Определенное место в этом миграционном процессе занимали французы. Они приобщались к развитию специализированных отраслей хозяйства региона. И одним из направлений их деятельности было развитие промышленного сектора юго-западной части Российской империи.

Цель работы – влияние французских специалистов на становление некоторых отраслей промышленности Юга Украины в конце XVIII – первой половине XIX ст.

Материал и методы. В исследовании анализируются документы государственных архивов Одесской и Херсонской областей, которые демонстрируют влияние французов на становление и развитие промышленного потенциала Юга Украины. Рассматриваются архивные документы, которые представлены в фонде 1 Государственного архива Одесской области («Ведомости о пассажирах в 1846 году», «Ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции в 1842 году», «Жалоба коммерции советника В. Рувье», «О дозволении иностранным подданным въезде в 1850 году» и т.д.). Отдельно рассматриваются документы Государственного архива Херсонской области (фонд 302), где содержится информация о землевладении отдельных французских аристократов («План острова Тендра (1819 год)»).

В данной работе используется метод сравнительного анализа, который дает возможность сопоставить три «условных» периода (конец XVIII ст., начало XIX ст. и первая половина XIX ст.) и проследить за влиянием французов на развитие промышленности, строительного дела и ремесла на каждом из выделенных этапов. Описательный метод позволяет создать общую картину присутствия французских специалистов на территории Таврической и Херсонской губерний.

Результаты и их обсуждение. Начиная ***с конца XVIII ст.*** российское правительство способствовало переселению французских промышленников, мастеров и ремесленников. Этот факт подтверждает законодательная база, в соответствии с которой иностранцы получали права и льготы для развития своих предприятий, предоставлялись привилегии для тех французов, которые участвовали в развитии промышленного сектора.

Строительство городов на Юге Украины являлось одним из направлений деятельности французов в этот период. Так, например, специально для строительства крепости Херсон были выписаны каменотесы Вектень и Лалмемань [1]. 13 ноября 1785 года их пригласил российский посол в Париже И. Симолин. Мастера получили 400 ливров на приобретение инструментов и 600 ливров на дорогу. В списке строителей Херсона также значился французский архитектор Клод Буржуа [2]. Некоторых из этих иностранных специалистов также задействовали в строительстве городских и портовых сооружений Одессы. В 1796 году был подписан договор между местной властью и херсонским помещиком, французом И. Дофине, который обязался закончить строительство церкви Святой Екатерины к августу 1797 года. Ему выделили на это мероприятие 18850 рублей [3].

В начале XIX ст. продолжился процесс привлечения французских промышленников, мастеров и ремесленников к экономическому освоению региона. Определенное место в экономике региона занимало развитие овцеводческих предприятий, которые специализировались на изготовлении чистой шерсти. Именно французы одними из первых принимали участие в становлении этой отрасли на юго-западе Российской империи. В данный период известным предпринимателем французского происхождения был коммерции советник Вильгельмин Рувье. В 1805 году этот дворянин заключил договор с российским правительством, согласно которому он получал ссуду на 100 тыс. рублей ассигнациями и 30 тыс. десятин земли для своего предприятия. В. Рувье должен был завести мериносов в Крым, которых потом выписали из Испании, и увеличить их количество до 100 тыс. голов [4]. На развитие своих предприятий коммерции советник получил ряд земельных наделов на Юге Украины. Так, одними из владений коммерции советника были земли острова Джаралгач. В одном из архивных документов Государственного архива Одесской области отмечается: «*...Казённая экспедиция представила министерству финансов описание и... из коих видно, что коммерции советнику Рувье... По высочайшему повелению 26 июля 1806 года отвода 25 тысяч десятин в Косе Джаралгач и в участках № 94 и 95, отведено в той косе известной под № 62, да из участков № 79, 80, 94, 95, 96 и 106, всего удобной 31558, не удобной 3220 десятин, а вместе 10 тыс. по докладу в 1807 году определенных дано ему Рувье в участках № 96, 106, 107 и 108, всего удобной 11274 и неудобной 1618 десятин...*» [5, л. 18–19]. В этот же время аристократ был владельцем земли на острове Тендра Таврической губернии в размере 2134 деся-

тин, что известно из рапорта губернского землемера от 20 сентября 1819 года [6, л. 1]. После его смерти остров перешел во владение вдовы Клары Рувье (Одинет). К тому времени общая площадь земельных наделов составляла 6 тыс. десятин [7, л. 2, 5, 11].

В 1808 году предприятия В. Рувье обследовал присланный из Петербурга чиновник А. Жеребцов, который так охарактеризовал завод эмигранта: «*Заведение овцеводства господина коммерции советника Рувье, в урочище Текие в двадцати верстах от Симферополя и за Перекопом в урочище Джаралгач состоящее, весьма малозначаще до сих пор. При осмотре моем нашёл я в первом баранов гишпанских 6, овец той же породы – 200; ягнят, от них родившихся, одногодков – 400, двухгодовалых – 15. Овец вологских 2007, от них родословной в нынешнем году 600*». В отношении ухода за овцами дело обстояло почти так же плохо, как и в крестьянских хозяйствах, что следовало, очевидно, объяснить недостатком рабочей силы у В. Рувье. «*А из хозяйственных для сего строений, – продолжал Жеребцов, – ничего, кроме одного старого сарая, нет. В последнем же 52 барана, которые от гишпанских в Крыму произошли, от них ягнят 366. Вологских 7028, от коих молодых 3632; настоящих же мериносов породы не отыскал я ни одного. Все овцы пасутся в степях без малейшего разбора, и ни для сбережения оных в зимнее время, ни для отделения больных от здоровых, ни одной породы от другой никакого заведения не сделано*» [8, с. 244].

В дальнейшем деятельность «заведения» коммерции советника несколько улучшилась. Согласно отчету губернатора уже в 1811 году он имел 18895 овец, в том числе: испанских (трех поколений) – 8254, цыгайских (первое поколение) – 4833, волошских – 5801. Кроме того, у предпринимателя было 1509 коз и небольшое количество волов и лошадей, которые использовались в качестве тягловой силы. К концу 1812 году В. Рувье не хватало 1,5 тыс. овец до нормы, которую ему полагалось иметь в данном году (25 тыс.). Причиной тому были и бедствия, разразившиеся над Южной Украиной в 1812–1813 годах. Вместо 30 тыс. овец у него осталось к концу 1813 года только 19206 овец, да и те, по словам губернатора, находились «*в болезнях, без хорошего присмотра и без надежного в нужное время убежища*» [8].

Таким образом, начало XIX ст. характеризуется увеличением количества французских специалистов, что подтверждают научная литература и документы государственных архивов Украины. Отдельно выделяется в этот период деятельность коммерции советника Вильгельмина Рувье, который стал одним из основателей овцеводства на территории Таврической губернии, что, в свою очередь, дало толчок развитию этого направления хозяйства в Северном Причерноморье.

Первая половина XIX ст. характеризуется продолжением вовлечения французских переселенцев в разные отрасли промышленности. В этот период херсонскому гражданскому губернатору, графу К. Сент-При принадлежала инициатива по развитию некоторых отраслей промышленности на Юге Украины. Названный дворянин пригласил специалиста Пьера Муллена из Франции, под руководством которого началось строительство цехов для мытья шерсти на берегу Днепра в городе Херсоне [9].

Современники отмечали, что французские заводы современной Южной Украины занимали передовые позиции в регионе. Так, в первой половине XIX века министр внутренних дел, граф В. Кочубей получил от генерал-губернатора, графа А. Ланжерона отчет о развитии овцеводства в регионе. В нем были перечислены, в основном, предприятия французов: овчарни В. Рувье, Рено, графа К.Ф. Сент-При, Кобле и др. Исследователь подчеркивает, что один только коммерции советник владел 37 тыс. голов овец [10].

А. Скальковский отмечал относительно участия французского дворянина К. Потье в благоустройстве некоторых государственных учреждений: «*В тот же день Скасси пожалован в коллежские советники и назначен попечителем Креченской и Бугазской торговли. Инженер-полковнику Потье повелено (1822) занятся постройкою зданий, необходимых для помещения таможни и карантина*» [10, с. 308–310].

Среди известных французских промышленников следует назвать Рене Осиповича Вассала, который в 1823 году основал большую шерстомойку в Херсоне. Современники характеризовали такие типы предприятия: «*Она устроена на большом острове, образуемом рукавами Днепра, и состоит из многих обширных деревянных зданий. В верхнем этаже работают женщины, которые расщипывают шерсть, уже вымытую, и разбирают её по сортам; в нижнем устроено множество чуланов, из которых в каждом хранится особый сорт шерсти. Здесь же находится пресс. Этим прессом уминаются тюки с шерстью. Он состоит из простого винта, поворачиваемого посредством горизонтальных рычагов, а потому далеко не представляет тех выгод, какие можно иметь с помощью гидравлического пресса. При осмотре промывания нам представилось зрелище истинно живописное, носившее такой отпечаток местного характера, что нельзя оставить его без описания. Чаны же, в которых производится мытье шерсти,*

установлены на больших плотах; мытьём занимаются 200 девушек от 18 до 20 лет, находящиеся под присмотром нескольких пожилых женщин. Мы пришли на мануфактуру сразу после обеда, когда рабочим дается отдых. В жаркую погоду молодые работницы, по существующему здесь обычаю, употребляют время отдыха для купания; а потому на плотах не было почти никого. Зато вокруг плота, на реке, было рассеяно множество плавающих девушек...» [9, с. 181–182]. Упомянутый выше француз, имея титул камергера Российской империи, был также известен как овцевод в Ялте и на Перекопе.

В этот период увеличилась численность французских промышленников и ремесленников в южном регионе. Данный факт подтверждают документы Государственного архива Одесской области. Так, в 1842 году на Юг Украины приезжают башмачник Луи Кампе, подмастер Адольф Шапелан и мастер Людвиг Ленгле, которые искали работу в городах Северного Причерноморья. Уже в 1844 году в Одессу прибывает Адольф Герме, который в этом городе получает должность главного мастера завода. С ним прибывает также Карл Роберт – ружейный мастер [11, л. 171, 190]. В 1845 году французский портной Жан Бюфере приезжает в одесский порт для поиска работы [12, л. 1, 16]. А уже в 1846 году в Одессе появляются механик Франсуа Фушет [13, л. 172, 387], кузнец Иван Шове и фабрикант Луидоли Равель [14, л. 1]. В 1850 году приезжает Жан Даго, которого местная администрация устроила в немецкий цех [15, л. 107]. В этом же году настоящий переворот в обработке муки осуществил инженер французского происхождения Гом, создавший пятиэтажную мельницу. Этот «аппарат» функционировал благодаря работе специальных паровых машин, которые были привезены в Одессу из Парижа [9]. Следовательно, во второй четверти XIX ст. увеличилась численность французских специалистов в регионе.

Заключение. Таким образом, французские промышленники, мастера, ремесленники и другие специалисты способствовали развитию экономики Северного Причерноморья. Эти иностранцы заложили основы для дальнейшего развития региона в XIX столетии. Их вклад в исследуемый период выражался, прежде всего, в том, что ими были построены и запущены в работу предприятия, в частности овчарни и заводы по переработке шерсти; внедрены новые технология и методы, а также собственные изобретения в промышленный сектор региона, что содействовало развитию целых отраслей хозяйства; было осуществлено благоустройство городов и государственных учреждений, что способствовало созданию определенной инфраструктуры региона.

Литература

1. Орлова, З.С. Колекція документів з історії Херсонщини: Огляд фонду № 324 / З.С. Орлова; Державний архів Херсонської області. – Херсон, 2007. – 72 с.
2. Мурзакевич, Н. Материалы для истории губернскаго города Херсона. Ордера светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического Новороссийского генерал-губернатора / Н. Мурзакевич // Записки Одесского общества истории и древностей (далее ЗООИД). – 1879. – Т. 11. – С. 324–377.
3. Смольнянов, К. История Одессы / К. Смольнянов // ЗООИД. – 1853. – Т. 3. – С. 340–432.
4. Шмидт, А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Херсонская губерния / А. Шмидт. – СПб., 1863. – Ч. 2. – 989 с.
5. ГАОО. – Фонд 1. – Оп. 219. – Д. 1. – Л. 18–19.
6. Государственный архив Херсонской области. – Фонд 302. – Оп. 1. – Д. 758. – Л. 1.
7. ГАОО. – Фонд 1. – Оп. 219. – Д. 2. – Л. 2, 5, 11.
8. Дружинина, Е.И. Южная Украина в 1800–1825 гг. / Е.И. Дружинина. – М., 1970.
9. Машкін, О.М. Іноземці в соціально-економічному житті України кінця XVIII – першої половини XIX ст. / О.М. Машкін; НАН України. Інститут історії України. – К., 2008.
10. Скальковский, А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823 гг. / А. Скальковский. – Одесса, 1838. – Ч. 2: 1796–1823 гг. – 349 с.
11. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). – Фонд 1. – Оп. 154. – Д. 1. – Л. 171, 190.
12. ГАОО. – Фонд 1. – Оп. 166. – Д. 44. – Л. 1, 16.
13. ГАОО. – Фонд 1. – Оп. 167. – Д. 1. – Л. 172, 387.
14. ГАОО. – Фонд 1. – Оп. 167. – Д. 62. – Л. 1.
15. ГАОО. – Фонд 1. – Оп. 171. – Д. 2. – Л. 107.

Поступила в редакцию 14.12.2015 г.

УДК 94(477.7):32

Особенности профессиональной подготовки сотрудников системы прокурорского надзора УССР в 1920-е гг. (по материалам Юга Украины)

Сливенко В.А.

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Днепропетровск (Украина)

В марте 2015 г. в Украине принята новая стратегия развития системы прокурорского надзора. Одним из важнейших направлений стратегии является реформирование системы подготовки сотрудников прокуратуры, что актуально в контексте обновления правоохранительной системы в целом.

Цель исследования – изучение опыта подготовки сотрудников прокуратуры в УССР в 1920-е гг., который может быть использован при реформировании всей правоохранительной системы Украины.

***Материал и методы.** Статья подготовлена на основе материалов периодической печати и архивных материалов Днепропетровской, Одесской, Запорожской и Николаевской областей. Основной метод работы – диалектический. Поставленные задачи также были решены путем использования комплекса общенаучных методов: анализа, синтеза, обобщения и сравнительного.*

***Результаты и их обсуждение.** В 1920-е гг. в прокуратуре УССР ощущалась острая нехватка грамотных, профессионально подготовленных и в то же время идеологически надежных работников. Для решения кадровой проблемы в прокуратуре УССР были созданы краткосрочные курсы повышения профессионального уровня и система высшего юридического образования. Однако курс партии на увеличение в прокуратуре количества представителей рабочего класса и крестьянства привел к тому, что курсы и юридические отделения вузов не смогли в полной мере удовлетворить потребность в подготовке специалистов. Поэтому на местах при губернских отделах юстиции организовывались и развивались такие формы повышения профессионализма сотрудников, как юридические общества. В южных губерниях республики – крупных промышленных центрах – введение нэпа заставило сотрудников губернских прокуратур не только повышать свой профессиональный уровень, но и серьезно изучать особенности хозяйственной деятельности и экономики региона. Вследствие этого здесь значительно большее количество работников аппарата прокуратур закончило краткосрочные курсы или получило высшее юридическое образование в Харькове и Одессе.*

***Заключение.** В 1920-е гг. в прокуратуре УССР существовал большой дефицит идеологически надежных профессионалов. Создание курсов повышения профессионального уровня и системы высшего юридического образования, а также углубленное изучение экономики региона позволило в целом решить проблему.*

***Ключевые слова:** прокуратура, правоохранительная система, классовое правосознание, социалистическая законность, революционная целесообразность.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 15–19)

Aspects of Training in the System of Prosecutor Supervision in the Ukrainian SSR in the 1920s (Based on the South of Ukraine)

Slivenko V.A.

Dnipropetrovsk National Oles Honchar University, Dnipropetrovsk (Ukraine)

In March 2015 a new development strategy of the system of prosecutor supervision in Ukraine was adopted. The concept provides reforming the system of training of prosecutor staff, which is important in the context of updating the law enforcement system as a whole.

The purpose of the article is the study of the experience of training prosecutor staff in the Ukrainian SSR in the 1920s, which can be used to reform the entire judicial system of Ukraine.

***Material and methods.** This article was prepared on the basis of the periodical and archival materials from the Regions of Dnipropetrovsk, Odessa, Zaporozhye and Mykolayiv. On the basis of the methodology of historical research, the main method of the work is dialectical. Also scientific problems have been solved through the use of complex scientific methods: analysis, synthesis, generalization and comparative.*

***Findings and their discussion.** In the 1920s prosecution did not have professionally trained, and at the same time ideologically reliable workers. To solve the personnel problem in the Ukrainian SSR short term courses and professional development system of higher juridical education were set up. Communist officials demanded to increase the number of workers and peasants in prosecution*

Адрес для корреспонденции: e-mail: slivenko63@mail.ru – **В.А. Сливенко**

system. This led to the fact that the courses and the legal departments of universities were not able to satisfy the need for training prosecutors. Therefore the provincial departments of Justice organized juridical communities. It was the form of increasing prosecutor professionalism. In the southern provinces of the Republic – large industrial centers – the introduction of a new economic policy forced employees of provincial prosecution not only to improve their skills, but also seriously study the characteristics of economic activities and the regional economy. As a consequence, significantly greater number of employees of prosecution was trained at short term courses or received higher legal education in Kharkov and Odessa.

Conclusion. *During the 1920s in the prosecution of the Ukrainian SSR there was shortage of ideologically reliable professionals. Creating courses of professional development and the system of higher juridical education as well as profound study of the Regional economy generally made it possible to solve the problem.*

Key words: *prosecution, law enforcement system, sense of justice of class, socialist legality, revolutionary expediency.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 15–19)

После событий 1917 г. и прихода к власти большевиков декретом Совета Народных Комиссаров УССР (далее Совнарком) от 14 февраля 1919 г. «О суде» были ликвидированы институты судебного следствия, прокурорского надзора, адвокатуры и все судебные учреждения [1]. Однако новой власти также были необходимы законы и органы, обеспечивающие их соблюдение, поэтому практически сразу началось законодательное оформление нового порядка. При этом быстрее всего были восстановлены, хотя и с некоторыми изменениями, органы следствия и суды. На сложном этапе республика жила по «революционным законам», а важнейшим источником права было провозглашено «революционное правосознание». Такой подход вполне допускал нарушение существующих правовых норм, если их применение противоречило «классовой политике суда». Перелом наступил только с введением нэпа, когда подменять законность только «революционным правосознанием» становилось уже недопустимым. Поэтому на первом Всеукраинском съезде деятелей юстиции УССР (19–23 января 1922 г., Харьков) было принято решение об организации института прокуратуры и определены ее цели, задачи, направления и формы деятельности [2, с. 19]. Самой большой проблемой периода организации и становления прокуратуры в республике стала нехватка подготовленных кадров.

Цель статьи – изучение опыта подготовки сотрудников прокуратуры в УССР в 1920-е гг., который может быть использован для реформирования всей правоохранительной системы Украины.

Отдельные аспекты процесса организации прокуратуры в исследуемый период рассматривались в работах А.И. Викторова, В.В. Мурзы, И.Б. Усемко, Г.М. Шестопалова и др. Однако изучение особенностей подготовки сотрудников прокуратуры УССР в 1920-е гг. не входило в сферу научных интересов ученых.

Материал и методы. Статья подготовлена на основании материалов периодической печати и архивных материалов Днепропетровской, Одесской, Запорожской и Николаевской областей.

Задачей исследования явились: анализ проблем кадрового обеспечения прокуратуры в 1920-х гг.; выявление принципов кадровой политики власти; рассмотрение основных мер по повышению профессионального уровня работников прокуратуры; изучение процесса создания краткосрочных курсов и системы высшего юридического образования сотрудников, а также особенностей подготовки прокурорских работников в южных губерниях УССР.

Основной метод работы – диалектический. Поставленные научные задачи также были решены путем использования комплекса общенаучных методов: анализа, синтеза, обобщения и сравнительного.

Результаты и их обсуждение. С момента организации прокуратуры в УССР самой большой проблемой кадровой политики стало преобладание идеологического фактора над профессиональным. «Главное, – отмечалось в решениях Всеукраинского съезда работников юстиции, – будет ли прокуратура защищать интересы рабочих и крестьян?» [3, л. 211]. Таким образом, большевики попытались совместить в будущих кадрах прокуратуры невозможное. С одной стороны, они должны были являться ортодоксальными большевиками, проверенными и надежными, в том числе с идеологической точки зрения, с другой – иметь достаточно высокий уровень профессиональной подготовки. Такими качествами обладали только дореволюционные юристы, которые, по мнению большевиков, были ненадежными с идеологической точки зрения. Учитывая серьезность проблемы, 2 мая 1922 г. коллегия Народного комиссариата юстиции (далее НКЮ) обсудила вопрос о количестве коммунистов, необходимом для укрепления центральных и местных органов прокуратуры. Коллегия определила минимальную потребность в юристах-коммунистах в центре и на местах. Для решения проблемы специальным постановлением оргбюро ЦК КП(б)У от 8 июля 1922 г. значительная часть коммунистов, работавших в органах юстиции, подлежащих реформированию, направлялась в штаты создаваемых органов прокуратуры. Кроме того, партийный контроль формирования ап-

паратов прокуратуры на местах заключался еще и в том, что, согласно решению коллегии НКЮ УССР от 4 сентября 1922 г., губернские прокуроры и их помощники назначались, перемещались и смещались прокурором республики только при обязательном согласовании с ЦК КП(б)У [4, с. 12].

Статистические данные «первого набора» прокурорских работников южных губерний УССР свидетельствуют о том, что абсолютное большинство (около 87%) были членами КП(б)У. По социальному составу среди сотрудников прокуратуры рабочие составляли 30%, крестьяне – 9%, интеллигенция – 61%. Образовательный уровень сотрудников был следующим: с домашним образованием – 8% (соответствовало гимназическому уровню), с низшим – 46%, со средним – 19%, с высшим – 7%, с высшим юридическим образованием – 11%, с образованием в объеме специальных курсов – 9%. Не менее важным показателем являлся стаж работы в органах советской юстиции, включавший следующие категории: 5 лет – 16%, от 3 до 5 лет – 23%, от 1 до 3 лет – 46% и менее года – 15% [3, л. 251].

Из приведенных выше статистических данных следует, что работники первого состава прокуратуры УССР были в основном коммунистами из интеллигенции. Подобное положение противоречило социальной политике власти, и большевики были вынуждены вести целенаправленную работу по постепенной замене представителей интеллигенции рабочими и крестьянами, то есть воспитывать «новую интеллигенцию», советскую, всем обязанную партии, а значит, и полностью преданную ей. По образованию и опыту работы в органах юстиции сотрудники не соответствовали уровню требований к прокурорской деятельности, что отражалось на эффективности их работы. Поэтому большое внимание руководству НКЮ УССР пришлось уделять повышению уровня профессиональной подготовки и снижению «текучести» кадров в органах прокуратуры.

Анализ персональных данных губернских прокуроров Юга Украины первого набора также свидетельствует о недостаточном профессионализме. Так, Николаевский губернский прокурор (далее губпрокурор) К. Вансович имел незаконченное среднее образование [5, л. 53]. Первым Одесским губпрокурором был назначен И. Завадский, успевший закончить только 2 курса юридического факультета Московского народного университета имени А. Шанявского. В 1923 г. его сменил партийный функционер В. Чернявский, который имел только начальное образование [6, л. 82]. Первым Екатеринославским губпрокурором назначили 22-летнего И. Славина, который успел только поступить на юридический факультет Киевского университета (не окончил). Его в 1923 г. сменил Р. Карасик, имевший среднее образование, до назначения возглавлявший финансовый отдел губернии [7, л. 49]. В тогдашней столице УССР – Харькове губпрокурором был назначен даже учитель Г. Железногорский [3, л. 84].

Сохранившиеся в архивах личные дела помощников прокуроров губерний (самого массового звена аппарата), несших основной груз повседневной работы, позволяют достаточно объективно оценить их профессиональный уровень. Так, например, помощник губпрокурора Екатеринослава Ф. Виноградов, который надзирал за деятельностью местных подразделений ОГПУ, имел только начальное образование. Его биография типична для сотрудника прокуратуры тех лет. До 1917 г. он работал автослесарем в Александровске (Запорожье), после вступления в партию и активного участия в революционных событиях был назначен председателем судебно-следственной комиссии при Екатеринославском ревкоме, а с 1921 г. – председателем Запорожского губревтрибунала. В его личном деле отсутствуют сведения о том, что за пять лет работы в прокуратуре он учился на профессиональных курсах или повышал свою квалификацию. И подобных примеров немало [7, л. 12].

В Одесской губернии Александрийским окружным прокурором был назначен член партии с ноября 1917 г. П. Зубович, имевший низшее образование, активный участник гражданской войны, с опытом работы в уездном бюро юстиции и ревтрибунале. Прокурором Первомайского округа назначили А. Сахно, также имевшего только начальное образование (городское училище), члена партии с 1919 г. и участника гражданской войны, с опытом работы в уездном бюро юстиции [6, л. 88]. Эти во многом похожие биографии сотрудников только подтверждают преобладание партийно-идеологического принципа над уровнем профессионализма в кадровой политике руководства прокуратуры.

Результатом такого достаточно «жесткого» подхода к подбору работников стала большая нехватка сотрудников. Штаты прокуратур в южных регионах УССР были укомплектованы приблизительно на 70–75% [2, с. 25], что, несомненно, привело к значительному снижению эффективности их работы.

Для исправления ситуации и качественного улучшения кадрового состава прокуратур руководством НКЮ УССР была разработана и 1 ноября 1923 г. утверждена «Инструкция по организации губернских аттестационных комиссий». Помочь работе комиссий должна была и новая, более детальная форма по учету

кадров. В состав комиссий под председательством губпрокурора входили председатель губсуда и представитель дисциплинарной комиссии губсуда. Основное внимание комиссии обращалось на политическое развитие сотрудника, нравственные качества, административно-организаторские способности и состояние здоровья. Профессиональный уровень работников оценивался по пятибалльной шкале: слабый, неудовлетворительный, удовлетворительный, хороший и очень хороший. В выводах использовались типовые формулировки: подлежит увольнению; целесообразно использовать на работе с меньшим объемом обязанностей; оставить в должности; целесообразно использовать на более ответственной должности (иногда с рекомендацией о прохождении курсов повышения квалификации) [3, л. 54].

В конце 1923 г., проанализировав выводы аттестационных комиссий, руководство прокуратуры УССР пришло к неутешительным выводам о необходимости кардинального изменения политики комплектования органов в направлении повышения профессионализма.

Следует отметить, что вопросы создания системы специального образования рассматривались уже с первых дней образования прокуратуры. Так, на совещании заведующих губернскими отделами юстиции в июле 1922 г. в Харькове было решено открыть краткосрочные юридические курсы и соответствующие факультеты институтов народного хозяйства [8, с. 33]. В вузах предполагалось установить трехлетний срок обучения, причем в Харькове планировалось организовать освоение общеобразовательных дисциплин и базовую юридическую подготовку по трем направлениям – судебному, административному и хозяйственному. Кроме того, руководство НКЮ УССР считало, что в условиях нэпа будущим прокурорам промышленных регионов для повышения эффективности работы необходимо углубленное изучение экономики. Так, для сотрудников южных губерний республики изучение вопросов товарообмена было организовано в Одессе [6, л. 118].

Краткосрочные курсы были организованы совместным решением правительства и Совнаркома УССР от 26 декабря 1922 г., причем срок обучения увеличили до четырех месяцев. Сотрудники прокуратур южных регионов УССР проходили обучение в Харькове (Екатеринославская и Запорожская губернии) и Одессе (Одесская и Николаевская губернии). Требования к кандидатам устанавливались достаточно жесткие: партийность, рабоче-крестьянское происхождение и служба в органах советской юстиции не менее одного года в должностях судьи или следователя. Наборы в количестве до 100 чел. должны были заполнить все вакансии в прокуратуре и других органах НКЮ УССР. После окончания курсов выпускники давали обязательство прослужить по направлению НКЮ не менее двух лет [9, с. 17].

В конце 1925 г. после анализа отчетов аттестационных комиссий руководству НКЮ стало понятно, что организация подготовки юристов на краткосрочных курсах кадровую проблему в прокуратуре не решила. Снижение эффективности надзора за соблюдением законности в УССР и, как следствие, значительное увеличение количества правонарушений показали, что знаний, приобретенных сотрудниками прокуратур на курсах, было явно недостаточно. Поэтому руководство НКЮ УССР было вынуждено принять решение о необходимости получения работниками прокуратуры высшего юридического образования [10, с. 480].

Уже в 1924 г. НКЮ приступил к созданию системы высшего юридического образования в УССР. Юридические факультеты появились в институтах народного хозяйства в Киеве, Харькове и Одессе. При этом краткосрочные курсы работы не прекращали, и только за первые пять лет работы обучение на них прошли около 170 сотрудников прокуратуры. Следует отметить, что к началу 1929 г. приблизительно 20% помощников окружных прокуроров окончили курсы, 13% окончили юридические факультеты и еще 2% имели неполное юридическое образование [11, с. 275]. Следовательно, качественный состав работников прокуратуры к концу 1920-х гг. все еще был неудовлетворительным. Особо отметим, что в условиях острой нехватки квалифицированных юридических кадров такая важная форма их подготовки, как заочное обучение, начала развиваться только с 1927 г., когда при Московском государственном университете открылось первое в СССР отделение заочного юридического образования. Поскольку всех желающих учиться эти курсы принять не могли, в УССР тоже было принято решение об организации в Харьковском институте советского строительства и права 2-летнего курса заочного обучения [10, с. 480]. Понимая всю важность кадровой политики в органах прокуратуры и пытаясь решить проблему, в ноябре 1929 г. пленум ЦК КП(б)У принял специальную резолюцию «О кадрах», в которой вопросы высшего юридического образования в УССР определялись как первоочередные [10, с. 481].

Говоря о вопросах повышения профессионального уровня сотрудников органов прокуратуры УССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг., партийное руководство отмечало,

что не все выпускники юридических факультетов достойны стать прокурорами. «Чтобы выполнять такую работу, мало знаний. Система нашего государства требует постоянного освежения и укрепления аппарата новыми силами непосредственно с производства» [8, с. 145]. Подобная позиция руководства республики выразилась в постепенном усилении борьбы с «чуждыми элементами». Идеологическая и политическая преданность большевистской доктрине играла все более значительную роль в кадровой работе руководства прокуратуры УССР, чем профессиональные или личные качества. Поэтому наряду с обязательной партийностью прокурорских работников в разряд первоочередных настойчиво выдвигалось требование увеличения количества представителей рабочего класса и беднейшего крестьянства. Во второй половине 1920-х гг. произошли качественные изменения социального состава ответственных работников прокуратуры низового звена. Теперь среди сотрудников аппарата рабочие составляли 67%, крестьяне – 17%, что, в свою очередь, привело к еще большему снижению уровня образованности сотрудников прокуратуры даже по сравнению с периодом 1922–1925 гг. [9, с. 115].

Для исправления ситуации в Екатеринославе, Одессе и Николаеве при губернских отделах юстиции создавали юридические общества, членами которых были судьи, прокуроры, адвокаты и другие работники юридических учреждений. На собраниях обществ обычно рассматривались различные правовые вопросы, делались доклады и запросы, что, несомненно, способствовало повышению квалификации юристов. Так, например, в Екатеринославе было организовано «Юридическое общество им. тов. Скрипника», которое насчитывало 57 чел. и имело собственную юридическую библиотеку. В марте 1927 г. на собрании общества обсуждали тему «Новая трактовка понятия умышленного преступления в Уголовном кодексе УССР 1927 г.» [12, л. 13].

Заключение. Таким образом, при организации системы прокурорского надзора власть столкнулась с проблемой дефицита квалифицированных и идейно преданных партии большевистских кадров. Для решения кадровой проблемы в прокуратуре УССР были созданы краткосрочные курсы повышения профессионального уровня и сформировалась система высшего юридического образования. В крупных промышленных центрах Юга Украины: Екатеринославе, Одессе, Херсоне и Николаеве – введение нэпа привело к быстрому увеличению количества правонарушений экономического характера. Это обстоятельство заставило сотрудников губернских прокуратур региона не только повышать свой профессиональный уровень, но и серьезно изучать особенности хозяйственной и экономической деятельности региона.

Во второй половине 1920-х гг. курс партии на увеличение в прокуратуре количества представителей рабочего класса и крестьянства привел к снижению уровня профессионализма сотрудников. В подобных условиях краткосрочные курсы и юридические отделения вузов уже не могли в полной мере удовлетворить потребность в специалистах. Поэтому на местах, при губернских отделах юстиции организовывались и развивались такие формы повышения квалификации сотрудников, как юридические общества.

К концу 1920-х гг. кадровые проблемы в основном были решены, и прокуратура, в целом, справлялась с заданиями партийного руководства. Следует также отметить, что партийно-государственные органы всегда уделяли большое внимание процессу развития прокуратуры. Доминирующая роль партии в подборе и расстановке кадров сопровождала прокуратуру в течение всего советского периода вплоть до провозглашения независимости Украины.

Литература

1. Генеральная прокуратура Украины. Процесс системного реформирования органов прокуратуры Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gp.gov.ua/ua/reforms. – Дата доступа: 01.12.2014.
2. Усемко, И.Б. Украина в годы нэпа: судьба курса на ревзаконность / И.Б. Усемко. – Х.: Арго, 1995. – 53 с.
3. Центральный государственный архив общественных объединений Украины. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 2100. Переписка с судом и прокуратурами. – 1925. – 371 л.
4. Бюллетень НКЮ УССР. – 1922. – № 9. – 114 с.
5. Государственный архив Николаевской области. – Фонд Р–122. Управление Николаевской губернской прокуратуры. – Оп. 1. – Д. 1. Информационные сводки Николаевской уездной прокуратуры. – 1923. – 170 л.
6. Государственный архив Одесской области. – Фонд 1190. Одесская губернская прокуратура. – Оп. 1. – Д. 5. Отчеты о деятельности прокуратуры. – 1924. – 136 л.
7. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). – Фонд Р–1518. Днепропетровская окружная прокуратура. – Оп. 1. – Д. 4. Материалы переписки. – 1925. – 126 л.
8. Шестопалов, Л.Н. Исторические предпосылки становления и развития органов прокуратуры Украины / Л.Н. Шестопалов // Вестн. ДГУВД. – 2012. – Вып. 2. – С. 143–152.
9. История советской прокуратуры в важнейших документах / под ред. К.А. Мокичева. – М.: Юрид. лит., 1952. – 583 с.
10. Викторов, А.И. Теорию на службу практике / А.И. Викторов // Революционное право. – 1931. – № 11–12. – С. 479–481.
11. Мурза, В.В. Прокуратура УССР и высшие органы государственной власти и управления республики (20-е – начало 30-х гг.) / В.В. Мурза // Вестн. ХНУВД. – 2001. – Вып. 16. – С. 273–279.
12. ГАДО. – Фонд Р–1518. Днепропетровская окружная прокуратура. – Оп. 1. – Д. 3. Материалы переписки. – 1927. – 110 л.

Поступила в редакцию 27.01.2016 г.

УДК 94(476)«1944/1991»:614.213

Подготовка специализированных кадров в организациях Общества Красного Креста БССР в 1944–1991 гг.

Бахир Ю.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Наличие квалифицированных кадров является важнейшим условием успешного функционирования любой организации, фундаментом для реализации поставленных перед ней целей и задач. Для Общества Красного Креста (ОКК) БССР наиболее актуальным было расширение активности в медицинской и социальной сферах, востребованных населением республики в советское время и не потерявших важности в современных условиях.

Цель работы – выявить основные тенденции в подготовке среднего медицинского персонала организации, профилированного актива, санитарных уполномоченных, членов санпостов и санитарных дружин Обществом Красного Креста БССР в 1944–1991 гг.

Материал и методы. *Источниковую базу статьи составили материалы Национального архива Республики Беларусь, Могилевского, Гомельского государственных областных архивов, а также периодических изданий. В процессе работы применялись методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения. Определяющую роль сыграли историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы.*

Результаты и их обсуждение. *В 1944–1964 гг. основное внимание организации ОКК уделяли подготовке на курсах двух типов медсестер запаса. В 1965–1984 гг. курсы медсестер проходили на базе крупных больниц, госпиталей, высших и средних медицинских учебных заведений. Активизировалась подготовка членов санитарных постов и дружин. Постоянно выпускались общественные санитарные инспекторы, осуществлявшие надзор за санитарным состоянием производственных и бытовых объектов. В годы «перестройки» (1985–1991 гг.) расширялась система подготовки патронажных медсестер, с одной стороны, и уменьшались количество и значимость санитарных формирований (дружин и санпостов) – с другой, что стало результатом смещения приоритетов в сторону благотворительной деятельности, помощи пострадавшему населению, инвалидам войны и труда, нетрудоспособным гражданам.*

Заключение. *В изучаемый период можно говорить о преобразовании ОКК из организации, носившей оборонный характер, в организацию, которая стала ориентироваться на реальные социальные потребности населения. Получившие специальную подготовку работники краснокрестной организации помогали работе медицинских и социальных учреждений БССР в целом, брали на себя значительную часть их нагрузки, особенно по профилактике заболеваемости и помощи инвалидам.*

Ключевые слова: *Красный Крест, специализированные кадры, санитарные дружины, санитарные посты, медицинские сестры.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 20–24)

Specialized Staff Training in Red Cross Organizations of the BSSR in 1944–1991

Bahir Y.N.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Qualified staff is an essential part of the successful functioning of any organization, fundamental basis for the implementation of its goals. The most urgent problem for the Red Cross Society (RCS) of the BSSR was expansion of activity in the medical and social fields which were demanded by the population of the Republic in the Soviet times and which have not lost their importance nowadays.

The purpose is to identify the main tendencies in training nurses of the organizations, health commissioners and sanitation teams by the BSSR Society of the Red Cross in 1944–1991.

Material and methods. *This article was prepared on the basis of the materials of the National Archives of the Republic of Belarus, Mogilev, Gomel State Regional Archives, as well as periodicals. During the research, we applied the methods of analysis and synthesis, comparison and generalization. The historical-genetic, historical and comparative, historical and systemic methods have played the decisive role in our work.*

Findings and their discussions. *In 1944–1964 RCS organizations focused mainly on training two types of stock nurses. In 1965–1984 nursing courses were organized on the basis of large hospitals, hospitals, higher and secondary medical schools. The training of members of the health posts and teams intensified a lot. Public health inspectors, who supervised the sanitary condition of industrial and household objects, were constantly graduating from the establishments. In the years of 1985–1991 training system of*

Адрес для корреспонденции: e-mail: yu.bahir@yandex.ru – **Ю.Н. Бахир**

nurses expanded. On the one hand it reduced the number and the importance of medical units, on the other hand, it was the result of a shift in priorities towards charity work, assistance to affected population and disabled citizens. The restoration of the organizational structure began long before the complete liberation of the country.

Conclusion. *In the studied period we can speak about the transformation of the RCS from the organization of defensive nature to the organization, which was created to focus on the real social needs of the population. Trained personnel of the organization helped the medical and social institutions of the BSSR. They took on a significant part of their load, especially in the disease prevention and care after the disabled.*

Key words: *Red Cross, specialized staff, sanitary squads, health posts, nurses.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 20–24)

Наличие квалифицированных кадров является важнейшим условием успешного функционирования любой организации, фундаментом для реализации поставленных перед ней целей и задач. Для Общества Красного Креста (ОКК) БССР наиболее актуальным было расширение активности в медицинской и социальной сферах, востребованных населением республики в советское время и не потерявших важности в современных условиях. Получившие специальную подготовку работники красно-крестной организации помогали работе медицинских и социальных учреждений БССР в целом, брали на себя значительную часть их нагрузки, особенно по профилактике заболеваемости и помощи инвалидам.

Цель работы – выявить основные тенденции в подготовке среднего медицинского персонала организации, профилированного актива, санитарных уполномоченных, членов санпостов и санитарных дружин Обществом Красного Креста БССР в 1944–1991 гг.

Изучению основных проблем подготовки кадров в общественных организациях в 1960–1980-е гг. частично были посвящены работы А.Ф. Петровой, А.П. Молчанова, Ц.А. Ямпольской [1]. Но основное внимание уделялось оргмассовой деятельности ОКК, участию его активистов в ликвидации заболеваемости, наведении санитарного порядка в населенных пунктах. Учебный процесс там отражен не был, как и сложности в овладении практическими навыками активом организаций, не выделены и причины изменений в подготовке специализированных кадров.

Материал и методы. Источниковую базу статьи составили материалы Национального архива Республики Беларусь, Могилевского, Гомельского государственных областных архивов, а также периодических изданий. В процессе работы применялись методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения. Определяющую роль сыграли историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы, с помощью которых были выявлены главные направления и итоги подготовки необходимых Обществу работников, сопоставлены формы работы с кадрами, которые изменялись в соответствии с общественно-политической ситуацией в стране.

Результаты и их обсуждение. Во время оккупации БССР в годы Великой Отечественной войны была разрушена структура ОКК, но активисты Общества осуществляли медицинскую помощь в партизанских отрядах и подполье, в госпиталях и лечебно-профилактических учреждениях. Восстановление организационной структуры началось задолго до полного освобождения республики. В Москве было создано оргбюро Исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП СССР) по БССР, члены которого прибыли в Ново-Белицу близ Гомеля в декабре 1943 г., а в июле 1944 г. переехали работать в Минск.

В декабре 1943 г. сформировались Гомельский и Витебский, а в январе 1944 г. – Могилевский обкомы Общества. В 1944 г. основная деятельность на местах была направлена на восстановление сети краснокрестных организаций, подготовку кадров. Оргбюро в Исполкоме СОКК и КП начали работу по всем областям БССР. Комитеты сосредоточили свое внимание на обучении медицинских кадров и санитарного актива, чтобы своевременно проводить противоэпидемические мероприятия. Медсестры и сандружинницы были также необходимы для организации помощи раненым и больным в тылу и на фронте.

Ввиду острого дефицита кадров приходилось действовать быстро, и если до войны подготовка медсестер запаса занимала 2 года, то в военное время она шла по сокращенному сроку в 3 месяца. В январе 1944 г. были организованы курсы в трех частично освобожденных областях: Гомельской, Могилевской и Витебской, обучение проходили 495 человека [2, л. 26]. В марте 1944 г. в соответствии с постановлением СНК БССР № 112 28 марта 1944 г. «О подготовке медицинских сестер» для обеспечения освобожденных районов необходимыми кадрами были дополнительно организованы курсы на 300 человек в Гомельской области (Гомель, Ново-Белица, Добруш, Речица), в Могилевской – на 150 (Мстиславль, Костюковичи), в Полесской – на 150 (Мозырь, Калинковичи), в Витебской –

на 100 (Езерище). Курсы обеспечили программами, планами, пособиями. Обучение 300 человек финансировал Наркомат здравоохранения БССР и 400 человек – ЦК ОКК БССР [3, л. 1–2]. 90% выпускников курсов направили на работу в лечебные учреждения, 10% – в санитарно-эпидемиологические отряды или в райкомы Общества.

Так как одной из задач было оказание содействия органам здравоохранения в подготовке медсестер, то поощрялась организация курсов на общественных началах. В восточных областях БССР в 1945 г. для обучения произвели набор 28 групп медсестер общей численностью 702 человека [2, л. 27–28]. Это позволило расширить предоставление медицинской помощи населению.

В послевоенный период курсовая подготовка медицинских сестер продолжалась, однако с целью улучшения качества обучения срок подготовки увеличили. Подготовка на полуторагодичных курсах медсестер (1350 учебных часов) продолжалась до 1949 г., затем была возобновлена в 1953 г. из-за недостатка кадров. В 1955 г. организовали подготовку на 8-месячных курсах, куда принимались лица с образованием не меньше 7 классов, занятия проводились вечером без отрыва от производства. Выпускники получали неоконченное среднее медобразование и имели право работать в лечебно-профилактических учреждениях на должностях дезинфекторов, препараторов, сестер-воспитательниц в колхозных яслях. В то же время эффективному использованию кадров мешала ситуация, когда колхозные сестринские медпункты ОКК в общую сеть медучреждений районных здравотделов не входили и на их бюджете не состояли. В итоге не все направленные выпускники курсов приходили работать в такие медпункты, но в целом, то, что удавалось сделать, повышало уровень медобслуживания в сельской местности.

В соответствии с приказом министра здравоохранения СССР № 322 от 29 июня 1962 г. «Об организации курсов по подготовке медицинских сестер Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР» и постановлением Президиума ЦК ОКК БССР от 19 июля 1962 г. «Об организации курсов медицинских сестер с 2-годичным сроком обучения в системе ОКК» Министерство здравоохранения оказывало помощь в предоставлении для курсов больниц и диспансеров в качестве учебных баз, а также в комплектовании курсов преподавателями, что позволило начать новый этап в подготовке кадров. Медсестры, окончившие двухгодичные курсы и проработавшие по их окончании не менее 2-х лет, с 1962 г. постановлением СМ СССР приравнивались к медсестрам с оконченным средним медицинским образованием, что отражалось и на оплате труда, и продолжительности отпусков, влияло на назначение пенсий за выслугу лет, предоставление в сельских местностях и рабочих поселках квартир с отоплением и освещением. Обучение молодежи на курсах медсестер двух типов – двухгодичных и восьмимесячных – продолжалось и в 1970-е гг., однако основными проблемами оставались по-прежнему их качество и сложность подготовки к сдаче экзаменов.

Требовали кадрового укрепления санпосты и сандружины ОКК, так как в их состав включались рабочие, служащие, колхозники, учащиеся, как правило, не имевшие медицинского образования. Отметим, что сандружины изначально предназначались для работы в составе подвижных противоэпидемических отрядов по проведению простейших мероприятий (выявлению больных, раздаче профилактических средств). Однако материальное обеспечение сандружин и постов, как и курсов медсестер, было недостаточным. В начале 1950-х гг. практически не проводилась работа по формированию сандружин в сельской местности и на транспортных предприятиях.

Комитеты ОКК принимали меры по улучшению сложившейся ситуации. В 1956 г. планы по подготовке медицинских кадров и санитарного актива были выполнены на 120–130%, рассматривались вопросы повсеместного создания санитарных дружин, отрядов по розыску и выносу пострадавших в школах. К концу 1950-х гг. работу активизировали в сельской местности, в 1959 г. в колхозах насчитывалось 883 сандружины, в то время как в 1958 г. их было только 223. Кадровое укрепление в целом позволяло повсеместно нарастить объемы краснокрестной деятельности. Так, на одном из крупнейших предприятий республики – Минском автозаводе в каждом цехе были санпост и две заводские дружины [4, л. 60]. Санитарные дружины можно было назвать многофункциональными санитарными формированиями, которые в зависимости от ситуации могли осуществлять как санитарно-профилактические, санитарно-просветительские, так и контролирующие, санитарно-оборонные мероприятия.

Важным направлением работы являлась также подготовка кадров по санитарному надзору и контролю. Внимание к их обучению усилилось после создания в 1952 г. *института общественных санитарных уполномоченных (ОСУ)*, который стал активом местных лечебно-профилактических и санитарно-эпидемиологических учреждений. До конца 1954 г. ОСУ готовились в системе здра-

воохранения наряду с санитарным активом обществ ОКК. Но в работе часто имел место параллелизм, что было частично устранено новым положением об ОСУ, принятом в 1954 г. Согласно ему, уполномоченные выделялись комитетами первичных организаций ОКК из числа начальников санпостов, сандружинниц и активистов, прошедших обучение в кружках «Готов к санитарной обороне» (ГСО). Работой активистов руководили санитарно-эпидемиологические станции (СЭС). Ввиду актуальности этого института в райкомах ОКК совместно с СЭС готовили уполномоченных по 16-часовой программе среди сельского населения, выпускников закрепляли за объектами в колхозах и совхозах.

В августе 1960 г. Исполком ОКК и КП СССР утвердил методические указания и программы по учебе санактива, в том числе в помощь медработникам для проведения санитарно-профилактических мероприятий в городах и сельской местности по борьбе с инфекционными, паразитарными, онкологическими заболеваниями и алкоголизмом. Такой актив готовился из числа членов ОКК, ранее прошедших обучение по программам сандружин и санпостов, общественных санинспекторов, а также в кружках по уходу за больными на дому. Подготовка актива по профилю проводилась в зависимости от эпидемиологической обстановки в республике.

В то же время увеличивалось количество санинспекторов в сельской местности, за 1967–1970 гг. их число возросло на 3200 и составило 14182 человека. По всем направлениям в 1970-е гг. было подготовлено 25000 инспекторов, которые следили за выполнением санитарных требований на предприятиях общественного питания, фермах, в магазинах и школах [5, с. 56]. Таким образом, предотвращались появление и распространение инфекционных заболеваний, что позволяло сохранить стабильность санитарного состояния населенных пунктов. Однако в последующие годы подготовка общественных санинспекторов не имела тенденции к увеличению. Так, средний показатель по республике в 1978 г. составлял 9,0 выпускников на 1000 населения, а в следующем году он сократился до 6,8. Наибольшее количество инспекторов было подготовлено Гродненской областью, но, по данным СЭС, лишь 10% привлекалась к регулярной работе. В итоге за год каждым инспектором проводилось только по 2–3 обследования.

Еще одним направлением работы ОКК стало обучение населения в *кружках по уходу за больными на дому*, начатое в 1957 г. Ленинградской городской организацией ОКК. В нашей республике к 1959 г. подготовили 6031 специалиста, более всего в Витебске – 1225. Занятия проводились в нерабочее время на базе лечебно-профилактических учреждений (здравпункта, медсанчасти, больницы, поликлиники, амбулатории). После прохождения минимума активисты привлекались для помощи медсестрам Бюро по уходу за больными на дому. Бюро оказывало содействие органам здравоохранения по уходу за больными на дому, инвалидами войны и труда, одинокими гражданами, страдающими тяжелыми заболеваниями и работало за счет средств ОКК. В июне 1960 г. было утверждено согласованное с Министерством здравоохранения, Исполкомом СОКК и КП «Временное положение о Бюро медицинских сестер ОКК и КП по медицинскому обслуживанию и уходу за больными на дому». Подобные действия компенсировали недостаточно развитую материальную базу медучреждений, позволяли больным быстрее получать квалифицированную помощь. Если в 1960 г. в БССР было принято 200 штатных единиц для Бюро, то в 1964 г. на постоянной основе работало уже 472 медсестры [6, с. 158, 162, 181].

Наряду с организацией Бюро, в которых работали штатные медсестры, к концу 1960-х гг. стали создавать Бюро на общественных началах [7, л. 66]. Общество стремилось оперативно откликаться на острые социальные проблемы. Используя подготовленных активистов, при областных, городских и некоторых районных комитетах ОКК в 1970 г. ими было обслужено 10 тыс. больных, совершено 17 тыс. посещений. К 1975 г. в кружках по уходу за больными на дому было подготовлено уже свыше 1 млн человек. В среднем ежегодно выпускалось до 50 тыс. человек, в том числе 30 тыс. в сельской местности [6, с. 57]. Наибольших успехов добились Витебский, Гомельский, Гродненский и Минский областные комитеты.

«Перестроечные» процессы в экономике и социальной жизни потребовали изменений в работе ОКК. Например, для оказания медико-социальной помощи одиноким и престарелым, инвалидам войны и труда по постановлениям ЦК КПСС от 14 мая 1985 г. и ЦК КПБ от 26 июля 1985 г. был выделен штат на 200 единиц медсестер за счет республиканского общества слепых. Однако фонд зарплаты не был предусмотрен. Поэтому в 1986 г. для ОКК выделили только 20 штатных единиц. В целом же за счет бюджета ЦК ОКК содержалось уже 255 патронажных сестер, что позволило в 1986 г. обслужить 10725 человек, в то время как в 1985 г. помощь была предоставлена только 9760 больным [8, л. 5]. Продолжала осуществляться подготовка актива по уходу за больными на дому, лишь за 1986 г. специали-

стами стали 440 тыс. человек. Большинство их подопечных составляли ветераны войны и труда. Для повышения статуса медсестры милосердия и привлечения общественного внимания к работе по обслуживанию больных и престарелых были организованы смотры-конкурсы, проводилась активная работа в СМИ по пропаганде деятельности сестер, увеличилась качественная и количественная подготовка кадров. В итоге в 1990 г. медсестры КК обслужили уже 40026 больных, в то время как в 1988 г. лишь 11626 [9, л. 14]. Но появлялись другие проблемы, например, потребовались огромные средства на ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС, что сократило финансирование многих направлений, в том числе и по подготовке кадров.

Заключение. В изучаемый период можно говорить о преобразовании ОКК из организации, носившей оборонный характер, в организацию, которая стала ориентироваться на реальные социальные потребности населения. В 1944–1964 гг. основное внимание организации ОКК уделяли подготовке на курсах двух типов медсестер запаса, которые помогали восполнять недостаток в медицинских кадрах системы здравоохранения в первое послевоенное время и расширять медицинское обслуживание населения, что в 1950-е гг. было особенно важным для сельской местности. Обучение по программе Исполкома СОКК и КП СССР предусматривало изучение приемов оказания первой медпомощи, ознакомление с основами профилактики инфекционных болезней. Выпускникам курсов присваивали квалификацию медсестры с оконченным средним медицинским образованием. Проходило регулярное обучение профилированного актива по конкретной программе в зависимости от санитарно-эпидемиологической обстановки.

В 1965–1984 гг. курсы медсестер организовывались на базе крупных больниц, госпиталей, высших и средних медицинских учебных заведений. Активизировалась подготовка членов санитарных постов и дружин, что оказалось важной мерой приближения медицинского обслуживания к работникам на производстве, способствовало сокращению потерь рабочего времени и повышению эффективности труда. Постоянно выпускались общественные санитарные инспекторы, осуществлявшие надзор за санитарным состоянием производственных и бытовых объектов. Организованные Обществом кружки по уходу за больными на дому более широко, чем раньше, обеспечивали кадрами Бюро медсестер для помощи инвалидам и ветеранам войны.

В годы «перестройки» (1985–1991 гг.) расширялась система подготовки патронажных медсестер, с одной стороны, и уменьшались количество и значимость санитарных формирований (дружин и санпостов) – с другой, что стало результатом смещения приоритетов в сторону благотворительной деятельности, помощи пострадавшему населению, инвалидам войны и труда, нетрудоспособным гражданам. Тем не менее Общество не свернуло ни одного из имевшихся у него направлений по обучению кадров, а подготовленные им санитарные уполномоченные совместно с СЭС занимались решением конкретных задач по профилактике заболеваемости.

Литература

1. Петрова, А.Ф. История развития Общества Красного Креста в Белоруссии (1872–1965 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07571 / А.Ф. Петрова; АН БССР. – Минск, 1970. – 70 с.; Молчанов, А.П. Медицинские общества Белоруссии и их роль в развитии здравоохранения и науки: автореф. ... дис. канд. мед. наук: 10.00.01 / А.П. Молчанов; МГМИ. – М., 1981. – 22 с.; Ямпольская, Ц.А. Общественные организации в СССР: некоторые политические и организационно-правовые аспекты / Ц.А. Ямпольская – М.: Наука, 1972. – 216 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 254. – Оп. 3. – Д. 4. Отчетный доклад Центрального Комитета о работе Общества Красного Креста БССР за период 1944–1947 гг.
3. Государственный архив Могилевской области (ГАМогО). – Фонд 892. – Оп. 1. – Д. 1. Постановления Совета Народных Комиссаров БССР (8 февраля – 23 августа 1944 г.).
4. НАРБ. – Фонд 254. – Оп. 3. – Д. 322. Объяснительная записка к сводному статистическому отчету о работе ЦК ОКК БССР за второе полугодие 1959 г.
5. Семуха, В.И. Красный Крест на страже мира и здоровья населения / В.И. Семуха // Здравоохранение Белоруссии. – 1970. – № 8.
6. Сто (100) лет Красного Креста в нашей стране / Испол. ком. Союза О-в Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. – М.: Медицина, 1967. – 298 с.
7. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 2811. – Оп. 2. – Д. 58. Материалы VIII Обл. конф. (постановления, протоколы, доклады, анкеты и др.) от 30 января 1963 г.
8. НАРБ. – Фонд 254. – Оп. 3. – Д. 826. Справки, информации, обзоры ЦК ОКК об оказании медико-социальной помощи малообеспеченным группам населения, инвалидам войны и труда (18 декабря 1986 – 1992).
9. НАРБ. – Фонд 254. – Оп. 3. – Д. 854. Протоколы №№ 1–10 заседаний Президиума ЦК ОКК РБ и документы к ним (3 января 1990 – 20 декабря 1990).

Поступила в редакцию 17.02.2016 г.

УДК 94(470)«1911/1914»:352.075(476)

Система земского самоуправления на территории белорусских губерний: функции и структура

Моторова Н.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Система земского самоуправления в белорусских губерниях была создана в 1911 г. после распространения на Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г.

Цель исследования – проанализировать функции и структуру белорусских земств в общероссийском контексте формирования данного института самоуправления.

Материал и методы. *Статья подготовлена на основе законодательных актов. Для достижения поставленной цели использовались анализ, синтез, сравнение, историко-генетический и историко-сравнительный методы.*

Результаты и их обсуждение. *Система земского самоуправления белорусских губерний состояла из двух структурных частей: губернские и уездные собрания осуществляли распорядительные функции, губернские и уездные управы – исполнительные. В их ведении находился широкий круг вопросов, которые касались всех сфер жизни населения.*

Заключение. *Функции и структура земских органов белорусских губерний были такими же, как и в губерниях Европейской России. Единственное отличие заключалось в организации выборов в земства: число избирателей было ограничено по этноконфессиональному признаку для нейтрализации польского влияния на деятельность института земского самоуправления.*

Ключевые слова: *система земского самоуправления, белорусские губернии, губернские и уездные земские собрания, губернские и уездные земские управы.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 25–29)

Zemstvo System on the Territory of Belarusian Provinces: Functions and Structure

Motorova N.S.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Zemstvo system in Belarusian provinces was established in 1911 after the spread on Vitebsk, Minsk and Mogilev Provinces of the Statute of the Provincial and District Zemstvo Istitutions of June12, 1890.

The purpose of the article is to analyze the functions and structure of the Belarusian Zemstvos in the all-Russian context of setting up this government institution.

Material and methods. *The article was prepared on the basis of legislative acts. The analysis, synthesis, comparison, historical and genetic, historical and comparative methods were used to achieve this purpose.*

Findings and their discussion. *Zemstvo system of Belarusian provinces consisted of two structural parts: the provincial and district assembly carried out administrative functions, while provincial and district boards carried out executive functions. A wide range of issues relating to all spheres of life was under their jurisdiction.*

Conclusion. *Functions and structure of zemstvo bodies in Belarusian provinces were the same as in the provinces of European Russia. The only difference was in the organization of zemstvo elections: the number of voters was limited according to ethnoreligious basis to neutralize the Polish impact of the activities of the institution of zemstvo self-government.*

Key words: *zemstvo system, Belarusian provinces, provincial and district zemstvo assembly, provincial and district zemstvo boards.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 25–29)

Полноценная система земского самоуправления на территории белорусских губерний была введена в 1911 г., когда на Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии распространилось действие Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. В ведение земств был передан широкий круг экономических и социальных вопросов, затрагивавших практически все стороны жизни местного населения.

Начало изучению деятельности земских учреждений было положено еще в дореволюционный период в работах таких авторов, как К.А. Пажитнов [1], М.М. Ковалевский [2] и пр. Проблему введения земского самоуправления и его функционирования в западных

Адрес для корреспонденции: e-mail: n.s.motorova@yandex.ru – **Н.С. Моторова**

губерниях они рассматривали с критических позиций, делая акцент на негативных аспектах. В советский период исследователи не уделяли внимания этим вопросам. Для современной белорусской историографии характерно возобновление интереса к проблемам формирования и деятельности системы земского самоуправления. В этом отношении необходимо отметить работу В.П. Слобожанина «Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.)» [3], в котором был сделан вывод о «непреходящей ценности» исторического опыта деятельности белорусских земств. В данном исследовании ученый охарактеризовал систему земского самоуправления в общих чертах.

Цель статьи – всесторонний анализ функций и структуры белорусских земств в общероссийском контексте формирования этого института самоуправления.

Материал и методы. Работа подготовлена на основе законодательных актов (опубликованы в «Полном собрании законов Российской империи»), регулировавших деятельность органов земского самоуправления на территории белорусских губерний. Методологической базой исследования являются как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), так и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный).

Результаты и их обсуждение. Согласно Положению о губернских и уездных учреждениях в их ведении находились «дела о местных пользах и нуждах губерний и уездов» [4, с. 495]. В статье 2 конкретизировались обязанности органов земского самоуправления, которые условно можно разделить на две группы – хозяйственные (или экономические) и социальные. К первой группе относились заведование местными земскими повинностями, капиталами и земским имуществом, содержание путей сообщения и дорожных сооружений, а также земской почты, содействие развитию земледелия, промышленности и торговли в регионе, участие в ветеринарно-полицейских мероприятиях. Земские учреждения должны были принимать меры для защиты полей и лугов от порчи и истребления вредными насекомыми и животными, заведовать страхованием имущества. К числу социальных функций относились организация продовольственной помощи населению, организация медицинской помощи и улучшение санитарного состояния населенных пунктов, заведование земскими лечебными и благотворительными учреждениями, «попечение о призрении бедных, неизлечимо больных и умалишенных, а также сирых и увечных», развитие системы народного образования. К этой группе также можно отнести обязанности по предупреждению и тушению пожаров и «попечение о лучшем устроении селений» [4, с. 495–496]. В статье 3 Положения подчеркивалось, что деятельность земских учреждений ограничивалась пределами подведомственных им губерний или уездов [4, с. 496].

Система земского самоуправления состояла из двух структурных частей. Распорядительной властью обладали губернские земские собрания, на местах функционировали уездные собрания. Исполнительная власть в губернии принадлежала губернским земским управам, на местах – уездным земским управам [4, с. 497, 502, 507]. На территории белорусских губерний новым учреждениям были переданы дела ранее существовавших здесь губернских и уездных комитетов и управ по делам земского хозяйства, которые функционировали на основании Положения 1903 г. Кроме того, в отдельную земскую единицу выделили город Минск, где заведование земскими делами возложили на местное городское общественное управление. Соответственно, здесь функции уездного земского собрания исполняла городская дума, а уездной земской управы – городская управа. При этом в Минском уезде функционировали отдельные земские собрание и управа [5, с. 170].

Для выбора гласных в каждом уезде созывались земские избирательные собрания, съезды мелких владельцев и избирательные волостные сходы [4, с. 497]. Фактически выборы были организованы по трем куриям с учетом сословной принадлежности избирателей и недвижимого имущества, с которого они уплачивали земский сбор. Гласные от сельских обществ избирались волостными сходами, их окончательное утверждение зависело от губернатора [4, с. 501].

Избирательная процедура в белорусских губерниях в целом имела тот же характер, что и в губерниях Европейской России, однако в нее были внесены коррективы с учетом этноконфессиональной специфики региона. В указанных губерниях в первые отделения избирательных собраний и съездов входили только русские жители края (в официальных документах того времени под термином «русский народ» понималась совокупность трех народностей – великороссы, белорусы и малороссы), во вторые – поляки. Также в указе от 14 марта 1911 г. подчеркивалось, что евреи не допускались к участию в земских выборах и не могли быть избраны земскими гласными [5, с. 171].

Подобные ограничения по этноконфессиональному признаку вызвали критику со

стороны современников. М.М. Ковалевский в своей статье «Земство в шести губерниях Западного края» указывал на вред разделения избирателей по национальному и религиозному признакам и отмечал, что это будет способствовать обострению вражды на национальной почве: «В русском кандидате будут ценить его полякофобство, а в польском – его москалефобство» [2, с. 249].

Избранные таким образом гласные формировали уездные земские собрания, которые затем из своей среды избирали представителей для участия в работе губернских земских собраний. Выборы в собрания проходили один раз в три года [4, с. 497]. При вступлении в свои полномочия гласные приносили присягу, а свои обязанности исполняли безвозмездно [4, с. 501].

Помимо избранных гласных, в работе губернского земского собрания участвовали уездные предводители дворянства, председатели уездных земских управ, местные начальники управлений земледелия и государственных имуществ и начальники удельных округов, депутат от духовного ведомства, если епархиальное начальство признавало необходимым его назначить. При обсуждении вопросов, связанных с выделением ссуд на развитие сельского хозяйства, приглашался представитель Главного управления землеустройства и земледелия. На заседаниях с правом совещательного голоса по приглашению председателя губернского земского собрания могли участвовать и инспекторы сельского хозяйства [4, с. 501]. Также в состав Минского губернского земского собрания входил городской голова Минска [5, с. 173]. В работе уездных земских собраний участвовали представители ведомств землеустройства и земледелия и удельного (по одному от каждого), депутат от духовного ведомства, если епархиальное начальство признавало необходимым его назначить, городской голова губернского или уездного города [4, с. 502].

Губернское земское собрание открывалось и закрывалось лично губернатором, а уездные – председателем собрания [4, с. 504]. На губернских собраниях функции председателя исполнял губернский предводитель дворянства, на уездных – уездный предводитель [4, с. 501].

Земские собрания были двух видов – очередные и чрезвычайные. Очередные губернские собрания созывались не позже 1 декабря, уездные – не позже 1 октября. Министр внутренних дел мог разрешить созвать очередное собрание и после истечения указанных сроков, но при условии, чтобы заседания губернского собрания начались не позже 1 февраля следующего года. Сроки работы собраний были строго регламентированы: для губернских земских собраний – до 20 дней, для уездных – до 10 дней. Чрезвычайные собрания созывались только по разрешению губернатора при условии точного указания перечня вопросов, запланированных к обсуждению. Чтобы заседание земского собрания считалось состоявшимся, требовалось присутствие не менее половины гласных. Чрезвычайные земские собрания, которые созывались в особо важных случаях, например, во время народных бедствий или войны, считались состоявшимися при явке любого количества гласных [4, с. 503–504]. Никто из гласных без уважительной причины не мог уклоняться от присутствия на земских собраниях [4, с. 502].

Все вопросы на заседаниях земских собраний решались простым большинством голосов, а при равенстве голосов решающее значение имело мнение председателя. Выборы председателей, членов земских управ, других должностных лиц, а также принятие решений о привлечении к ответственности должностных лиц, о назначении содержания или денежных пособий служащим осуществлялись в форме закрытого голосования через баллотировку шарами. Все остальные вопросы решались открытым голосованием. Постановления земских собраний вносились в журнал, который подписывали председатель и присутствовавшие члены собрания [4, с. 504].

Ряд постановлений земских собраний утверждал губернатор. К ним относились вопросы, касавшиеся системы путей сообщения, выставок местных изделий, ярмарочной торговли, установления такс и сборов. Начальник Главного управления по делам местного хозяйства МВД утверждал постановления о разделении имуществ, капиталов и заведений общественного призрения на губернские и уездные. Постановления, касавшиеся повинностей, денежных и натуральных займов, прекращения действий пенсионных и эмеритальных касс, а также договоры о взаимном перестраховании от огня имуществ утверждал министр внутренних дел [4, с. 505].

Губернские земские собрания в пределах губернии и уездные собрания в пределах уездов обладали следующими правами. Они избирали должностных лиц и определяли размер их содержания, определяли порядок функционирования земских исполнительных органов и разрабатывали для них инструкции, рассматривали земские сметы и распределяли денежные и натуральные повинности, устанавливали размер земских сборов, переводили натуральные земские повинности в денежные. В их компетенции находилась кас-

сация недоимок и пеней по земским сборам. Собрания разрабатывали правила для заведования капиталами и другими имуществами, лечебными и благотворительными заведениями. Только они могли приобретать и отчуждать недвижимое имущество, создавать специальные капиталы на цели общественного призрения, разрешать кратковременные заимствования из земских капиталов. Земские собрания имели право переводить губернские и уездные дороги в проселочные и наоборот, изменять направления земских дорог, заключать соглашения с правительством о принятии земством на себя содержания шоссейных дорог. Они устанавливали сборы за пользование дорогами, дорожными сооружениями, переправами, которые находились в заведовании земства, а также переправами, которые содержались частными лицами, организовывали выставки местных изделий. Земские собрания проверяли деятельность и отчеты земских управ, рассматривали жалобы на управы и земских служащих, возбуждали дела об ответственности председателей и членов земских управ и лиц [4, с. 502–503].

Ряд вопрос являлся исключительной прерогативой губернского земского собрания. Оно принимало решение о разделении на губернские и уездные земских зданий, сооружений, путей сообщения, повинностей и заведений общественного призрения, а также вносило изменения в это распределение. В их ведении находилось распределение между уездами государственных сборов и сборов с торговых документов и патентов. Губернские собрания имели право использовать суммы земского дорожного капитала на дорожные сооружения, назначать из них пособия уездным земствам или передавать их в распоряжение последних. Они представляли ходатайства о выделении из земских сумм вознаграждения владельцам скота в случае эпизоотий. Губернские собрания распределяли между уездами суммы, предназначенные на устройство мест заключения, и отчисляли из этих сумм от десяти до двадцати процентов на содержание исправительных приютов для несовершеннолетних. Они устраивали новые и переносили существовавшие пристани на судоходных реках и озерах. Губернские собрания давали разрешение на открытие новых ярмарок, торгов и базаров, их закрытие и перенесение из одной местности в другую. Они определяли таксы вознаграждения за убытки, причиненные потравами и другими повреждениями земельных угодий, за лесные порубки, за тушение лесных пожаров. Каждые три года определяли цены, по которым судохозяева должны выплачивать судорабочим плату за сверхсрочный простой на внутренних водных путях сообщения при отсутствии в договоре особых условий по этому поводу. Губернские земские собрания давали указания и инструкции уездным земским учреждениям, получив предварительные заключения с мест. Они рассматривали постановления уездных собраний и предложения губернатора. Губернские земские собрания прекращали действие пенсионных и эмеритальных касс служащих в земских учреждениях и определяли условия их ликвидации. Они устанавливали сроки представления губернскими управами сведений и отчетов об общем положении ветеринарного дела. В ведении губернских земских собраний находились дела по взаимному земскому страхованию и по заключению договоров о взаимном перестраховании от огня движимого и недвижимого имуществ. Они разрешали займы, участвовали в издании обязательных постановлений, представляли правительству через губернатора ходатайства «о местных пользах и нуждах» [4, с. 503].

Что касается обязанностей, которые принадлежали исключительно уездным земским собраниям, то они включали в себя распределение в уезде государственных и губернских сборов, представляли губернскому собранию сведения и предложения по различным вопросам земского хозяйства, находившимся в их заведовании. Они устанавливали таксы за проезд в общественных экипажах вне городских поселений. Уездные собрания избирали на три года одного из жителей призывного участка членом временного уездного по воинским делам присутствия [4, с. 503].

Непосредственными исполнителями всех распоряжений земских собраний являлись управы (губернская и уездные), которые работали постоянно. Как правило, они состояли из председателя и двух членов. По решению собрания число членов управы могло быть увеличено до четырех, а в губернской (по разрешению министра внутренних дел) – и до шести [4, с. 506]. Относительно белорусских губерний в 1911 г. было уточнено, что в составе земских управ большинство должно принадлежать лицам, занесенным в избирательные списки по первому национальному отделению, и гласным от сельских обществ. В Двинском, Режицком, Люцинском уездах Витебской губернии большинство в управах должны были составлять русские [5, с. 172].

На земские управы возлагались непосредственное заведование и управление земским хозяйством. Они вели все текущие дела, собирали сведения, необходимые для губернской управы, исполняя ее распоряжения, составляли проекты земских смет и раскладок, следили за поступлением земских доходов, расходовали земские сборы, вели иски по иму-

щественным делам, с разрешения собраний определяли правила и сроки отчетности подчиненных служащих и учреждений, проводили ревизии этой отчетности и представляли очередным земским собраниям отчеты о своей деятельности, денежных оборотах по земским суммам и состоянии подведомственных им заведений и имуществ. Кроме того, на уездные земские управы возлагались следующие обязанности: исполнение распоряжений губернской управы в пределах уезда по устройству путей сообщения и по исполнению потребностей воинского и гражданского управлений, а также по взаимному земскому страхованию, представление отчетов по этим предметам и сведений, необходимых для составления смет земских повинностей. Также уездные земские управы по соглашению с местным земским начальником составляли планы устройства селений. Обязанности между председателем и членами земской управы распределялись по постановлениям управы, утвержденным земским собранием [4, с. 507].

Дела, подлежавшие коллегиальному обсуждению управы, решались путем голосования. В случае равного количества голосов решающее значение имело мнение председателя. Если председатель считал, что решение большинства противоречило законам или постановлениям земского собрания, то мог остановить исполнение этого определения и передать дело губернатору, который направлял это дело на разрешение губернского по земским и городским делам присутствия [4, с. 507].

Для непосредственного заведования отдельными отраслями земского хозяйства и управления собрания могли избирать специальных лиц как из гласных, так и из владельцев, которые имели право голоса на земских избирательных собраниях [4, с. 508].

Земские учреждения находились под контролем губернатора, который осуществлял «надзор за правильностью и законностью» их действий. Он передавал постановления и распоряжения собраний и управ на обсуждение губернского по земским и городским делам присутствия. Функции председателя присутствия исполнял губернатор, а в его состав входили следующие должностные лица: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда, председатель губернской земской управы (или лицо, его замещающее), непременный член присутствия, городской голова губернского города, один гласный губернского земского собрания, который избирался последним из членов губернской управы или собрания и утверждался министром внутренних дел. Самостоятельность решений присутствия была ограничена, так как губернатор в случае несогласия с решением большинства мог приостановить исполнение его решения и передать этот вопрос на рассмотрение министра внутренних дел. Министр, в свою очередь, мог предложить губернатору привести это решение в исполнение либо сделать представление Правительствующему сенату об его отмене [4, с. 495–496].

Заключение. В 1911 г. на территории трех белорусских губерний – Витебской, Минской и Могилевской – была введена система земского самоуправления согласно основным принципам, изложенным в Положении о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. Она состояла из двух структурных частей: распорядительные функции осуществляли губернские и уездные собрания, исполнительные – губернские и уездные управы. В ведение новых органов самоуправления был передан широкий круг социальных и экономических вопросов, затрагивавших интересы всего населения региона. В целом функции и структура земских органов на территории белорусских губерний не отличались от губерний Европейской России. Главное отличие заключалось в организации выборов в земства, где для избирателей были введены ограничения по этноконфессиональному признаку. Таким образом правительство стремилось ограничить польское влияние на деятельность института земского самоуправления. Несмотря на это, сам факт введения земств в регионе положительно повлиял на его развитие и заложил основу для дальнейшей поступательной модернизации социально-экономической сферы, прерванной началом Первой мировой войны.

Литература

1. Пажитнов, К.А. Городское и земское самоуправление / К.А. Пажитнов. – СПб.: Тип. «Печатный труд», б/г. – 116 с.
2. Ковалевский, М. Земство в шести губерниях Западного края / М. Ковалевский // Вестн. Европы. – 1911. – Март. – [№ 3]. – С. 243–259.
3. Слобожанин, В.П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.) / В.П. Слобожанин. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2003. – 168 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. X: 1890. От № 6505–7339 и дополнения. – СПб.: Гос. тип., 1893. – 843, [1], 244, [2] с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXI: 1911. Отделение первое. От № 34629–36390 и дополнения. – СПб.: Гос. тип., 1914. – 1411, [1], 15, [17] с.

Поступила в редакцию 11.03.2016 г.

УДК 94(470+571)«13»+94(476.5)«13»+94(474.2):355

Между Псковом, Витебском и Нейгаузеном: забытая война на Ливонском пограничье в середине XIV века Часть 1

Мартынюк А.В.
Белорусский государственный университет, Минск

Изучение русско-немецко-литовских взаимоотношений в Балтийском регионе в период Средневековья имеет давнюю историографическую традицию. Подходы исследователей этой проблематики эволюционировали от концепции «Drang nach Osten» до современных подходов, делающих акцент на ситуации культурного контакта. Однако до сих пор остаются неизученными многие конкретные сюжеты политической истории данного региона.

Цель работы – проследить ход военного конфликта на ливонском пограничье в 1340-е годы.

Материал и методы. *Статья написана на основе привлечения широкого круга источников, среди которых псковские и новгородские летописи, немецкие орденские хроники, актовые документы, памятники средневековой рыцарской поэзии. Основное внимание уделяется военным аспектам русско-немецко-литовских взаимоотношений и анализу многообразия военных форм конфликта, которые не могут быть сведены к какому-либо одному параметру.*

Результаты и их обсуждение. *9 сентября 1341 г. в результате пограничного инцидента было убито пять псковских послов, что привело к войне между Псковом и Ливонией. Дальнейшие события привели к эскалации конфликта, в который оказались втянуты Витебское княжество в частности и Великое княжество Литовское в целом, Новгородская республика, Тевтонский орден, Шведское королевство и другие государства Балтийского региона. Военные действия продолжались до конца 1340-х годов, они получили большой резонанс в Европе и отразились даже в памятниках рыцарской поэзии, созданных в Австрии.*

Заключение. *В результате проведенного анализа удалось реконструировать эскалацию конфликта от пограничного инцидента до большой войны, охватившей весь Балтийский регион. Кроме того, на данном конкретном примере была предложена систематизация разных типов военных конфликтов в период Средневековья.*

Ключевые слова: *Псковская республика, Витебское княжество, Ливонский орден, крестовые походы, рыцарская поэзия.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 30–36)

Between Pskov, Vitebsk and Neuhausen: the Forgotten War in the Lithuanian Borderlands in the Middle of the 14th Century

Martyniouk A.V.
Belarusian State University, Minsk

Research techniques of the Russian-German-Lithuanian relations in the Baltic region during the Middle Ages have a long-standing tradition in historiography. Methods of interpretation of the problem evolved from the «Drang nach Osten» – concept to the modern approaches, which put the cultural contacts into the primary focus of a study. However, many specific episodes of the political history of the region remain unexplored.

This study is aiming to analyses one of the episodes of Russian-German-Lithuanian relations, in particular the military conflict at the Livonian borders in the 1340s.

Material and methods. *The study is based on a broad range of sources, including chronicles of Pskov and Novgorod, chronicles of the Teutonic Order, diplomatic sources, monuments of medieval chivalrous poetry. This article focuses on the military aspects of the Russian-German-Lithuanian relations and the analysis of the diversity of the military forms of this conflict. Therefore, the latter can hardly be narrowed to any single distinctive feature.*

Findings and their discussion. *September 9, 1341 five ambassadors from Pskov were killed in a border incident. The consequences of the incident resulted in a war between Pskov and Livonia. Subsequent events led to the escalation of the conflict. Principality of Vitebsk and the Grand Duchy of Lithuania as a whole, the Novgorod Republic, the Teutonic Order, the Swedish Kingdom and other countries of the Baltic region were dragged into this conflict. Military actions continued until the late 1340s and having acquired a great response in Europe were reflected in Austrian monuments of chivalrous poetry.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: a.martyniouk@mail.ru – **А.В. Мартынюк**

Conclusion. *Through the analysis the escalation of the conflict from the border incidents to a major war that has engulfed the whole Baltic Region has been reconstructed. In addition, the systematic approach to the different types of military conflicts in the Middle Ages was proposed in a particular example.*

Key words: *Pskov Republic, Principality of Vitebsk, the Livonian Order, the Crusades, chivalrous poetry.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 30–36)

Изучение русско-немецко-литовских взаимоотношений в Балтийском регионе в период Средневековья имеет давнюю историографическую традицию. Историки, обращавшиеся к данной проблематике в XIX–XX вв., склонны были мыслить «большими общностями» – Русь, Ливония, Литва, германский и славянский мир и т.д. Как правило, взаимодействие этих общностей в период Средневековья описывалось в категориях конфликта, что наиболее ярко проявилось в известной концепции «Drang nach Osten». Во второй половине XX века наметилась, а на переломе XX и XXI веков возобладала другая парадигма, согласно которой эти отношения рассматриваются не как конфликт, а как культурный контакт. На наш взгляд, оба подхода несут на себе отпечаток идеологических предпочтений своего времени и не отражают в полной мере сложной специфики межгосударственных взаимоотношений в период Средневековья. В наибольшей степени это относится к последней парадигме: в конце концов, в качестве «культурного контакта» может быть рассмотрено все что угодно, вплоть до уничтожения одной культурой другой. В рамках данной статьи основное внимание уделяется военным аспектам русско-немецко-литовских взаимоотношений, при этом мы постараемся показать сложность и многообразие военных форм конфликта, которые не могут быть сведены к какому-либо одному параметру.

Цель статьи – проследить ход военного конфликта на ливонском пограничье в 1340-е годы. Для того чтобы сделать столкновение интересов наглядным, военно-политическая ситуация представлена в виде треугольника с тремя вершинами: «русской» – Псков, «литовской» – Витебск, «немецкой» – Нейгаузен. Если первые две вершины этого треугольника (Псковская республика и Витебск, где княжил князь Ольгерд, представитель литовской династии Гедиминовичей) не вызывают вопросов, то третья требует некоторого пояснения. Ливония не представляла единого политического образования, о чем будет сказано ниже. Поэтому в качестве третьей вершины треугольника и третьей стороны конфликта нами выбран замок Нейгаузен на ливонско-псковском рубеже. Хотя он не был самым крупным ливонским замком в регионе, но оказался тесным образом связан с событиями рассматриваемой нами пограничной войны. Более того, его постройка в 1342 г. стала одним из катализаторов этого военного конфликта. Интересно отметить, что замок оставил след в русской культуре, дав название исторической повести А.А. Бестужева-Марлинского «Замок Нейгаузен» (1824 г.).

Материал и методы. Основой для изучения событий «забытой войны» являются русские летописи – псковские и новгородские. В рамках данной статьи мы опираемся на старшую Псковскую 1-ю летопись [1], сведения 2-й и 3-й летописей привлекаются в тех случаях, когда они содержат дополнительную информацию [2]. Материалы псковских летописей дополняются Новгородской первой летописью младшего извода [3]. Немецкий взгляд на события дают орденские хроники (Германа Вартбергского и Виганда Марбургского, опубликованы в «Scriptores rerum Prussicarum» [4]) и ливонские актовые документы, собранные в издании «Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch» [5]. Чрезвычайно интересные свидетельства сохранились в произведениях рыцарской поэзии, которые до сих пор в недостаточной степени привлекались исследователями. Речь идет о произведениях поэта и герольда Петера Зухенвирта, который в своих похвальных песнях австрийским рыцарям упоминает об их походах на земли Литвы и Руси [6]. Использованы общенаучные и специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. ***Накануне конфликта.*** Первая треть XIV века была временем, когда контуры Восточной Европы начали более отчетливо проступать после «темного века» восточноевропейского Средневековья. На этот период приходятся становление Великого княжества Литовского и начало его активной экспансии на восточнославянские земли. К сожалению, обстоятельства вхождения русских княжеств в состав ВКЛ практически не освещены в источниках. Это в полной мере относится и к долгому (около 1320–1345 гг.) княжению в Витебске Ольгерда, сына великого князя Гедимина. Недавнее исследование В.А. Воронина показало, как на самом деле скудны и случайны наши сведения о правлении Ольгерда в Витебске и насколько сильно они основаны на поздней, не всегда достоверной, традиции [7]. Тем не менее можно говорить о том, что Ольгерд деятельно

укреплял княжество (при нем Витебск получил каменный замок: «*Видбеск, 3 стены камены*», по выражению «Списка русских городов ближних и дальних») и пытался распространить свое влияние на соседние русские земли – Смоленск, Можайск, Ржеву, позднее – на Псков и Новгород. Свидетельством наличия у витебского князя политических интересов в Балтийском регионе является торговый договор, заключенный 1 ноября 1338 г. между Ливонским орденом и городом Рига с одной стороны и великим князем литовским Гедимином и «королями Полоцка и Витебска» (Наримонт и Ольгерд соответственно) – с другой.

XIV век был в истории Балтийского региона великой эпохой рейзов (нем. *reysa*: поход, бой, битва) – крестовых походов европейской знати на литовских язычников и русских «схизматиков». В изучении данной проблематики классическими являются работы немецкого исследователя В. Паравичини, показавшего значение этих походов в рыцарской культуре Средневековья [8–9]. В основном поток «гостей» направлялся в Пруссию, где поддерживал постоянное военное давление Тевтонского ордена на Великое княжество Литовское. Однако это крестоносное движение затрагивало и Ливонию. В отличие от Пруссии, где сложилось орденское государство, Ливония никогда не являлась единым политическим организмом. «Земля Девы Марии» (средневековое название Ливонии) представляла собой сложную политическую систему, ключевыми элементами которой были Ливонский орден (а точнее – ливонское отделение Тевтонского ордена), четыре епископства (Рижское, Дерптское, Курляндское и Эзель-Викское) и крупные города, игравшие самостоятельную политическую роль, – Рига, Ревель, Дерпт. Особняком стояла северная Эстония, находившаяся под властью Датского королевства. Около 1330 г. многолетняя борьба Ливонского ордена с Ригой и рижским архиепископом завершилась победой Ордена. Это создало условия для более активной военной политики Ливонского ордена как в направлении Литвы, так и в отношении Новгорода и Пскова. Таким образом, и боярские республики после периода относительно мирного существования в первой трети XIV века все чаще оказывались втянутыми в конфронтации как с Литвой, так и с Ливонией.

Инцидент на Опочне и начало войны. 9 сентября 1341 г. «*в Лотыголе, на селе на Опочьне*» немцы убили пять псковских послов – Михаила Любиновича и «*дружину его*» [1, с. 18; 2, с. 24]. Убийство вызвало большой резонанс и было отмечено по всех псковских летописях, более поздняя Псковская 3-я летопись даже дает поименный список погибших: «*оубиша ... Михаля Либиновича, Евана Михалковича и Смена Леонтьевича, Власиа Колотиловича, Анфилаа Полоуторановича на мироу*» [2, с. 92].

Немецкая версия событий дошла до нас в изложении Германа Вартбергского. Псковские послы вели переговоры с Вольдемаром фон Врангелем, представителем рижского архиепископа, и братом Генрихом фон Плескау, представителем Ордена. Ночью некоторые русские проникли на постоялые дворы немцев, ели и пили там, учинили беспорядок, а затем в пьяном виде начали ругать немцев, что привело к столкновению, в котором несколько русских было убито [4, S. 68–69]. Эта версия не очень лестна для псковской стороны. Однако вне зависимости от того, насколько мы готовы доверять немецкому хронисту, нет оснований сомневаться, что причины убийства послов не были обусловлены высокой политикой и лежали в плоскости случайного бытового конфликта.

Тем не менее убийство послов «*на миру*» давало законный повод для начала военных действий, и реакция псковичей была быстрой и жесткой. 21 декабря они вторглись вместе со своим служилым князем Александром Всеволодовичем в Ливонию и разорили приграничные немецкие села [1, с. 18; см. также: 2, с. 93]. По сообщению Германа Вартбергского, нападению подверглись земли дерптского епископа, на помощь которому пришел Орден [4, S. 69]. Псковская 3-я летопись не ограничивается упоминанием этого большого похода, а дает более подробную картину военных предприятий псковичей на протяжении всего следующего 1342 г. [2, с. 93–95]:

март: нападение за реку Нарову «*в мале дроужине*» и захват посада Ругодива (Нарвы);

начало мая: поход на ладьях с посадником Ильей «*в рекоу во Омовжю, и повоеваше села немецкаа по обе стороны Омовже*»;

июнь: поход охочих мужей с Филиппом Ледовичем и Олферием Селковичем на «*Лотыгороу*» (Латгалию), закончившийся встречным боем псковского отряда (60 человек) с немецким (200 человек), первоначальная неудача псковичей и гибель Олферия обернулись победой, когда подоспели «*островичи*» (жители г. Острова) с Василием Онисимовичем;

«*то же месяца*»: поход «*пещци молодые люди*» (50 человек) с Карпом Даниловичем за Нарову, столкновение и победа над немецким отрядом;

зимой того же года: поход с Володшей Строиловичем «*селъ немецких воевати, зиме, по озероу, по леду*» и победа над немецким отрядом, пытавшимся напасть на псковское село Ремда.

Эти сообщения Псковской 3-й летописи интересны тем, что показывают «механизм малой войны», который теряется при взгляде на события «с высоты птичьего полета», когда оказываются видны лишь самые крупные военные предприятия, организованные на государственном уровне. Очевидно, что не все подобные набеги «ватажек» охочих людей были официальными предприятиями Псковской республики. Во многих случаях это была частная инициатива в рамках общей войны с немцами, типологически близкая походам новгородских ушкуйников того же времени. Упоминания о встречных столкновениях с небольшими немецкими отрядами показывают, что примерно так же выглядела ситуация и с ливонской стороны. Конфликт приобретал, таким образом, самостоятельную динамику, которая не в полной мере контролировалась с «верхних этажей» государственной власти.

Уже зимой 1341/42 гг., вскоре после первого похода на немцев, в Пскове начались какие-то внутренние конфликты, по всей видимости, связанные с обострением псковско-ливонских отношений. Служилый князь Александр Всеволодович «*разгневався на псковичь*» и покинул город: по сообщениям псковских летописей – по своей инициативе, по сообщению новгородской – псковичи «*выпровадили*» князя [3, с. 354]. Псковичи оказались в непростом положении: без князя и в состоянии войны со всеми своими немецкими соседями – Ливонским орденом, Дерптским епископством и Датской Эстонией (к ней относился город Ругодив/Нарва). Не ясно, планировали ли руководители Псковской республики такое большое «*разратие с Немцы*» или же оно стало результатом спонтанного выброса конфликтного потенциала, нашедшего свой выход в желании пограбить ближайшие владения соседа. Описанные выше походы «ватажек» охочих людей скорее заставляют склониться ко второму варианту. Применяя современную терминологию, можно говорить об эскалации конфликта и потере управляемости над ним.

Ответная реакция немцев не заставила себя ждать. Весной 1342 г. немцы поставили в непосредственной близости от границы с псковскими владениями («*contra scismaticos*») два каменных замка – Нейгаузен (*Neuhausen*, известен так же, как *Frawenborch*, в русских источниках – *Новый городок*, современный поселок Вастселийна в Эстонии) на землях Дерптского епископства и замок Мариенбург (*Marieborch*, современный город Алуксне в Латвии) на землях Ливонского ордена [4, S. 70]. Это была скоординированная акция Дерптского епископства и Ордена, на что указывает не только одновременность сооружения замков, но и их общее посвящение Деве Марии. Появление двух каменных замков в непосредственной близости от границы и главного псковского форпоста – Изборска – не могло не обеспокоить псковичей. Как показали дальнейшие события, построенные замки, особенно Нейгаузен, стали удобной базой для нападений на псковские земли. Все это было в полной мере понятно уже весной 1342 г., в связи с чем в Пскове приняли решение любой ценой уничтожить новые немецкие опорные пункты. Для этого Пскову понадобились союзники.

Новгородские и псковские летописи излагают разные версии дальнейших событий. Согласно новгородской летописи, прибывшее в Новгород псковское посольство сообщило о подготовке немцев к нападению на Псков и просило о помощи. Однако, когда новгородцы выступили в поход, к ним прибыли новые псковские послы, которые сообщили, что войны у них с немцами нет, а немцы «*ставят город на рубежи на своеи земли*». Послушав «*молбы*» псковских послов, новгородское войско повернуло обратно. После этого «*предашася плесковици Литве, отвергъшеся Новаграда и великага князя*». Таким образом, новгородский летописец констатировал разрыв союзнических отношений между Новгородом и Псковом и выход Пскова из политической системы Великого княжества Владимирского, правитель которого традиционно осуществлял верховный сюзеренитет над Новгородом и Псковом. С точки зрения Новгорода это был чрезвычайно резкий и немотивированный поворот внешней политики Псковской республики [3, с. 354].

Псковский летописец излагает последовательность событий иначе. После того как случилось «*разратие с Немцы*», служилый князь Александр Всеволодович поссорился с псковичами и поехал прочь из города. Вскоре псковичи отправили послов в Новгород, прося «*наместника и помощь*», но не получили ни того, ни другого. В это время пришли немцы и поставили Новый городок (Нейгаузен) «*на Псковъскои земле*». Не имея другого выбора, псковичи отправили посольство к Ольгерду с жалобой на новгородцев и просьбой о помощи [1, с. 18].

Обе версии тенденциозны и немного «спрямляют историю». Очевидно, что по-

сольств из Пскова в Новгород было, по крайней мере, три: одно в самом начале конфликта с немцами, другое весной 1342 г., когда немцы начали строить Нейгаузен, третье в тот момент, когда новгородское войско выступило (или готовилось выступить) в поход. И новгородский, и псковский летописцы акцентируют внимание на том посольстве, которое им было выгоднее: псковский – на первом, когда Новгород оказался не готов сразу поддержать «младшего брата», новгородский – на втором и третьем, когда Псков сначала запросил, а потом отклонил новгородскую помощь. Указание псковского летописца на то, что немцы поставили Нейгаузен на Псковской земле, не соответствовало действительности, но показывало нежелание псковичей мириться с существованием этого замка. Его разрушение и было главной целью Пскова. По-видимому, весной 1342 г. псковичи отправили одновременно два посольства – в Новгород и к князю Ольгерду в Витебск, и когда получили весть о согласии Ольгерда – выбрали литовскую ориентацию. Псковичи рассчитывали, что военная помощь со стороны могущественного князя будет более действенной, чем помощь новгородцев, известных своей нерешительностью в военных конфликтах, напрямую не затрагивающих их интересы.

Первый бой под Изборском. Первоначально казалось, что ставка была сделана верно: 20 июля 1342 г. Ольгерд вместе со своим братом Кейстутом и с войском «*мужии своих Литовъковъ и мужии видьблянъ*» прибыл в Псков. Однако двигаться в поход на немцев Ольгерд не спешил. На разведку к ливонской границе, к Нейгаузену, он отправил лишь своего «*воеводу*», князя Юрия Витовтовича, с отрядом псковских и изборских охочих людей. Именование Юрия князем и его литовское отчество позволяют сделать вывод, что он принадлежал к роду Гедиминовичей, вероятнее всего, он был племянником Ольгерда и Кейстута. 2 августа отряд Юрия неожиданно столкнулся с немецким войском, направлявшимся к Изборску. В завязавшемся сражении отряд Юрия был разбит, сам он «*в мале дружине*» бежал в Изборск. На следующий день немцы подступили к Изборску. Положение защитников быстро стало критическим, т.к. город не был готов к осаде и в нем ощущался недостаток питьевой воды. В этот момент к Изборску подошли с войском Ольгерд и Кейстут. Однако, захватив языка и узнав от него «*силу велику немецькия рати*», Ольгерд и Кейстут со своими литовскими и витебскими полками отступили к Пскову. За ними были вынуждены последовать и псковичи, надо думать, крайне недовольные такой осторожностью приглашенного ими князя. В одной из стычек погиб князь Любко, еще один родственник Ольгерда и Кейстута. Из осажденного Изборска слали просьбы о помощи, однако литовские князья и их дружина отказались выступать на помощь городу, о чем с негодованием написал псковский летописец. К счастью, немцы не знали об отсутствии воды в городе и через десять дней сняли осаду и отступили от Изборска, чем закончилась военная часть кампании [1, с. 18–19; см. также: 3, с. 354–355].

Политическая часть кампании получила продолжение в Пскове. Жители города настоятельно желали крестить Ольгерда и посадить его у себя в качестве служилого князя. Ольгерд отверг оба этих предложения. По мнению В.А. Воронина, крещение снижало шансы Ольгерда на престол Великого княжества Литовского [7, с. 13], очевидно, что и положение владетельного князя в Витебске представлялось ему более перспективным, чем роль служилого князя в Пскове. В результате переговоров был найден компромисс: в Пскове был крещен и посажен на княжеский стол Андрей, сын Ольгерда. Такое решение не сильно удовлетворяло псковичей: летописец сопроводил рассказ об отъезде Ольгерда и Кейстута ремаркой, что они «*помощи никоея же оучинивше*», а псковичам остается уповать лишь на Бога и своих небесных заступников. В довершение всех бед на Псков и Изборск обрушилось моровое поветрие [1, с. 19].

Так закончился первый раунд военного конфликта, вызванного убийством псковских послов. Для Пскова он был скорее неудачным: псковичи потерпели несколько чувствительных поражений, не смогли воспрепятствовать строительству немецких крепостей у своих границ, испортили отношения с Новгородом, потеряли своего служилого князя Александра Всеволодовича и не получили равноценную ему замену в виде кого-то из литовских князей. Фактически они перешли «*под руку*» Ольгерда, не получив взамен желаемой военной помощи или иных ясных выгод для своей республики. Такое соглашение не могло быть прочным. Судя по тому, что при рассказе о походе псковского войска в Эстонию в 1343 г. упоминаются псковский князь Иван и изборский князь Остафий (Евстафий) [1, с. 20], Андрей недолго сидел на псковском столе и был вынужден покинуть его и отправиться к своему отцу. Тем не менее ситуация была в целом благоприятна для Ольгерда, т.к. «*разратие*» Пскова с немцами и конфликт с Новгородом объективно повышали влияние витебского князя в Псковской республике. Немцы, убийством послов спрово-

цировавшие (скорее невольно, чем сознательно) начало военных действий, строительством крепостей на границе с Псковом подчеркнуто продемонстрировали свою готовность к дальнейшей эскалации конфликта. По сообщению Виганда Марбургского, весной 1343 г. магистр Ливонского ордена осаждал Изборск. Впрочем, точная датировка этого сообщения не совсем ясна: хронист эксплицитно говорит, что магистр находился под Изборском в момент начала восстания эстов (апрель 1343 г., см. ниже), но при этом называет как ориентир «*день св. Лаврентия*» (10 августа) [4, S. 502]. Вероятно, Виганд совместил в одном рассказе несколько разных событий, в частности перенес сюда и рассказ о боях под Изборском в августе 1342 г.

Восстание Юрьевой ночи. Положение резко изменилось 23 апреля 1343 г., когда началось восстание эстов, вошедшее в историю как «восстание Юрьевой ночи». Восстание быстро охватило всю Датскую Эстонию, по сообщению немецких и русских источников, оно сопровождалось безжалостным истреблением немцев [14, S. 70–71, 501–502; см. также: 3, с. 357]. В мае восставшие осадили Ревель, в котором укрылись датчане и немцы со всей Эстонии, и установили контакт со шведским фогтом Выборга, пытаясь использовать давнее шведско-датское соперничество. Однако это был пик успехов восстания, оказавшихся непродолжительными. Знать и духовенство Эстонии призвали на помощь Ливонский орден, войска которого разгромили основные силы эстов под Ревелем и перешли к массовому террору против восставших, опустошая целые области.

Псковичи не могли не воспользоваться столь удачным стечением обстоятельств и с удовольствием «погрузили персты в кровоточащие раны» Ливонии. 26 мая 1343 г. значительное псковское войско (подняли «*всю свою область*», по словам псковских летописцев; новгородская летопись говорит о 5000 мужах) под предводительством псковского князя Ивана и изборского князя Остафия вторглось на территорию Ливонии и в течение пяти дней опустошало окрестности Медвежьей Головы (Оденпе): «*не слазя с конь, где то не бывали ни отцы ни деди*». На обратном пути, недалеко от Нейгаузена, псковичи были настигнуты ливонцами, которые навязали русским сражение. В сражении, состоявшемся 1 июня 1343 г. (летопись называет дату 1 июля, однако это явная ошибка летописца), псковичи разгромили немцев, в бою погиб и представитель знатного ливонского рода Иоганн фон Левенвольде, что было специально отмечено и в русских летописях, в которых он был назван как «князь». Значительными были потери и псковской стороны. Смятение в Пскове вызвало и то обстоятельство, что в начале боя некоторые воины бежали с поля боя, и некий «поп Руда» принес в город весть, что «*псковичь и изборянъ побили Немцы*». Благополучное возвращение войска вызвало в городе радость и веселие [1, с. 20, 11–12 (страницы Псковской 1-й летописи в этом месте перепутаны); см. также: 3, с. 356–357].

Нет сомнения, что вторжение псковского войска в самый разгар восстания эстов было воспринято ливонцами крайне болезненно. Малая пограничная война между соседями была делом обычным, большая война – привычным и неизбежным злом. Однако вмешательство Пскова в дела Ливонии произошло в момент экзистенциальной борьбы между немцами и эстами, характеризовавшейся крайним ожесточением сторон. В 1343 г. у Ордена не было возможности отплатить Пскову той же монетой. Несмотря на то, что после разгрома основных сил эстов в мае под Ревелем восстание пошло на убыль, до окончательного замирения было еще далеко. В июле восстание перекинулось на остров Эзель, куда бежали многие эсты с материка [см. сводную запись НПЛ, суммирующую события 1343 и 1344 гг.: 3, с. 357]. Немецкое население острова подверглось истреблению.

По сообщению немецкого хрониста Виганда Марбургского, великий магистр Тевтонского ордена направил в Ливонию 700 лучших конных воинов. Всю осень 1343 г. прусские и ливонские орденские братья подавляли очаги сопротивления эстов, беспощадно уничтожая «*врагов веры*» [4, S. 503–504]. В феврале 1344 г. ливонский магистр со всеми своими силами переправился на остров Эзель. Там ему удалось захватить укрепление восставших эстов и казнить их предводителя – «*короля Вессе*» [4, S. 71–72, 503–504]. Однако для того, чтобы окончательно сломить сопротивление эстов на Эзеле, потребовалась еще одна экспедиция в начале 1345 г. [14, S. 72].

Непосредственным результатом восстания стало усиление влияния Ливонского ордена в северной Эстонии. 29 августа 1346 г. король Вальдемар продал эти владения датской короны Ордену за 19000 серебряных марок [5, S. 407–409]. Реализация сделки (подтверждение со стороны папы римского и императора, передача денег, вывод датских гарнизонов, переприсяга вассалов и подтверждение их прав и т.д.) затянулась надолго и приковала к себе основное внимание ливонских братьев Ордена вплоть до конца 1347 г.

Заключение. События в Прибалтике в начале 1340-х годов вызвали большой резонанс в Европе. Римский папа Климент VI издал несколько булл, призывающих европейских правителей поддержать Тевтонский орден против его врагов. Маркграф Людвиг Бранденбургский потребовал от Ордена, чтобы он объединил силы с польским королем Казимиром против литовцев и русских. Король Вальдемар Датский заключил мир с королем Магнусом Шведским, последний 5 сентября 1343 г. заключил отдельное соглашение с представителями Эстонии, что положило начало втягиванию Магнуса в дела Ливонии [5, S. 365–366]. Таким образом, региональный конфликт, непосредственным истоком которого был бытовой конфликт на ливонской границе, стремительно разрастался в большую войну [10–14].

Литература

1. Псковские летописи / под ред. А.Н. Насонова. – Вып. 1. – М.–Л., 1941.
2. Псковские летописи / под ред. А.Н. Насонова. – Вып. 2. – М., 1955.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / под ред. и с пред. А.Н. Насонова. – М.–Л., 1950.
4. Scriptores rerum Prussicarum / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. – Bd. 2. – Leipzig, 1863.
5. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von F.G. von Bunge. – Bd. 2: 1301–1367. – Reval, 1855.
6. Peter Suchenwirt's Werke aus dem vierzehnten Jahrhunderte: Ein Beytrag zur Zeit- und Sittengeschichte / Hrsg. von A. Primisser. – Wien, 1827.
7. Варонін, В.А. Княжанне Альгерда ў Віцебску / В.А. Варонін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 7. – С. 4–14.
8. Paravicini, W. Die Preussenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Teil 1. – Sigmaringen, 1989.
9. Paravicini, W. Die Preussenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Teil 2. – Sigmaringen, 1995.
10. Nikžentaitis, A. Die friedliche Periode in den Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden und dem Grossfürstentum Litauen (1345–1360) und das Problem der Christianisierung Litauens / A. Nikžentaitis // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – Bd. 41. – Stuttgart, 1993. – S. 1–22.
11. Кузьмин, А.В. Восточная Европа и поражение войск Великого княжества Литовского в битве на р. Страве 2 февраля 1348 г.: военные и внешнеполитические итоги / А.В. Кузьмин // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 5. – Минск, 2012. – С. 84–115.
12. Мартынюк, А.В. Кто и когда впервые произнес на латыни и по-немецки «Белая Русь»? / А.В. Мартынюк // Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.). – М., 2015. – С. 27–38.
13. Мартынюк, А.В. Кто убил Юрия Витовтовича? Опыт историко-криминалистического расследования / А.В. Мартынюк // Древняя Русь. Вопросы медиевистики (в печати).
14. Шаскольский, И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке / И.П. Шаскольский. – Л., 1987.

Поступила в редакцию 06.04.2016 г.

УДК 94(476.5)«192»:394:070.23(1-21)(476.5)

Дискуссии о новом быте на страницах газет г. Витебска периода нэпа

Яковлева Г.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

1920-е годы в СССР характеризуются внедрением новой советской безрелигиозной обрядности и дискуссиями в «верхах» по этому поводу. Сторонникам революционной обрядности Л. Троцкому и писателю В. Вересаеву противостояла умеренная позиция председателя Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославского.

Цель исследования – рассмотреть, какое отражение нашли дебаты о новом быте на страницах газет г. Витебска, во-вторых, выявить, какие аспекты борьбы за новый быт больше всего волновали местных партийцев, комсомольцев и рабкоров.

***Материал и методы.** Работа выполнена на основе материалов периодической печати 1920-х годов. Методологической базой являются принципы историзма, достоверности и объективности. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический), а также описательный метод, которые позволили выявить общее и особенное в характере дискуссий о новом быте, проходивших в советском обществе 1920-х гг.*

***Результаты и их обсуждение.** Во второй половине 1923 – начале 1924 г. в Витебске и губернии начинается массовое внедрение нового быта по-советски в виде красных свадеб, празднования Нового года по-советски, красных крестин (или, как их стали называть, октябрин). Одним из средств его пропаганды стала местная печать. Номера газет полны материалов о проведении обрядов в новых советских формах (революционных свадеб, октябрин (коммунистических крестин)), проводившихся в городе и губернии, о праздновании Нового года по-советски, а также о многочисленных дискуссиях по поводу нового быта и приличного поведения. Общесоюзный контекст дискуссий просматривается на страницах витебской прессы достаточно хорошо. Наибольшие споры вызвала практика проведения октябрин. Радикальные предложения по организации «красных похорон» поддержки у местного населения не нашли. Все 1920-е годы продолжались дискуссии о разумных формах развлечений местного населения и необходимости изживания хулиганства, пьянства, сквернословия в рабочей среде.*

***Заключение.** Дебаты в «верхах» о разработке и внедрении новой обрядности были знакомы на местах. Суть этих споров прослеживается в тематике и даже лексике заметок витебских газет. На местном уровне шли дебаты о конкретной практике проведения тех или иных советских обрядов (октябрин, красных похорон). Практика дарения подарков материального характера новорожденным воспринималась многими отрицательно, как затемняющая суть революционных крестин. Велись дискуссии о том, что в советских условиях понимать под приличным поведением, каким должно быть новое коммунальное жилье для рабочих, чем пагубны увлечения азартными играми.*

Пик интереса к проблемам новой семейно-бытовой обрядности приходится на 1924–1926 гг. Позже количество публикаций на эту тему сокращается. В 1920-е гг. наибольшие изменения в сфере обрядов и праздников произошли среди молодежи, для которой традиционные стереотипы и правила поведения не были так важны, как для старшего поколения. В бытовых практиках местной молодежи утверждались свадьбы «без попа», венчание становилось формой девиантного поведения. Несмотря на споры о том, можно или нельзя комсомольцам танцевать, так и не были, да и не могли быть изжиты пресловутые «танцульки». Отзвуки споров о нашумевшем в 1920-е годы «половом вопросе» видны и в местной прессе.

Ключевые слова: *«красные обряды», новый быт, октябрины, повседневность.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 37–46)

Discussions on New Type of Lifestyle in Vitebsk Newspapers during the New Economic Policy (NEP) Period

Yakovleva G.N.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The 1920-s in the USSR are characterized by the introduction of new Soviet religious-free rites and discussions on the level of authorities on this issue. The adherents of the revolutionary rites L. Trotski and writer V. Veresayev were opposed by a moderate position by Chairman of the Militant Atheists Union Yem. Yaroslavski. The reflection of these debates in Vitebsk newspapers as well as the aspects of fight for the development and introduction of «red rites» (red weddings, Soviet type baptizing, red funerals), which worried local Party leaders, Russian Communist Youth Union members, workers-reporters, is analyzed in the article.

Адрес для корреспонденции: e-mail: gnyakovleva@mail.ru – **Г.Н. Яковлева**

The aim of the article is to consider the reflection of debates on new lifestyle on Vitebsk newspaper pages and, secondly, to find out which aspects of the fight for new lifestyle worried local Party leaders, komsomol members and workers-reporters.

Material and methods. *The work is done on the basis of 1920-s periodicals. The methodological base is principles of historizm, reliability and objectivity. General scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization) as well as special historical methods of the research (comparative historical, historical genetic, historical typological) were used in the article, as well as the descriptive method, which made it possible to find out the general and the special in the character of discussions on new everyday lifestyle, which took place in the Soviet society in the 1920-s.*

Findings and their discussion. *In the late 1923 – early 1924 in Vitebsk and the Region Soviet type of new lifestyle was widely introduced in the form of red weddings, Soviet celebrations of New Year, red baptizing or, as it was called, oktiabriny. Local newspapers became one of the means of their promotion. Newspapers were full of materials about new Soviet forms of old rites: revolutionary weddings, oktiabriny (Communist baptizing), Soviet way of New Year celebrations, which took place in Vitebsk and the Region, as well as about multiple discussions on new lifestyle and decent behaviour. The public context of discussions is visible on the pages of Vitebsk newspapers. The practice of oktiariny stirred much controversy. Radical ideas on «red funerals» were not supported by local population. During the 1920-s discussion went on about reasonable forms of local population entertainment and the necessity to eradicate hooliganism, drunkenness, filthy language in the workers' environment.*

Conclusion. *Debates on the authority level on the development and introduction of new rites and rituals were known locally. The idea of these debates can be traced in the topics and even vocabulary of Vitebsk newspaper articles. At the local level debates were about definite practice of various Soviet rituals (oktiabrini, red funerals). The practice of giving presents of material character to newly born babies resulted in the negative attitude, as the one which corrupted the idea of revolutionary baptizing. Discussions were about what was considered to be decent behaviour, about what new communal accommodation for workers should be like, about the harm of gambling.*

The peak of the interest in the issues of new family life rituals was in 1924–1926. Later the amount of publications on the topic reduced. In the 1920-s biggest changes in the sphere of rites and holidays took place among young people, for whom traditional stereotypes and rules of behaviour were not as important as for the older generation. In everyday practices of local youngsters weddings without priests became popular, engagement was considered as a form of deviant behaviour. In spite of discussions about whether komsomol members could or couldn't dance, dance parties did not disappear. Local newspapers also published debates on the notorious in the 1920-s «sex issue».

Key words: *«red rites», new lifestyle, oktiabrini, everyday routine.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 37–46)

Меняя мир, большевики пытались сломать и все традиционные структуры повседневности. Главной сферой вторжения партийно-государственных структур в жизнь людей стала семейная обрядность, связанная с рождением детей, заключением браков, этапами завершения жизненного пути. Ранее эти области человеческой повседневности регулировались нормами церкви и социальным статусом семьи.

В условиях нэпа, когда вопросы идеологии были еще предметом дискуссий, по мнению А. Соколовой, сформировались три точки зрения на роль государства в развитии новой советской безрелигиозной обрядности: (1) полное отсутствие администрирования и интереса к новой обрядности со стороны государства (Ем. Ярославский (1878–1943)), (2) отсутствие прямого администрирования при сильном внимании государства к новой обрядности (Л. Троцкий (1879–1940)) и (3) активное государственное администрирование, разработка и последующее внедрение новой обрядности в административном порядке (В. Вересаев (1867–1945)). В первой половине 1920-х годов на практике преобладает точка зрения Л.Д. Троцкого [1]. В 1923 г. он написал серию статей, включенных в знаменитый сборник «Вопросы быта». В материале «Семья и обрядность», советуя подмечать ростки новой обрядности, возникающие на местах, Л. Троцкий отметил: «Но, не регламентируя этого творческого процесса, нужно уже сейчас всячески помогать ему. [...] Всякие новые формы, зародыши новых форм и даже намеки на них должны попадать на страницы печати, доводиться до всеобщего сведения, пробуждать фантазию и интерес и тем толкать коллективное творчество новых бытовых форм вперед» [2].

Цель исследования – рассмотреть, какое отражение нашли дебаты о новом быте на страницах газет г. Витебска, во-вторых, выявить, какие аспекты борьбы за новый быт больше всего волновали местных партийцев, комсомольцев и рабкоров.

Материал и методы. Работа выполнена на основе материалов периодической печати 1920-х годов, которые сохранились в Государственном архиве Витебской области. Методологической основой являются научные принципы историзма, достоверности и объективности. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический), а также описательный метод, которые позволили выявить общее и особенное в характере дискуссий о новом быте, проходивших в советском обществе 1920-х гг.

Результаты и их обсуждение. Во второй половине 1923 – начале 1924 г. в Витебске и

губернии начинается массовое внедрение нового быта по-советски в виде красных свадеб, празднования Нового года по-советски, красных крестин (или, как их стали называть, октябрин). Одним из средств его пропаганды стала местная печать. Номера газеты «Известия Витебского губисполкома и губкома РКП» за 1924 г. полны материалов о проведении обрядов в новых советских формах. В разделе «Рабочее житье-бытье» была рубрика «Новый быт», где сообщалось о революционных свадьбах, коммунистических крестинах, проводившихся в городе и губернии, праздновании Нового года по-советски, а также о многочисленных дискуссиях по поводу нового быта. Газета попыталась ввести новую рубрику «Почему этого нет у нас?», в которой собиралась помещать разные сообщения столичных и провинциальных газет об удачных и достойных подражания практических формах культурного строительства в других местах СССР. Первой публикацией стала перепечатка 8 февраля 1924 г. из «Рабочей газеты» (органа Московского комитета РКП(б) и Моссовета) статьи «Борьба за новый быт». В ней приводились многочисленные примеры инициатив рабочей молодежи по борьбе с хулиганством, руганью и матерщиной в своей среде и фактов создания обществ «Борьбы за новый быт» или «кружков культурной речи» в разных губерниях страны [3, л. 92]. Новая рубрика не прижилась, но общесоюзный контекст дискуссий по поводу нового быта просматривается на страницах витебской прессы достаточно хорошо.

Интересно, что на страницах витебской газеты споров о том, в какой форме проводить свадьбу, фактически не велось. Среди партийцев и комсомольцев свадьбы «без попа», несомненно, получили распространение, участие в смотринах, свадьба с венчанием рассматривались как серьезное нарушение партийной дисциплины. Однако старшим поколением и особенно в деревне новые формы заключения брака воспринимались отрицательно («собачья свадьба» – известное выражение тех лет). А вот вопросы о том, как относиться к новым формам имянаречения и организации ухода человека из жизни, вызвали дискуссию.

Объектом вытеснения становится таинство крещения, в ходе которого ребенку давалось имя, новорожденный вступал в ряды рабов Божьих. По аналогии с другими красными праздниками-«заместителями» появились «красные крестины» (октябрины). За основу нового советского обряда имянаречения – октябрин – брался старый сценарий, но происходило наполнение его новым содержанием и символами [4, с. 168]. В ходе октябрин родители политически социализировались, так как именно они порывали с религиозной традицией. Выбор имен носил принципиальный характер, осуществлялся не по святцам, а голосованием на собрании или имя предлагалось руководством местной партийной или комсомольской ячейки. Детей называли новыми революционными именами либо в честь коммунистических вождей.

В «Известиях» 3 января 1924 г. была опубликована статья «Старый быт дает трещину». В ней утверждалось, что бывшие недавно диковинкой советские крестины становятся «повседневным, почти заурядным явлением», но это «... покамест только внешнее проявление нового быта, советизации нашей частной, личной жизни» [3, л. 6]. И тут же сообщалось сразу о трех случаях проведения красных крестин в городе. «Октябрили» новорожденных, родители которых работали на железной дороге, в строительстве и на маслозаводе № 33. На торжественных собраниях мальчики получили имена Пионер, Ким, Маркс, Виль. Двум девочкам-близнецам рабочего-кузнеца Пескина дали имена Лена (в память о Ленских событиях)[1] и Кома («в память незабвенной Парижской Коммуны»). Маркс получил подарки от партийной ячейки и администрации маслозавода № 33 и шефов. Его приветствовали представитель 2-го райкома РКП и заведующая отделом по работе среди женщин райкома. Мальчик Виль, девочки Лена и Кома от ячеек РКП и РКСМ, от губотдела профсоюза строителей получили коляску, люльку, подушечки и красные шелковые одеяла. Маркс Аксельрод был зачислен красноармейцем в подшефную воинскую часть и стал седьмым членом ячейки РКСМ маслозавода. Детей, чьи родители являлись членами профсоюза строителей, зачислили юными пионерами звена им. Спартака и Клары Цеткин и вручили значки и удостоверения с надписью «Будь готов!».

Подобная схема проведения октябрин стала стандартной, варьировались только имена, качество и количество подарков, шефы, которые брали над детьми идейное шефство, и то, куда зачисляли детишек в почетные члены (в РКСМ, пионеры, члены профсоюза). В феврале газета уже сообщала о красных крестинах в Орше, Полоцке, некоторых деревнях. Полоцкие таможенники назвали сына своего коллеги Марксом. Его шефом стала ячейка РКП, профсоюз советских работников зачислил младенца в члены профсоюза и

[1] Ленские события – трагические события 4(12) апреля 1912 года, в ходе которых была применена сила против рабочих Ленских золотых приисков, расположенных в районе города Бодайбо в Сибири. Ленский расстрел вызвал массовые стачки и митинги протеста, в которых участвовали около 300 тыс. человек.

освободил от уплаты взносов как безработного [3, л. 83 об.]. На станции Орша проводили советские крестины в годовщину 5-летия со дня убийства К. Либкнехта. Отец-партиец передал сына представителю РКП с надеждой, что партия воспитает из него настоящего коммуниста. Тот, принимая младенца, пообещал от имени партии, что обязанности, возложенные отцом на партию, будут выполнены и передал ребенка представителю РКСМ для воспитания. Секретарь РКСМ, в свою очередь, сообщил, что малыш зачислен кандидатом в члены РКСМ, вручил ему кимовский значок[1], огласил имя новорожденного – Карл [3, л. 83 об.].

Как правило, родители либо сами торжественно обещали воспитать младенцев преданными идеям революции, либо обращались к партийному руководству завода, уезда или «волостному комитету РКП(б) и РКСМ воспитать сына как будущего борца за идею коммунизма» [3, л. 105 об.]. Иногда корреспонденты, сообщая о красных крестинах, прямо называли секретаря ячейки РКП «приемным отцом». Например, в Полоцке таковой на общем собрании профсоюза советских работников заявил, что «новорожденный Владимир будет достоин звания сына РКП», а шефы – профсоюз – вручили младенцу почетный членский билет, коляску и одеяло [3, л. 93 об.].

Секретарь ячейки витебского кожевенного завода Мергольд предложил назвать девочку беспартийного рабочего Бабера именем Деяна в честь событий 9-го января 1905 года [3, л. 83 об.]. Кстати, встречается и имя мальчика – Дян [3, л. 149]. Интересна трактовка местными партийцами имени Леонид – в честь «Ленских событий» [3, л. 126 об.].

21 января 1924 г. скончался В. Ленин. Поэтому, наряду с именами в честь К. Маркса, К. Либкнехта, в честь 9-го января, детишек часто называли именами Виль, Нинель, Лена или Ленина. В клубе им. Парижской Коммуны во время октябрин девочку назвали Лениной и исполнили похоронный марш в память о вожде [3, л. 86].

Упоминаемые на страницах печати крестины проходили в значимом месте, как правило, в клубе, где всегда были красные знамена, стол, покрытый алым сукном, портреты вождей. Обязательное торжественное заседание с приветствиями партийных и профсоюзных руководителей часто включало в себя развенчание таинства крещения и разъяснение значения крестин по-советски («как далеко ушли мы теперь от всех нашептываний и поливаний»). На сцене присутствовал почетный караул пионеров, после оглашения имени ребенка подносили к красному знамени, привязывали к пеленкам красные банты, пели «Интернационал». После этого начинались спектакли, концерты художественной самодеятельности, спортивные вечера, чаепития.

Верхом щедрости стали красные октябрины в конце января 1924 г. на фабрике «Двина». Для них ячейка РКП(б) специально выбрала беспартийного рабочего с 20-летним трудовым стажем. Прозвучали приветствия от управления фабрики, профсоюза текстильщиков, РКСМ. Девочка, названная в честь Ленских событий Лениной, получила 1 червонец, 32 аршина мануфактуры (ткани. – *Г.Я.*). Профсоюз записал ребенка в свои ряды, также и в списки безработных, обязавшись выплачивать ей пособие в течение 6 месяцев как безработной [3, л. 91 об.].

То, как проводились первые в городе крестины по-советски, вызвало дискуссию в печати. Рабкор С.Л. в феврале 1924 г. в заметке «Октябрины надо устраивать без подарков и зачисления в “почетные”» призвал читателей высказать свое мнение по этому поводу [3, л. 114]. Автор посчитал, что внедрение нового быта в Витебске приняло извращенные формы, т.к. многочисленные подарки затемняют истинный, идейный смысл октябрин, дают повод родителям устраивать праздник по-новому с целью материальной выгоды. Почему, задавал вопрос рабкор, не имея никаких заслуг, кроме просто факта рождения и рождения в рабочей среде, новорожденный зачисляется в члены профсоюза, да еще и в «почетные»? «Культурное шефство и наблюдение за воспитанием в советском духе – вот задача шефских организаций». Пока ребенок находится в младенческом возрасте, шефы должны следить за тем, чтобы мать воспитывала ребенка не по советам «бабок», а несла бы его в консультацию и ясли. Другие рабкоры, включившиеся в дискуссию, во мнениях разошлись. Одни считали подарки проявлением духа товарищества и коллективизма, не обременительными для рабочего кошелька [3, л. 120 об., 131 об.]. Приветствовали и практику давать младенцам имена вождей, т.к. это обязывает рабочий класс в целом и каждого рабочего в отдельности воспитывать детей так, чтобы быть достойными своего имени. Другие

[1] Кимовский значок – значок члена РКСМ. Пятый съезд комсомола 17 октября 1922 г. учредил единый значок для всех членов РКСМ, где на флажке размещалась аббревиатура «КИМ», что было вызвано принятой на этом съезде формулировкой: «Российский Коммунистический Союз Молодежи – секция Коммунистического Интернационала Молодежи». КИМ – Коммунистический Интернационал молодежи – международная молодежная организация, секция Коминтерна (III Коммунистического Интернационала) (1919–1943).

выступали против присвоения новорожденным имен вождей. «Может ведь в одно прекрасное время случиться такой казус, когда личность, носящая имя вождя, окажется недостойной быть в нашей пролетарской среде» [3, л. 120 об.]. Отзвуки дискуссии явно проявились в том, как чуть позже «октябрили» детей председателя фабзавкома очковой фабрики Бейлинсона и рабочего Вингера. Здесь подарками были только портреты вождей, имена которых получили дети (мальчика назвали Вилем в честь В.И. Ленина, девочку – Розой в честь Р. Люксембург). А сами крестины характеризовались «деловитостью, отсутствием лишних и красивых слов, буффонады и прочего, делающего крестины каким-то актом бесцельного словоизлияния» [3, л. 131 об.]. Без подарков прошли октябрины и в 15-м полку. На октябринах у ребенка командира 1-го батальона этого полка т. Чибинцева и его жены присутствовали представители от женотдела, губкома РКП(б), профсоюза щетинщиков. Малыша, названного Владимиром, зачислили в красноармейцы полка и юные пионеры. До 8-летнего возраста его обязались воспитывать полковая ячейка РКП и командование полка [3, л. 147].

Надо признать, что дискуссия о формах проведения октябрин была услышана руководством губернских профсоюзов. «В связи с тем, что многие союзные организации тратят средства из культфонда на проведение “Октябрин”, президиум ГСПС признал в принципе недопустимым тратить средства из культфонда не по прямому назначению» [3, л. 161]. Фактами многочисленных октябрин в Витебске, местечках и деревнях губернии пестрели местные газеты на протяжении всего 1924 г. Однако постепенно волна организованных партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями крестин по-советски пошла на спад.

Следующим аспектом начавшейся в газете дискуссии о новом быте стала проблема похорон. Эта сфера, как и брачно-семейные отношения, в дореволюционный период жестко регулировалась церковью. До 1917 года похороны лиц, крещенных в православии, регламентировались Уставом Русской православной церкви. Похоронить человека, минуя церковное отпевание и участие священника в похоронной процессии, было практически невозможно. В дореволюционном обществе, строго разделенном по чинам и сословиям, правила погребения соответствовали тому месту в социальной структуре общества, которое занимал покойный. После октября 1917 г. вслед за идеей гражданского брака стала реализовываться и практика гражданских похорон. Принятие декрета СНК РСФСР от 20 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и декрета СНК РСФСР от 7 декабря 1918 года «О кладбищах и похоронах» привело к упразднению сословно-иерархической системы похорон и обязательности религиозного похоронного обряда [1]. Идею красных похорон «без попа» стали поддерживать и на партийно-государственном уровне. Хотя даже Троцкий признавал, что для широких масс в рамках всей новой советской обрядности «несравненно труднее обстоит дело с погребением. Хоронить в землю неотпетого так же непривычно, чудно и зазорно, как и растить некрещеного» [2]. Очевидно, что дискуссии об этой стороне нового быта затронули и местных активистов, и партийцев. В заметке «Давайте обсудим (О быте)» автор озаботился вопросом о том, как устроить по-новому похороны. Он утверждал, что многие из крестьян уже осознали всю ненужность разных поповских обрядностей, но без некоторых из них в деревне трудно обойтись. Если мы без труда можем устроить октябрины, красный брак, то красные похороны в деревне устроить почти невозможно. Он признавал, что без «отпевальщиц и чтецов» и их «завываний» не обойтись, т.к. они помогают убитым горем родственникам хоть на время забыться, а во-вторых, без этого никто не придет посидеть и помочь справиться с тяжелой и неприятной работой по похоронам [3, л. 65 об.]. Продолжил дискуссию один из самых активных рабкоров газеты – М. Грибов, судя по лексике его заметок, несомненно, знакомый с работами Л. Троцкого. «Новый революционный быт – это вопрос большой величины и сложности. Но сам быт состоит из маленьких мелочей. Мы должны на каждом шагу бороться со всем старым, косным, внушенным нашим предкам царями и богами». Вспоминая недавние похороны товарища по партии, он писал, что несовместимы кресты и памятники со священными надписями рядом с революционными лозунгами на венках, странно звучали революционные песни и речи на этом месте. Он предложил создать братские кладбища для неверующих, чтобы и «после смерти избавить наших товарищей от религиозного окружения» [3, л. 102 об.]. В дискуссию включился архитектор Гаммер, увидевший в спорах о похоронах помимо антирелигиозного аспекта еще и проблему градостроительную и эстетическую. Он предложил строить «крематориумы» как единственный культурно и эстетически приемлемый способ бытового решения вопроса, а кладбища сделать прекрасными общественными садами и парками, убрав оттуда деревянные, жестяные и каменные украшения. По его мнению, строительство галерей с урнами дало бы возможность людям

любых убеждений, религиозных или антирелигиозных, спокойно «хранить останки близких по семье, партии, взаимоотношениям» без излишних устаревших бытовых ритуалов и украшений [3, л. 124 об.]. Однако дискуссия о практике гражданских, красных похорон не получила дальнейшего распространения на страницах витебских газет.

Помимо дебатов о том, как должны проходить советские октябрины, свадьбы или похороны, имелся еще ряд аспектов повседневной жизни людей, требовавших, по мнению местных рабкоров, разрыва с дореволюционной традицией. Что считать хорошим тоном, признаком приличного воспитания? В 1924 г. в «Известиях Витебского губкома РКП и губисполкома» появилась заметка рабочего-обувщика «Что лучше: покупать ли торты и цветы или помочь беспризорным детям?». Автор писал о том, что после окончания пьесы «Диамериканерн», проходившей при участии артистки М. Либерт во 2-м театре, группа рабочих щетинной фабрики, желая доказать «свой хороший тон, преподнесла артистке... большой торт и вазу цветов». Это вызвало возмущение у части рабочих, т.к. преподнесение подарков говорит «не о высоком тоне щетинщиков, а скорее всего напоминает привычку старой буржуазии бросать на сцену труженикам-актерам крохи от своего стола». Если уж щетинщики слишком хорошо материально обеспечены – поскольку они тратят свои деньги даже на цветы и торты – то лучше бы, по мнению рабкора, они передали их в фонд помощи беспризорным детям [3, л. 206 об.]. Не считали местные общественники признаком хорошего тона и возродившуюся в условиях нэпа практику «чаевых». «Столовые, рестораны, кафе начали посещать нэпманы, биржевики со своими окриками “человек” и с подачками на чай за хорошее услуживание». По мнению авторов публикаций, «чаевые» – это один из самых скверных видов филантропии, что получать их унизительно. Надо вести с ними борьбу, разъяснять рабочим и официантам, что «подачка на чай не является желанием со стороны дающего повысить заработок, сколько желанием унизить его» [3, л. 120 об., 161 об.]. Рассчитывали получить на чай почтальоны и рассыльные почтово-телеграфных предприятий, доставлявшие корреспонденцию на дом. Автор заметки требовал озаботиться профсоюзу и администрации повышением их материальной обеспеченности и объявить борьбу чаевым, которые унижают человеческое достоинство и заставляют человека раболепствовать [3, л. 195].

Не вписывалась в новую жизнь и увлеченность горожан азартными играми. Необходимость помогать голодающим Поволжья, беспризорным детям, инвалидам войны вынудила государство разрешить развлечения, носившие азартный характер. 3 января 1924 г. при столовой Красного Креста в центре города был открыт коммерческий клуб «Лото» с карточными играми [3, л. 15 об.]. А в феврале уже развернулась целая кампания с требованием закрыть лото и все карточные заведения города. Рабкор Б. Пуринсон призвал профсоюзы города немедленно потребовать закрытия лото, т.к. на их удочку попадают на 90% рабочие и крестьяне, оставляющие здесь по копейке заработанные рубли. Если в Москве и Ленинграде лото оправдано тем, что «выжимает» из нэпорыловых монету в пользу советского государства, то в Витебске подобная цель не оправдывает средства. «Если лото и приносит прибыль, то моральное разложение и материальный убыток, который приносится рабочим, в десятки и сотни раз больше» [3, л. 89]. Заметки, требующие закрыть клубы с лото и карточными играми, механический ипподром, печатались вплоть до официального запрещения игорных заведений в СССР в 1928 г. Однако игры в лото и карты так и остались привычными формами досуга, переместившись в домашнюю, приватную среду.

Одной из самых злободневных тем, которая регулярно поднималась на страницах газеты, была проблема организации новых форм досуга и роли танцев в жизни молодежи. На протяжении всех 1920-х гг. комсомольцев беспокоил вопрос о правомерности танцев в жизни коммунистически сознательной молодежи вообще. Либо они пытались танцы, проводимые деревенской или «мещанской» молодежью, противопоставить комсомольским вечеркам (красным вечеринкам), организуемым ячейками союзной молодежи. Комсомолец М.А. в заметке «Клуб для свадебных танцулек» в феврале 1924 г. возмущался тем, что в клубе фабрики «Красная Звезда» в Бочейковском уезде вместо кружка можно видеть «ожесточенно вертящихся, танцующих людей. Все просто: сначала была в церкви свадьба, а потом в рабочем клубе устроили “венок” (танцы в честь свадьбы, после венчания)» [3, л. 155 об.]. В 1926 г. комсомольцы поднимали вопрос о том, что та или иная ячейка принимала решение не ходить на «пьяные вечеринки» и не танцевать, но часто об этом забывали даже секретари ячеек, пускаясь на свадьбах в пляс. Один из них при этом даже порвал свои боты и потерял часы [5, л. 38]. В «Заре Запада» автор заметки «Можно ли танцевать?» предложил обсудить решение высочанской сельской ячейки о том, что комсомольцы могут танцевать только на красных вечеринках в клубе,

но не должны ходить на деревенские вечеринки, где собирается вся деревенская молодежь. По мнению корреспондента, на деревенской вечеринке отказываться танцевать неправильно. Ведь этим комсомольцы отделяют себя от всей деревенской молодежи, а ради привлечения самой сознательной ее части в комсомол на деревенских вечеринках можно и потанцевать [5, л. 49]. Весной 1927 г. эта тема зазвучала несколько в ином ракурсе. Ф. Лабецкий в статье «Недостатки культурной работы (В порядке обсуждения)» констатировал, что танцы являются неотъемлемой частью всех вечеров. Однако комсомольцы не очень активничают в художественной самодеятельности, но зато чрезвычайно активны в танцах. По мнению автора, вместо «фокстротовщины», угрожающей молодежи, надо взять твердый курс на привитие разумных форм развлечения, включающих в себя физкультуру, новые игры, производственные танцы, музыкальные кружки, инсценировки. Нужно помнить, «во-первых, что все хорошо в меру, во-вторых, не все танцы полезны, многие из них просто вредны для здоровья, чем и понижают интенсивность на производстве» [6, л. 173 об.]. Однако, очевидно, что борьба против «танцулек» завершилась поражением. Истребить их как одну из традиционных форм досуга, особенно в деревне, не удалось даже самым рьяным сторонникам «разумных» развлечений.

Дискуссии о проблемах семьи, брака, пола являлись неотъемлемой частью общественной и литературной жизни 1920-х годов. У всех на слуху были произведения Б. Пильняка, П. Романова, С. Малашкина, затрагивавших эти темы. Один из рассказов П. Романова назывался «Без черемухи». «Метафорическое его название быстро стало нарицательным – как синоним грязных, пошлых, невозвышенных эмоциональных отношений, тех самых, против которых протестовала героиня» [7]. Одно из самых популярных в 1920-е годы произведений, изображающих уродливость концепции свободных отношений между мужчиной и женщиной, – сочинение С. Малашкина «Луна с правой стороны, или Повесть о необыкновенной любви», опубликованное в литературном отделе «Молодой гвардии» в 1926 году. С конца этого года в прессе множились письма протеста, на молодежных собраниях в вузах и университетах обсуждались и осуждались опубликованные тексты.

К местным дебатам по поводу литературных произведений, затрагивавших вопросы молодежного быта и половой распущенности среди студентов, «Заря Запада» обратилась в начале 1927 года. Газета 30 января сообщала, что юношеской секцией Дома просвещения организуется литературный суд по произведению П. Романова «Без черемухи», и пригласила на него партийцев и комсомольцев, а также членов профсоюза работников просвещения. Через несколько дней в рубрике газеты «За здоровую молодежь» появилось две заметки «С черемухой или без нее?» и «Без черемухи», где излагались взгляды на рассказ Романова и поднятые им вопросы двух основных оппонентов в ходе произошедшего суда. Один из них посчитал рассказ Романова клеветой на студенческую молодежь, не согласился с тем, как показан студенческий быт (грязь, нечистоплотность, небрежность). Главную героиню, утверждавшую, что среди студентов нет любви, а есть только половые отношения, и желавшую любви с черемухой, обозвал мещанкой, поклонницей поцелуев, воспитанницей нежной мамочки, а главного героя, если признать, что таковой есть, – запутавшимся интеллигентом, прогнившей личностью и жеребцом, не заслуживающим нашего внимания. Мнение второго оппонента было противоположным. Он отметил, что Романов устами героини хотел протестовать против «есенинских типов, против неряшливости, против животной любви», пытался показать «наш быт и его изъяны», которые действительно есть, и не согласился с тем, что «желание черемухи» – это мещанство. В черемухе ничего опасного нет. Надо только приветствовать тягу студентки к хорошему и светлому в отношениях. И тут же, в духе классовых клише того времени, утверждал: «Пьянство, хулиганство, половые извращения не способствуют пролетарской революции, поэтому это безнравственно». Выступавших было много. Но авторов заметок не удовлетворило то, что суд приговора не вынес, вопрос «С черемухой или без?» остался без ответа. Кого же или что же надо было судить: П. Романова за клевету, героев повести или судить факты общественной значимости? [6, л. 46 об., 54 об.]. Эти недосказанность и неясность не понравились некоему Рупору, который в своей статье «Против упрощенцев и вырожденцев» внес ясность в «вопрос о черемухе» совсем в духе новых партийных установок. А они понятно свидетельствовали о курсе партии на укрепление семьи и ее ответственности за родившихся детей, на борьбу против предыдущих теорий о свободной любви, «стакане воды» и т.д. Упрекая одного из участников суда в игнорировании очевидного, автор вспомнил и «десятикратные и двадцатикратные связи с загсом и без», и муки тысяч женщин-алиментщиц, и растущий сифилис, и десятки тысяч детей, «родившихся без черемухи, брошенных и зав-

шивленных». Упрощенчество в виде низведения любви к половому акту уничтожает любовь, в результате «пресыщение, отвращение, а в случае частой практики – и размягчение мозга или прогрессивный паралич». «Черемуха» – это совсем не «мещанская герань, цветочки, вздохи, ахи». Это нежное, бережное, чуткое отношение к любимому существу, решительно исключающее взгляд на женщину как «на постельную принадлежность». Вывод автора был однозначен: любовь в коммунистическом обществе будет моногамией, но не лицемерной, буржуазной моногамией, любовь только с черемухой, без сифилиса, без полного телесного и душевного разлада. Другого выбора нет [6, л. 61 об.]. Дискуссия имела продолжение, когда в апреле 1927 года газета сообщила о состоявшемся диспуте по произведению С. Малашкина «Луна с правой стороны». Корреспондент Лев Южин сообщал, что оно вызвало резко отрицательную реакцию у всех выступавших. Дочь деревенского кулака Таня Аристархова стала защитницей ленинского дела, поехала учиться в Москву в Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова. Попав там в омут разврата, она докатывается до 23-го мужа, капитулирует перед жизнью и покушается на самоубийство. Кратко пересказав сюжет, Южин особенно возмущался тем, как показал автор студентов Свердловского университета: «в желтых ботинках, английских костюмчиках, а девушек – в газовых платьях. Это ли не абсурд. Нелепость» [6, л. 190 об.].

Акценты, расставленные в ходе витебских дискуссий, явно свидетельствовали, что здесь хорошо уловили главную задачу текущего момента, как ее понимали партийные органы: «нужно было направить дебаты в русло “спокойного признания” второстепенности вопросов быта по сравнению с другими вопросами новой пролетарской морали и перенаправить (сублимировать) энергию из области половой жизни в область полной самоотдачи коммунистическому строительству» [7].

Однако помимо тех аспектов борьбы за новый быт, которые вызывали дискуссию в столице, «сверху», а потом обсуждались в регионах, можно увидеть и местную специфику. В 1926 г., в связи с планами строительства в Витебске нескольких каменных многоэтажных домов для рабочих, развернулась дискуссия о том, каким должно быть это жилье. Домам следовало иметь центральное отопление, электричество, парк или сад с небольшой площадкой для игр. Авторами предлагалась коридорная система с квартирами в одну-две комнаты. В каждом доме должны находиться одна общая столовая, прачечная, одна кухня. Столовую и кухню следует обслуживать какой-либо организации. Это спасет сотню женщин от неизбежной лишней траты времени и труда на приготовление пищи. А квартиры без ванн, кухонь, клозетов, по мнению автора статьи, будут более опрятными и гигиеничными и дадут возможность увеличить количество квартир. Другой участник обсуждения коммунального жилья предложил устанавливать в столовой сцену и киноустановку, что сделало бы столовую еще и культурным очагом. Авторы спорили о том, иметь ли одну кухню на весь дом или еще добавить железную плитку для разогрева молока в каждую квартиру или только на каждом этаже. Предлагая разместить уборные на каждом этаже, они считали, на сколько квартир должна приходиться одна уборная, чтобы не было грязно [5, л. 34, 48 об.]. Реализацию подобных замыслов оценили сами жильцы уже в 1929 году. К сожалению, идиллической жизни не получилось. Автор под псевдонимом «Жилец» описал бытовые реалии в новом коммунальном доме на 3-м этаже. Ими стали постоянные склоки и очереди по утрам у уборной, когда все спешат, всем нужно, а уборная одна; беспорядок в коридоре, грязь в общей кухне, протекающие раковины. Комендант в ответ на жалобы жильцов отвечал: «Нешто я дом этот строил? Строители пущай и отвечают» [8, л. 10 об.]. Вместо нового советского коммунального (общественного) быта получилась прозаическая коммуналка.

Новый быт предполагал и разумные развлечения. В это время появляется много публикаций о необходимости организации массовых выездов трудовых коллективов на природу за город (споры – с пивом или нет?), в качестве таковых упоминаются маевки, популяризируются физкультура и спорт, отдых в санаториях и домах отдыха, лагерях для пионеров. Пропагандируются детские площадки, которые должны стать, особенно в деревне, элементом нового быта, способствовать оздоровлению и воспитанию детей, пока их матери будут работать на производстве. Корреспондентка М. Рубина, описывая хорошую работу «1-го еврейского детского очага», отмечала, что через дошкольное воспитание надо идти к новому быту. Воспитатели вместе с родительским комитетом могут повлиять на жизнь и быт рабочих, способствуя изживанию религиозных предрассудков, привитию культурных привычек, обучая родителей воспитанию детей [5, л. 88 об.]. И если одни матери с опаской смотрели на детские ясли, сады и площадки, другие выступали с достаточно радикальными инициативами, хотя, надо признать, совсем в духе времени. Так, в апреле 1926 года «Заря Запада» всяче-

ски поддержала инициативу работницы-корреспондентки А. Бизуновой, предложившей создать временный летний дом ребенка, куда мать-работница может сдать малыша, уезжая отдохнуть в дом отдыха [5, л. 140 об.]. Правда, продолжения эта инициатива, хоть и поддержанная газетой, не имела (либо из-за нехватки средств, либо из-за брутальности предложения).

«Бытовое фантазерство» (Троцкий) сочеталось с критикой неприглядных реалий пролетарской повседневности. Рабкоров волновали прозаичные бытовые проблемы: грязь на рабочем месте, отсутствие или недостаток производственной одежды, нехватка мыла, полотенец, кипяченой воды для питья, рукомойников и т.д. [5, л. 6, 99 об.]. С 1926 года резко увеличилось количество заметок, в которых критиковались пьянство, сквернословие и хулиганство в рабочей среде. С одной стороны, перепечатывались статьи на эти темы из центральной прессы, с другой – массово стали публиковать дискуссионные материалы о медленной перестройке бытовых условий и культурного уровня местных рабочих, скуке, казенщине, а то и беспорядках, царящих в клубах. Если молодежь еще и находит себе занятие в клубах, то «старшее поколение подвизается в бильярдах, в пивных, за картами» [9, л. 32 об.]. Кроме «индивидуального» хулиганства в городе и окрестностях процветали настоящие «кулачные бои». В 1926 году о таком систематическом «коллективном хулиганстве», процветавшем на Городокском шоссе, писал Давид Штейн. Он предлагал властям и общественности бороться с хулиганством жестко и решительно. По его мнению, надо стремиться победить – чем скорее, тем лучше, – этого «внутреннего, опасного, сильного врага» [9, л. 28 об.].

Однако традиции держались крепко. Кулачные бои проходили в Витебске и еще в одном месте – на льду реки Двина в субботние и воскресные дни. П. Альхимович в статье «Против кулачных боев» описал в 1927 году эти бои, проходившие по ритуалу, «заведенному верно еще дедами». В 2 часа дня на льду реки напротив скотобойни начинают собираться сначала детишки 10–12 лет с одной и другой стороны, затем подростки, а потом и взрослые. И начинается бой, который длится до темноты, в котором участвуют, не считая зрителей, около тысячи «героев кулачного боя», причем, все они – рабочие, кустари и их дети. Эти бои пагубны не только потому, что наносят огромный вред здоровью и производству, а еще тем, что они являются «лучшей школой хулиганства», разлагающей молодое поколение. Автор считал, что простого разгона этих боев силами милиции мало, надо вовлекать молодежь в физкультурные кружки, сделать работу клубов интересной, чтобы в них шла молодежь, проводить беседы и показательные суды над любителями махать кулаками [6, л. 85 об.].

В 1927 году рабкор А. Исакович поднял вопрос о сохранении на стекольном заводе «Новка» под Витебском двух старых фабричных традиций еще дореволюционных времен. Первый обычай – «шнуры», второй – «деды». «Шнуры» – обычай для квалифицированных рабочих, в жизни которых произошло какое-нибудь важное событие: женитьба, рождение ребенка, «перевели на другой верстак». По этому поводу изготавливалась из стекла палочка «аршина в два», вручалась герою дня с поздравлениями, а он должен был, приняв «шнур», послать за водкой, которая и распивалась на фабрике в рабочее время или после окончания работы. На фоне почти «интеллигентных» «шнуров» «деды» похожи на грубое вымогательство выпивки. К верстаку, на котором работал виновник торжества, привозили чучело на тачке («деда»), обвешанное гремящими пустыми бутылками, и обливали верстак и работавшего на нем водой. Автор заметки уточняет: «“Не замочивши, не пойдет работа”, – говорят мастера». Хотя многим, особенно девушкам, все это явно не нравилось, но отказывались редко, ведь если не обеспечить выпивки, то скажут, что жадный, разбросают инструмент, не дадут работать. По мнению рабкора, заводской комитет должен искоренять эти традиции, дорого обходящиеся производству [6, л. 173 об.]. Похоже, что некоторые традиции неистребимы, и сегодня по-прежнему частенько «обмывают» новую должность, первую зарплату и т.д.

Заключение. Таким образом, дебаты в «верхах» о том, нужна ли новая обрядность и какую роль должны играть государство и партия в ее разработке и внедрении, были знакомы на местах. Суть этих споров прослеживается в тематике и даже лексике заметок витебских газет. Но на местном уровне споры шли о конкретной практике проведения тех или иных советских обрядов (октябрин, красных похорон, встреч Нового года). Практика дарения подарков материального характера новорожденным воспринималась многими отрицательно как затемняющая суть революционных крестин. Велись дискуссии о том, что в новых советских условиях понимать под приличным поведением.

Во-вторых, материалы витебских газет показывают, что пик интереса к новой семейно-бытовой обрядности приходится на 1924–1926 гг. Позже количество публикаций на эту тему сокращается. Однако проблемы быта как такового не уйдут со страниц печа-

ти. Вторую половину 1920-х гг. рабкоров будут волновать вопросы сквернословия, хулиганства и пьянства в рабочей среде, плохих бытовых условий на работе, сохранения старых привычек в быту и на рабочем месте. Не вписывались в новый быт, но оставались актуальными азартные игры как форма досуга. Кроме того, большевики действительно пытались наладить систему организованного отдыха рабочих. Маевка меняет содержание и смысл и превращается в организованный выезд коллектива на природу. Развивается сеть санаториев, домов и баз отдыха. Рабкоры своими критическими заметками старались сделать их работу более эффективной. Пропагандировались новые формы и методы воспитания детей. Велись дискуссии о том, каким должно быть строящееся жилье для рабочих.

В-третьих, в 1920-е годы наибольшие изменения в сфере ритуалов, обрядов и праздников произошли в среде молодежи, для которой традиционные социально-психологические стереотипы, правила поведения не были так важны, как для старшего поколения. В бытовых практиках местной комсомольской молодежи утверждались свадьбы «без попа», теперь венчание становилось формой девиантного поведения. Несмотря на ожесточенные споры о том, можно или нельзя комсомольцам танцевать, так и не были да и не могли быть изжиты пресловутые «танцульки». Отзвуки споров о нашумевшем в 1920-е годы «половом вопросе» среди молодежи видны и в местной прессе.

Ряд «красных обрядов», инициированных в начале нэпа, не прижился в советском обществе в силу их несовместимости с народными и религиозными традициями. Интерес со стороны партийных элит к внедрению «красных обрядов» приходит в упадок. Падение Троцкого, начавшийся «Великий перелом» сместили интересы властей. Попытки реорганизации семейной обрядности возродятся только в начале 1960-х гг.

Сокращения:

рабкор – рабочий корреспондент;

РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи;

губком – губернский комитет РКП(б);

РКП(б) – Российская коммунистическая партия большевиков;

губотдел – губернский отдел;

фабзавком – фабрично-заводской комитет.

Литература

1. Соколова, А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России / А. Соколова // Отечественные записки. – 2013. – № 5(56) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2013/5/nelzya-nelzya-novyh-lyudey-horonit-po-staromu. – Дата доступа: 30.09.2015.
2. Троцкий, Л. Семья и обрядность / Л. Троцкий // Проблемы культуры. Культура переходного периода [Электронный ресурс]. – М., 1927. – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl917.htm. – Дата доступа: 14.09.2015.
3. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Фонд 2289. (Коллекция периодической печати, тематических подборок периодической печати и непериодических изданий). – Оп. 2. – Д. 93.
4. Бондаренко, Е.Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией / Е.Д. Бондаренко // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4(46). – С. 166–171.
5. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 106. – Т. 1.
6. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 110.
7. Пушкарев, А.М. Из «тьмы» приватности на «свет» публичности (сексуальная этика в дискурсе художественной литературы и критики 1920-х гг.) / А.М. Пушкарев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/12/2006_4_pushkarev.pdf. – Дата доступа: 14.01.2016.
8. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 118.
9. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 106-б. – Т. 3.

Поступила в редакцию 22.04.2016 г.

УДК 940.5(476)

Уплыў польскай і савецкай адукацыйнай палітыкі на беларускую школьную справу ў 1919–1921 гг.

Трубчык А.Г.

Установа адукацыі "Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт", Мінск

У гістарыяграфіі застаюцца адкрытымі пытанні ўплываў адукацыйнай палітыкі на развіццё беларускай адукацыі ў перыяд польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.), адсутнічае колькасная характарыстыка навучальных устаноў, не вызначана роля нацыянальнай інтэлігенцыі ў развіцці беларускай школьнай справы і інш.

Мэта даследавання – прааналізаваць і параўнаць уплыў адукацыйнай палітыкі як польскай, так і савецкай улады на стан беларускай школьнай справы ў 1919–1921 гг.

***Матэрыял і метады.** Артыкул падрыхтаваны па матэрыялах, якія захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці, Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці, а таксама фондзе Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель (ГУУЗ), што знаходзіцца ў аддзеле рукапісаў і старадрукаў Варшаўскай публічнай бібліятэкі. Метадалагічную аснову вывучэння праблемы склалі прынцыпы гістарызму, аб'ектыўнасці, сістэмнасці. Былі скарыстаны гістарычна-генетычны, гістарычна-тыпалагічны і параўнальна-гістарычны метады.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** Ва ўмовах польска-савецкай вайны РСФСР і Польшча выкарыстоўвалі беларускую нацыянальную адукацыю як адзін з інструментаў ваенна-палітычнай і ідэалагічнай барацьбы. Пры дапамозе ўступак у галіне адукацыі і культуры палякі стараліся тактычна абмінуць вырашэнне пытання аб беларускай дзяржаўнасці. Аднак польскае кіраўніцтва недаацэньвала беларускіх лідараў, якія прадэманстравалі здольнасць да хуткай арганізацыі нацыянальнай культурна-асветніцкай працы. Расчараванне беларускіх дзеячаў вынікамі польскай палітыкі ў ліпені 1920 г. было выкарыстана савецкай уладай для прыцягнення іх на свой бок.*

***Заключэнне.** У час польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.) кіраўніцтва РСФСР і Польшчы дэкларавалі стварэнне школ з беларускай мовай навучання, аднак аб'ектыўна не былі зацікаўлены ў развіцці нацыянальнай школы беларусаў, якая з'яўлялася крыніцай пашырэння нацыянальнай свядомасці і важнейшым фактарам на шляху да станаўлення ўласнай дзяржаўнасці.*

***Ключавыя словы:** беларуская школьная справа, адукацыйная палітыка, польска-савецкая вайна (1919–1921 гг.).*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 47–53)

Impact of Polish and Soviet Educational Policy on Belarusian School Affairs in 1919–1921

Trubchyk A.H.

Educational Establishment "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk

The impact of the educational policy on the development of Belarusian education during the Polish-Soviet war in 1919–1921 is a questionable item in the historiography. There is no statistics of educational establishments, the role of national intellectuals in the development of Belarusian school system is not determined.

The aim of the research is to analyze and compare the impact of education policy of both Polish and Soviet power on the status of Belarusian school affairs in 1919–1921.

***Material and methods.** The basis of the article is the materials of the funds in the National Archive of the Republic of Belarus, The State Archive of Minsk Region, the State Archive of Grodno Region. The methodological basis of this problem is made up by historical, objective and system principles. The historic-genetic, historic-typological, comparative-historic methods were used.*

***Findings and their discussion.** In the conditions of the Polish-Soviet War Russia and Poland used Belarusian national education as an instrument of political and ideological struggle. Having achieved some concession in education and culture the Polish tried carefully to avoid the question of the Belarusian statehood. However, Polish administration underestimated Belarusian leaders, who demonstrated the organizational possibility of national cultural-educational work. Disappointment of the Belarusian activists with Polish policy in July of 1920 was used by the Soviet administration to entice them.*

***Conclusion.** During the Polish-Soviet War in 1919–1921 both Russian and Soviet authorities declared foundation schools with the Belarusian language of teaching. However, objectively, both of them were not interested in the development of national Belarusian schooling because it became a source of expansion of national consciousness and an important factor of the establishment of Belarusian own state.*

***Key words:** Belarusian school system, educational policy, the Polish-Soviet War in 1919–1921.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 47–53)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: lenadaschkewich@tut.by – **А.Г. Трубчык**

Праблема развіцця беларускай школьнай адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў час польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.) не знайшла ўсебаковага і комплекснага асвятлення ў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі. Сучасныя айчынныя даследчыкі вывучаюць беларускую школьную справу ў кантэксце такіх пытанняў, як станаўленне беларускай дзяржаўнасці і развіццё беларускага нацыянальнага руху (Р.Р. Лазько, А.М. Літвін, М.П. Касцюк, А.В. Ціхаміраў, А.М. Чарнякевіч і інш.) [1, с. 92]. Разам з тым не дадзена аб'ектыўная гістарычная ацэнка ўплываў адукацыйнай палітыкі як савецкай, так і польскай улады на развіццё беларускай адукацыі, адсутнічае колькасная характарыстыка навучальных устаноў, дыскусійным застаецца пытанне аб ролі нацыянальнай інтэлігенцыі ў развіцці беларускай школьнай справы, не вызначаны фактары, якія ўплывалі на фарміраванне адносін мясцовага насельніцтва да школ з беларускай мовай навучання і інш.

Вывучэнне беларускага пытання ў польскай гістарыяграфіі зыходзіць з падтрымкі тагачаснай адукацыйнай палітыкі (Ю. Тамашэўскі, Ю. Героўская-Калаўр, В. Сляшынскі, М. Семаковіч) [1, с. 93]. У шэрагу навуковых публікацый заніжаюцца нацыянальна-культурныя і дзяржаватворчыя імкненні і здольнасці тагачаснай беларускай інтэлігенцыі і самога мясцовага насельніцтва.

Мэта даследавання – прааналізаваць і параўнаць уплыў адукацыйнай палітыкі як польскай, так і савецкай улады на стан беларускай школьнай справы ў 1919–1921 гг.

Матэрыял і метады. Артыкул падрыхтаваны па матэрыялах, якія захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці, Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці, а таксама фондзе Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель, што знаходзіцца ў аддзеле рукапісаў і старадрукаў Варшаўскай публічнай бібліятэкі.

Метадалагічную аснову вывучэння праблемы склалі прынцыпы гістарызму, аб'ектыўнасці, сістэмнасці. Быў скарыстаны гістарычна-генетычны метад, пры дапамозе якога вызначана дынаміка ажыццяўлення адукацыйнай палітыкі на беларускай тэрыторыі ў залежнасці ад шэрагу ўнутрыпалітычных і знешнепалітычных фактараў. Гістарычна-тыпалагічны і параўнальна-гістарычны метады дазволілі параўнаць уплыў адукацыйнай палітыкі польскіх і савецкіх улад на развіццё нацыянальнай адукацыі беларускага народа, на вынікі развіцця беларускай школьнай справы, а таксама вызначыць асаблівасці дзейнасці нацыянальных школ у розных рэгіёнах Беларусі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Напярэдадні польскага наступлення (люты 1919 г.) беларуская школьная справа мела пэўныя дасягненні на тэрыторыі Міншчыны, Віленшчыны і Гродзеншчыны, часткова Магілёўшчыны, дзе ў сувязі з дзейнасцю БНР, беларускіх нацыянальна-дэмакратычных арганізацый нацыянальна-творчыя працэсы адбываліся больш актыўна.

Па прычыне ўсталявання савецкай улады (3 снежня 1918 г.) урад А. Луцкевіча пакінуў беларускую сталіцу і пераехаў у Вільна, а затым у Гродна. Частка беларускіх дзеячаў: В. Іваноўскі, Я. Лёсік, С. Рак-Міхалоўскі, Б. Тарашкевіч, А. Гірконт, Ф. Аляхновіч і інш. – засталася ў Мінску. Яны спадзяваліся, што змогуць разгарнуць беларускую культурную працу ва ўмовах бальшавіцкай улады. Беларуская школьная справа ўяўлялася як дзяржаватворчы фактар, важнейшы для кансалідацыі нацыі і пашырэння нацыянальнай свядомасці сярод мясцовага насельніцтва. Аднак нават ва ўмовах абвяшчэння ССРБ, а потым ЛітБел развіццё беларускай адукацыі не набыло шырокіх маштабаў.

Пытанне аб арганізацыі беларускамоўных школ разглядалася на некаторых мясцовых з'ездах работнікаў асветы, але да практычных вынікаў гэта не прыводзіла. На настаўніцкім з'ездзе Дзісенскага павета, які адбыўся 9–10 студзеня 1919 г., было прынята рашэнне адмовіцца ад арганізацыі беларускіх школ. У пастанове з'езда адзначалася, што "інтэрнацыянальны характар савецкай працоўнай школы не прадугледжвае стварэння вузкіх нацыянальных рамак" [2, а. 10]. Дапускалася, што ў некаторых рускіх школах будзе вывучацца беларуская мова як асобны прадмет.

Архіўныя дакументы сведчаць аб тым, што ў 1918–1919 навучальным годзе губернскія аддзелы народнай адукацыі амаль не мелі паказчыкаў у справе арганізацыі беларускіх школ. Беларускія секцыі былі створаны пры адзінкавых аддзелах народнай адукацыі. Так, у Бабруйску ў чэрвені–ліпені 1919 г. працавала 39 рускіх школ, 16 яўрэйскіх і 1 польская. Ніводнай беларускай школы ў горадзе не існавала. У Мінску з 85 школ было толькі 9 беларускіх, 8 з якіх – з часоў нямецкай акупацыі [3, с. 117].

З наступленнем польскіх войскаў актывізавалі сваю дзейнасць беларускія нацыянальныя палітычныя партыі і арганізацыі на Віленшчыне і Гродзеншчыне. Асаблівую

ініцыятыву праяўлялі Віленская беларуская рада (ВБР) і Цэнтральная беларуская рада Гродзеншчыны (ЦБРГ), якія ўзніклі ў студзені 1919 г.

Правячыя колы Польшчы разумелі, якім важным палітычным крокам з боку Савецкай Расіі было абвяшчэнне ССРБ-ЛітБел. Каб падтрымаць уласны аўтарытэт на акупаванай тэрыторыі, палякі афіцыйна не адмаўляліся ад стварэння беларускай дзяржаўнасці, наадварот, да кастрычніка 1919 г. шырока прапагандавалі ідэю федэрацыі. Беларускія ж нацыянальныя дзеячы і арганізацыі імкнуліся выкарыстоўваць у сваіх мэтах любыя ўступкі польскага ўрада, у тым ліку і ў пытаннях развіцця нацыянальнай адукацыі. У пачатку 1919 г. пад эгідай ЦБРГ быў створаны Беларускі настаўніцкі саюз на чале са старшынёй І. Антонавым.

Раскол у беларускім нацыянальным руху на Гродзеншчыне выразна праявіўся ў маі 1919 г. у сувязі з перамовамі дэлегацыі ЦБРГ з польскімі ўладамі. 10 мая 1919 г. дэлегацыя ЦБРГ на чале з П. Алексюком прадставіла Генеральнаму камісару Ю. Асмалоўскаму мемарыял на польскай мове “Аб палажэнні, аб патрэбах беларускага насельніцтва”. Беларускае прадстаўніцтва спадзявалася, што польскі бок дапаможа вырашыць эканамічныя праблемы краю, дазволіць шырокае самакіраванне і дзейнасць нацыянальных арганізацый, а таксама падтрымае развіццё сеткі беларускіх школ [4, а. 194–195]. Польскія ўлады лічылі беларускі нацыянальны рух слабым і няздольным да самастойных палітычных дзеянняў. Аднак ігнараваць памкненні беларускай эліты да дзяржаватворчасці з’яўлялася небяспечным. Важна было не дапусціць распаўсюджання савецкіх уплываў. Таму палякі паабяцалі вылучыць грошы на развіццё беларускіх школ. Відавочна, што саступкамі ў адукацыйнай сферы яны імкнуліся абмінуць вырашэнне нацыянальнага пытання.

У сучаснай польскай гістарыяграфіі існуе меркаванне аб тым, што беларускія лідары, прыкрываючыся нацыянальным пытаннем, мелі меркантыльныя мэты. Падобная ацэнка была дадзена дзейнасці кіраўніка ЦБРГ П. Алексюка. У пачатку чэрвеня ён атрымаў з Генеральнага камісарыята 30000 марак на арганізацыю беларускіх школ. Аднак польскім уладам не было прадстаўлена ніводнай справаздачы аб тым, куды пайшлі гэтыя грошы. Школьны інспектар ведаў, што Гродзенская рада адкрывае беларускія школы без яго ведама і ставіцца да яго як да інспектара выключна польскіх школ. Таму, калі некаторыя беларускія настаўнікі не атрымалі зарплаты і звярнуліся са скаргамі да Гродзенскага школьнага інспектара, ён пачаў “адпраўляць іх да пана Алексюка” [5, а. 20].

У гэты час адбыўся раскол унутры Беларускага настаўніцкага саюза. У чэрвені 1919 г. арыентаваная на супрацоўніцтва з польскімі ўладамі група на чале з Л. Дзекуць-Малеем прыняла рашэнне звольніць І. Антонава з пасады старшыні, а таксама забараніць яму далей працаваць у пачатковай беларускай школе па прычыне сувязі апошняга з Літоўскай Тарыбай. Вярнуўшыся з Коўна, Антонаў быў арыштаваны за антыпольскую агітацыю, сродкі, якія ён прывёз на арганізацыю беларускіх курсаў, былі канфіскаваныя і перададзеныя школьнаму інспектару. Адначасова адбылася “чыстка” Беларускага настаўніцкага саюза, які перайменавалі ў Беларускую школьную раду Гродзеншчыны (БШРГ) на чале з Дзекуць-Малеем [6, с. 39]. Кіраўніцтва Рады паспрабавала атрымаць канфіскаваныя ў Антонава грошы, аднак школьны інспектар катэгарычна адмовіў, вырашыўшы з гэтага часу трымаць беларускую школьную справу пад уласным кантролем.

Пасля правядзення Беларускага з’езда Віленшчыны і Гродзеншчыны (9–10 чэрвеня 1919 г.) ролю галоўнага палітычнага цэнтра беларускага нацыянальнага руху прыняла на сябе Цэнтральная беларуская школьная рада Віленшчыны і Гродзеншчыны (ЦБШРВіГ), утвораная па ініцыятыве партыі беларускіх эсэраў. У першы склад прэзідыума ўвайшлі К. Дуж-Душэўскі (старшыня), М. Кахановіч, Я. Станкевіч, Б. Тарашкевіч і інш.

Значную ўвагу ЦБШРВіГ надавала развіццю беларускай школьнай справы. Кіраўніцтва беларускімі школамі на тэрыторыі Віленшчыны і Гродзеншчыны даручалася школьнаму аддзелу Рады, начальнікам якога быў назначаны М. Кахановіч. Сярод асноўных накірункаў яго дзейнасці з’яўляліся: арганізацыя сеткі беларускіх школ на Віленшчыне і Гродзеншчыне, распрацоўка навучальных праграм, удзел у разглядзе ўрадавых пастаноў па пытаннях народнай асветы, падрыхтоўка настаўнікаў для беларускіх школ, кантроль за ажыццяўленнем навучання ў беларускіх школах [7, с. 72].

З 25 ліпеня па 3 верасня 1919 г. у Вільні былі арганізаваны І-я Беларускія настаўніцкія курсы, на якія паступілі 154 слухачы [8, а. 125–134]. Агульны курс беларусазнаўства, што ўключаў беларускую мову, літаратуру, гісторыю і геаграфію Беларусі, выкладалі прадстаўнікі ЦБШРВіГ Я. Станкевіч,

М. Кахановіч, К. Дуж-Душэўскі, а таксама В. Ластоўскі, М. Гарэцкі і інш. Гэтыя аўтарытэтныя і вельмі зацікаўленыя ў сваёй справе выкладчыкі моцна паўплывалі не толькі на адукацыйны ўзровень, а, самае галоўнае, на свядомасць курсантаў, якія ў выніку сталі сапраўднымі барацьбітамі за беларускую школу.

У той час, калі былі падрыхтаваныя першыя настаўнікі для Віленшчыны і Гродзеншчыны (верасень 1919 г.), школьны інспектар Віленскай акругі выдаў распараджэнні, якія рэгулявалі арганізацыю беларускіх школ. Умовы адкрыцця беларускіх школ распрацаваў школьны інспектар без удзелу ЦБШРВіГ. Польскія ўлады былі заклапочаныя тым, што аслаблены беларускі рух з дапамогай школ імкнуўся як мага хутчэй стварыць пласт нацыянальнай інтэлігенцыі. Афіцыйна забараніць беларускія школы было небяспечна. Прыхільнікамі федэралісцкай канцэпцыі ўтварэння дзяржавы прапаноўваліся найбольш аптымальныя сродкі для таго, каб схіліць насельніцтва, перш за ўсё беларускую эліту, на бок новай улады і тым самым прадухіліць верагоднасць праяўлення нацыянальна-вызваленчага руху. На І-я Беларускія настаўніцкія курсы ГУУЗ выдзеліла авансам 19000 марак, аднак астатняя частка грошай (27365 марак), якая прадугледжвалася ў каштарысе курсаў, не была выплачана [8, а. 107].

У пачатку верасня 1919 г. 95 выпускнікоў курсаў атрымалі ад Рады “назначэнні”, грошы на дарогу і пасведчанні, якія павінны былі даваць права адкрываць беларускія школы, і раз’ехаліся па паветах Віленшчыны і Гродзеншчыны [8, а. 11–12]. Па распараджэнні начальніка Віленскай акругі за дзейнасцю дадзеных асоб быў арганізаваны спецыяльны нагляд з боку польскай жандармерыі [7, с. 74]. Павятовыя школьныя інспектары і старасты не ведалі, як трэба ставіцца да беларускіх настаўнікаў, бо ніякіх афіцыйных папер і распараджэнняў ад цэнтральнай улады наконт гэтага не паступала. Большасць з выпускнікоў курсаў не была дапушчана да працы ў школах. Тыя, хто насуперак мясцовай адміністрацыі спрабаваў адчыніць беларускія школы, заставаліся без сродкаў да існавання.

У канцы кастрычніка 1919 г. на ІІ-х Беларускіх настаўніцкіх курсах, якія адбыліся ў Вільні, было падрыхтавана яшчэ 233 беларускіх настаўніка для Віленшчыны і Гродзеншчыны [7, с. 82].

Негатыўныя адносіны польскіх улад да развіцця беларускай школьнай справы не спынілі яе арганізатараў. ЦБШРВіГ актыўна дамагалася прызначэння побач з польскімі беларускіх школьных інспектараў. Генеральны камісар Ю. Асмалоўскі паабяцаў дапусціць беларусаў толькі ў якасці памочнікаў школьных інспектараў. Да канца верасня 1919 г. Рада накіравала пяць сваіх кандыдатаў у Гродзенскі, Вілейскі, Сакольскі, Бельскі і Ваўкавыскі паветы [7, с. 84]. З гэтых мясцовасцей у ЦБШРВіГ паступілі 23 сялянскія прыгаворы (рашэнні агульных вясковых сходаў) аб адкрыцці беларускіх школ, у сувязі з чым мясцовая адміністрацыя пачала ўспрымаць беларускіх інспектараў як антыпольскіх агітатараў. ЦБШРВіГ не мела паўнамоцтваў адчыняць школы без дазволу польскай улады. У сваю чаргу, школьны інспектар Віленскай акругі не зацвердзіў ніводнай беларускай школы.

Пасля акупацыі польскімі войскамі Міншчыны ГУУЗ пачало паступовую ліквідацыю беларускіх школ на тэрыторыі Віленшчыны і Гродзеншчыны, прапануючы іх адкрыццё толькі ў Мінскай акрузе. Цэнтр беларускага нацыянальнага руху перамясціўся ў Мінск, а пытанне аб геапалітычнай прыналежнасці беларускіх зямель заставалася адкрытым. Польскія ўлады зноў пачалі абяцаць саступкі беларусам у сферы нацыянальнай адукацыі.

На трэці дзень пасля авалодання Мінскам польскімі войскамі (10 жніўня 1919 г.) быў створаны прадстаўнічы орган беларускіх нацыянальных арганізацый – Часовы беларускі нацыянальны камітэт (ЧБНК). Аснову яго склалі тыя беларускія дзеячы, якія раней працавалі пры савецкай уладзе. Старшынёй камітэта быў абраны А. Прушынскі, яго намеснікам – У. Ігнатоўскі. Паводле свайго статута ЧБНК ставіў на мэце згуртаванне ўсіх беларускіх арганізацый Міншчыны для падняцця нацыянальнай свядомасці, духоўнай і матэрыяльнай культуры беларускага народа. Пры камітэце стварылі школьную камісію на чале з С. Рак-Міхайлоўскім, што з 30 жніўня 1919 г. была перайменавана ў Беларускую школьную раду Міншчыны (БШРМ) [9, а. 68].

10 верасня 1919 г. БШРМ афіцыйна паведаміла аб пачатку сваёй дзейнасці ў Мінскі магістрат, школьнаму інспектару Мінскай акругі, а затым у Генеральны камісарыят. 16 верасня 1919 г. гарадскія ўлады перадалі БШРМ 27 пачатковых школ і 17 вышэйшых пачатковых школ, большасць якіх мела рускую мову выкладання. Па загадзе польскіх улад, пытанне аб далейшай нацыянальнай прыналежнасці гэтых школ неабходна было пакідаць на рашэнне бацькоўскіх сходаў. У сувязі з гэтым у аддзел асветы магістрата пачалі

паступаць скаргі ад кіраўніцтва, настаўнікаў і бацькоў вучняў рускіх школ, у якіх гаварылася аб тым, што прадстаўнікі БШРМ аказваюць уціск на бацькоў пры вырашэнні пытання аб рэарганізацыі школ у беларускія [10, а. 70]. Таму польскае кіраўніцтва лічыла, што хуткі рост беларускіх школ звязаны перш за ўсё з фармальным пераводам былых рускіх школ на беларускую мову выкладання.

З 20 кастрычніка па 21 лістапада 1919 г. былі праведзены Мінскія беларускія настаўніцкія курсы, на якіх навучалася больш за 200 чалавек. Мэта – перападрыхтоўка працаўнікоў рускіх школ. Таму для атрымання пасведчанняў аб заканчэнні курсаў настаўнікі абавязкова павінны былі вытрымаць экзамен па беларусазнаўстве [10, а. 298]. Большасць настаўнікаў адмовілася ад гэтага экзамена, што магло сведчыць аб недастатковым узроўні іх падрыхтаванасці.

У студзені 1920 г. БШРМ выдала распараджэнне педагагічным радам беларускіх школ, згодна з якім навучанне ў першых класах павінна было праводзіцца толькі па беларускіх падручніках; ва ўсіх класах пачатковых школ беларускую мову трэба было выкладаць па 5–6 гадзін на тыдзень, у вышэйшых пачатковых школах у якасці абавязковых прадметаў уводзіліся гісторыя і геаграфія Беларусі. Апошні пункт распараджэння забараняў настаўнікам размаўляць з вучнямі і паміж сабой не па-беларуску. Дзейнасць БШРМ хутка дала станоўчыя вынікі: ужо ў снежні 1919 г. у Мінску дзейнічала 15 беларускіх пачатковых школ і 3 вышэйшыя пачатковыя школы [10, а. 358–359].

Адносіны польскіх улад да беларускага школьніцтва пагоршыліся з сакавіка 1920 г. Па ініцыятыве Ю. Пілсудскага 20–24 сакавіка 1920 г. у Мінску адбыліся беларуска-польскія перамовы. Польскую дэлегацыю ўзначаліў Лявон Васілеўскі, перад якім была пастаўлена задача ў сувязі з тым, што РСФСР звярнулася да ўрада Польшчы з прапановай аб спыненні ваенных дзеянняў і заключэнні мірнага дагавора, заручыцца падтрымкай беларускіх груповак, выключыўшы палітычныя патрабаванні [7, с. 88]. Беларуская дэлегацыя на перамовах у Мінску налічвала 8 асобаў, сярод якіх былі В. Іваноўскі, Я. Лёсік, кс. А. Станкевіч, А. Смоліч, П. Уласаў, С. Рак-Міхайлоўскі, К. Цярэшчанка і І. Серада. Польскі бок адхіліў усе палітычныя патрабаванні беларускай дэлегацыі, але абяцаў значныя саступкі ў галіне адукацыі і культуры. Палякі (пры ўмелым зніжэнні датацый) абяцалі дазволіць з 1920–1921 навучальнага года ўвядзенне выкладання беларускай мовы як абавязковага прадмета ва ўсіх школах, арганізацыю курсаў па падрыхтоўцы беларускіх настаўнікаў, гарантавалі аўтаномію для беларускай школы.

Большасць мясцовых чыноўнікаў незадаволілі вынікі перамоў, што прывяло да прызначэння новага школьнага інспектарата Мінскай акругі. Польская адміністрацыя на Міншчыне ніводнае са сваіх абяцанняў адносна беларускай школьнай справы не выканала.

У сакавіку з Генеральнага камісарыята быў атрыманы афіцыйны дазвол на аб'яднанне рэгіянальных Беларускіх школьных рад у Цэнтральную Беларускую школьную раду (ЦБШР) на чале з С. Рак-Міхайлоўскім (прадстаўніком ад БШРГ зацвердзілі Л. Дзекуць-Малея, ад БШРВ – Я. Станкевіча). Асноўнымі мэтамі абвяшчаліся арганізацыя беларускіх школ і кіраўніцтва іх дзейнасцю, падрыхтоўка настаўнікаў, забеспячэнне школ беларускімі падручнікамі і навучальнымі дапаможнікамі. Актывізавалася праца па стварэнні павятовых школьных рад, пачаліся праводзіцца беларускія настаўніцкія курсы ў Слуцку. Польскае кіраўніцтва не перашкаджала беларускім імкненням, аднак пільна кантралявала і акрэслівала дазволеныя рамкі.

Праца ЦБШР працягвалася да ліпеня 1920 г. і спынілася з прыходам у Мінск Чырвонай Арміі. Да гэтага часу колькасць беларускіх школ на тэрыторыі ГУУЗ дасягнула 300, дзейнічалі тры беларускія гімназіі – у Слуцку, Вільні, Мінску. Плённа працавалі на беларускую справу кніжныя выдавецтвы: Беларускае выдавецкае таварыства "Веда" ў Вільні, Беларускае школьнае выдавецтва і Беларускае культурна-навуковае таварыства ў Мінску і інш. [9, с. 73].

Выразныя тэндэнцыі для выкарыстання беларускай справы ў якасці інструмента польскай палітыкі рабілі з яе вызначальны фактар у савецкай кампаніі супраць Польшчы. Савецкі ўрад разумеў, што большая частка беларускіх дзеячаў, якія чакалі, што Польшча падтрымае развіццё беларускай дзяржаўнасці, канчаткова страцілі гэтую надзею пасля адыходу польскіх войскаў летам 1920 г. З другім абвяшчэннем ССРБ з'явілася спадзяванне на далейшае развіццё беларускай справы. Стварэнне беларускай дзяржаўнасці патрабавала ўзнікнення адпаведных дзяржаўных устаноў, дзе на пасадах пачалі б працаваць беларускія дзеячы.

Адным з прыярытэтных накірункаў савецкай нацыянальнай палітыкі з'яўлялася сфера народнай адукацыі. З заснаваннем 17 ліпеня

1920 г. Наркамасветы БССР, кіраўніком якога быў прызначаны П.В. Савацееў (ліпень–снежань 1920 г.), стварэнне розных тыпаў навучальна-выхаваўчых устаноў з нацыянальнымі мовамі навучання паўставала як частка дзяржаўнай палітыкі. Яна праводзілася ў адпаведнасці з "Дэкларацыяй аб абвяшчэнні незалежнасці Беларускай ССР" (31 ліпеня 1920 г.), якая прапаноўвала ўстанавіць поўнае раўнапраўе моў (беларускай, рускай, польскай і яўрэйскай) у стасунках з дзяржаўнымі ўстановамі і ў арганізацыях і ўстановах народнай асветы і сацыялістычнай культуры.

Пры Народным камісарыяце асветы ССРБ 1 жніўня 1920 г. быў створаны Беларускі аддзел. У Мінску яму падпарадкоўваліся 12 беларускіх школ I ступені (66 настаўнікаў) і 1 школа II ступені (12 настаўнікаў). У Слонімскім павеце падчас вераснёўскай эвакуацыі было 7 школ, у Баранавіцкім – 2, у Дзісенскім – 7, у Ігуменскім – 9. Згодна з прыгаворамі, якія паступілі ад насельніцтва, у Дзісенскім павеце патрабавалася арганізаваць 37 беларускіх школ, у Слонімскім – 30, у Баранавіцкім – 14 [11, с. 100].

З канца жніўня ў Ігуменскі павятовы аддзел народнай адукацыі паступіў шэраг заяў ад мясцовых настаўнікаў з просьбамі зацвердзіць беларускія школы, арганізаваныя БШР. Аднак савецкае кіраўніцтва не спяшалася ўзнаўляць дзейнасць беларускіх школ. Настаўнікам, якія не працавалі ў час польскай акупацыі (на Міншчыне гэта былі пераважна настаўнікі рускіх школ), прызначаліся дадатковыя грашовыя выплаты. У выніку большасць работнікаў школ павета адмовілася ад адкрыцця беларускіх школ, гаворачы пра сябе як пра рускіх настаўнікаў, якія не атрымлівалі зарплаты ад польскай улады.

13–17 снежня 1920 г. у Мінску адбыўся II Усебеларускі з'езд Саветаў, які ратыфікаваў дамову аб часовым перамір'і РСФСР з Польшчай і даў паўнамоцтвы Савету Народных Камісараў на правядзенне далейшых перамоў у Рызе. Пытанні беларускай мовы, адукацыі і выдавецкай справы на гэтым з'ездзе не закраналіся. Пасля з'езда ЦВК ССРБ прызначыў Савет Народных Камісараў на чале з А. Чарвяковым, народным камісарам асветы быў выбраны выкладчык Мінскага інстытута народнай асветы прафесар У. Ігнатоўскі. Вакол Народнага камісарыята асветы пачалі групавацца вядомыя беларускія навукоўцы і выкладчыкі – Я. Лёсік, А. Смоліч, М. Доўнар-Запольскі, акадэмік Я. Карскі і інш.

Ідэі нацыянальна-культурнага адраджэння знаходзілі падтрымку ў асяроддзі педагагічнай інтэлігенцыі. Гэта выразна праявілася на губернскім з'ездзе работнікаў народнай асветы, што адбыўся ў Мінску ў канцы снежня 1920 г. На ім разгарнулася спрэчка наконт таго, ці існуюць увогуле беларуская мова і культура. На канчатковыя рашэнні з'езда значна паўплываў даклад вядомага педагога-мовазнаўцы Івана Бялькевіча (выпускніка Свіслацкай семінарыі 1909 г., слухача Віленскіх беларускіх курсаў 1919 г.), які здолеў пераканаць дэлегатаў у тым, што беларуская мова і культура не знікла і мае неабходнасць у падтрымцы з боку дзяржавы і народа [12, с. 3].

Абмеркаванне пытанняў аб развіцці беларускай мовы, адукацыі і культуры на дзяржаўным узроўні ўпершыню адбылося на II Сесіі ЦВК БССР (4 лютага 1921 г.). На неабходнасць звярнуцца да гэтых праблем паўплывалі частыя патрабаванні іх вырашэння з боку беларускіх эсэраў, а таксама ўзмацненне беларускіх уплываў у Сярэдняй Літве і энергічная дзейнасць В. Ластоўскага ў Коўна. Пастанова, прынятая на сесіі, стварала ўражанне аб пачатку сур'ёзнай і шырокамаштабнай беларускай справы. Аддзелам асветы загадвалася тэрмінова пачаць пераход працы ў школах на беларускую мову, павінна была разгарнуцца работа па падрыхтоўцы беларускіх настаўнікаў і пераводзе ў школы педагогаў з іншых працоўных сфер, усе школы II ступені абавязваліся неадкладна ўключыць у праграму навучання беларускую мову як асобны прадмет, актывізавацца павінны былі Дзяржаўнае выдавецтва і літаратурна-выдавецкі аддзел Наркамасветы. Аднак на практыцы пастанова, якая давала вялікія магчымасці для беларускага адраджэння, дзейнічала вельмі павольна. Толькі ў красавіку 1921 г. арганізавалі беларускія настаўніцкія курсы і сталі вывучаць беларускую мову ў асобных школах.

Практычныя крокі насустрач развіццю беларускай культуры і асветы з боку савецкіх улад больш выразна праявіліся толькі вясной 1921 г., калі пры Народным камісарыяце асветы РСФСР было заснавана Беларускае цэнтральнае бюро, якое падпарадкоўвалася Цэнтральнаму савету па асвеце меншасцей. Яго галоўнай задачай з'яўлялася арганізацыя і кіраванне нацыянальнай сістэмай адукацыі ў раёнах кампактнага пражывання беларусаў на тэрыторыі РСФСР, галоўным чынам у Гомельскай, Віцебскай і Смаленскай губернях. На тэрыторыі Гомельшчыны, Віцебшчыны і Магілёўшчыны да сярэдзіны 1922 г. беларускія школы не працавалі, і Наркамасветы БССР не меў рэальнай магчымасці ўплываць на змяненне сітуацыі.

Заключэнне. Развіццё беларускіх нацыянальных школ ва ўмовах як польскай, так і са-

вецкай адукацыйнай палітыкі ў 1919–1921 гг. выразна адлюстроўвала адносіны кіраўніцтва РСФСР і Польшчы да пытання аб форме будучай дзяржаўнасці на беларускіх землях. Абодва бакі дэкларавалі стварэнне школ з беларускай мовай навучання, аднак ва ўмовах ваеннага часу (1919–1921 гг.) не было магчымасцей для практычнай дзейнасці ў гэтым кірунку. Адукацыйная праца беларускіх нацыянальных дзеячаў стрымлівалася наступным шэрагам фактараў: размытай этнаканфесійнай ідэнтыфікацыяй мясцовага насельніцтва, адсутнасцю адзінай дзяржаўнасці на ўсёй этнічнай беларускай тэрыторыі, палітычнай раз'яднанасцю беларускага нацыянальнага руху, недахопам уласных фінансавых сродкаў.

Польскі бок аб'ектыўна не быў зацікаўлены ў развіцці нацыянальнай школы беларусаў, якая з'яўлялася крыніцай пашырэння нацыянальнай свядомасці. Пасля афіцыйнага ўваходжання Заходняй Беларусі ў склад Польшчы (сакавік 1921 г.) адукацыйная палітыка польскіх улад пачала праяўляць асімілятарскую накіраванасць. У паветах праводзіліся ўлік і закрыццё ўсіх беларускіх школ.

У сваю чаргу, крокі савецкага кіраўніцтва, зробленыя насустрач ідэі беларускага нацыянальна-культурнага адраджэння ССРБ, заклалі падмурак будучай палітыкі беларусізацыі.

Літаратура

1. Трубчык, А.Г. Школьная адукацыя на тэрыторыі Беларусі ў час польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.): агляд гістарыяграфіі і крыніц / А.Г. Трубчык // Гісторыка-археалагічны зборнік. Да юбілею з дня заснавання Інстытута гісторыі НАН Беларусі: зб. навук. арт. Вып. 25 / Інстытут гісторыі НАН Беларусі; рэдкал. А.А. Каваленя (гал. рэд.), В.В. Даніловіч (нам. гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 89–96.
2. Протокол учительского съезда Дисненского уезда, 9–10 января 1919 г. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 766. – Воп. 1. – Спр. 13.
3. Няміга, Г. Школьніцтва ў БССР да разгрому "нацдэмаўшчыны" (1917–1930 гг.) / Г. Няміга // Беларускі зборнік / Інстытут для вывучэння СССР. – Мюнхен, 1995. – Кн. 2. – С. 11–171.
4. Memorjał w sprawie białoruskiej, 1919 r. // НАРБ. – Фонд 541. – Воп. 2. – Спр. 57.
5. Raport w sprawie szkolnictwa białoruskiego, 7.08.1919 // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Фонд 87. – Воп. 2. – Спр. 71.
6. Антонаў, І. Успаміны аб польскай акупацыі Гродзеншчыны ў 1919–1921 гг. / І. Антонаў. – Б.м., 1921. – 83 с.
7. Трубчык, А. Асноўныя накірункі адукацыйнай палітыкі на беларускай тэрыторыі Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель (1919–1920 гг.) / А. Трубчык // Białoruskie Zeczyty Historyczne (Беларускі гістарычны зборнік). Nr. 37 / Białoruskie Towarzystwo Historyczne; red. E. Mironowicz. – Białystok, 2012. – S. 70–90.
8. Справа Беларускіх настаўніцкіх курсаў у Вільні, 1919 г. // НАРБ. – Фонд 878. – Воп. 1. – Спр. 15.
9. Трубчык, А.Г. Школьная адукацыя ў Мінску ў перыяд польска-савецкай вайны (1919–1920 гг.) / А.Г. Трубчык // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2012. – № 3. – С. 67–73.
10. Дело с протоколами заседаний Магистрата г. Минска, август 1919 г. – февраль 1920 г. // Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Фонд 1806. – Воп. 1. – Спр. 46.
11. Белорусский отдел // Школа и культура Советской Белоруссии. – 1921. – № 1–2. – С. 100.
12. Што робіцца на Беларусі. Рэзалюцыя З'езду работнікаў асветы па беларускаму пытанню // Савецкая Беларусь. – 1921. – 25 лют. – С. 3.

Паступіў у рэдакцыю 06.04.2016 г.

УДК 903.21(477.43)«11/12»

О земледелии населения летописного Губина

Тымкив С.А.

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенка, Каменец-Подольский (Украина)

В статье автор на основе артефактов, происходящих из раскопок Губинского летописного городища XII–XIII вв. (с. Губин Староконстантиновского района Хмельницкой области, Украина), рассматривает результаты исследования о земледелии этого населенного пункта.

Цель работы – на основе археологических находок из раскопок Губинского городища попытаться выяснить значение земледелия для жителей указанного укрепленного центра.

***Материал и методы.** Статья подготовлена на основании археологических находок из фондов Старокостантиновского районного краеведческого музея, опубликованных монографий [1–2], а также публикаций исследователей Губинского летописного городища – И.С. Винокура и В.И. Якубовского [3–5]. Методологической базой являются общенаучные (анализ, сравнение, обобщение) и специально-исторические (историко-сравнительный) методы.*

***Результаты и их обсуждение.** Археологические материалы с Губинского городища, полученные в процессе раскопок 1997–2015 годов, свидетельствуют об аграрном характере городища в Княжескую эпоху. Найденные здесь земледельческие орудия труда (резаки-чересла, лемех, серпы, косы и оковка лопаты) подтверждают занятия земледелием жителями этого города. Также анализируются упряжи и ручные орудия для обработки грунта, орудия для сбора урожая и ручные механизмы для его переработки.*

***Заключение.** Обзор источников из раскопок Губинского летописного городища позволил сделать ряд выводов о том, что владельцы выявленных пахотных орудий труда были феодалами, которые обрабатывали грунт распашными орудиями труда, работавшими с помощью тягловой силы. Деревянные части пахотных орудий не сохранились, поэтому предметом рассмотрения были чересла, лемех, серпы, косы и другие орудия труда. С помощью пахотных орудий труда определяется не только место земледелия в хозяйстве, но и уточняется социально-экономическая структура губинского общества как важного центра древнерусского государства.*

***Ключевые слова:** Губин, городище, земледелие, коса, серп, лемех, лопата, чересло, плуг.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 54–58)

About the Agriculture of the Inhabitants of the Chronicle Gubin

Tymkiv S.A.

Kamyanets-Podilsky Ivan Ohienko National University, Kamyanets-Podilsky (Ukraine)

The author, on the basis of artifacts originating from the excavations of the chronicle settlement of Gubin of the XII–XIII centuries (the village of Gubin, Starokonstantinovsky District of Khmelnitsky Region, Ukraine), delivers the results of the research on the agriculture of this settlement.

The aim of the research is to try to find out the significance of agriculture for the inhabitants of this fortified center on the basis of archaeological finds from the excavations of the settlement of Gubin.

***Material and methods.** This article was prepared on the basis of archaeological finds from the funds of Local History Museum of Starokostantinovsky District and published monographs [1–2] as well as articles of the researchers of the chronicle settlement of Gubin especially I.S. Vynokur and V.I. Jakubowski [3–5]. The methodological base of the research is general scientific methods (analysis, comparison,) as well as special historic (the historical comparison method).*

***Findings and their discussion.** Archaeological materials from the settlement of Gubin, which are obtained during the excavations of 1997–2015, indicate the agricultural nature of the settlement in the epoch of Kyivska Rus. Agricultural implements (cutters such as: coulters, ploughshare, sickles, scythes and the handle of the spade) which are found here confirm the employment in agriculture by the inhabitants of this city. Harness and hand tools for the cultivation of the soil and tools for harvesting here are also analyzed.*

***Conclusion.** Overview the sources from the excavations of the chronicle settlement of Gubin, made it possible to draw a number of conclusions that the owners of the identified tillable agricultural implements were the seigniors, who cultivated the soil with arable farming tools, which worked with the help of draft animals. The wooden parts of agricultural implements were not preserved, so coulters, ploughshare, sickles, scythes and the other agricultural implements were the subject of our discussion. With the help of agriculture implements, not only the place of agriculture in farming is determined, but also the social and economic structure of society in Gubin, as an important center of the state of Kyivska Rus is specified.*

***Key words:** Gubin, settlement, agriculture, scythe, sickle, ploughshare, spade, coulter, plough.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 54–58)

Адрес для корреспонденции: e-mail: timksv1988@mail.ru – **С.А. Тымкив**

В ряде болоховских городов, пострадавших во времена монголо-татарского нашествия 1241 года, летописный Губин занимает важное место. Губинское городище является эталонной достопримечательностью второй половины XIII в. и, как считают ученые, существовало с 1136 по 1241 г. Верхний предел подтверждается находкой 2003 года: висячей свинцовой печатью князя Владимира Всеволодовича 1136 г. [1, с. 45]. Нижний – летописным упоминанием 1241 г. [6, с. 792]. Его укрепленный центр (площадью 4,6 га), без валов и рвов, находился в верховьях р. Случь. Остатки памятки фиксируются в южной части современного с. Губин Староконстантиновского района Хмельницкой области, в месте слияния рек Случь и Ладыжка. Городище демонстрирует четырехдольное планирование, условно названное как Северное, Южное, Юго-Западное и Юго-Восточное укрепленные площади. Указанный центр местному населению известен под названием Замок [1, с. 15].

История городища тесно связана со средневековым летописным г. Губин, о котором впервые упоминает автор Ипатьевского списка 1241 г. [6, с. 791]. Этот населенный пункт, как и другие болоховские центры, исследуется также в фундаментальном труде киевского археолога Н.П. Дашкевича «Болоховская земля и ее значение в русской истории» [7].

Следующий этап изучения Губинского городища связан с В.Б. Антоновичем, который, описывая место нахождения памятки, ошибочно локализовал его на левом берегу р. Случь вместо правого [8, с. 26]. В 1953 году городище посетил русский археолог П.А. Раппопорт, который провел разведывательные раскопки. Эти материалы легли в основу статьи «Города Болоховской земли» [9]. В 1973 г. Губинское городище обследовал киевский археолог М.П. Кучера, сделавший визуальный план городища и изучивший его топографию [10, с. 69]. Воображаемый план и реконструкцию укреплений центральной части Губина оставил волынский краевед К.И. Терещук [11, с. 170].

Широкомасштабные археологические работы на территории летописного Губина начаты в 1997 году экспедицией Каменец-Подольского национального университета им. Ивана Огиенка, которые продолжаются и до сих пор.

Подчеркнем, что археологические материалы, полученные на площади Северного укрепления майдана в 1997–2003 полевых сезонах под руководством каменецкого исследователя И.С. Винокура, нашли отражение в статьях [3–5], а также в единоличной монографии В.И. Якубовского «Сокровища Болоховской земли» (2001, 2003) [2, с. 99–103] и коллективной монографии «Летописный Губин. Болоховская Земля: по материалам археол. исслед. 1997–2003 гг.» [1]. Археологическими работами, которые совершил В.И. Якубовский в 2006–2015 экспедиционных сезонах на площади Юго-Западного, Южного, Юго-Восточного укреплений городища и его округи, получены новые археологические материалы. Они систематизируются и готовятся к выходу в свет как отдельное монографическое издание. Кроме того, автор данной статьи также был непосредственным участником раскопок с 2007 г. как студент, а с 2010 г. как старший лаборант археологической лаборатории КПНУ имени Ивана Огиенка и работает над темой кандидатской диссертации «Губин в системе городов Болоховской земли».

Губинское городище относится к территории так называемого Горынь-Случского округа и Случь-Хоморского геоморфологического района [12, с. 45]. Он характеризуется тем, что его глубокие оподзоленные черноземы высокоплодородны, и это способствовало развитию как в древнерусское время, так и в настоящее [12, с. 92].

Цель работы – на основе археологических находок из раскопок Губинского городища попытаться выяснить значение земледелия для жителей указанного укрепленного центра.

Исследования проводились на основе коллекции находок земледелия общим количеством 14 предметов. Часть коллекции (9 находок) отражена в монографии «Летописный Губин: Болоховская Земля» [1, с. 39–40, 43]. Вторая же часть (5 предметов), поступившая в 2007–2015 годах, еще не опубликована и согласно разрешению исследователя В.И. Якубовского в научный оборот вводится впервые. Отметим также, что тема земледелия населения средневекового Губина фактически не разработана, что, собственно, определяет актуальность предложенной публикации.

Материал и методы. Статья подготовлена на основании археологических находок из фондов Старокостантиновского районного краеведческого музея, опубликованных монографий [1–2], а также публикаций исследователей Губинского летописного городища – И.С. Винокура и В.И. Якубовского [3–5]. Методологической базой являются общенаучные (анализ, сравнение, обобщение) и специально-исторические (историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждение. На Губинском городище, как и во всей Киевской Руси, обрабатывали грунт различными ору-

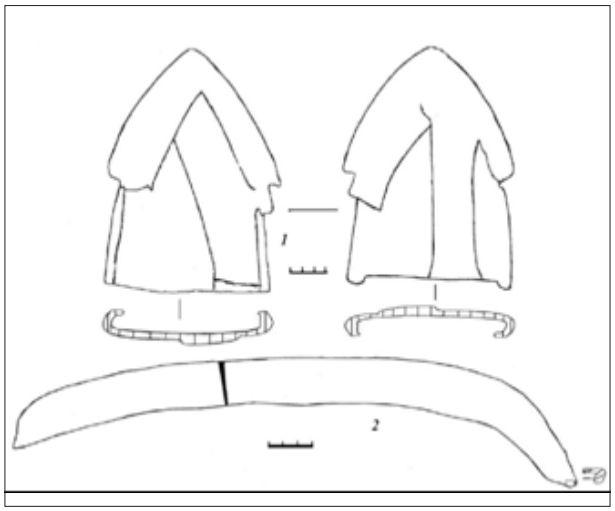

Рис. 1. **Находки из раскопок Южного укрепления Губинского городища в 2013 году: *1* – лемех, *2* – коса**
(по В.И. Якубовскому).

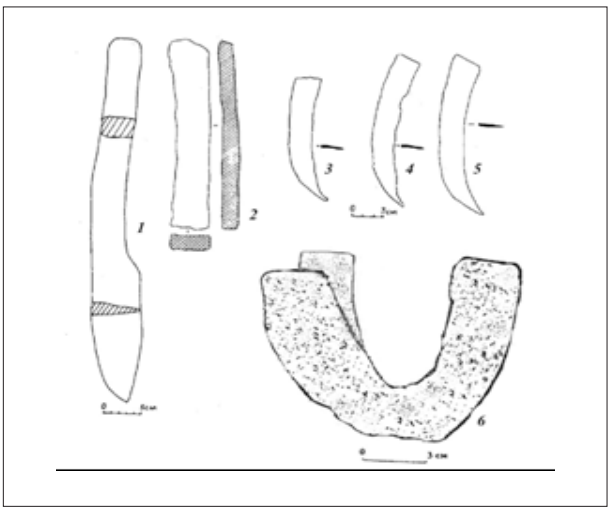

Рис. 2. **Находки из раскопок Северной площади Губинского городища. *1–2* – чересла, *3–5* – серпы, *6* – оковка лопаты**
(по И.С. Винокуру).

диями труда. Их мы разделяем на две основные группы: распашные, работающие с помощью тягловой силы, и ручные. Конечно, деревянные части пахотных орудий не сохранились, поэтому предметом анализа могут быть только металлические детали – чересло, лемех, серпы, косы и др.

Реконструкцию сельского хозяйства в средневековом Губине начнем с описания упряжной техники обработки земли, в частности, плуга. О его наличии в хозяйстве городского населения Губина свидетельствует коллекция находок плужной техники: в составе одного железного наконечника плуга и двух чересел. Наконечник плуга (рис. 1-*1*) найден в 2013 году на Южной площади (участок XLVII, клеть № 23) [13]. По исследованиям В.И. Якубовского, лемех сделан из трех полос черного металла. Оснащение достигает длины 12 см, при ширине 14,4 см, при этом проявляется треугольная асимметричная форма. Длина втулки – 9,2 см, ширина – 14,2 см [5, с. 264]. Лемех из Губинского городища аналогичен другим древнерусским изделиям, например, находкам из городищ Пальне [14, с. 30], Колодяжин, Райковецкое и др. [14, с. 32–33].

Коллекцию плужных частей составляют два образца чересл, которые исследованы на Северном майдане. Одно из них обнаружено на участке IV в 1997 году (рис. 2-*1*). Изделие изготовлено из цельного куска железа. Формально напоминает длинный четырехугольный в сечении стержень (2,5х4,5 см), с одной стороны переходя в короткое одностороннее лезвие. Длина орудия составляет 51,5 см, его лезвия – 26 см. Наибольшая ширина орудия – 6,5 см, толщина спинки – 1,8 см. Лезвие в сечении проявило треугольную форму [3, с. 48–49].

Второй образец чересла – обломок, найденный на участке X в 1999 году (рис. 2–*2*). Фрагмент демонстрирует верхнюю часть изделия общей длиной 19 см, в сечении имеет прямоугольную форму размером 1,4х1,7 см. Лезвие чересла отсутствует [1, с. 39].

Чересла с Губинского городища XII–XIII вв. по форме и технике изготовления аналогичны сельскохозяйственным орудиям из других древнерусских памяток: города Воинь [15, с. 70], Райковецкого [16, с. 60] и Суздальского городищ [14, с. 30] и др.

Строение древнерусского плуга, согласно научным реконструкциям, представляло следующее: в основе был деревянный каркас. Его главными составляющими являлись: с одной стороны – две ручки – чепиги плуга, которыми управлял земледелец, с обратной – грядиль, на котором закреплялись подошва с лемехом и полкой, а также чересло. Крепился наконечник (лемех) к деревянному основанию плуга с помощью желобовидного выступления, или трубицы, которую прочно и глубоко насаждали на конец деревянного бруса. Ученые установили, что грунт вспахивался по следующей технологии: чересло подрезало полосу грунта со сторны, а лемех – снизу [17, с. 321]. Полка, которая покрывала борозду, выполняла функцию переворачивания пласта грунта. Глубина вспашки регулировалась с помощью столба – бруса, который соединял подошву и грядиль [18, с. 78]. Конструкция такого плуга относится к типу тяжелых плугов, которые применялись для работы на глубоких черноземах. Именно эти почвы имеют распространение в верховьях р. Случь [12, с. 92].

Кроме пахотных орудий на Губинском городище найдены изделия сбора урожая – серпы и косы. Коллекцию серпов составля-

ют 8 обломков. Пять из них обнаружены на Северном, один – на Юго-Западном и два – на Южном укрепленных майданах. Размеры серпов различны. Один из них имеет длину лезвия 13 см, ширину – 2 см; толщина спинки – 4 мм, в сечении лезвие треугольной формы (рис. 2-*3*). Второй обломок проявил длину лезвия 16 см, ширину – 2 см, толщину спинки – 2,5 мм (рис. 2-*4*). Третий, соответственно, имеет длину 16 см, ширину – 2,2 см и толщину спинки – 2 мм (рис. 2-*5*) [1, с. 39]. Четвертый – небольших размеров. Длина лезвия 8,4 см, ширина – 2,3 см, толщина спинки – 2,6 мм. Обломок пятого орудия достигает длины 7,3 см, ширины – 2,3 см и толщины спинки – 2,8 мм [4, с. 223]. Серпы, которые обнаружены на Южном майдане, представлены также небольшими фрагментами. Первый имеет вид плоской пластины: широкой с одной стороны и суженной острием с противоположной стороны. Пластина загнута дугой. Общий размер 14х4х0,2 см [19]. Второй – в форме небольшого отрезка плоской металлической пластины размером 7,5х2,5х0,2 см [20].

Все обнаруженные обломки серпов почти полностью подобны современным. Как и в нынешних серпах, выгон лезвия является наиболее важной чертой орудия, это определяет его продуктивность [17, с. 148]. Исследователи считают, что наиболее продуктивными являются серпы, в которых угол резания, образуемый при работе между линией движения и каждой точкой острия, одинаковый и приближается к 50º [21, с. 27]. По классификации В.П. Левашовой, губинские серпы обнаруживают тип орудий сбора урожая, распространенных в Юго-Западной Руси [14, с. 63].

К ручным орудиям сельскохозяйственного назначения принадлежит находка косы-горбуши. Один такой образец обнаружен на Южном майдане Губинского городища в клети № 24 (рис. 1-*2*) [22]. Размеры косы следующие: длина по контуру спинки – 54 см, по прямой линии от кончика лезвия до пятки – 38 см, ширина лезвия – 5 см, длина режущего лезвия – 32 см [5, с. 265]. Обломок железной косы-горбуши также найден и на Северном майдане в 2004 году. Длина сохранившейся части лезвия – 14 см, ширина – 3–3,5 см, толщина – 2–2,5 мм [23]. Аналогичная коса известна и на Колодяжинском городище [24, с. 89].

Обнаруженные косы-горбуши относятся к ударно-режущим орудиям сельского хозяйства, которыми выкашивали, главным образом, травы, заготовляя их для откорма скота в зимний период. Поэтому косу-горбушу можно считать орудием, прямо связанным с сельским хозяйством [17, с. 324].

Ручные орудия обработки грунта демонстрируют железные наконечники заступов. В частности, на Северном майдане в 2005 году обнаружен фрагмент такого оковка от заступа. Высота изделия не определяется, однако на других городищах Киевской Руси их высота достигала 20 см. Губинская оковка имеет высоту 6 см, ширину – 15 см, ширину пластины оковка – 4 см [25] (рис. 2-*6*). Ученые утверждают, что лопаты в эпоху Киевской Руси, как и в более поздние времена, использовались, главным образом, для обработки приусадебных участков под огороды или тех участков, которые были неудобны для вспахивания [17, с. 325].

Конкретных археологических фактов относительно ассортимента зерновых или огородных культур, в прошлом выращивавшихся населением летописного Губина, в настоящее время пока не зафиксировано. Однако важную информацию о зерновых культурах несут 5 хозяйственных ям, одна из которых предназначалась для хранения зерна. Она обнаружена на площади Северного майдана [1, с. 61].

Несмотря на отсутствие в жилищно-хозяйственных комплексах Губина находок злаковых и технических культур, воображение о таких культурах дают материалы из смежных городов Болоховского региона. Показательны в этом плане раскопки исследователя В.И. Якубовского на болоховских укрепленных центрах, в руинах объектов которых найдены значительные запасы сожженного зерна ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гороха и конопли [11, с. 22]. Подобное явление засвидетельствовано раскопками на болоховских городищах в с. Колодяжен [24, с. 96] и на Райковецком городище [16, с. 66].

Заключение. Обзор источников по раскопкам Губинского летописного городища позволил сделать ряд выводов о том, что владельцы выявленных пахотных орудий труда были феодалами. Они обрабатывали грунт распашными орудиями труда, работавшими с помощью тягловой силы. Деревянные части пахотных орудий не сохранились, поэтому предметом нашего рассмотрения были чересла, лемех, серпы, косы и другие орудия труда.

Таким образом, археологические материалы дают возможность составить представление об уровне оснащенности сельского хозяйства соответствующим инвентарем, что отразилось на производительности земледелия. С помощью пахотных орудий труда определяется не только место земледелия в хозяйстве, но и уточняется социально-экономическая структура губинского общества как важного центра древнерусского государства.

Литература

1. Винокур, И.С. Летописный Губин XII–XIII вв. Болоховская Земля: по материалам археол. исслед. 1997–2003 гг.: к 800-летию Губина / И.С. Винокур, А.И. Журко, В.П. Мегей, В.И. Якубовский. – Киев–Каменец-Подольский–Хмельницкий–Староконстантинов, 2004. – 208 с.
2. Якубовский, В.И. Сокровища Болоховской земли / В.И. Якубовский. – 2-е изд., доп. – Каменец-Подольский: Медоборы (ЧП Мошак М.И.), 2003. – 158 с.
3. Винокур, И.С. Черты хозяйства и социально-политической истории населения Болоховской земли XII–XIII вв. / И.С. Винокур // Науч. труды Каменец-Подольского гос. ун-та. Исторические науки. – Каменец-Подольский, 2004. – Т. 12. – С. 48–61.
4. Якубовский, В.И. Археологические источники о материальной и духовной культуре средневекового Губина / В.И. Якубовский // Образование, наука и культура на Подолье: сб. науч. трудов. – Каменец-Подольский: Оиюм, 2007. – Т. 10. – С. 218–228.
5. Якубовский, В.И. Исследование средневекового г. Губин / В.И. Якубовский // Археологические исследования в Украине 2013 = Archaeological research in Ukraine 2013: сб. науч. ст. Ин-та археологии НАН Украины / гл. ред. Д.Н. Козак, ред. А.В. Буйских, К.Л. Бунятян, Л.Л. Зализняк [и др.]. – К., 2014. – С. 264–265.
6. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. 2: Ипатьевская летопись. – Фототип. изд. 1908 г. – М., 1962. – 938 с.
7. Дашкевич, Н.П. Болоховская земля и ее значение в русской истории / Н.П. Дашкевич // Труды III Археологического съезда в Киеве. – К.: АН УССР, 1876. – Т. 2. – С. 69–139.
8. Антонович, В.Б. Археологическая карта Волынской губернии / В.Б. Антонович // Труды XI Археологического съезда в Киеве. – М.: Наука, 1901. – Т. 1. – 135 с.
9. Раппопорт, П.А. Города Болоховской земли / П.А. Раппопорт // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. – М., 1955. – Вып. 57. – С. 52–60.
10. Кучера, М.П. Исследование городищ на Волыни и Подолье / М.П. Кучера // Археология. – 1979. – Вып. 29. – С. 66–72.
11. Терещук, К.И. К вопросу о локализации Болоховской земли / К.И. Терещук // Исследования по славяно-русской археологии. – М.: Научная мысль, 1976. – С. 164–176.
12. Геренчук, К.И. Природа Хмельницкой области / К.И. Геренчук. – Л.: Высшая школа, 1980. – 152 с.
13. Фонд СРИКМ. – Кн. 6551. – А. 479.
14. Левашева, В.П. Сельское хозяйство: Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / В.П. Левашова // Труды Государственного исторического музея. – М.: Госкультпросветиздат, 1956. – Вып. 32. – С. 19–105.
15. Довженок, В.И. Древнерусский город Воинь / В.И. Довженок, В.К. Гончаров, Р.А. Юра. – М.: Научная мысль, 1966. – 148 с.
16. Гончаров, В.К. Райковецкое городище / В.К. Гончаров. – М.: АН УССР, 1950. – 219 с.
17. Довженок, В.И. Достопримечательности сельского хозяйства / В.И. Довженок // Археология. – 1975. – Т. 3. – С. 316–325.
18. Довженок, В.И. Земледелие древней Руси: к середине XIII в. / В.И. Довженок. – К.: АН УССР, 1961. – 267 с.
19. Фонд СРИКМ. – Кн. н. 6055. – А. 160.
20. Фонд СРИКМ. – Кн. н. 6084. – А. 189.
21. Арциховский, А.В. К методике изучения серпов / А.В. Арциховский // Труды секции археологии РАНИОН. – М., 1928. – Т. 4. – С. 15–36.
22. Фонд СРИКМ. – Кн. 6596. – А. 524.
23. Фонды СРИКМ. – Кн. н. 3030.
24. Юра, Р.А. Древний Колодяжин / Р.А. Юра // Археологические памятники УССР. – К.: Научная мысль, 1962. – Т. XII. – 104 с.
25. Фонды СРИКМ. – Кн. н. 4885.

Поступила в редакцию 26.04.2016 г.

УДК 903.6(477.43)«-09/-06»

Языческие каменные изваяния левобережной части Среднего Поднестровья в X–VII вв. до н.э.

Семенчук С.А.

Частное высшее учебное заведение «Хмельницкий экономический университет», Хмельницк (Украина)

В статье дается характеристика отдельных языческих изваяний указанной территории, в частности, статуй-менгир эпохи бронзы с. Мышков Залещицкого района Тернопольской области и бюста скифской «бабы» возле с. Березовка Новоушицкого района Хмельницкой области – идентификация, аналогия, датировка.

Цель работы – отображение историко-культурной сущности каменной антропоморфной пластики региона в хронологических границах эпох финальной бронзы и раннего железного века.

Материал и методы. *Исследование осуществлялось с использованием личных археологических разведок автора в 1999 году в Новоушицком районе Хмельницкой области, а также исторических источников. Методологическую основу составили научные принципы историзма, методов общенаучного анализа, а также обобщения и систематизации археологических источников, научной литературы, которые касаются истории археологических исследований дохристианских памятников в регионе.*

Результаты и их обсуждение. *Неотъемлемая часть развития духовной культуры в Среднем Поднестровье – языческие верования населения. Именно этот регион, благодаря благоприятным природно-климатическим условиям, стал локальным для развития дохристианских верований. Самыми древними представителями тогдашней религии являются каменные изваяния – немые свидетели тех далеких времен. Древнейшими в хронологическом поле западного региона Украины и Среднего Поднестровья считаются две статуи-менгиры из с. Мышков Залещицкого района Тернопольской области, которые были найдены во второй половине XX в. Ярким представителем раннескифских каменных скульптур является также бюст каменной «бабы» из с. Березовка Новоушицкого района Хмельницкой области.*

Заключение. *Хронологическими признаками открытых идолов являются их внешние очертания, а также изображения и археологические материалы, связанные с ними. Характерные атрибуты языческих истуканов из Поднестровья – днестровский камень-известняк, из которого они изготовлены, а также их семантически-типологическая направленность. Таким образом, исследование каменных идолов в регионе открыло новую страницу в познании дохристианской идеологии. Полученная же автором информация свидетельствует о значительном накоплении каменной языческой пластики как локальном проявлении языческих артефактов от эпохи финальной бронзы к раннему железному веку.*

Ключевые слова: *антропоморф, истукан, скульптура, каменная «баба», монументалистка, Среднее Поднестровье, язычество.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 59–62)

Pagan Stone Sculptures of the Left-Bank Part of the Middle Podnestrovye in the X–VII Centuries BC

Semenchuk S.A.

Private Higher Educational Establishment «Khmelnitsky Economical University», Khmelnitsk (Ukraine)

The individual pagan sculptures of the pointed out territory are described in the article, particularly the statues-menhirs of the Bronze Age in the village of Myshkow Zalishchyky District Ternopil Region as well as the bust of a Scythian «woman» near the village of Berezovka Nova Ushytsia District Khmelnitsky Region especially their identification; analogy; dating.

The aim of this report is to show the historical and cultural essence of stone anthropomorphic plastic of the Region in the chronological boundaries of the epochs of the final Bronze and the Early Iron Age.

Material and methods. *The research was based on the use of personal archaeological researches of the author in 1999 in Nova Ushytsia Discrict Khmelnytsky Region, as well as with the use of historical sources. The methodological basis of the research is compiled of the scientific principles of historicism, general scientific methods of analysis, also generalization and systematization of archaeological sources, scientific literature relating to the history of the archaeological researches of pre-Christian monuments in the Region.*

Findings and their discussion. *An integral part of the development of spiritual culture in the Middle Podnestrovye is pagan beliefs of the population. This region, due to favorable climatic conditions, has become local for the development of pre-Christian beliefs. The oldest patterns of that religion are stone sculptures that are silent witnesses of those remote times. Two statues-menhirs from the village of Myshkow Zalishchyky District Ternopil Region, which were found in the second half of the twentieth century, are the oldest in the chronological order of the western region of Ukraine and the Middle of the Podnestrovye. A stone bust of «women»*

Адрес для корреспонденции: e-mail: semechyk@mail.ru – **С.А. Семенчук**

from the village of Berezovka Nova Ushytsia District Khmelnitsky Region is also a good pattern of Early Scythian stone sculptures.

Conclusion. *Chronological features of idols are their external shape, as well as images and archaeological materials associated with them. Typical attributes of pagan idols from the Middle Podnestrovye are a limestone, from which they are made, as well as their semantically typological orientation. Thus, the research of stone idols in the region has opened a new page in the knowledge of the pre-Christian ideology. Moreover, the information, which is given, represents a significant accumulation of pagan stone sculpture as a local manifestation of the pagan artifacts from the epochs of the final Bronze Age to the early Iron Age.*

Key words: *anthropomorphic, idol, sculpture, a stone «woman», monumental sculpture, the Middle Podnestrovye, paganism.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 59–62)

Важное место в выяснении формирования истоков духовной культуры дохристианских времен принадлежит язычеству как одному из составляющих тогдашней религии. Именно регион левого берега Днестра, как и правого, благодаря благоприятным природно-климатическим условиям стал локальным для развития язычества на этой территории [1, с. 192]. Исследуемая территория находится южнее Авратинской (Верхнебужской) возвышенности, снижаясь в направлении Днестра. В литературе принято называть эту территорию Левобережным Поднестровьем (Приднестровьем) [2, с. 6]. В административно-территориальном делении указанный регион охватывает Каменец-Подольский, Дунаевецкий, Новоушицкий, частично Чемеровецкий, Городоцкий, Ярмолинецкий и Виньковецкий районы Хмельницкой, а также левобережье Тернопольской и Винницкой областей, образующие площадь около 5000 км^2. На указанной территории находится ряд памятников язычества, которые давно находятся в поле интересов ученых.

Составляющими этой темы являются языческие статуи Поднестровья. Публикация о языческих древностях указанного региона, несомненно, будет способствовать постепенной ликвидации «белых пятен» в знаниях по истории изучения язычества. Начало исследования антропоморфных скульптур в Среднем Поднестровье приходится на конец XIX – начало XX века. Полевые работы обобщены в трудах В.К. Гульдмана [3, с. 292–294] и Е.И. Сецинского, где представлен ряд пунктов, в которых в разное время обнаружены языческие древности. Это села Березная, Березовая, Хоньковцы, Козлов, Пыжовка, Хребтиев [4, с. 19–102]. К сожалению, не все из открытых каменных языческих скульптур стали достоянием науки. Плодотворными в истории изучения язычества Поднестровья оказались исследования археолога И.С. Винокура, материалы которых нашли отражение в монографиях «Історія і культура Черняхівських племен» (1972), «Давні слов'яни на Дністрі» (1977), «Буша» (1991), «Бакота. Столиця давньоруського пониззя» (1994), «Черняхівская культура, витоки і доля» (2000). На страницах этих работ систематизирован обширный материал о духовности населения в Поднестровье [5, с. 47–48]. Информация о языческих антропоморфах бронзового века изложена в статьях А.С. Тура и Ю.М. Малеева «Мышковский идол» (1977) [6], Р.В. Забашты «Ідол із села Мишків» (1990) [7], В.И. Олейника «Антропоморфні стели із села Мишків на Тернопільщині» (2000) [8]. Подробное описание Березовской скульптуры скифского времени представлено в публикациях В.А. Гуцала и С.А. Семенчука «Кам'яна статуя із Лоївець на Середньому Дністрі» (2004) [9], С.А. Семенчука «Лівобережна частина Середнього Подністров'я в дохристиянський період» (2013) [10].

Цель работы – отображение историко-культурной сущности каменной скульптуры региона в хронологических границах раннего железного века.

Материал и методы. Исследование осуществлялось с использованием личных археологических разведок автора в 1999 году в Новоушицком районе Хмельницкой области, а также исторических источников. Методологическую основу составили научные принципы историзма, методов общенаучного анализа, а также обобщения и систематизации археологических источников, научной литературы, которые касаются истории археологических исследований дохристианских памятников в регионе.

Результаты и их обсуждение. Древнейшими в хронологическом поле западного региона Украины и Среднего Поднестровья считаются две статуи-менгиры из с. Мышков Залещицкого района Тернопольской области. Одна из них была открыта в 1976 году местными жителями во время земляных работ в урочище «Новина» на расстоянии 100–150 м [8]. От правого берега р. Серет, недалеко от северо-западной окраины села, найден обломок статуи, лежащий на глубине 35–40 см от поверхности, обращенный головой на северо-запад. На месте нахождения идола обнаружены фрагменты керамики трипольской, гава-голиградской и черняховской культур [6]. Уцелевшая часть идола (рис. 1) имеет высоту 1,07 м, ширину 0,42–0,45 м и толщину 0,14–0,15 м.

Скульптура изображает человеческую фигуру в полный рост, выписанную на каменной плите. Детали переданы резьбой в технике низкого рельефа. Контрастно

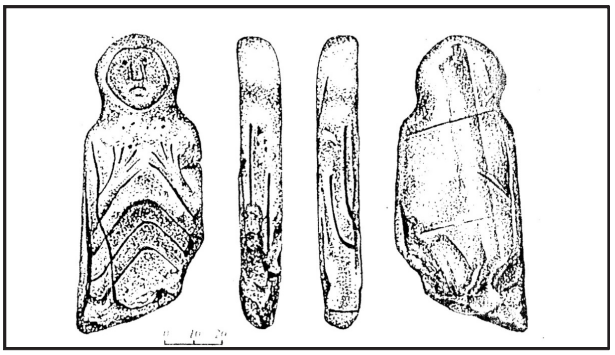

Рис. 1. **Антропоморфная статуя из урочища «Новина», село Мышков (находка 1976 года).**

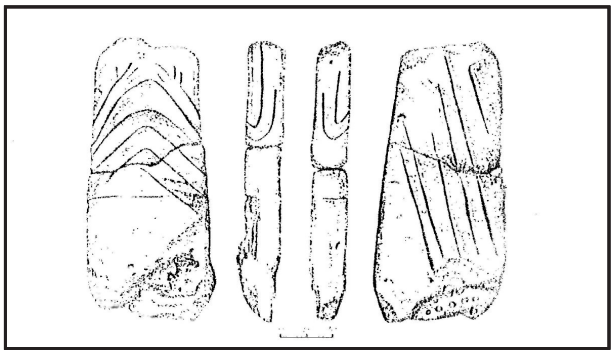

Рис. 2. **Антропоморфная статуя из урочища «Новина», село Мышков (находка 1981 года).**

выделена только голова, которая поднята на достаточно длинной, но грубой шее, плавно переходящей в наклонное узкое надплечие шириной 0,42 м. Лицевая часть головы отражает очертания широкого, скуластого лица с низким лбом и массивным подбородком (высота и ширина 0,23 м). Темя нависает надо лбом. Заметными углублениями обозначены широко расставленные глаза и длинный прямой нос (длина 0,08 м и ширина внизу 0,04 м). Искривленной врезной чертой показан рот, ниже которого изображено овальное углубление длиной 0,075 м и шириной 0,06 м. Руки согнуты в локтях: на груди, под незначительным наклоном одна к другой. Кисти рук показаны частично, отдельными линиями обозначены растопыренные пальцы. Контуры рук и пояса фиксируются также и на боковых гранях статуи. Ниже мастер поместил три параллельные дугообразные линии, показав их вершинами кверху (расстояние между ними 0,06–0,08 м). Поверхность повреждена: излом под дугообразными линиями, значительное выщербление лицевой части, а также сколы и глубокие царапины [8, с. 97–98].

Исследователи А.С. Тур и Ю.М. Малеев высказали мнение относительно Мышковской статуи, что она вписывается в ряд славянских идолов, изображая женское божество [6, с. 384]. Другую версию высказал Р.В. Забашта, относя ее к стелам эпохи бронзы [7]. По его мнению, ближайшей аналогией этого памятника является статуя из с. Белогрудовка, что недалеко от г. Умань [11, с. 9].

Версия Р.В. Забашты объективно отражает историко-культурную сущность обозначенной статуи. Во-первых, она самая древняя среди выявленных антропоморфных изображений на территории Среднего Поднестровья, открывающая исторический ряд языческой монументалистики региона. Во-вторых, Мышковская скульптура обозначает западную границу среди статуй бронзового века на Украине и является северной границей для аналогичных памятников, исследованных также в Болгарии, Молдове, Трансильвании (статуй Баяд-Крыш). Итак, мышковская находка является своеобразным географическим индикатором распространения скульптур бронзового века в Восточной и Западной Европе. История Мышковского идола имеет продолжение в находке еще одного образца идола, который открыт в 1981 г., опять же вблизи с. Мышков на пахотном поле в урочище «Новина», недалеко от источника Скала. Находка – фрагмент антропоморфной статуи, изготовленной из известняка (рис. 2).

Высота находки 1,28 м. Ширина верхней части – 0,42 м, нижней – 0,51 м, толщина вверху – 0,13 м, внизу – 0,15 м. Торцевая часть статуи имеет толщину 0,08 м. Резные линии изображений на лицевой стороне идола достигают ширины 0,003–0,006 м и глубины 0,003–0,005 м. В пересечении статуя четырехгранная, с закругленными боковыми гранями. На лицевой стороне в нижнем рельефе изображены согнутые в локтях руки, прижатые к груди. Пальцы рук растопырены. На боковых гранях имеется предплечевая часть рук, ниже прорезаны дугообразные линии. Нижняя часть частично повреждена, голова скульптуры отсутствует. На обратной стороне антропоморфа находятся шесть косо расположенных прямых углубленных линий. В нижнем контуре рельефа, на торцах, имеются очертания плечевой части рук. Исследователь В.И. Олейник считает, что указанный фрагмент статуи – это вторая составляющая часть языческого скульптурного комплекса из с. Мышков Тернопольской области, который функционировал во времена эпохи бронзы [12, с. 175–177].

Группу языческих древностей дополняет находка из Хмельницкой области, которую автор обнаружил в 1999 году во время археологической разведки в Новоушицком районе. Она открыта на территории усадьбы жителя с. Березовка В.Д. Стадницкого, который перевез статую из группы курганов урочища «Колач», находящегося в 3 км южнее указанного села [9, с. 116]. Находка демонстрирует изваяние треугольной формы, изготовленное из песчаника белого цвета с прослойкой кварцита (рис. 3).

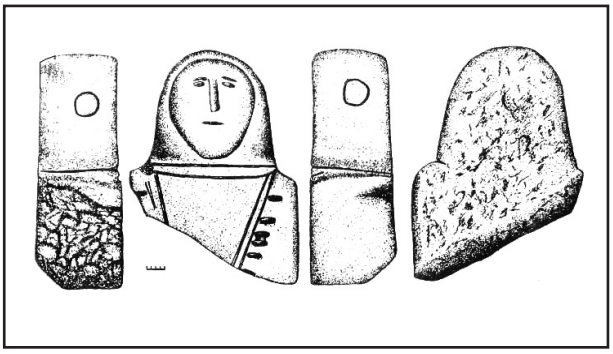

Рис. 3. **Каменная статуя из села Березовка на Среднем Днестре (находка 1999 года).**

Нижняя часть статуи не сохранилась. С фронтальной стороны она передает человеческую фигуру в низком рельефе резьбы. Голова склонилась на грудь, шея не выражена. Лицо несколько удлиненное размером 20,2х23 см. Нос слегка скошен, глаза и рот оформлены овальными линиями. С левой стороны головы изображены контуры серьги. Такой же знак, но затертый, есть и с правой стороны. Двумя линиями глубиной 1,5 см мастер изобразил гривну, которая отделяет голову от плеч. Торс скульптуры закрывает одежда покроя кафтан. Мастер показал даже двойные швы и металлические украшения вдоль борта кафтана. Предположительно, Березовская статуя имеет все признаки раннескифских каменных скульптур VII в. до н.э., сообразуясь с аналогичными материалами, которые получила Л.И. Крушельницкая [10, с. 177].

Заключение. Хронологическими признаками открытых идолов являются их внешние очертания, а также изображения и археологические материалы, связанные с ними. Характерные атрибуты языческих истуканов из Поднестровья – днестровский камень-известняк, из которого они изготовлены, а также их семантически-типологическая направленность. Таким образом, исследование каменных идолов в регионе открыло новую страницу в познании дохристианской идеологии. Полученная же нами информация свидетельствует о значительном накоплении каменной языческой пластики как локальном проявлении языческих артефактов от эпохи финальной бронзы к раннему железному веку.

Литература

1. Семенчук, С.О. Лівобережний Середньо-Подністровський осередок – локальний регіон для реконструкцій язичницьких культів в VII ст. до н.е. – XIII ст. н.е. / С.О. Семенчук // Історія, культура та освіта: християнський вимір: зб. наук. пр. Хмельницького інту МАУП. – Хмельницький: Вид-во ХІ МАУП, 2014. – Вип. 3. – С. 192–200.
2. Природа Хмельницької області / під ред. К.І. Геренчука. – Львів: Вища школа, 1980. – С. 6–9.
3. Гульдман, В.К. Памятники старины в Подолии: материалы для составления археологической карты Подольской губернии / В.К. Гульдман. – Каменец-Подольский, 1901. – 402 с.
4. Сіцінський, Ю.Й. Археологічна карта Подільскої губернії / упоряд. О.Л. Баженов. – Кам'янець-Подільський: Оіюм, 2004. – 136 с.
5. Семенчук, С.О. Історіографічний огляд та джерельна база досліджень язичницької культури лівобережної частини Середнього Подністров'я. в І тис. до н.е. – першої половини І тис. н.е. / С.О. Семенчук // Матеріали XIII Подільської іст.-краєзн. конф., присвяченої 80-річчю від дня народження І.С. Винокура, Кам'янець-Подільський, 18–19 листоп. 2010 р. / О.М. Завальнюк (голова), В.І. Войтенко (співголова), Л.В. Баженов (відп. ред.) [та ін.]. – Кам'янець-Подільський, 2010. – С. 46–50.
6. Тур, А.С. Мышковский идол / А.С. Тур, Ю.Н. Малеев // Археологические открытия 1976 года. – М., 1977. – С. 383–384.
7. Забашта, Р.В. Ідол із села Мишків (До питання атрибутації) / Р.В. Забашта // VIII Подільська іст.-краєзн. конф. Секція археології: тез. доп. – Кам'янець-Подільський, 1990. – С. 24–25.
8. Олійник, В.І. Антропоморфні стели з села Мишків на Тернопільщині / В.І. Олійник // Матеріали X Подільської іст.-краєзн. конф. – Кам'янець-Подільський, 2000. – С. 96–100.
9. Гуцал, В.А. Кам'яна статуя із Лоївець на Середньому Дністрі / В.А. Гуцал, С.О. Семенчук // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр: зб. наук. праць. – Київ: ІАНАНУ, 2004. – Вип. 6. – С. 116–118.
10. Семенчук, С.О. Лівобережна частина Середнього Подністров'я в дохристиянський період / С.О. Семенчук // Історія, культура та освіта: християнський вимір (до 125-річчя Хрещення Київської Русі та 20-річчя Хмельницької єпархії УПЦ): зб. наук. пр. [редкол.: Л.Г. Білий (голова) та ін.]. – Хмельницький: Вид-во ХІ МАУП, 2013. – С. 176–183.
11. Семенчук, С.О. Духовна культура лівобережжя Середнього Подністров'я в дохристиянські часи / С.О. Семенчук // Стародавній Меджибіж в історико-культурній спадщині України: наук. вісн. з проблем регіональної історії та пам'яткознавства. (Науковий вісник «Межибіж». – 2014. – № 2). – Хмельницький: ІРД, 2014. – С. 7–15.
12. Семенчук, С.О. Язичницькі скульптури епохи бронзи лівобережної частини Середнього Подністров'я / С.О. Семенчук // Вісн. Кам'янець-Подільського нац. ун-ту імені Івана Огієнка. Історичні науки / [редкол.: В.С. Степанков (відп. ред.) та ін.]. – Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський нац. ун-т імені Івана Огієнка, 2010. – Вип. 3: до 20-річчя кафедри історії України. – С. 172–177.

Поступила в редакцию 25.04.2016 г.

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/18»

Коммуникативные процессы в белорусско-литовских православных епархиях: эволюция системы образования (конец XVIII – первая половина XIX в.)

Шевкун П.В.

Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет», Витебск

Внимание к истории белорусского православия определяется ролью церкви в производстве и трансляции социальной информации, ее значимостью в процессах социальной трансформации периода империи.

Цель статьи – дать характеристику образовательным мероприятиям в православной церкви Российской империи с точки зрения трансформации ее коммуникативной роли и показать место белорусско-литовских православных епархий в этом процессе.

Материал и методы. *Исследование проведено на основе материалов, содержащихся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь, Российского государственного исторического архива, Российской национальной библиотеки и данных, уже введенных в научный оборот. В работе применены историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы.*

Результаты и их обсуждение. *С конца XVIII в. белорусско-литовские епархии были вовлечены в мероприятия по формированию системы образования духовенства, способной к воспроизводству кадров всех уровней квалификации. Результатом реформ Александра I стала трехуровневая структура: уездные училища, семинарии и академии. Новые преобразования произошли после того, как в 1839 г. состоялось объединение униатских епархий с православными. Их целью – превращение духовенства в социально активную категорию, способную находиться в центре коммуникации. В связи с этим было создано Духовно-учебное управление при Св. Синоде, большей регламентации подверглись процедура поступления и учебный процесс. К концу правления Николая I стало заметно, что новые курсы по естествознанию, сельскому хозяйству и медицине, наряду с повышением общей социальной нагрузки на духовенство, угрожают качеству собственно профессиональной подготовки священнослужителей.*

Заключение. *В конце XVIII – первой половине XIX в. содержание мероприятий в сфере духовного образования определялось возросшей коммуникативной нагрузкой на церковь, вызванной как потребностями абсолютистского государства, так и социальной системы в целом. На территории белорусско-литовских епархий проходили с незначительными вариациями процессы, характерные для всей православной церкви империи.*

Ключевые слова: *коммуникация, духовное образование, православные епархии, социальная система, духовенство, семинария, училище.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 63–69)

Communicative Processes in Belarusian – Lithuanian Orthodox Dioceses: Evolution of the Education System (Late XVIII – First Half of the XIX Century)

Shevkun P.V.

Educational Establishment «Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University», Vitebsk

Attention to the history of the Belarusian Orthodoxy is defined by the role of the church in the production and broadcast of information, its significance in the social transformation processes of the Empire period.

The work objectives are to give characteristic to educational events in the Orthodox church of the Russian Empire in terms of its communicative role and to show the place of the Belarusian – Lithuanian Orthodox Dioceses in this process.

Material and methods. *The research has been carried out on the basis of information contained in the National Archives of the Republic of Belarus, Russian State Historical Archive, the National Library of Russia as well as circulating data. Historical-genetic, historical-comparative and historical-system methods have been used in the research.*

Findings and their discussion. *From the late XVIII century Belarusian – Lithuanian Orthodox Dioceses have been involved into the events on education organization system of clergy capable to reproduce personnel of all qualification levels. The result of Alexander's I Reforms was a 3 level structure: district colleges, divinity schools and academies. New transformations happened after unification of Union Dioceses with Orthodox ones which happened in 1839. Their purpose was turning clergy into a socially active category capable to stay in the centre of communication. Ecclesiastical Educational Board affiliated with Holy Synod was*

Адрес для корреспонденции: e-mail: p.shevkun@mail.ru – **В.П. Шевкун**

established, the process of matriculation and educational process underwent further regulation. By the end of Nicolay I regency it had been marked that new courses on natural science, agriculture and medicine, alongside with the increase of general social impact on clergy, threatened the quality of churchmen professional training.

Conclusion. *In the late XVIII – the first half of the XIX century content of events in the sphere of religious education depended upon increased communicative impact on church, caused both by the need of absolutist state and the social system on the whole. On the territory of the Belarusian – Lithuanian Orthodox Dioceses processes characteristic of all the Orthodox Church of the Empire took place with insignificant variations.*

Key words: *communication, religious education, Orthodox Dioceses, social system, clergy, divinity school, college.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 63–69)

Церковь на протяжении веков имела ключевое значение в производстве и трансляции социально значимой информации. Она обладала для этого необходимыми ресурсами, механизмами верификации и контроля[1]. Церковная община в коммуникативном плане была самодостаточна. Все элементы информационного обмена были ей свойственны и укладываются в классическую схему коммуникации, разработанную Г. Лассуэлом: кто сообщает, что, по какому каналу, кому и с каким эффектом? Считалось, что сообщал Господь религиозно-социальные истины, в рамках которых возможны были справедливые общественные отношения и спасение. Они предоставлялись населению посредством духовенства. Необходимый же эффект, то есть лояльное отношение к социальной системе, достигался с помощью ритуальных действий, традиции и отсутствия иных источников информации. Носители любой альтернативной информации дискриминировались, а их идеи дискредитировались. Характерными чертами информации предоставляемой церковью, были сакральность, традиционность, коллективность и цельность. Подобные составляющие позволяли ей быть самодостаточной и уникальной. В связи с этим от духовенства требовались лишь знание обряда и минимально необходимый уровень образования.

Цель статьи – дать характеристику образовательным мероприятиям в православной церкви Российской империи с точки зрения трансформации ее коммуникативной роли и показать место белорусско-литовских православных епархий в этом процессе.

Материал и методы. Исследование проведено на основе материалов, содержащихся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь, Российского государственного исторического архива, Российской национальной библиотеки, а также данных, уже введенных в научный оборот и освещающих различные аспекты развития духовного образования на территории Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в. В работе применены историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. В конце XVIII столетия в сфере коммуникации происходят знаковые перемены. Тенденции демократизации и индивидуализации, проявившиеся в западноевропейских странах, затронули и Российскую империю. В первую очередь на территории земель, присоединенных в ходе ликвидации Речи Посполитой. Уже на последнем этапе существования этого государства появляются первые средства массовой информации, создается светская система образования, а в 1791 г. принята конституция. Аристократия лишилась монополии на государственное управление, а границы политического народа раздвигались, что, в свою очередь, требовало более динамичной коммуникации.

В Российской империи развитие шло по несколько иной траектории. Со времени правления Павла I набирала силу тенденция, в рамках которой сословия должны были стать «прозрачными» для государства. Это подразумевало выстраивание границ сословий, сбор социальной информации, активизацию процессов, ускоряющих их развитие. По существу, под видом формирования более четкой и слаженной сословной системы в империи проходила модернизация, необходимым элементом которой как раз и являлась ликвидация сословных институтов. Обратной стороной государственных инициатив была девальвация важнейшей характеристики этих корпораций – традиционности.

Особая роль в активизации коммуникации принадлежала православной церкви. Острая нехватка чиновничьих кадров, плохие транспортные пути, относительно низкая плотность населения, значительная удаленность села от города, безграмотность абсолютного большинства подданных свидетельствовали об отсутствии у государства возможностей для создания собственных каналов коммуникации. В этих условиях церковь представлялась приемлемым способом их замены. Кроме того, имея архаичные сословно-корпоративные структуры и тесно

[1] В современном мире церковь утратила монополию на легитимацию социальных отношений, на знание о человеке и обществе. Тем не менее, она является одной из наиболее значимых организаций гражданского общества.

связанный с ними абсолютистский режим, легитимность существовавшей социальной системы невозможно было поддерживать, игнорируя религиозную, традиционалистскую составляющую. Духовенство должно было стать важнейшим фактором активизации социальной жизни в политически приемлемом направлении.

Также необходимо отметить и новые тенденции уже в рамках собственно религиозной коммуникации. В рассматриваемое время они были заметны на уровне аристократии и все чаще проявлялись фактами индивидуального, а не корпоративного религиозного самоопределения. Это предполагало постепенную перемену роли духовенства: от сакрального авторитета к лидеру религиозной общины, когда надо было не столько священнодействовать, сколько убеждать. На низовом уровне возникали опасения активизации в рамках православия еретических учений и сект, в силу чего государство прилагало усилия по защите привилегий православия. Однако этого было недостаточно. От духовенства требовался существенно иной уровень образования, в рамках которого оно могло бы оправдывать ожидания и являться эффективным элементом коммуникации, способным адекватно социальным требованиям предоставлять информацию и регулировать ее потоки.

На территории Беларуси православное духовенство в правление Павла I и Александра I выполняло презентативную функцию власти династии Романовых. Российская империя являлась православным аристократическим государством, а на территориях «присоединенных от бывшей Речи Посполитой» господствовала католическая аристократия. Российская власть была представлена лишь размещенными в регионе войсками и административными учреждениями в наиболее значимых населенных пунктах. В силу этого потребностей в целенаправленных действиях по выводу белорусско-литовских православных епархий на качественно новый уровень развития не было. Российские власти смотрели на православие в регионе как периферию, которую необходимо поддерживать исходя из политических и институциональных соображений. Соответственно и мероприятия, призванные активизировать коммуникативную роль церкви, принципиально не отличались от того, что проводилось в собственно российских епархиях, несмотря на их низкую эффективность в западных губерниях.

Между тем православие на землях Речи Посполитой находилось в сложном положении. На протяжении XVII–XVIII стст. церковь лишилась прихожан в среде аристократии и была вытеснена на обочину социального развития. Возможности местных архиереев, даже при условии поддержки российской власти в крае, по улучшению морального и повышению образовательного уровня духовенства были ограничены недостатком священно- и церковнослужителей, монахов, низкой материальной базой. Внутренними силами переломить ситуацию было сложно. Не приходилось рассчитывать и на клириков соседних епархий, поскольку избытка достойных кандидатов там не было. Это определило ограниченность административных ресурсов у епархиального руководства [1, с. 511]. Однако с конца XVIII в. белорусско-литовские епархии были вовлечены в мероприятия по формированию системы образования духовенства, способной к самообновлению и систематическому воспроизводству кадров всех уровней квалификации. Необходимость в этом была вызвана расширяющимися потоками альтернативной информации. Процесс секуляризации, со всей очевидностью проявившийся в Западной Европе, активизировал деятельность неправославных христианских конфессий, направленную и на популяризацию своих учений. Информация, которая предоставлялась церкви со стороны государства, также требовала относительно высокого уровня образования. В социальном плане только образованное на систематическом уровне духовенство способно было соотнести тенденции общественного развития с истинами веры, наполнить религиозными смыслами происходящие перемены, укрепляя, тем самым, их легитимность. С данной целью 18 декабря 1797 г. были открыты в дополнение к Киевской еще две духовные академии: в Санкт-Петербурге и Казани для подготовки учителей в духовные учебные заведения. Кроме этого на содержание семинарий правительство увеличило финансирование.

На территории Беларуси действовали две семинарии: в Слуцке (Минская) и в Могилеве (Белорусская). В 1797 г. численность учеников составляла в Могилевской – 160 человек, в Слуцкой – 70 [2, л. 7–10 об., 11 об.]. Семинарии были приписаны к Санкт-Петербургской и Киевской академиям, куда каждые два года должны были отправлять по два студента. Однако это требование выполнялось нерегулярно [3, л. 307, 260]. Уровень подготовки в Минской семинарии ограничивался в 1796–1799 гг. низшим и средним классами. Классы философии и богословия (высшие) открыли в семинарии в 1800 и 1806 гг. [1, с. 435–437]. Кроме духовных учебных заведений, дети клира обучались и в светских. Так, Белорусская кон-

систория обязала Гомельское духовное правление «понуждать нерадивых отцов (из священно- и церковнослужителей. – *П.Ш.*) к доставлению в тамошнюю гимназию» своих детей [4, л. 66].

В это время подверглась регламентации и система преподавания. Св. Синод собирал ежегодные отчеты «об учителях и учениках» с описанием, «что в каком классе и каким порядком было преподаваемо». Впервые семинаристов обязали приобретать «нужные сведения о сельской и домашней экономии», иметь «некоторое понятие о врачевании болезней» [5]. По указу Св. Синода от 24 января 1803 г. семинаристов и священников привлекали к преподаванию в уездных училищах и гимназиях. Предполагалось, что та информация, которую подданные получают в процессе образования, должна иметь своего рода «религиозный код», ибо, в рамках религиозной доктрины, абсолютная истина и абсолютное знание есть Господь. Поэтому уровень образования духовенства, его участие в просвещении и, в целом, интеллектуальный авторитет духовенства должны были невидимыми нитями связать светское знание, индифферентное к религиозным истинам, с духовно-конфессиональными основами социальной системы империи. В манифесте Александра I об образовании Министерства духовных дел и народного просвещения говорилось: «желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения ...» [6, с. 814]. 21 апреля 1805 г. последовал указ Св. Синода о заведении при церквах приходских училищ для детей духовно- и церковнослужителей [7, л. 3–5]. В 1808 г. в Могилевской епархии открыли Гомельское и Невельское духовные училища, в 1810 г. – еще 18. Массовое появление училищ породило и ряд проблем. Так, из-за отсутствия специальных зданий, необходимого количества педагогов, системы контроля, в связи с проблемами с набором учеников училища функционировали нерегулярно [8, л. 3 об., 11 об.; 9, л. 117а]. Наименее способным семинаристам организовали «русские школы» по обучению чтению, церковному уставу, нотному пению, письму, катехизису, священной истории. Об отсутствии на государственном уровне серьезной проработки вопроса открытия училищ свидетельствует и то, что штатные оклады для них были составлены только в 1820 г. [10, л. 20].

Начинания Павла I по медицинской подготовке клира были продолжены. В семинарских программах появились курсы по медицине. Для подготовки учителей по указу от 17 июля 1802 г. в медицинскую академию направили 50 студентов из духовных семинарий и академий. Также предписали распространить по приходским церквам «Наставление о лечении с описанием обыкновенных простонародных болезней и лекарств» [11]. 15 марта 1804 г. в Минской семинарии был открыт медицинский класс [1, с. 437]. Очевидно, власти рассчитывали использовать духовенство в связи с острой нехваткой врачей.

Реформы Александра I предусматривали создание трехуровневой системы образования: уездные училища, семинарии и академии. Было сформировано три округа во главе с академиями. Минская семинария вошла в Киевский, Могилевская – в Санкт-Петербургский. Общее руководство осуществлялось Комиссией духовных училищ при Св. Синоде. Семинарии и училища изъяли из подчинения епархиальных архиереев, что свидетельствовало о первостепенном значении проводимых реформ. Финансирование шло из бюджетных ассигнований и епархиальных доходов [12, л. 25–26 об.]. В 1814 г. вступили в силу новые уставы академий, семинарий, уездных и приходских училищ, по которым детей клириков обязали обучаться в духовных учебных заведениях. В законе допускалась возможность домашнего обучения при условии, что детей необходимо записать в училище и привозить на экзамены [13, с. 152].

Реорганизация структуры духовного образования в Могилевской и Минской епархиях произошла в 1817 г. В Могилевской закрыли 9 училищ и открыли 1 (Велижское). В Минской епархии из состава семинарии были выделены приходское и уездное училища. Педагогический коллектив состоял из ректора, четырех учителей и инспектора. Количество учащихся в семинарии снизилось со 159 до 65 человек [8, л. 33 об.–35, 39 об.]. Тем не менее содержание Минской семинарии оказалось недостаточным несмотря на то, что к имеющимся трем тысячам рублей было выделено дополнительно еще три тысячи в год. Св. Синод 17 апреля 1818 г. перевел семинарию в первый разряд с соответствующим увеличением штатного финансирования [14, л. 3, 10–11].

С целью более эффективной коммуникации в условиях поликонфессионального региона в 1822 г. в Минской семинарии открылся класс по изучению польского языка «во уважение того, что польский язык в здешнем краю есть общеразговорный». В 1823 г. в семинарии обучалось 74 учащихся в возрасте от 16 до 25 лет. Из них в высших философском и богословском отделениях было 17 человек. В уездном училище

обучалось 142 ученика, в приходском – 67 [15, л. 25]. В этом же году в Могилевской семинарии было 187 учащихся, среди которых 47 человек учились в высших классах. В 4-х уездных училищах обучалось 182, в 7-ми приходских – 114 человек [16, л. 164–165].

Уровень образования обусловил и преимущества при назначении на священнические места. Так, архиереи должны были «воспитанных семинаристов предпочитать не учёным». Однако таких было немного. Полный курс семинарии имели даже не все представители высшего епархиального духовенства. Например, протоиерей Минского кафедрального собора И. Пономарев «в школах не обучался» [9, л. 117а].

Одним из элементов политики в области просвещения духовенства являлось снабжение епархий литературой. Наиболее распространенной практикой был централизованный заказ книг в Московской типографской конторе. Тем не менее основной фонд семинарских библиотек составляла неправославная литература. Так, библиотека Минской семинарии в 1806 г. состояла из 971 названия, среди которых 615 были латинскими и 98 кирилличными, поскольку ее фонд сформировали за счет библиотек двух упраздненных базилианских монастырей [1, с. 439–440].

Правительство Николая I активизировало работу по повышению образовательного уровня духовенства. 6 декабря 1829 г. получило силу закона «Положение об усилении способов к образованию духовного юношества и обеспечению приходских причтов». Оно предусматривало, помимо прочего, увеличение числа учащихся на «казенном содержании», назначение в приходы кандидатов, окончивших семинарии [17, с. 834–838].

Тем не менее существенного эффекта этот указ не имел. Так, А.И. Войцехович, инспектировавший Минскую епархию, писал обер-прокурору Св. Синода С.Д. Нечаеву: «Вообразите несколько домиков, ветхих, вросших в землю, на болотистом месте: это домики, в которых ютится местная семинария с уездным училищем, а в них более 200 воспитанников. В одной небольшой комнатке живут по 8-ми человек, на одной узкой кровати спят по два иногда по три ...» [18, с. 152]. В отчете о состоянии Полоцкой епархии ее глава – епископ Смарагд (Крыжановский) – писал, что у него «едва встречается десятый священник, окончивший курс семинарского ученья; а из причетников редко который знает свои предметы» [19, с. 159].

На протяжении 1830-х гг. светские и церковные руководители сконцентрировали свое внимание на решении проблемы численного роста православия путем присоединения униатов. Только после того как в 1839 г. состоялось объединение униатских епархий с православными, была продолжена унификация системы духовного образования [20, с. 8].

Вместо Комиссии духовных училищ 1 марта 1839 г. создали Духовно-учебное управление при Св. Синоде. Дальнейшей регламентации подверглись процедура поступления и учебный процесс. В 1840 г. были установлены правила деления классов. К этому времени, с точки зрения властей, инициатив по усилению социальной нагрузки на духовенство, отмеченных выше, было недостаточно, да и в большинстве они уже не реализовывались. В силу этого обер-прокурор, выражая мнение императора, ставил задачи о формировании у клириков знаний и навыков «снисходить к понятиям простого народа и вразумительно беседовать с ним», быть полезными крестьянам в «их житейских делах». В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общежитии, как то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство». В семинариях стали создавать подготовительные классы для кандидатов в священники, чтобы они «имели средства ближе ознакомиться с обязанностями оного, под руководством просвещенного и опытного наставника и под особым надзором местного Архиерея» [21, с. 62–64]. Дошло дело и до улучшения состояния Минской семинарии. В 1840 г. состоялся ее переезд из Слуцка в Минск. На это с 1835 г. было выделено 50 тысяч рублей [10, л. 168–169].

В 1843 г. Горы-Горецкая земледельческая школа стала основным местом подготовки учителей сельскохозяйственных наук в духовные учебные заведения империи. В ее стенах велась подготовка пособия для преподавания сельского хозяйства в семинариях. Также в 1845 г. объявили конкурс на составление специального сельского лечебника, а в 1846 г. в семинариях вновь открыли классы медицины [10, л. 85, 98–99]. Одним из направлений применения полученных знаний было участие духовенства в профилактических мероприятиях против оспы и холеры. В православные епархии в 1852 г. разослали на русском и польском языках пособия «О мерах и предосторожностях при появлении болезни – холеры» [22, л. 1–2 об.].

Обер-прокурор Св. Синода Н.А. Протасов реализовывал мысли Николая I, связанные с идеей практической направленности образования и желанием императора видеть в духовенстве социально активную категорию своих подданных, способных быть в цен-

тре коммуникации, если не среди интеллектуальной элиты общества, то, по крайней мере, на ее срединном и низовом уровне. В таком случае духовенство смогло бы стать гарантом стабильности российского общества. Не случайно в отчетах обер-прокурора всегда подчеркивались успехи по введению в духовных учебных заведениях новых курсов [13, с. 153].

В это время социальная нагрузка на церковь фактически достигла предела. У государства (и общества в целом) по-прежнему не было иных, такого же уровня проникновения, как у церкви, каналов коммуникации. В системе духовного образования подобные тенденции начинали угрожать качеству уже собственно профессиональной подготовки священнослужителей. Однако решение этих проблем приходится на вторую половину XIX ст. [23].

Заключение. В конце XVIII – первой половине XIX столетия в православной церкви Российской империи были проведены мероприятия, направленные на создание системы духовного образования, способной к самообновлению, производству необходимого количества образовательных услуг, для всего клира. С этой целью подверглись регламентации и унификации структура системы образования и учебный процесс. В правление Николая I в связи с усилением социальной роли приходского духовенства в учебные программы были введены естественнонаучные дисциплины и сельское хозяйство.

На территории белорусско-литовских епархий проходили с незначительными вариациями процессы, характерные для православной церкви империи в целом. До 1839 г. центральные власти не считали допустимым и рационально обоснованным существенно выделять епархии региона, в том числе и на уровне системы образования, после же объединения униатских епархий с православными это считалось излишним, так как по структурным показателям они, в основном, соответствовали собственно российским. Тем не менее перед православным духовенством региона в сферах образования и коммуникации стояли дополнительные задачи, вытекавшие из поликонфессионального характера региона, господства католической аристократии и низкой легитимности российской власти. Они заключались в необходимости большей внешней и внутренней консолидации приходов, повышении уровня конфессионального самосознания, дифференциации социальной и религиозной информации. В рассматриваемое время, в силу особенностей синодальной системы организации церкви, эти задачи не находили решения на системном уровне.

Общее же смысловое наполнение мероприятий в сфере духовного образования определялось возросшей коммуникативной нагрузкой на церковь, вызванной как потребностями абсолютистского государства, так и социальной системы в целом. Новые секулярные знания, индифферентные к религиозной составляющей и традиции, действия государства, вмешивавшегося в сословные корпорации, требовали от духовенства активной позиции, в рамках которой ускорявшиеся процессы коммуникации представлялись бы как соответствующие религиозному идеалу и традиционным основам социальной системы российского общества. Информация, которая могла бы рассматриваться как существующая независимо от церкви и религии, благодаря активной деятельности духовенства получала код, вписывавший ее в привычные представления о жизни человека и социума. Однако к концу правления Николая I потенциал церкви в качестве основной системы коммуникации в империи был исчерпан.

Литература

1. Рункевич, С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832) / С.Г. Рункевич. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. – 623 с.
2. Ведомости по Минской и Могилевской семинарии за 1797 г. // Российский государственный исторический архив. – Фонд 796. – Оп. 78. – Д. 998.
3. Указы Св. Синода за 1798 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 2301. – Оп. 1. – Д. 7.
4. Указы Белорусской духовной консистории за 1800–1801 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 3021. – Оп. 1. – Д. 4.
5. О порядке учения в Духовных Академиях и Семинариях: Высочайше утвержденный доклад Св. Синода, 31 окт. 1798 г., № 18726 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXV. – С. 426–431.
6. Учреждение Министерства Духовных дел и Народного Просвещения: Манифест, 24 окт. 1817 г., № 27106 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXIV. – С. 814–834.
7. Дело по указу Синода об открытии приходских училищ при церквах. 1805–1806 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 3021. – Оп. 1. – Д. 312а.
8. Сборник материалов по истории духовных учебных заведений // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Фонд 550. – Д. F.XVIII.37.
9. Указы Белорусской духовной консистории за 1800–1801 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 3021. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 4 об., 5, 7 об.
10. Обзор духовно-училищных обозрений по ведомству Православного исповедания с 1832 по 1845 г. / сост. Г.И. Савваитов // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Фонд 550.
11. О замене в селениях недостатка врачебных учреждений заведением в духовных училищах нужных к сему познаний: Именной указ, данный Св. Синоду, 17 июля 1802 г., № 20334 // Полное собр. законов Рос. империи:

собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXVIII. – С. 194.
12. Указы МДК за 1797–1820 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 779. – Оп. 1. – Д. 1.
13. Преображенский, И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 / И. Преображенский. – СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1897. – 236 с.
14. Дело по указу Синода о выделении Минской казенной палатой дополнительной суммы на содержание Минской духовной семинарии. Ведомость расхода денег на увеличение жалованья преподавателям и содержания семинаристам. 1807 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 1860.
15. Ведомости за 1823 г. об учебных заведениях Минской епархии // Российский государственный исторический архив. – Фонд 802. – Оп. 1. – Д. 3618.
16. Ведомости за 1823 г. об учебных заведениях Могилевской епархии // Российский государственный исторический архив. – Фонд 802. – Оп. 1. – Д. 3611.
17. Об усилении вящих способов к образованию Духовного юношества и к обеспечению церковных причтов в безбедном содержании: Именной указ, данный Св. Синоду, 6 дек. 1829 г., № 3323 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. IV. – 1830. – С. 833–839.
18. Из писем Алексея Ивановича Войцеховича к С.Д. Нечаеву // Русский архив. – 1893. – Кн. 2. – С. 150–152.
19. Глубоковский, Н.Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский (–1863.11.11), его жизнь и деятельность / Н.Н. Глубоковский. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1914. – 558 с.
20. Васович, С.М. Учебные заведения православного духовного ведомства в Беларуси. Конец XVIII – 1914 г.: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / С.М. Васович; Инст. ист. НАН Беларуси. – Минск, 2003. – 22 с.
21. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1850 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1851. – 151 с.
22. Дело о получении благочинными епархий указаний Минского губернского правления о мерах предупреждения холеры. 1852–1853 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 24443.
23. Семин, И.А. Государственная политика в отношении православного приходского духовенства: 1825–1870-е гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 09.00.13 / И.А. Семин; Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2006. – 34 с.

Поступила в редакцию 26.04.2016 г.

УДК 94(476)

Деятельность органов государственной безопасности в 1944–1953 гг.: современная белорусская историография

Краско Г.Г.

Государственное учреждение образования «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», Минск

Научная актуальность избранной проблемы обусловлена отсутствием в отечественной исторической литературе специальных комплексных исследований, посвященных историографии органов государственной безопасности, функционировавших на территории нашей республики. Несмотря на большое внимание белорусских ученых к послевоенному периоду отечественной истории, даже отдельные вопросы историографии органов государственной безопасности остаются фактически не изученными, в связи с чем возрастает роль этой науки в оценке концептуальных подходов разных лет.

Цель статьи – проанализировать современную отечественную историографию истории органов государственной безопасности послевоенного периода и охарактеризовать основные этапы ее развития.

Материал и методы. *Исследование проведено на основе анализа отечественных публикаций, посвященных деятельности органов государственной безопасности в 1944–1953 гг. При написании статьи автор опирался на принципы объективности и историзма. Для этого использовались специальные исторические методы.*

Результаты и их обсуждение. *В историческом плане деятельность органов государственной безопасности в 1944–1953 гг. является малоизученной. Несмотря на наличие отдельных работ отечественных историков, затрагивающих определенные аспекты деятельности советской спецслужбы на территории БССР в первые послевоенные годы, комплексных информационно полных и аналитически развернутых работ в данный момент недостаточно. Наибольшее количество исследований, в которых объективно рассматриваются явления и процессы, имеющие отношение к функционированию на территории БССР органов государственной безопасности, было подготовлено в последнее десятилетие. В предшествующие годы преобладали две крайности. Так, в советский период доминировали исключительно положительные подходы. Недостатки, просчеты в работе спецслужбы, их причинно-следственные связи, как правило, учеными игнорировались. В свою очередь, начальному этапу современного периода присущи эмоционально окрашенные негативные оценки не только результатов работы органов государственной безопасности, но и самого факта существования такого института.*

Заключение. *В настоящее время для исследований, посвященных деятельности органов государственной безопасности в 1944–1953 гг., характерны научный подход, критическая оценка происходивших событий и процессов. Одним из основных условий качественного проведения исторических исследований, связанных с деятельностью органов государственной безопасности, является их реализация квалифицированными научными кадрами, способными адекватно оценивать достаточно специфическую и деликатную источниковую базу.*

Ключевые слова: *органы государственной безопасности, НКГБ, МГБ, КГБ, военная контрразведка, Армия Крайова, современная белорусская историография.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 70–74)

National Security Bodies in 1944–1953: Contemporary Belarusian Historiography

Krasko G.G.

State Educational Establishment «Institute of National Security of the Republic of Belarus», Minsk

Scientific topicality of the studied issue is conditioned by the lack in home historical literature of special complex research on the historiography of national security bodies which operated on the territory of the Republic. In spite of great attention of Belarusian scholars to the post War period of home history even some issues of national security bodies historiography still remain practically uninvestigated. Hence is the increase in the role of historiography in the assessment of conceptual approaches of different years.

The aim of the work is to analyze contemporary home historiography of the post War history of national security bodies and characterize main stages of its development.

Material and methods. *The study is conducted on the basis of the analysis of home researchers' publications which are devoted to state security bodies in 1944–1953. The author used in his research the objective and historical principles. To reach the goal the author used special historical methods.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: gena-krasko@mail.ru – **Г.Г. Краско**

Findings and their discussion. *From the historical point of view the activity of national security bodies in 1944–1953 is studied insufficiently. In spite of the availability of a number works by home historians who touched upon separate aspects of the activity of Soviet security bodies on the territory of the BSSR in the first post war years, there are not enough complex informationally complete and analytically broad works at present. The biggest amount of works, which objectively consider processes and phenomena related to the operation of state security bodies on the territory of the BSSR, were done in the last decade. The years before the two extremes prevailed. Thus, in the Soviet period, only positive approaches prevailed. Shortcomings, problems in the work of special services, their reasons and causes, as a rule, were ignored by researchers. At the same time, the initial stage of the modern period is characterized by emotionally colored negative assessment of not only results of state security bodies' work but also the very fact of the existence of this institution.*

Conclusion. *At present, studies of operation of state security bodies in 1944–1953 are characterized by scientific approach, critical assessment of the ongoing processes and events. One of the basic conditions of qualitative historical research, connected with functioning bodies of state security, is qualified scientific staff who is able to assess appropriately the specific source base.*

Key words: *bodies of state security, People's Committee of State Security, Ministry of State Security, Committee of State Security, military intelligence, Krayova Army, contemporary Belarusian historiography*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 70–74)

Научная актуальность избранной проблемы обусловлена отсутствием в отечественной исторической литературе специальных комплексных исследований, посвященных историографии органов государственной безопасности, функционировавших на территории нашей республики. Несмотря на большое внимание белорусских ученых к послевоенному периоду отечественной истории, даже отдельные вопросы историографии органов государственной безопасности остаются фактически не изученными. Разработка проблемы, заявленной для рассмотрения в статье, направлена на ликвидацию существующих пробелов и будет содействовать дальнейшему углублению, систематизации научной информации о сложном и противоречивом периоде отечественной истории – первом послевоенном десятилетии. В этой связи возрастает роль историографии в оценке концептуальных подходов разных лет. Объектом исследования является история развития отечественной исторической науки.

Цель работы – проанализировать современную отечественную историографию истории органов государственной безопасности послевоенного периода и охарактеризовать основные этапы ее развития.

Материал и методы. Теоретико-методологическая основа – современные представления о принципах, функциях, методах и методике исторического исследования. В частности, при написании работы мы опирались на принципы объективности и историзма. Для достижения поставленной цели использовались специальные исторические методы. Так, историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить разные позиции по проблеме, выявить сходства и различия между взглядами исследователей. В свою очередь, выделению наиболее актуальных вопросов на том или ином этапе содействовал историко-генетический метод.

Результаты и их обсуждение. Процессы, происходившие в Советском Союзе во второй половине 1980-х годов, и последующие кардинальные изменения на постсоветском пространстве во всех сферах жизнедеятельности получили в современной исторической науке разные, порой диаметрально противоположные, оценки. Однако эти перемены способствовали росту интереса к закрытой ранее тематике – истории органов государственной безопасности. Для работ, подготовленных в начале 90-х гг. XX столетия и посвященных различным фрагментам истории советских спецслужб, характерны отсутствие комплексного подхода при проведении исследований некоторая тенденциозность в подаче материала. Процесс осмысления событий и процессов, связанных с деятельностью органов государственной безопасности, в некоторых случаях приобретал противоречивые формы. Врезультате в общественном сознании формировалось представление о том, что деятельность органов НКГБ-МГБ-КГБ была преимущественно карательной, направленной не столько на обеспечение государственной безопасности, сколько против инакомыслия и малозначительных антисоветских проявлений. На наш взгляд, это может объясняться не только отличиями в исследовательских подходах, но и тем особым местом, которое данный институт занимал и занимает в общественном сознании, политике и идеологии.

Одновременно в эти годы белорусскими исследователями были подготовлены заслуживающие внимания издания. Эпизодические упоминания о деятельности органов государственной безопасности по борьбе с антисоветскими вооруженными структурами содержатся и в работах отечественных авторов, подготовленных в первой половине 1990-х годов: В.И. Адамушко [1], В.И. Ермоловича [2], Е.И. Семашко [3]. Репрессивный характер чекистской деятельности в послевоенные годы был озвучен на некоторых научных конференциях [4]. К сожалению, в отдельных случаях авторы, игнорируя принцип историзма, пытались переложить в общественном со-

знании всю ответственность за беззаконие и репрессии 30–50-х годов XX ст. на нынешнее поколение сотрудников органов государственной безопасности Республики Беларусь.

Вклад в изучение истории органов государственной безопасности нашей страны внесли и сотрудники Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. Отличительной особенностью изданий, подготовленных с их участием, стало использование документальных материалов архива КГБ Республики Беларусь, других архивов государства, а также Российской Федерации, Украины, Грузии. Это в полной мере применимо, в частности, к изданному в 1997 году справочнику «Руководители органов государственной безопасности Беларуси» [5]. В данной работе, подготовленной к 80-летию органов государственной безопасности, выделены основные периоды их становления и развития, содержатся краткие биографические сведения о руководителях спецслужбы, функционировавшей на территории нашей республики, с момента образования ЧК.

Рубеж веков можно рассматривать как качественно новый этап в белорусской историографии органов государственной безопасности. С этого времени в оборот достаточно интенсивно вводятся не известные ранее источники по истории отечественной спецслужбы, а сами исследования, в которых рассматриваются различные аспекты деятельности органов государственной безопасности, проводятся, как правило, на научной основе. Так, значительный объем архивных материалов, имеющих отношение к деятельности спецслужбы на территории БССР в первые послевоенные годы, был введен в научный оборот при разработке актуальной для отечественной истории проблемы функционирования в западных регионах республики структур антисоветского вооруженного подполья. В частности, определенный интерес представляют диссертация и подготовленная на ее основе монография И.А. Валахановича [6–7]. Ценность работ этого автора заключается в научном подходе при анализе проблемы антисоветского подполья. Эмпирической базой для проведения исследований послужили, главным образом, материалы архива КГБ Республики Беларусь, благодаря чему ученый компетентно проанализировал деятельность антисоветского подполья и одним из первых рассмотрел отдельные формы и методы борьбы органов государственной безопасности с ними в послевоенное десятилетие.

Следует выделить монографию С.А. Ситкевича «Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.)» [8], а также диссертацию Н.А. Рыбак «Деятельность Армии Крайовой и постаковских формирований в Западной Беларуси в 1944–1954 гг.» [9]. В них авторы, наряду с рассмотрением вопросов, связанных с функционированием на территории западных районов БССР польского антисоветского подполья, на основе анализа доступных архивных материалов предприняли попытку определения форм и методов деятельности органов госбезопасности по нейтрализации террористических проявлений в западных районах Беларуси.

Поскольку в период войны и первые послевоенные годы органы государственной безопасности в своей практической деятельности плотно взаимодействовали с органами внутренних дел, несомненный интерес вызывает работа А.В. Шаркова «НКВД Беларуси в вооруженной борьбе с нацистским агрессором и националистическим подпольем в годы Великой Отечественной войны» [10]. В ней освещаются различные организационные формы и результаты участия сотрудников органов государственной безопасности в ликвидации структур антисоветского вооруженного подполья, оказывавших активное сопротивление законной власти по налаживанию мирной жизни на освобожденной от оккупации территории БССР.

В качестве ценного источника при исследовании элементов обстановки, которые оказывали влияние на деятельность органов государственной безопасности на территории БССР в первые послевоенные годы, выступает диссертационное исследование Ю.В. Зверева «“Русские” формирования вермахта и войск СС на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)» [11]. В этом научном труде на основе глубокого анализа архивных источников и литературы автором проведено комплексное исследование причин образования, количественного и социального состава «восточных» войск, а также конкретных политических и практических мероприятий гитлеровского руководства по их созданию.

Органами государственной безопасности Республики Беларусь в последние годы на основе ранее не преданных гласности архивных материалов, воспоминаний сотрудников, в т.ч. проходивших службу в первые послевоенные годы, подготовлены и опубликованы работы, посвященные организационному развитию и деятельности отечественной спецслужбы на различных исторических периодах. В качестве их особенности, как представляется, может рассматриваться и то, что в них функционировавшие на территории нашей республики органы государственной безопасности выступают объектом иссле-

дования. Так, в 2004 году в управлении КГБ Республики Беларусь по Витебской области авторским коллективом подготовлена работа «На службе Родине: страницы истории», посвященная истории этого территориального подразделения спецслужбы [12]. Отдельный интерес это издание представляет не только из-за своей источниковой базы, но и потому, что в первые послевоенные годы различные районы Витебской области входили, в основном, в состав двух административно-территориальных единиц – Витебской и Полоцкой областей, что позволяет получить представление об организации работы и основных направлениях деятельности органов государственной безопасности на востоке и западе БССР. В 2005 году при содействии управления КГБ Республики Беларусь по Могилевской области вышла книга В. Каминского «Без права на славу» [13]. В ней также широко представлены впервые вводимые в научный оборот документальные и фотографические материалы, раскрывающие специфику деятельности органов государственной безопасности на территории региона.

Накопленный опыт по проведению исследований по истории становления и развития органов государственной безопасности позволил в 2006 году КГБ Республики Беларусь подготовить научно-популярное издание «Щит и меч Отечества», в котором собраны сведения о деятельности специальных служб на территории современной Беларуси со времен Полоцкого княжества до начала 2000-х годов [14]. Необходимо отметить, что в настоящее время эта работа является единственным доступным для широкого круга читателей изданием, которое позволяет получить целостное представление о роли и месте, отводившимся спецслужбам на различных этапах становления белорусской государственности. В 2008 г. вышел в свет труд В.Н. Надтачаева «Военная контрразведка Беларуси: судьбы, трагедии, победы...» [15]. В нем автором предпринята попытка на основе документов и фотоматериалов из государственных и ведомственных архивов Республики Беларусь и Российской Федерации отразить процессы становления, строительства и деятельности органов военной контрразведки, функционировавших на территории Беларуси, показать особенности на различных периодах. Краткие биографические сведения о генералах органов государственной безопасности, проходивших службу на территории Беларуси с 1918 по 2008 год, а также очерки по истории спецслужб, функционировавших на территории Беларуси в советский и современный периоды, содержатся в подготовленном в 2008 году издании «Генералы органов государственной безопасности Беларуси» [16]. В 2012 году в Институте национальной безопасности Республики Беларусь Н.И. Смирновым подготовлено издание «Единая с Отечеством судьба», в котором автором предпринята попытка системно рассмотреть основные этапы создания и развития этого уникального учебного заведения, в т.ч. в первые послевоенные годы [17]. Благодаря материалам архивов Республики Беларусь, Российской Федерации исследователем рассмотрены основные механизмы совершенствования подготовки кадров спецслужбы как важного условия устойчивого функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

Новые архивные материалы и воспоминания сотрудников легли в основу подготовленной в 2014 году управлением КГБ Республики Беларусь по Брестской области и изданной под редакцией А.М. Суворова книги «Незримый рубеж: Управление КГБ по Брестской области». В работе, посвященной страницам истории этого подразделения, рассмотрены конкретные региональные особенности организационного развития органов государственной безопасности, выделены характерные этапы [18]. В том же году Белорусской общественной организацией ветеранов КГБ «Честь» издана книга воспоминаний отечественных чекистов, принимавших участие в партизанском движении и ликвидации антисоветского вооруженного подполья «Победители. Книга вторая» [19]. Эмпирической базой этой работы выступили ранее не опубликованные воспоминания сотрудников органов государственной безопасности, проходивших службу в НКГБ-МГБ БССР. В издании деятельность органов госбезопасности по защите интересов общества и государства показана глазами непосредственных участников событий более чем полувековой давности. В результате кропотливого труда над материалами архива КГБ Республики Беларусь также удалось восстановить имена и биографические данные сотрудников органов государственной безопасности, погибших в первые послевоенные годы в борьбе с антисоветским вооруженным подпольем.

Однако несмотря на проделанную в последние годы работу в современной белорусской историографии продолжает ощущаться недостаток исследований по истории деятельности органов государственной безопасности на территории БССР в первое послевоенное десятилетие.

Заключение. Проведенный анализ состояния научной разработки избранной для исследования проблемы показал, что в историческом плане она является малоизученной. Несмотря на наличие отдельных отечествен-

ных публикаций, затрагивающих определенные аспекты деятельности советской спецслужбы на территории БССР в первые послевоенные годы, комплексных информационно полных и аналитически развернутых работ в данный момент недостаточно.

Результаты проведенного исследования показали, что наибольшее количество работ, в которых объективно рассматриваются явления и процессы, имеющие отношение к функционированию на территории БССР органов государственной безопасности, было подготовлено, на наш взгляд, в последнее десятилетие. В предшествующие годы преобладали две крайности. Так, в советский период доминировали исключительно положительные подходы. Недостатки, просчеты в работе спецслужбы, их причинно-следственные связи, как правило, учеными игнорировались. В свою очередь, начальному этапу современного периода присущи эмоционально окрашенные негативные оценки не только результатов работы органов государственной безопасности, но и самого факта существования такого института.

Представляется, что в настоящее время для проводимых исследований характерны научный подход, критическая оценка происходивших событий и процессов. Одним из основных условий качественного проведения исторических исследований, связанных с деятельностью органов государственной безопасности, является их реализация квалифицированными научными кадрами, способными адекватно оценивать достаточно специфическую и деликатную источниковую базу.

Литература

1. Адамушка, У.І. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-х гадоў на Беларусі / У.І. Адамушка. – Мінск: Беларусь, 1994. – 158 с.
2. Ермолович, В.И. Огнем и мечом: хроника польского националистического подполья в Белоруссии, 1939–1953 гг. / В.И. Ермолович; Белорус. науч.-исслед. центр документоведения, археографии и арх. дела. – Минск: БелНИЦДААД, 1994. – 109 с.
3. Сямашка, Я.І. Армія Краёва на Беларусі / Я.І. Сямашка. – Мінск: Хата, 1994. – 269 с.
4. Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі: матэрыялы навук.-практ. канф., Мінск, 27–28 лют. 1998 г. / Беларус. Хельсін. кам., Беларус. асац. ахвяр паліт. рэпрэсій; склад. і навук. рэд. Н.І. Стужынская. – Минск, 1998. – 278 с.
5. Руководители органов государственной безопасности Беларуси: крат. биогр. справ. / А.Р. Кулеш, Л.В. Пименов, И.А. Валаханович. – Минск: Бел. энцыкл., 1997. – 42 с.
6. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И.А. Валаханович. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2002. – 146 с.
7. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг.: организационная структура, программно-уставные положения и основные этапы деятельности: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И.А. Валаханович. – Минск, 1999. – 108 л.
8. Ситкевич, С.А. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.) / С.А. Ситкевич. – Гродно: Гродн. гос. аграр. ун-т, 2004. – 344 с.
9. Рыбак, Н.А. Деятельность Армии Крайовой и постаковских формирований в Западной Беларуси в 1944–1954 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.А. Рыбак. – Гродно, 2001. – 117 л.
10. Шарков, А.В. НКВД Беларуси в вооруженной борьбе с нацистским агрессором и националистическим подпольем в годы Великой Отечественной войны / А.В. Шарков. – Минск: Акад. МВД, 2012. – 279 с.
11. Зверев, Ю.В. «Русские» формирования вермахта и войск СС на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)»: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.В. Зверев; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 19 с.
12. На службе Родине: страницы истории / В.И. Дементей [и др.]; под общ. ред. В.И. Дементея. – Витебск: Витеб. обл. тип., 2004. – 352 с.
13. Каминский, В. Без права на славу / В. Каминский. – Могилев: Могилев. обл. тип., 2005. – 304 с.
14. Щит и меч Отечества / КГБ Респ. Беларусь, М-во информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. С.Н. Сухоренко. – Минск: Междунар. центр интеграц. информ.: Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.
15. Надтачаев, В.Н. Военная контрразведка Беларуси: судьбы, трагедии, победы... / В.Н. Надтачаев. – Минск: Кавалер, 2008. – 416 с.
16. Генералы органов государственной безопасности Беларуси: крат. биогр. справ. (1918–2008) / сост.: И.З. Юркин [и др.]. – Минск: Геопринт, 2008. – 136 с.
17. Смирнов, Н.И. Единая с Отечеством судьба / Н.И. Смирнов; под общ. ред. И.Н. Кузнецова. – Минск: Беларусь, 2012. – 215 с.
18. Незримый рубеж: Управление КГБ по Брестской области / А.М. Суворов (гл. ред.) [и др.]. – Брест: Полиграфика, 2014. – 247 с.
19. Победители. Книга вторая: Воспоминания белорусских чекистов, принимавших участие в партизанском движении и ликвидации антисоветского вооруженного подполья в 1944–1953 гг. / авт.-сост. А.П. Васильев; редкол.: А.П. Васильев [и др.]. – Минск: КГБ Респ. Беларусь, 2014. – 236 с.

Поступила в редакцию 29.04.2016 г.

УДК 327(73):930

США в современном мире: оценки российских консерваторов

Косов А.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматривается российская консервативная внешнеполитическая мысль о геополитическом положении США в современном мире. В российской историографии насчитывается ряд публикаций, в которых освещаются основные проблемы внешней политики Вашингтона после окончания «холодной войны».

Цель работы – проанализировать взгляды российских консерваторов на роль и место США в глобальной политике в постбиполярный период.

***Материал и методы.** Представленное исследование осуществлялось на основе изучения современных российских публикаций консервативных авторов по внешней политике США в постбиполярный период с использованием общенаучных и специально-исторических методов.*

***Результаты и их обсуждение.** Особое внимание обращается на интерпретации представителями консервативного направления России внешнеполитического поведения Соединенных Штатов в постбиполярном мире. В первую очередь анализируются мнения известных российских политиков и ученых, придерживающихся консервативных взглядов, на политику Вашингтона по построению «мира по-американски» и американские перспективы в ближайшем будущем.*

***Заключение.** Делается вывод о неоднозначности оценок российских консерваторов о геополитическом положении Соединенных Штатов в современном мире. С одной стороны, российские консерваторы придерживаются ряда верных утверждений относительно роли и места США в глобальной политике. С другой стороны, они чрезмерно идеологизируют сферу международных отношений, а также увлекаются различного рода «теориями заговоров», что сказывается на объективности их исследований.*

***Ключевые слова:** российская историография, внешняя политика, США, консерваторы, новый мировой порядок, однополярность, «мир по-американски».*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 75–83)

USA in the Contemporary World: Russian Conservatives' Assessments

Kosov A.P.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov Universithy», Vitebsk

Russian conservative foreign political thought on the geopolitical situation of the USA in the contemporary is considered in the article. There are a number of publications in Russian historiography which consider main issues of Washington foreign policy after the end of «cold war».

The aim of the work is to consider ideas by Russian conservatives on the role and place of the USA in global politics in the post bipolar period.

***Material and methods.** The research was conducted on the basis of the study of contemporary Russian publications by conservative authors on the foreign policy of the USA in the post bipolar period with the use of general scientific and special historical methods.*

***Findings and their discussion.** Special attention is paid to interpretations by representatives of the conservative direction in Russia of foreign political behavior of the United States in the post bipolar world. First of all ideas by Russian politicians and scholars, who adhere to conservative points of view, of Washington policy on building up the American-type world as well as American perspective in the near future, are analyzed.*

***Conclusion.** Conclusion is made on the controversial character of assessments by Russian conservatives on the geopolitical situation of the United States in the contemporary world. On the one hand, Russian conservatives make some corrects statements regarding the role and the place of the USA in global politics. On the other hand, Russian conservatives excessively idealize the sphere of international relations and are keen on conspiracy theories of different type, which affects the objectivity of their research.*

***Key words:** Russian historiography, foreign policy, the USA, conservatives, new global order, single polar, American-type world.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 75–83)

Распад Советского Союза и социалистического блока привел к существенным изменениям в мировой политике. Оставшись без традиционного геополитического соперника, США в ранге единственной сверхдержавы приступили к построению нового мирового порядка, основанного на западных идеалах и ценностях. В результате 1990-е гг. прошли под знаком набирающей обороты глобализации, ознамено-

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – **А.П. Косов**

вавшейся усилением американских позиций во всех ведущих сферах развития. Однако в XXI веке ситуация несколько изменилась: попытавшись, используя трагические события 11 сентября 2001 г., завершить создание «мира по-американски», Соединенные Штаты подорвали свою мощь в результате перенапряжения, что нашло отражение и в российской историографии международных отношений и внешней политики США.

Цель представленной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть взгляды российских консерваторов на роль и место США в глобальной политике в постбиполярный период. Ведь при наличии огромного количества российских публикаций по внешней политике США работ историографического характера в настоящее время явно недостаточно. Как правило, русскоязычные исследователи освещают взгляды на мировую политику представителей внешнеполитической мысли Запада. Изучение же точек зрения российских авторов отходит на второй план. Между тем российская внешнеполитическая мысль вызывает большой интерес. Тем более что без ее исследования невозможно представить всю полноту картины развития мировой историографии международных отношений и внешней политики. Поэтому изучение взглядов консервативных авторов, как одного из сегментов российского внешнеполитического дискурса о роли и месте США в мировой политике, вполне обоснованно и актуально для исторической науки.

Сразу следует отметить, что при «отнесении» тех или иных авторов к консервативному направлению достаточно много условного и субъективного. Это неудивительно, ведь оно не является монолитным – на наш взгляд, здесь и радикалы, и так называемые либеральные консерваторы, и монархисты, и националисты, и коммунисты. Поэтому вполне очевидно, что среди самих консерваторов нет единства мнений по ряду актуальных проблем международного развития и внешней политики России в современном мире. Но всех их объединяет крайне негативное отношение к внешнеполитическим действиям Соединенных Штатов на мировой арене. Объективно говоря, сегодня в политико-академическом сообществе Российской Федерации фактически наблюдается консенсус относительно внешней политики Вашингтона: американцев критикуют не только консерваторы и реалисты, но и либералы. Однако для консервативного направления в сфере оценивания внешнеполитической стратегии Америки характерны свои особенности – обращение к различного рода «теориям заговоров», деятельности «мировой закулисы», разных тайных организаций и т.д. Следовательно, изучение взглядов российских консерваторов на глобальную политику США в рассматриваемый период не будет лишним. Это поможет воссоздать полноту картины развития современной российской историографии внешней политики США в конце XX – начале XXI в.

Материал и методы. Представленная статья основывается на современных публикациях российских консервативных авторов по внешней политике США в постбиполярный период. Исследования были подвержены полномасштабному историографическому анализу в целях выявления сущности российской историографии внешней политики Соединенных Штатов в современном мире. В основном были рассмотрены работы известных российских политиков, ученых и публицистов, придерживающихся консервативных взглядов, – С.Н. Бабурина, А.П. Барышева, С.Ю. Глазьева, М.Г. Делягина, А.Г. Дугина, Г.А. Зюганова, В.В. Жириновского, Л.Г. Ивашова, В.Ю. Катасонова, Б.Ф. Ключникова, М.В. Леонтьева, В.А. Никонова, А.С. Панарина, О.А. Платонова, А.К. Пушкова, В.Т. Третьякова, А.И. Уткина и др.

Методологической основой статьи является совокупность научных принципов объективности, историзма и достоверности. Для ее написания использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также метод системного анализа и нарративный, которые позволили раскрыть сущность российской консервативной историографии глобальной политики и геополитического положения США в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение. Значительное внимание изучению актуальных проблем развития международных отношений в современном мире уделяется в публикациях российских консерваторов как левых, так и правых взглядов. Безусловно, по целому ряду вопросов их точки зрения не совпадают, порой даже являются диаметрально противоположными. Однако при этом можно выделить и некоторые общие черты, которые их объединяют. Так, среди ос-

новополагающих элементов консервативной идеологии исследователь современного российского консерватизма Э.А. Попов назвал в том числе:

– неприятие экспансионистских устремлений враждебных России сил, как на Западе, так и на Востоке;

– антиамериканизм и, в меньшей степени, антизападничество [1, с. 166].

Исходя из этого можно рассмотреть взгляды ряда российских политиков и ученых на внешнеполитические действия Вашингтона и геополитическое положение Америки в мире.

Оценки российскими консерваторами роли и места США в постбиполярном мире. Как показывает изучение обширного массива российских публикаций, общепринятой среди консервативных авторов является точка зрения о том, что после развала Советского Союза США остались единственной сверхдержавой в мире, вследствие чего, используя благоприятные условия, активизировали свои усилия по навязыванию другим странам и народам собственного мировидения. В Вашингтоне пришли к выводу, что построение «мира по-американски» наконец-то стало реальностью. Так, в одной из своих статей в журнале «Наш современник» известный российский политик и ученый С.Н. Бабурин подчеркивал, что Соединенные Штаты, «оказавшись на неопределенно длительный период формирования многополярного мира единственной сверхдержавой, стали претендовать на роль своеобразного “четвертого Рима”» [2]. При этом уже в конце 1990-х гг. политик отмечал, что сложившаяся ситуация однополюсного мира с единственной на планете сверхдержавой в лице Соединенных Штатов порождает нестабильность. Главным же инструментом поддержания данной нестабильности он назвал НАТО, которая не изменила принципы и характер своей деятельности. Более того, Североатлантический альянс взял на себя функции жандарма, что ярко проявилось в ходе событий на Балканах [3, с. 338]. С.Н. Бабурин констатировал: «Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и неспособность ООН пресечь эту агрессию – первая зримая демонстрация формирующегося нынче мирового порядка, который я бы обозначил как Мальтийско-Мадридский мировой порядок» [3, с. 336].

Похожая точка зрения на роль и место Америки в современном мире и у других российских авторов. Например, лидер КПРФ Г.А. Зюганов подчеркивал, что после разрушения Советского Союза США остались единственной сверхдержавой на планете. Они достигли огромной мощи, ведь влияние Америки серьезно ощущается во всех уголках земного шара. Ведь без американского присутствия, без учета мнения американцев, по словам политика, в мире не решается ни один сколько-нибудь значимый вопрос [4, с. 288]. Тем самым политик констатировал, что уничтожение СССР породило однополюсный миропорядок под эгидой США [5, с. 3]. При этом США стремятся сохранить и укрепить свое глобальное лидерство по всем направлениям [4, с. 288]. С этой целью американцы используют любые методы и средства [5, с. 8]. Так, по словам Г.А. Зюганова, с разрушением СССР война для Соединенных Штатов вновь стала легитимным инструментом политики. Вслед за агрессией против Югославии, вторжением в Афганистан и Ирак последовало варварское нападение проамериканского режима Саакашвили на Южную Осетию, которое стало возможным после одобрения американцами. Главная задача, которая преследовалась, по мнению политика, перечеркнуть робкие попытки России претендовать на равноправные отношения с Западом, дискредитировать Москву в глазах соседей, осуществить прорыв Америки на Кавказ и в Среднюю Азию [4, с. 316].

Еще во второй половине 1990-х гг. не менее известный российский политик – лидер ЛДПР В.В. Жириновский – также отметил, что именно ялтинская международная система обеспечивала стабильность мирового развития. С распадом СССР она рухнула и превосходство перешло к США, но стабильности в мире это не принесло [6, с. 79].

Жестко критикуют внешнеполитическое поведение Америки и российские неоевразийцы. Так, по словам лидера неоевразийского движения А.Г. Дугина, к концу XX в. США превратились в единственную гипердержаву мира [7, с. 512]. Он убежден: «США пришли к однополярному миру не случайно. Это результат почти двухвековой стратегии, последовательных и идеологически обоснованных действий, поступков, решений, расчетов и операций» [7, с. 515].

Профессор Дипломатической академии А.П. Барышев, являющийся членом ЦК РКРП-КПСС, подчеркивает, что в начале 1990-х гг. США вышли на позиции единственной сверхдержавы, пытающейся закрепить свои позиции на международной арене и использовать их для борьбы за мировое го-

сподство. По словам ученого, на протяжении 1990–2000-х гг. американский империализм все увереннее брал на себя функции мирового жандарма [8, с. 43–44].

Подобной же точки зрения придерживается и известный ученый В.А. Никонов. По его словам, Соединенные Штаты вошли в XXI столетие в расцвете своего могущества, «являясь локомотивом мирового экономического и научно-технического развития, лидером в информационной революции и инновациях, создании экономики знаний» [9, с. 255]. Они заняли доминирующее положение в ведущих международных финансово-экономических организациях (МВФ, ВТО, Всемирный банк), определяющих «правила игры» в мировой экономике. В военной сфере американцы также первые: бюджет Пентагона составил около половины всех мировых военных расходов. Это дало Америке возможность претендовать на роль единственной сверхдержавы в однополярном мире [9, с. 251; 10, с. 185]. При этом ученый отмечает: «Америку бессмысленно осуждать, а тем более пытаться ее поменять. Она такая, какая есть, и иной в обозримом будущем не станет. Ее надо понимать и с учетом этого понимания строить свою политику» [10, с. 225].

Активизация внешнеполитической активности Америки в мире после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне рассматривается консервативными авторами как следующий этап построения «мира по-американски». Так, генерал Л.Г. Ивашов подчеркивал, что после данных событий Вашингтон окончательно сломал деформированную систему международной безопасности, присвоив себе право «вмешиваться, в том числе и вооруженным путем, в дела любого государства и распоряжаться судьбами всего человечества» [11, с. 737]. По его мнению, усилиями США и мировой олигархии «холодная война» трансформировалась в войну нового типа – геополитическую, цель которой разрушить национально-государственную систему мира и установить новый мировой порядок [11, с. 764].

В этом его поддерживает и неоевразиец Л.В. Савин, который указывает, что после терактов 11 сентября 2001 г. наступила угроза утверждения однополярного мира, когда Вашингтон начал претендовать на право беспрецедентного вмешательства в дела других государств [12, с. 6].

Известный российский американист А.И. Уткин в монографии «Мировой порядок XXI века» (2002) писал о том, что официальная цель доминирования США – это всеобщее благо, которого Вашингтон пытается достигнуть, полагаясь не на демократию мирового сообщества, а на свое лидерство, на свою мощь, на своих ближайших и доказавших свою лояльность союзников [13, с. 35]. По мнению ученого, морализаторские заявления лидеров Америки о «расширении демократии в мире» и увеличении числа «стран с рыночной экономикой» скрывали преследование чисто эгоистичных национальных интересов, а также маскировали курс на установление глобальной гегемонии [13]. В 2002 г. А.И. Уткин в одной из статей подчеркивал: «Вашингтон исходит из того, что поставленная на грань выживания, извлекшая опыт из трагедий, подобных сентябрьской атаке, международная система неизбежно вручит бразды правления наиболее мощной и организованной международной силе – Америке». Таким образом, опираясь на собственную мощь, США рассчитывали установить на планете свой мировой порядок [14, с. 58]. Видим, что исследователь довольно четко выявил устремления правящих кругов Соединенных Штатов.

Отдельные консервативные авторы и вовсе демонизируют Америку. Например, директор общественной организации «Институт русской цивилизации», профессор О.А. Платонов просто написал о том, что США стали олицетворением мирового зла [15, с. 30]. Поддерживая данную точку зрения, известный советский и российский специалист по истории Великой Отечественной войны, профессор В.И. Дашичев сравнил действия американцев в современном мире с планами нацистской Германии по установлению мирового господства. Рассматривая появившийся в период президентства Дж. Буша мл. один из внешнеполитических документов под названием «Проект американского века», в котором говорится о необходимости обеспечить руководящую роль США в мире, преобразовать наступившее столетие по американским правилам, нейтрализовать режимы, способные нанести ущерб национальным интересам Америки и т.д., исследователь проводит параллели с нацистским планом «Ост» [16, с. 187].

Одновременно с критическим осмыслением внешнеполитических действий Вашингтона отдельные консервативные авторы считают, что США действуют на мировой арене в интересах мировой олигархии. Так, с точки зрения профессора В.Ю. Катасонова, Соединенные Штаты –

это лишь инструмент в руках крупного наднационального финансового капитала. По его мнению, под прикрытием борьбы с терроризмом «мировая закулиса», используя мощь США, предприняла попытку завершить процесс установления нового мирового порядка и создания мирового правительства [17, с. 166]. При этом, согласно исследователю, к ней относятся и многие представители правящих кругов Америки, которые, объявив войну международному терроризму, преследовали свои экономические цели в условиях надвигающегося кризиса [17, с. 168]. Поэтому войны в Афганистане и Ираке пришлись для финансистов как нельзя кстати.

Как бы то ни было, однако нельзя не согласиться с мнением известного российского журналиста и политолога В.Т. Третьякова о том, что глобальный гегемонизм Вашингтона как неотъемлемая часть целенаправленной долговременной политики США стал фактом мировой политики после окончания «холодной войны» [18, с. 615].

Таким образом, российские консерваторы единодушны во мнении о стремлении США как ведущей мировой силы установить новый мировой порядок.

Оценки российскими консерваторами перспектив США в глобальной политике. Несмотря на признание многими сверхдержавного статуса за Соединенными Штатами в современном мире, в российской историографии достаточно работ, в которых содержатся скептические прогнозы относительно благоприятных перспектив для США в будущем. Как правило, причиной подобных суждений для целого ряда авторов стали неудачи Вашингтона на международной арене, связанные с вторжением американцев в Афганистан и Ирак, а также последствия мирового финансово-экономического кризиса и подъем новых центров силы, в первую очередь БРИКС. В качестве ярких примеров можно обратиться к публикациям С.Ю. Глазьева, Г.А. Зюганова, Л.Г. Ивашова, О.А. Платонова, А.И. Уткина и других.

В начале XXI века стратегическую цель США в мире известный российский ученый А.С. Панарин сформулировал следующим образом: «Цена, которую предстоит уплатить за новый однополярный порядок, беспрецедентно высока: требуется не только демонировать все действительно самостоятельные государства и режимы, способные сопротивляться гегемонизму, но демонировать культуру и мораль, духовное измерение вообще, ибо духовно чуткие люди непременно станут тираноборцами, оспаривающими права новых господ мира» [19, с. 198]. В результате именно это вскоре в мировой политике и произошло. В итоге стремление Вашингтона усилить свою власть в мире обернулось, наоборот, ее ослаблением.

Рассматривая внешнеполитическую стратегию Запада, известный российский политический и общественный деятель М.Г. Делягин также в начале XXI в. подчеркивал, что методы, с помощью которых насаждается западная система ценностей, противоречат самим этим ценностям и перечеркивают их. Поэтому принуждение к соблюдению прав человека при помощи массовых убийств, продемонстрированное США и их сторонниками по НАТО в ходе агрессии против Югославии, является нонсенсом [20]. В результате М.Г. Делягин предположил, что в ближайшее время содержание мировой политики будет составлять процесс противостояния Соединенных Штатов с остальным человечеством. По его словам, в перспективе идея доминирования США в мире приведет к их перенапряжению и подрыву их доминирования. Правда, ученый отмечал, что в ближайшие годы этого ждать не следует [20].

Действительно, открытый напор и давление, продемонстрированные администрацией Буша-мл. в отношении целого ряда стран и народов, вызвали их растущее сопротивление. На данный факт обратили внимание многие авторы. Странно, что при планировании своих внешнеполитических операций это не приняли в расчет американские стратеги, среди которых достаточно высококвалифицированных специалистов. Так, по словам Г.А. Зюганова, попытки Соединенных Штатов и их союзников навязать «новый мировой порядок» привели к ответной реакции со стороны других государств [4, с. 315]. Попытка США создать однополярный мир вызвала естественное противодействие крупнейших региональных держав (Китая, Индии, отдельных европейских и мусульманских стран), претендующих на самостоятельную роль в мировой политике и стремящихся по ряду вопросов выйти из фарватера американской политики [4, с. 336]. Войны США в Афганистане, Ираке, угрозы в адрес Ирана только усилили рост антиамериканских настроений в исламском мире [4, с. 289]. Таким образом, с точки зрения Г.А. Зюганова, непродуманные действия Вашингтона на мировой арене привели к кризису проекта создания однополюсного миропорядка [5, с. 79].

Примерно о том же писал и профессор Л.Н. Доброхотов: попытка Вашингтона посредством глобализации навязать всему миру свою власть вызвала растущий протест и отпор не только России, Индии, стран Юго-Восточной Азии, но даже государств Западной Европы. Для многих стало очевидным, что собственными действиями американцы вызвали ненависть к себе во всем мире, а ненависть, как известно, порождает насилие, в том числе и в виде террора [21].

Профессор Дипломатической академии А.П. Барышев считает, что нагнетание Вашингтоном военной истерии в мире, ведущее к вероятности возникновения новой большой войны, свидетельствует об исчерпании правящими кругами Америки практически всего набора механизмов и средств, пригодных для вывода страны из финансово-экономического кризиса [8, с. 1119]. Ученый отмечает, что претензии Вашингтона на доминирование в мире затрагивают интересы других держав Запада. В частности, в Европе экспансия американского капитала наталкивается на растущее сопротивление Германии, Франции и Великобритании. В АТР обостряются торговые противоречия между США и Японией [8, с. 49–50]. Таким образом, Соединенные Штаты быстрыми шагами идут в направлении кризиса своей внешнеполитической модели.

Профессор О.А. Платонов также указывал, что после разрушения Советского Союза американская политика установления нового мирового порядка «приобрела вызывающе агрессивный и экспансионистский характер, допуская преступное вмешательство во внутренние дела любой страны мира» [15, с. 182]. Подобное поведение Америки ведет к углублению ее противоречий с другими странами. В результате США идут «к своему закономерному концу». При этом человеческое сообщество должно осуществлять регулирование процесса разрушения Соединенных Штатов, иначе американцы, обладая ядерным оружием, могут увлечь за собой весь мир в бездну [15, с. 360–363].

Известный российский журналист и публицист М.В. Леонтьев и вовсе связал даже не последствия американской войны с международным терроризмом, а само падение башен-близнецов ВТЦ в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. с падением американского нового мирового порядка, основанного на «беспредельной самонадеянности и детской беспечности» [22, с. 127].

Однако большинство авторов все же отождествляет подрыв американской мощи в мире с авантюрными действиями Вашингтона в период президентства Дж. Буша-мл. Так, по словам профессора Б.Ф. Ключникова, основная цель внешнеполитических действий администрации Буша-мл. заключалась в укреплении и расширении «своей неоспоримой однополюсной планетарной гегемонии. А основа ее – мировая финансовая система и сильный доллар» [23, с. 295]. Однако стремление Вашингтона еще более упрочить свое положение в мире путем вторжения в Ирак завершилось просчетом американцев по всем направлениям [23, с. 299]. «Однополюсный мир не состоялся и не может состояться», – отмечал исследователь. – «По закону теории игр все объединяются против самого сильного игрока». В истории с агрессией против Ирака Россия, Германия и Франция оказали «сопротивление конструированию однополярного мира, сопротивление гегемонии США». К тому же, как показал Ирак, Соединенные Штаты не могут управлять миром, поскольку они его не понимают [23, с. 306, 310].

Многие российские авторы писали о уже наступившем или неминуемом перенапряжении американских сил. Еще в 2003 г. российские экономисты А.Б. Кобяков и М.Л. Хазин в своей книге «Закат империи доллара и конец “Pax Americana”» говорили о том, что именно с целью отсрочки краха долларовой финансовой системы, а значит и своего благополучия, США организуют на планете новые войны. В качестве яркого примера они привели подготовку и вторжение в Ирак [24]. Однако, по их мнению, крах Америки неизбежен и стремительно приближается, что в результате приведет к серьезному мировому кризису [24].

По мнению В.Т. Третьякова, взявшись контролировать весь мир, США уже очень скоро почувствовали, что сил на это даже у них не хватает [18, с. 671].

Согласно А.И. Уткину, события 11 сентября 2001 г. невольно стали моральным оправданием в глазах мировой общественности стремления Америки утвердить свою «имперскую опеку над миром». При этом, по мнению ученого, «имперская стратегия способна подорвать стабильность международного сообщества именно в то время, когда международное сотрудничество и солидарность нужны более всего» [25, с. 573]. Несколько лет нового века существенно повлияли на оценки исследователя перспектив Америки в наступившем столетии. Так, рассматривая американские перспективы в XXI в., в нача-

ле 2000-х гг. А.И. Уткин подчеркивал, что в силу отсутствия политической силы, готовой оспорить мировое лидерство Америки, США имеют все основания верить в однополярный мир, а имперское перенапряжение если и наступит для США, то нескоро [14, с. 58; 26, с. 15]. По его словам, США обеспечено как минимум 20 лет безусловного мирового лидерства, поэтому вполне возможно наступивший век будет подлинно американским [13, с. 16–34; 26, с. 3–7]. Однако ученый не сбрасывал со счетов факторы, способные поколебать могущество Америки в мире. Тем более что после вторжения американцев в Ирак они стали оказывать существенное воздействие на США. В частности, он указал на нежелание американского населения платить высокую цену (материальную и людскую) за имперское всесилие страны, а также отсутствие гарантированной солидарности американских союзников и организованное противостояние потенциальных жертв. А.И. Уткин подчеркнул наличие в мире опасений суверенных государств сверхмощью США. По его словам, главными противниками статус-кво будут те страны «третьего мира», которые получили в свое распоряжение оружие массового уничтожения или стоят на пороге его приобретения. Одновременно ученый назвал и угрозы со стороны международных террористических организаций [13, с. 37–38; 26, с. 7–13]. Исходя из этого американцы могут столкнуться с большими трудностями в процессе осуществления своей внешнеполитической стратегии. В итоге во многом так и произошло.

С точки зрения генерала Л.Г. Ивашова, в первом десятилетии XXI в. Соединенным Штатам не удалось осуществить планы на построение однополярного мира [11, с. 760]. Исследователь указывал: «Если в конце XX века у Вашингтона были какие-то иллюзии о единоличном глобальном управлении, то сегодня США как государство самого высокого ранга теряет контроль над мировыми процессами, а его элита с тревогой говорит о способах выживания американского общества» [11, с. 760]. Об этом же писал и профессор В.Ю. Катасонов. По его словам, пик расцвета и господства «мира по-американски» уже пройден [17, с. 6].

Интересна и точка зрения известного тележурналиста и ученого А.К. Пушкова. Он также указал, что у США не получилось установить тотальную гегемонию в современном мире [27, с. 54]. Однополярный «момент» Вашингтона закончился в 2003–2004 гг., когда американцы переоценили собственные возможности и принялись менять политические режимы на Ближнем Востоке [27, с. 43]. В 2009 г. А.К. Пушков писал, что с приходом в Белый дом Б. Обамы цели внешнеполитической стратегии США не изменились. Вашингтон по-прежнему нацелен на «глобальное и региональное военное доминирование, обеспечение военных союзов по всему миру» [27, с. 22]. Однако, по его мнению, избрав Б. Обаму, Америка отказалась от претензии на единоличную гегемонию. В условиях серьезного кризиса американцы признали, что будущее – за многополюсным миром [27, с. 43–44]. При этом эксперт подчеркнул: совершенно очевидно, что, если США, заявляя о себе как о ведущей державе мира, окажутся не способными справиться с собственным экономическим кризисом, никто больше не будет воспринимать их всерьез на мировой арене [27, с. 52]. На наш взгляд, прошедшие семь лет показали, что Соединенные Штаты все-таки остались мировым лидером, но при Б. Обаме американцы изменили внешнеполитическое поведение, сделав большую ставку на своих союзников по достижению поставленных целей, направленных на преобладание в мировой политике.

С точки зрения В.А. Никонова курс администрации Буша-мл. на глобальное доминирование США в мире на основе внешнеполитического активизма и военной мощи в сочетании с навязываемыми идеями свободного рынка привел в итоге к глобальному финансово-экономическому кризису 2007–2009 гг., последствия которого ощутил на себе весь мир [9, с. 255; 10, с. 192]. Вашингтон явно не предусмотрел негативной реакции в мире на свою интервенционистскую политику, а также последствий для себя иракской кампании [10, с. 190]. В результате эпоха однополярности оказалась довольно скоротечной [9, с. 877]. Поэтому Б. Обаме пришлось корректировать внешнеполитическое поведение Америки. Однако заинтересованность американцев в поддержании баланса сил, позволяющего им сохранять доминирующие позиции в мире, была подтверждена. Ученый подчеркивает: «Основной стратегической целью Соединенных Штатов остается предотвращение появления равного соперника» [9, с. 286–287]. Америка по-прежнему единственная сверхдержава. Но не единственная держава в мире. Поэтому ей предстоит отстаивать свое глобальное лидерство [9, с. 319]. По мнению В.А. Никонова, США, убежденные в своей исключительности, бу-

дут по-прежнему делать ставку на глобальную гегемонию, не обладая в то же время необходимым количеством ресурсов и возможностей для ее осуществления. Главным средством обеспечения этого по-прежнему окажутся усилия американцев по предотвращению появления альтернативных центров силы, способных бросить вызов их доминированию. Хотя в последнее время чаще всего действия Вашингтона дают результаты, противоречащие интересам самой Америки. Но, учитывая стереотипность американских подходов, такая политика будет продолжена [9, с. 874].

Как отмечал Л.В. Савин, уже не первый год отчетливо просматриваются все признаки упадка США в качестве мировой сверхдержавы. Безусловно, Америка остается самой сильной военной державой, которую в прямом конфликте вряд ли кто-либо в ближайшее время сможет победить. В Вашингтоне это прекрасно осознают и не намерены ослаблять собственную военную мощь. Однако для эксперта вполне очевидно, что Вашингтон не смог справиться с взятыми на себя функциями гегемона постбиполярного мира. «Белый дом безрассудно использовал свое могущество в ущерб не только себе, но и интересам других государств и народов» [12, с. 226–227]. По мнению исследователя, в «новом полицентричном мироустройстве, основанном на гармонии и справедливости, уже не будет места для такого шерифа-террориста. В нем всегда найдется особая роль для Соединенных Штатов Америки, но уже в другом качестве. Вопрос в том, сможет ли Вашингтон смириться со своей новой, менее амбициозной ролью?» [12, с. 10]. В связи с этим Л.В. Савин высказывает тревогу о том, падение американской сверхдержавы может похоронить не только ее саму, но также и другие страны. Ведь вышедшая из-под политического контроля военная машина США (что уже заметно по феномену частных военных компаний) или очередная провокация, направленная на дестабилизацию финансовых активов, может многим принести непоправимую угрозу [12, с. 10]. В этом аналитик полностью прав, что подтверждают события сегодняшнего дня в разных уголках планеты.

Рассматривая внешнеполитические действия США последних лет, академик С.Ю. Глазьев, например, квалифицирует действия Вашингтона в Украине как «направленные на глобальную дестабилизацию, фактически провоцирование мирового конфликта для спасения американской геополитической и финансово-экономической власти [28, с. 93]. Он указывает на то, что агрессивное поведение Запада в отношении других государств стало результатом последнего глобального финансово-экономического кризиса. Однако, по мнению ученого, это агония западной системы во главе с США, вызванная трансформационными изменениями в мире [29].

Итак, обсуждая перспективы Соединенных Штатов в глобальной политике, консервативные авторы склоняются к мнению, что Вашингтон за прошедшие пятнадцать лет XXI в. так и не смог реализовать свои амбиции и построить «мир по-американски». Более того, он подорвал собственную мощь необдуманными действиями на мировой арене, что дает неплохие шансы на установление более справедливого миропорядка, в котором будут учитываться интересы не только стран «золотого миллиарда» во главе с США, а всего человечества.

Заключение. Таким образом, российские консерваторы уделяют большое внимание роли и месту США в современном мире. Свидетельством этому является огромное количество публикаций, появившихся за последние два десятилетия, в которых с критических позиций рассматриваются различные аспекты глобальной политики Вашингтона в постбиполярный период. В первую очередь, авторы обращаются к рассмотрению внешнеполитических действий Соединенных Штатов, направленных на построение нового мирового порядка под названием «мир по-американски». При этом общепризнанной точкой зрения является утверждение о том, что на данном направлении Вашингтон в первое десятилетие XXI в. потерпел неудачу, хотя все еще не отказался от попыток остаться лидером современного мира. Основываясь на текущих событиях мировой политики, консервативные авторы приходят к выводу, что перспективы американского гегемонизма сошли на нет. Тем не менее, как справедливо подчеркивают российские консерваторы, Соединенные Штаты, обладая колоссальной мощью и не отказываясь от имперского мышления, представляют одну из серьезнейших угроз мировому сообществу своими действиями в разных уголках земного шара.

Бесспорно, с целым рядом утверждений консервативных авторов относительно внешнеполитического поведения США на мировой арене можно согласиться. Действительно, одержав победу в «холодной войне» над

Советским Союзом, Соединенные Штаты на волне эйфории попытались, используя различные средства, навязать остальному человечеству собственные правила мироустройства, чем дестабилизировали международные отношения, существенно увеличив количество кризисов и конфликтов на планете. Однако многие из российских консерваторов «грешат» чрезмерной идеологизацией международных отношений, их рассмотрением в черно-белых тонах, обращением к различным «теориям заговора», гиперболизацией влияния «мировой закулисы» на принятие внешнеполитических решений правящими кругами США и т.д. Тем не менее их работы являются существенным вкладом в российскую историографию международных отношений и внешней политики США в современном мире.

Литература

1. Попов, Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика / Э.А. Попов. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005. – 234 с.
2. Бабурин, С. Мировой порядок как система обладания территориями / С. Бабурин // Наш современник [Электронный ресурс]. – 2006. – № 7. – С. 202–224. – Режим доступа: http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=7&id=3. – Дата доступа: 18.03.2016.
3. Бабурин, С.Н. Возвращение русского консерватизма / С.Н. Бабурин; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 832 с.
4. Зюганов, Г.А. Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-американски» / Г.А. Зюганов. – М.: Эксмо, 2011. – 352 с.
5. Зюганов, Г.А. Защищая наш мир. О внешнеполитической доктрине КПРФ / Г.А. Зюганов. – М.: Изд-во ИТРК, 2006. – 240 с.
6. Жириновский, В. Прошлое, настоящее и будущее русской нации / В. Жириновский. – М.: Издание Либерально-демократической партии России, 1998. – 88 с.
7. Дугин, А.Г. Американская идея и теория заговора / А.Г. Дугин // Геополитика и международные отношения / сост. Л.В. Савин; А.Г. Дугин (ред.). – М.: Евразийское движение, 2012. – Т. 1. – С. 504–517.
8. Барышев, А.П. Идеология и мировая политика / А.П. Барышев. – М.: ОГИ, 2015. – 1368 с.
9. Никонов, В.А. Современный мир и его истоки / В.А. Никонов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. – 880 с.
10. Никонов, В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? / В.А. Никонов. – М.: Издательство «Э», 2015. – 672 с.
11. Ивашов, Л.Г. Геополитика Русской цивилизации / Л.Г. Ивашов; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 800 с.
12. Савин, Л.В. От шерифа до террориста. Очерки о геополитике США / Л.В. Савин. – М.: Евразийское Движение, 2012. – 254 с.
13. Уткин, А.И. Мировой порядок XXI века / А.И. Уткин. – М.: Эксмо, 2002. – 512 с.
14. Уткин, А.И. Под сенью новой империи / А.И. Уткин // Россия в глобальной политике. – 2002. – № 1. – С. 50–61.
15. Платонов, О. Конец Америки: истоки мирового кризиса / О. Платонов, Г. Райзеггер. – М.: Алгоритм, 2009. – 368 с.
16. Дашичев, В.И. Генеральный план «Ост» в американском исполнении / В.И. Дашичев // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 6. – С. 186–202.
17. Катасонов, В. Америка против России. Агония финансовой пирамиды ФРС. Рэкет и экспроприации Вашингтонского обкома / В. Катасонов. – М.: Книжный мир, 2014. – 384 с.
18. Третьяков, В.Т. Наука быть Россией: наши национальные интересы и пути их реализации / В.Т. Третьяков. – М.: Русскій міръ, 2007. – 768 с.
19. Панарин, А.С. Глобальное политическое прогнозирование / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 352 с.
20. Делягин, М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации / М.Г. Делягин. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imperativ.net/iprog/th06.html. – Дата доступа: 25.04.2016.
21. Доброхотов, Л.Н. Всемогущество и невежество Америки. Не в этом ли «коктейле» искать причину трагедии 11 сентября? [Электронный ресурс] // Антиглобализм: сб. материалов. – М., 2002. – Режим доступа: http://www.anti-glob.narod.ru/sbornik/dobr.htm. – Дата доступа: 29.04.2016.
22. Леонтьев, М. Однако, здравствуйте / М. Леонтьев. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 256 с.
23. Ключников, Б.Ф. Саддам, или Иракская трясина Америки / Б.Ф. Ключников. – М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2007. – 316 с.
24. Кобяков, А.Б. Закат империи доллара и конец «Pax Americana» / А.Б. Кобяков, М.Л. Хазин. – М.: Вече, 2003. – 368 с.
25. Уткин, А.И. Единственная сверхдержава / А.И. Уткин. – М.: Алгоритм, 2003. – 575 с.
26. Уткин, А.И. Перспективы однополярности в XXI веке / А.И. Уткин // США–Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 12. – С. 3–20.
27. Пушков, А.К. Гроссмейстеры Зазеркалья / А.К. Пушков. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. – 272 с.
28. Глазьев, С. Угроза войн и ответ России / С. Глазьев // Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил / под ред. Ф.А. Лукьянова. – М.: Эксмо, 2015. – С. 93–107.
29. Глазьев, С.Ю. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают / С.Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2016. – 512 с.

Поступила в редакцию 02.05.2016 г.

УДК 94(470)«1944/1947»(045)

Трудоустройство демобилизованных воинов и участников партизанского движения, их закрепление в народно-хозяйственном комплексе БССР (1944–1947 гг.)

Пашуто А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В контексте происходящих ныне событий в белорусском обществе актуальным как в научном, так и в практическом отношении может быть обращение исследователей к проблеме включения демобилизованных воинов и участников партизанского движения в восстановление народного хозяйства.

Цель работы – анализ деятельности партийных и государственных органов БССР по трудоустройству демобилизованных воинов и участников партизанского движения, изучение их закрепления и последующего участия в развитии народно-хозяйственного комплекса республики.

Материал и методы. *В статье использованы документальные материалы Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области, публикации, посвященные проблемам послевоенного восстановления и развития экономики БССР, сложностям материально-бытового устройства фронтовиков и партизан.*

Методологической базой исследования являются историко-сравнительный метод и принципы историзма и объективности.

Результаты и их обсуждение. *В статье рассматривается процесс вовлечения демобилизованных воинов и участников партизанского движения в трудовую деятельность по восстановлению народно-хозяйственного комплекса республики в первые послевоенные годы. На основе архивных материалов автор показывает, какие меры, принятые на союзном и республиканском уровне, способствовали решению проблемы трудоустройства демобилизованных воинов и партизан, их обучению профессиям и специальностям, созданию сети артелей для инвалидов войны и системы надомничества.*

Заключение. *Таким образом, на этапе 1944–1947 гг. вопреки трудностям партийные и государственные органы власти проводили значительную работу по трудоустройству демобилизованных воинов и партизан. В основном в это время была решена задача включения их в трудовую деятельность и адаптации к мирной жизни.*

Ключевые слова: *демобилизация, партизаны, трудоустройство, закрепление в народно-хозяйственный комплекс республики.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 84–89)

Job Placement of Demobilized Soldiers and Members of the Guerrilla Movement, their Rooting in the National Economy of the BSSR (1944–1947)

Pashuto A.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the context of topical both in scientific and practical relations of events taking place today in Belarusian society the appeal of researchers to the issue of the inclusion of demobilized soldiers and members of the guerrilla movement into the economy recovery is current.

The purpose of the work is to investigate the activities of the party and government bodies of the BSSR on the employment of demobilized soldiers and members of the guerrilla movement, their rooting and subsequent participation in the development of national economy of the republic.

Material and methods. *We used documentary materials of RB National Archives, State Archives of Vitebsk Region, works of scientists, revealing the issue of post-war reconstruction and development of the republic's economy and culture, involving direct participants in hostilities of 1941–1945.*

The methodological base of the research is the historical-comparative method and the principles of historicism and objectivity.

Findings and their discussion. *The article reveals the complex process of inclusion of demobilized soldiers and members of the guerrilla movement in the labor force for the restoration of national economy of the republic in the early postwar years. On the extensive archival material the author shows measures on the Union and the Republican levels which contributed to the solution of the*

Адрес для корреспонденции: e-mail: apashuto2013@ya.ru – **А.В. Пашуто**

problem of employment and adaptation of war veterans, their job training, setting up a network of companies for home employment of war invalids.

Conclusion. *The analysis shows that in 1944–1947 despite the difficulties the party and government institutions conducted considerable work on the employment of demobilized soldiers and guerrillas. Basically, at this time the problem was solved of incorporating them into the labor market and adapting to civilian life.*

Key words: *the demobilization of guerrillas, employment, rooting in the national economy of the republic*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 84–89)

В контексте происходящих ныне событий в белорусском обществе актуальным как в научном, так и в практическом отношении может быть обращение исследователей к проблеме включения демобилизованных воинов и участников партизанского движения в восстановление народного хозяйства.

Цель работы – анализ деятельности партийных и государственных органов БССР по трудоустройству демобилизованных воинов и участников партизанского движения, изучение их закрепления и последующего участия в развитии народно-хозяйственного комплекса республики.

Материал и методы. В работе использованы документальные материалы Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области, труды ученых, раскрывающие проблему послевоенного восстановления и развития экономики и культуры республики с привлечением непосредственно участников военных действий 1941–1945 гг.

Методологической базой исследования являются историко-сравнительный метод и принципы историзма и объективности.

Результаты и их обсуждение. В годы Великой Отечественной войны произошло значительное сокращение взрослого трудоспособного населения во всех союзных республиках. Так, среднегодовая численность рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве СССР, в 1945 г. была на 5 360 тыс. человек меньше, чем в 1940 г. Только в промышленности число рабочих сократилось на 2 414 тыс. К 1946 г. численность трудоспособных мужчин в колхозах была меньше довоенной [1, с. 559]. Сложная ситуация наблюдалась и в послевоенной БССР. В это время основной рабочей силой оставались женщины и подростки. В 1946 г. рабочей силой промышленность республики была обеспечена только на 63% [2, с. 512].

Проведенная в этих условиях демобилизация и возвращение к мирному труду миллионов советских людей облегчили решение проблемы трудовых ресурсов и сыграли важную роль в деле послевоенного восстановления страны [3, с. 58]. Для самих демобилизованных воинов и партизан возвращение к мирной жизни после увольнения в запас давалось нелегко. Сталкиваясь с реалиями послевоенной действительности, фронтовики во многом оказывались не защищенными перед теми трудностями, которые ждали их в мирной жизни. Особенно сложно данный процесс проходил для тех из них, кто был признан негодным к несению военной службы и демобилизован досрочно по состоянию здоровья [4, с. 110]. Адаптация затруднялась и тем, что многие участники войны (1923–1927 гг. рождения) были призваны на фронт сразу после окончания школы и не успели получить профессию или определенный статус в мирной жизни [5, с. 49–50].

Вопросом трудоустройства демобилизованных пришлось заниматься еще в период Великой Отечественной войны. Понимая всю важность проблемы, союзным руководством и республиканскими органами власти были приняты первые постановления, которые регламентировали не только трудоустройство, но и обучение демобилизованных воинов новым специальностям. Так, согласно постановлению СНК СССР от 6 мая 1942 г. на председателей наркоматов социального обеспечения союзных республик была возложена персональная ответственность за трудоустройство и организацию обучения воинов, демобилизованных по состоянию здоровья. Руководителям предприятий следовало в кратчайшие сроки предоставлять возвратившимся с фронта воинам соответствующую вакансию. В целях контроля за трудоустройством демобилизованных по состоянию здоровья фронтовиков при исполкомах областных, краевых и городских Советов депутатов трудящихся были созданы специальные постоянные комиссии, которые изучали и решали проблемы демобилизованных соответственно с теми возможностями, которыми располагали. В этом же году были созданы курсы по обучению и переобучению на различные специальности с целью дальнейшего трудоустройства бывших фронтовиков и партизан. Однако необходимо отметить, что переобучение и курсы предназначались, в первую очередь, для демобилизованных по состоянию здоровья воинов.

В дальнейшем работа по трудоустройству фронтовиков-инвалидов войны продолжались. Постановлениями СНК СССР

от 20 января 1943 г. «О трудоустройстве инвалидов Великой Отечественной войны», а также СНК СССР и ЦК ВКП(б)Б от 1 января 1944 г. «О ближайших задачах СНК БССР и ЦК КП(б) Беларуси» представителям власти и руководителям предприятий на местах предписывалось оказывать всевозможное содействие по своевременному обеспечению демобилизованных воинов рабочими местами [6, с. 196].

20 августа 1944 г. территория БССР была полностью освобождена. Это позволило перейти к восстановлению народного хозяйства БССР, что требовало огромного количества материальных средств и, самое главное, рабочей силы. Большую роль сыграло расформирование партизанских отрядов. Для этого при ЦК КП(б)Б и Белорусском штабе партизанского движения (БШПД) были созданы специальные оперативные группы, которые выезжали в места выхода отрядов, производили денежные расчеты, выдавали справки, подтверждающие участие в том или ином партизанском соединении, после чего предоставляли рабочее место тем, кто не подлежал мобилизации в Красную Армию. К примеру, по Витебской области на конец лета 1944 года число принятых на руководящие советские посты партизан составляло 75%. 206 из них занимали должности председателей сельсоветов, 1 200 были назначены председателями колхозов, что свидетельствует о значительном внимании со стороны советских и партийных органов власти к вопросу трудоустройства партизан, а также достаточно успешной реализации принимаемых для этого мер в условиях военного времени [7, с. 185–187].

Всего по республике большая часть партизан – 103 658 – перешла в хозяйственный комплекс, что составило 42,9% от всего числа уволенных в запас воинов. 88 602 участника партизанского движения влились в ряды Красной Армии, значительная часть была выдвинута на партийную и советскую работу, а также трудоустроена в органы НКГБ и НКВД – 42 274 и 7 036 соответственно [9, л. 33–34] (табл.).

После завершения Великой Отечественной войны и в послевоенное время трудоустройство воинов и партизан в связи с демобилизацией принимает массовый характер. Первым документом послевоенного времени, в котором подробно регламентировались вопросы трудоустройства демобилизованных воинов, стал принятый Президиумом Верховного Совета СССР Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава Красной Армии» от 23 июня 1945 г., он предписывал предоставлять рабочие места с учетом знаний, умений и навыков, приобретенных в мирное и военное время до и после прохождения воинской службы. В то же время руководителей всех учреждений обязывали не позднее месячного срока обеспечивать рабочим местом демобилизованных из Красной Армии фронтовиков с учетом той специальности, которую военнослужащий получил во время службы Красной Армии. Причем предоставляемая ему должность или вакансия должна была быть не ниже той, которую он занимал, находясь на фронте [8]. Принятие таких жестких мер ускорило решение проблемы трудоустройства уволенных в запас фронтовиков: уже 25 августа 1945 г. из 311 793 демобилизованных в БССР было трудоустроено

Таблица

Трудоустройство партизан в БССР по состоянию на 20 августа 1944 г.

Область	Общее число партизан	Направлено		
		в ряды Красной Армии	на партийную и советскую работу	на работу в органы НКГБ и НКВД
Минская	49 651	15 043	14 813	2 696
Могилевская	40 998	21 676	5 734	580
Витебская	38 821	14 821	9 271	617
Гомельская	16 041	10 549	1 889	249
Полесская	12 590	5 253	2 494	146
Пинская	8 962	3 939	1 227	448
Брестская	15 693	6 765	2 900	423
Барановичская	25 051	6 417	4 843	897
Вилейская	13 115	3 058	4 128	285
Белостокская	5 072	774	499	133
Всего	**241 570**	**88 602**	**42 274**	**7 036**

305 036, из них: в промышленность – 54 533, в сельское хозяйство – 233 980, в другие отрасли – 16 573 [9, л. 48].

В ноябре 1945 года активная работа партийных и советских органов по трудоустройству уволенных в запас воинов и партизан нашла свое продолжение в формировании специальных структур: при СНК БССР было создано управление, а при областных, городских и районных исполнительных комитетах – отделы по государственному обеспечению и бытовому обслуживанию семей демобилизованных воинов и партизан [10, л. 2–3]. Однако реализация мер по трудоустройству демобилизованных проходила в сложное послевоенное время и была связана с определенными трудностями. Так, 1 ноября 1945 года на бюро обкома КП(б)Б секретарем Витебского горкома КП(б)Б Комиссаровым отмечалось, что Витебский горком партии и исполком городского Совета депутатов неудовлетворительно занимались устройством на работу демобилизованных воинов, в результате чего из 1 050 фронтовиков, прибывших в Витебск, своевременно не было трудоустроено 500 человек, 200 из них по этой причине были вынуждены уехать из города в поиска работы.

Недопустимые случаи наблюдались в деле приема на работу демобилизованных по ряду предприятий города. Причиной отказа в трудоустройстве стало то, что директора предприятий, несмотря на большую потребность в рабочей силе, вовремя не позаботились о подготовке жилья для воинов, вернувшихся с фронта (облстройтрест, завод заточных станков, фабрики «Знамя индустриализации», «Красный Октябрь») [11, л. 22].

Особенно трудно приходилось инвалидам Великой Отечественной войны. Отдельные руководители не понимали сложности их трудоустройства и не были заинтересованы в предоставлении рабочих мест потерявшим здоровье фронтовикам [6, с. 198]. Из докладной записки комиссии наркомата социального обеспечения БССР «О трудоустройстве и обучении инвалидов Отечественной войны по Бобруйской области и кооперации инвалидов слепых и глухих» от 14 ноября 1945 года было установлено, что по Бобруйской области трудоустроенных инвалидов Великой Отечественной войны III группы 90% от их общего количества. Разъяснительные беседы среди нерабочих инвалидов Великой Отечественной войны III группы не проводились, а полученные из районных и городских отделов социального обеспечения сведения по трудоустройству в облсобесах не анализировались. Недостаточно внедрялся и договорный метод направления на обучение инвалидов Великой Отечественной войны в артели инвалидов и другие ведомства, в результате чего ассигнования на трудоустройство оставались неосвоенными. Плохо контролировался процесс трудоустройства в кооперации инвалидов. Информационные отчеты не отражали конкретного материала, свидетельствовавшего об отношении руководителей предприятий и учреждений к трудоустроенным инвалидам Великой Отечественной войны, а условия работы последних не проверялись. Очень слабо практиковалась работа на дому (надомничество) инвалидов Отечественной войны I и II групп, несмотря на то, что обществом слепых был организован ряд мастерских, однако выполнение ими производственной программы, а также учет слепых инвалидов Великой Отечественной войны в полной мере не проводился. В результате процент трудоустроенных оставался далеким от удовлетворительного – всего 3,4% [12, л. 116].

В связи с возвращением с фронта демобилизованных работа отделов социального обеспечения активизировалась. Согласно докладной записке секретаря гродненского обкома КП(б)Б П. Калинина из общего числа 16 800 человек на 1 июля 1946 г. было трудоустроено 16 244 уволенных в запас воинов. Большая их часть – 13 156 человек – была трудоустроена в сельскую местность. 1 516 демобилизованным предоставили вакансии в промышленности, 1 235 – на другие виды работ. Не устроенными на работу оставались только 206 человек, поскольку они прибыли по демобилизации 3-й очереди и пользовались правом на отдых, после окончания срока которого тоже были трудоустроены [13, л. 7].

Демобилизованные воины активно включались в трудовую и общественно-политическую деятельность. Суровая фронтовая школа способствовала решению ими сложных задач послевоенного времени. По этой причине многие фронтовики и партизаны были выдвинуты на руководящую партийную, советскую работу. Всего по БССР на 1 сентября 1946 г. 16 573 демобилизованных работали в составе партийных, советских и хозяйственных органов. В сельскую местность влилось 233 900 уволенных в запас фронтовиков [14, с. 28–29].

Несмотря на прилагаемые усилия советских, партийных органов власти по решению проблемы трудоустройства участников Великой Отечественной войны, ситуация не могла значительно улучшиться за короткое время. Разрушенное послевоенное хозяйство, недостаточная разработанность проблемы оказания помощи фронтовикам, а иногда просто человеческий фактор в совокупности сдерживали положительные изменения. Так,

в Бобруйской области в ряде городов и райцентров не уделяли должного внимания вопросу трудоустройства воинов-фронтовиков. Бобруйским горсоветом еще 2 апреля 1947 г. было вынесено решение, обязывающее Горпищепромторг и другие организации принимать на работу, в первую очередь, инвалидов Великой Отечественной войны. Однако на деле это решение не выполнялось. Из принятых в Горпищепромторг за один месяц 40 человек работа была предоставлена только одному инвалиду-фронтовику. Отдельные руководители организаций, таких, как «Спартак» и «Энергия», и вовсе отказывались принимать на работу демобилизованных по состоянию здоровья воинов [15, л. 1].

Констатируя первые успехи в деле трудоустройства демобилизованных воинов и партизан, советские и партийные органы власти не только оценивали свои достижения в этой области, но и указывали на существующие недостатки. Так, на республиканском совещании руководящих работников социального обеспечения в июне 1947 г. отмечалось, что в деле обслуживания демобилизованных и особенно инвалидов Великой Отечественной войны по-прежнему существовал ряд недостатков. Руководителями областных, городских и районных отделов социального обеспечения не были установлены достаточные связи с предприятиями, учреждениями и организациями, не требовались от них заявки на необходимую рабочую силу. Проверки производственных и бытовых условий, а также контроль за систематическим повышением квалификации для работающих инвалидов войны не проводились.

Областными, районными и городскими отделами социального обеспечения недостаточно проводилась работа по приспособлению к труду и обучению новым профессиям и специальностям инвалидов Великой Отечественной войны с тяжелыми увечьями (I и II групп). Представителями органов социального обеспечения на местах не изучалась возможность подготовки вакантных рабочих мест, информация по неработающим инвалидам Великой Отечественной войны не проверялась и не обновлялась, а воспитательная и разъяснительная работа в ряде районов не велась. Многие районные и городские отделы не вели учета и фактически не контролировали количество инвалидов с тяжелыми увечьями, желающих приобрести новые профессии. Плохо контролировался процесс трудоустройства инвалидов в кооперации. Информационные отчеты не отражали конкретного материала, который показывал отношение руководителей предприятий и учреждений к трудоустроенным инвалидам Великой Отечественной войны, а условия их работы не проверялись [15, л. 35].

Ситуация осложнялась не только определенным бюрократизмом, но и тяжелыми условиями труда, слабой его организацией. Так, исполком витебского областного Совета в своем постановлении отметил, что данный вопрос ненадлежащим образом решался исполкомами городских и районных комитетов. В результате артели инвалидов к приему на работу не были подготовлены вовремя. Не проявили должной заботы по трудоустройству на работу инвалидов Великой Отечественной войны исполкомы Оршанского, Городокского и Суражского райсоветов, из-за чего только в Орше вовремя не были трудоустроены 43 инвалида III группы [16, л. 87–89].

Еще одной причиной медленного решения вопроса трудоустройства являлось то, что сотрудники некоторых отделов социального обеспечения при выдаче направлений на новые места работы не уточняли точное наличие вакантных мест, в результате чего руководители предприятий были вынуждены отказывать в приеме на работу [17, л. 62]. Частыми были случаи, когда инвалидов Великой Отечественной войны увольняли с работы в результате сокращения рабочих штатов. Руководители учреждений и предприятий не принимали мер по их обучению, в связи с чем большое количество инвалидов войны, которые работали на подсобных работах, не были устроены на курсы с целью повышения их квалификации и заработной платы [18, л. 43].

Подобное состояние дел не могло остаться без внимания руководства республики. Учитывая перечисленные недостатки в обеспечении рабочими местами демобилизованных воинов по-прежнему приоритетным оставалось трудоустройство инвалидов Великой Отечественной войны, поскольку эта категория населения требовала особого внимания. В докладной записке секретарю ЦК КП(б)Б Н. Гусарову от 8 октября 1947 г. министр социального обеспечения БССР Е. Гуценкова отмечала, что со времени освобождения Белорусской ССР от немецких оккупантов было трудоустроено 78 387 инвалидов Великой Отечественной войны, в том числе 11 861 из них были назначены на руководящие посты. Многие демобилизованные по состоянию здоровья фронтовики не могли выполнять прежнюю работу, в силу своего физического состояния, и были направлены на обучение новым профессиям и специальностям. Только в период с июня 1945 по октябрь 1947 г. 2 870 инвалидов Великой Отечественной войны прошли обучение, а 2 102 осваивали новые специальности [15, л. 5–7].

Заключение. Таким образом, проблема трудоустройства и закрепления в народно-хозяйственном комплексе БССР демобилизованных воинов и участников партизанского движения являлась одной из злободневных и требовала скорейшего решения. По этой причине союзным руководством, а также республиканскими и местными органами власти еще в годы войны был принят ряд законов и постановлений союзного и республиканского значения. На практике это обусловило организацию специальных курсов по обучению профессиям и специальностям для тех, кто имел возможность работать на производстве и в промышленности, создание сети артелей для инвалидов войны, системы надомничества.

Однако в процессе реализации мер по трудовому обеспечению бывших защитников Родины существовал целый ряд трудностей. Первоначально быстрое решение вопроса сдерживалось сложным экономическим положением после войны и слабой разработанностью проблемы, бюрократизмом и недостаточно внимательным отношением местных руководителей к проблеме. Союзные и республиканские органы власти принимали меры по преодолению сдерживающих факторов. Постепенно была выработана система по трудоустройству и трудовому обучению инвалидов и участников Великой Отечественной войны, что позволило в первые годы после войны не только решать насущные проблемы демобилизованных воинов и участников партизанского движения, но и заложило надежную основу для решения этой проблемы в будущем.

Литература

1. Мунчаев, Ш.М. История Советского государства / Ш.М. Мунчаев, В.М. Устинов. – М.: Норма, 2008. – 720 с.
2. История Белорусской ССР: в 2 т. / Академия наук Белорусской ССР, Институт истории; редкол.: Т.С. Горбунов, Н.В. Каменская, И.С. Кравченко. – Минск: Изд-во Академии наук Белорусской ССР, 1961. – Т. II. – 699 с.
3. Марченко, И.Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943–1950 гг.) / И.Е. Марченко. – Минск: Наука и техника БССР, 1977. – 248 с.
4. Стрельченко, Е.Л. Социальная адаптация инвалидов Великой Отечественной войны в БССР (1943–1956 гг.) / Е.Л. Стрельченко // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2012. – Вып. 7. – 239 с. – С. 108–121.
5. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность в 1945–1953 гг. / Е.Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 49–50.
6. Марцынкевіч, І.А. Працаўладкаванне ў Беларускай ССР інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны (1944–1956 гг.) / І.А. Марцынкевіч // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2012. – Вып. 27. – С. 196–201.
7. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 – декабрь 1945: док. и материалы / сост.: Н.В. Воронова [и др.]. – Витебск: Витеб. обл. тип., 2009. – 584 с.
8. Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» // Важнейшие законы и постановления Советского государства за время ВОВ. – М.: Воен. изд-во НКО СССР, 1946. – С. 105–106.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4-п. – Оп. 37. – Д. 185.
10. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп 61. – Д. 221.
11. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 1п. – Оп 1. – Д. 228.
12. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 3. – Д. 1831.
13. Государственный архив Гродненской области (ГАГрО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 68.
14. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Соврем. шк.; Экоперспектива, 2007–2011 / Н. Васілеўская [і інш.]. – 2011. – Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. – 727 с.
15. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп 37. – Д. 188.
16. НАРБ. – Фонд 1966. – Оп. 12. – Д. 29.
17. НАРБ. – Фонд 1966. – Оп. 12. – Д. 105.
18. НАРБ. – Фонд 735. – Оп. 5. – Д. 58.

Поступила в редакцию 22.04.2016 г.

УДК 94(476.5)«1944/1945»

Повседневные практики и общественные настроения населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны (по материалам устных источников)

Николаева И.В.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Особенность изучения истории послеоккупационной повседневности Великой Отечественной войны заключается в возможности реконструировать своеобразность трансформации поведенческих практик и общественных настроений в ситуации, связанной с адаптацией населения к мирной жизни и переходом из критического состояния в привычный жизненный уклад. Цель статьи – проанализировать повседневные практики и общественные настроения населения Витебщины после освобождения территории региона от нацистской оккупации и до окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. *Исследование осуществлялось на основе материалов устных источников, собранных путем записи воспоминаний жителей Витебщины. Были использованы методы исторического познания, историко-сравнительный, историко-описательный и метод исторической ретроспекции.*

Результаты и их обсуждение. *Преодоление бытовой неустроенности в ситуации повсеместной разрухи и всеобщего дефицита – это одна из главных составляющих стратегии выживания населения в повседневной действительности послеоккупационного военного периода.*

Заключение. *Изучение поведенческих и психологических реакций общества на тяжелейшие испытания показывает, что в решении каждодневных проблем жителям Витебщины во многом приходилось рассчитывать на свои силы и, признавая неизбежность трудностей жизни как тяжелое наследие опустошительной войны, изыскивать возможности удовлетворения в первую очередь материально-бытовых потребностей. При этом настроения людей определялись эмоциональным подъемом и оптимистическими ожиданиями.*

Ключевые слова: *индивидуальные стратегии, повседневные практики, общественные настроения, война, оккупация, выживание.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 90–93)

Everyday Practices and Public Attitudes of Vitebsk Region Population in the Post Occupation Period of the Great Patriotic War (Based on Oral Sources)

Nikolayeva I.V.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The peculiarity of the study of the history of post occupation everyday life during the Great Patriotic War is in the possibility to reconstruct the transformation of behavioral practices and public attitudes in the situation of adaptation to peace life and transition from critical state into the usual life routine. The aim of the article is to analyze everyday practices and public attitudes of Vitebsk Region population after the liberation of the Region territory from Nazi occupation and up to the end of the Great Patriotic War.

Material and methods. *The study was conducted on the basis of materials of oral sources collected by writing down reminiscences of Vitebsk Region inhabitants. Methods of historical cognition, the historical and comparative and the historical and descriptive as well as the historical retrospection methods were used.*

Findings and their discussion. *Overcoming everyday inconveniences in the situation of all round devastation and shortages is one of the components of the strategy of population survival in the everyday reality of the post occupation war period.*

Conclusion. *The study of behavioral and psychological reactions of the society to hardest tests shows that in solving everyday problems Vitebsk Region population had to mainly rely on their own forces and, understanding the inevitability of hardships as the heritage of the devastating war, find possibilities to satisfy first of all material household needs. At the same time, people's attitudes were characterized by emotional rise and optimistic expectations.*

Key words: *individual strategies, everyday practices, public attitudes, war, occupation, survival*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 90–93)

В настоящее время все более усиливается интерес к социальной истории, в том числе повседневности. Большинство исследователей первостепенное внимание уделяют стратегиям выживания и формам поведения населения в специфических социально-политических условиях. Особенность изучения истории послеоккупационной повседневности Великой Отечественной войны заключается в первую очередь в возможности реконструировать своеобразность трансформации поведенческих практик и общественных настроений в экстремальной ситуации, связанной с адаптацией населения к мирной жизни и переходом

Адрес для корреспонденции: e-mail: kviimk@vsu.by – **И.В. Николаева**

из предельно критического состояния в привычный жизненный уклад.

Изучение условий жизни простых людей, их быта, нравов, традиций не может быть полным, а значит, достаточно объективным без обращения к материалам устных источников. Привлечение информации, почерпнутой из рассказов очевидцев, позволяет увидеть историю послеоккупационного военного периода глазами обыкновенных людей, отражает специфику их потребностей и мотивы поведения, отношение к власти, реальную картину каждодневной жизни простого человека. Рассмотрение общегосударственных процессов сквозь призму повседневной жизни конкретного региона помогает показать разнообразие общеисторического процесса, обогатить белорусскую военную историю новыми конкретными фактами и событиями.

Цель статьи – проанализировать повседневные практики и общественные настроения населения Витебщины после освобождения территории региона от нацистской оккупации и до окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. Для изучения повседневной жизни населения Витебщины в обозначенный период нами были созданы аудиозаписи интервью с 36 жителями региона – женщинами и мужчинами 1916–1938 гг. рождения, которые в послевоенные годы имели разный социальный статус – учащегося, колхозника, рабочего предприятия или представителя интеллигенции. Беседы проходили в два этапа: «life story» и работа по опроснику. Полученные материалы сочетают в себе индивидуализированную информацию с опытом, разделенным многими современниками, и представляют наиболее типичные, характерные черты будничной жизни общества в целом. Методологическую основу работы составили научные принципы историзма, объективности и системности, были использованы такие методы исторического познания, как историко-сравнительный, историко-описательный и метод исторической ретроспекции.

Результаты и их обсуждение. Так как запись воспоминаний проводилась спустя 70 лет после произошедших событий, в них, как правило, отсутствуют детали и подробности, однако благодаря этим устным источникам у нас есть возможность ознакомиться с наиболее устойчивыми, не исчезнувшими в течение длительного времени впечатлениями людей-современников тех событий. Анализ нескольких десятков воспоминаний не претендует на всеохватность и полноту описания, но позволяет в определенной мере отразить субъективное восприятие послеоккупационной повседневности, сделать некоторые выводы о выборе индивидуальных жизненных стратегий.

По субъективному ощущению современников, в качестве наиболее острых проблем послеоккупационной военной повседневности выступали сложности с приобретением *продовольственных товаров и предметов каждодневного спроса:* «люди были почти раздеты, был голод», «голодные годы были, ничего нельзя было купить», «был голод, нечего надеть», «ничего нельзя было достать» [1–4]. Удовлетворение минимальных потребностей людей в питании, одежде было сопряжено с огромными трудностями.

Стратегии же выживания людей в исследуемый период подразумевали в первую очередь адаптацию к бытовым проблемам. По воспоминаниям современников, в условиях продовольственного дефицита, когда в колхозах необходимые продукты на трудодни не распределялись, главную роль в обеспечении сельчан продуктами питания играло содержание приусадебных участков: «самым ценным была земля» [4]. Важным источником питания служили ловля рыбы, сбор грибов и ягод, домашние заготовки. Хлеб пекли с примесью различных суррогатов и небольшим добавлением муки, ели лепешки из мякины, в кашу добавляли траву.

Из повседневной жизни людей исчезли многие виды одежды, обуви, тканей. Поступления бытовой утвари в торговую сеть практически прекратились с началом войны. Дефицит различных товаров, в том числе предметов быта, жители старались восполнить подручными средствами. В сельской местности распространенной стала практика возвращения к домотканой одежде и самодельной обуви: «сеяли лен, ткали на кроснах, шили сами одежду, не сделаешь этого – ходи голым» [3]. В первые послевоенные годы – время острых продовольственных проблем – вопросы, касающиеся внешнего вида, стояли далеко не на первом месте среди обнищавшего сельского населения. В условиях тотального дефицита важно было не только получить товары первой необходимости, но и максимально экономно их использовать: «ходили в лаптях зимой, а летом босиком, так как нужно было беречь лапти» [5]. Вещи носились годами, передавались от родителей детям, перешивались. Получение костюма, обуви или платья было большим событием. В восприятии интервьюируемых не менее тяжелой предстает и жизнь городского населения того времени: карточки, очереди, дефицит, полуголодное существование. Разумеется, в условиях постоянного товародефицита и ограниченной распределительной системы *деформировались жизнь и быт людей.* Горожане, которые имели возможность уехать к родственникам в деревню, где было легче с продовольствием, пользовались ею. Способами приспособления и выживания городского населения в чрезвычайных обстоятельствах стали продажа на рынке остатков материальных ценностей и обмен их на продукты питания и одежду: «продавали

на кусок хлеба, на пуд зерна, чтобы детей прокормить» [2]. Как городские, так и сельские жители, адаптируясь к новым условиям, вспомнили все свои предшествующие навыки и умения и стали заниматься самыми разными видами кустарных промыслов и оказания услуг: шили одежду, ремонтировали обувь, выполняли столярные, слесарные, кузнечные, гончарные и прочие работы. Многие жители перебивались случайными заработками, значительное распространение получило «отходничество». Чтобы выжить, люди готовы были заниматься всем, что давало хоть какой-то доход. Тяжелее всего приходилось детям и старикам, женщинам, оставшимся без мужей: «у кого был хозяин, жили покрепче» [5]. Одним из способов приспосабливания населения в чрезвычайных обстоятельствах был так называемый блат: использование служебного положения для поддержки родственников [3].

Сложность положения населения, пережившего трехлетнюю оккупацию, заключалась не только в понижении материального уровня жизни в связи всеобщим дефицитом потребительских товаров, но и ухудшением жилищных условий. Многие остались без «крыши над головой»: приходилось жить в землянках, бараках, полуподвальных помещениях. Следствием выживания в экстремальных ситуациях недоедания, жилищной неустроенности, недостаточного развития *медицинского обеспечения* являлись массовые эпидемии и болезни. Респонденты свидетельствуют о значительном распространении среди населения инфекционных заболеваний (сыпной тиф, чесотка, дизентерия и т.д.), в том числе имевших смертельный исход: «кто мог, тот обращался в больницу, у многих просто не было транспорта, а дома не знали, как лечить. Очень часто умирали. Бывало, что и в больницах умирали, не хватало лекарств» [2].

Тяжелые социально-экономические условия послеоккупационной военной повседневности, острые проблемы в области питания и материального обеспечения отодвигали на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени. Современники вспоминают, что времени на отдых было крайне мало. Отдых для большинства сельчан представлял собой лишь смену одного дела на другое. И хотя в некоторых колхозах была восстановлена работа клубов и изб-читален, деревенская молодежь предпочитала по домам собираться на вечеринки, которые сводились главным образом к танцам: «особенно зимой собирались, а летом, летом работали все» [6]. Среди массовых форм отдыха горожан популярным было посещение городских танцплощадок, парков отдыха, кинотеатров. К неформальным видам проведения досуга городским населением можно отнести походы в гости. В праздничной традиции, по воспоминаниям современников, основное место занимали в первую очередь семейные и религиозные праздники. Сельчане продолжали отмечать памятные религиозные даты, среди которых наиболее важными оставались Пасха и Рождество: «государственные праздники у нас никто не отмечал, но только в школе проходили митинги. А религиозные все время отмечали. Пасху отмечали, как положено, чем могли, было яйцо или не было, все равно отмечали» [2].

Новые суровые условия существования во время войны преобразовали повседневную жизнь всех групп населения, особенно сказавшись на женщинах. Освобожденная территория лишилась большей части мужчин, основную группу населения составляли женщины и дети. Проводив мужей на фронт, женщины встали во главе семей, в своем большинстве они, как и в военные годы, в послеоккупационный период продолжали быть основными кормилицами семей, приняв на себя и мужские хозяйственные обязанности по дому. Женщины стали основой рабочей силы в городе, работали во вновь созданных колхозах и на личных подсобных хозяйствах. В ситуации повсеместной разрухи, когда технические возможности сельского хозяйства страны были минимальны, большую часть работ приходилось выполнять вручную. Переживая колоссальные перегрузки, женщины стойко переносили изнурительный труд, помогая решать основные задачи восстановления страны: «в колхозе плуг тягали на себе женщины, за 12 километров ходили за удобрением» [3]. Именно на женщин, оставшихся без мужей, легла вся ответственность за их детей. Главной целью для многих из них стало налаживание особой стратегии, которая помогла бы, как и во время войны, обеспечить выживание своего ребенка, сохранить от невзгод: спасти от голода, отдав все до последней крошки хлеба, уберечь здоровье, дать нормальное воспитание и образование.

Дети, наименее социально защищенная часть населения, – особая проблема общества, вышедшего из войны. Большинство информантов в годы войны были детьми и подростками, которые вместе со взрослыми разделили ужас войны и тяжелые материальные условия послеоккупационной военной действительности, выживая в экстремальных ситуациях недоедания и болезней. Все они отмечают, что рано начинали помогать родителям: работали на колхозных полях и личных приусадебных участках, пасли скот: «без дела не сидели, бо надо было выживать» [2].

В исключительно сложной социально-экономической ситуации для многих граждан одним из способов выживания стало обращение за помощью к местным органам власти, которые пытались решить вопросы по удовлетворению материально-бытовых нужд населения, прилагали усилия по восстановлению мирной жиз-

ни. Однако повсеместный дефицит, нехватка средств не позволяли оказать практическую помощь всем нуждающимся в поддержке, что воспринималось основной частью населения с пониманием: «знали, что само государство бедное, что ничем не может помочь» [4]. Что касается индивидуального восприятия власти и отношения к ее конкретным решениям и проводимым мероприятиям, то все респонденты отмечали, что слишком обременительными для крестьян были поставки по установленным нормам (молоко, яйца, мясо, масло, шерсть), большинство негативно оценивали организацию колхозов: «многие были недовольны, но ничего с этом поделать не могли» [2]. Современники, проживавшие в западных районах созданной в сентябре 1944 г. Полоцкой области, в своих воспоминаниях указывали на недовольство определенной части населения установившейся советской властью, негативную реакцию жителей к политике по отношению к религии («многие были недовольны, что уничтожали костелы»), при этом отмечали общее восприятие, что «эта власть лучше, чем немецкая» [2; 4].

По воспоминаниям людей, проживавших на Витебщине в 1944–1945 гг., несмотря на низкий уровень жизни, основные настроения жителей характеризовались оптимистическими ожиданиями. Высокая степень социального оптимизма в психологии жителей была связана с постепенным возвращением норм мирной повседневности в восстановительный период, надеждой на улучшение жизненных условий, исчезновением атмосферы страха: «ночью можно спать спокойно, никто не придет», «не стреляли, ... бежать, прятаться не надо было» [3; 7].

С одной стороны, преодоление последствий разрушительной войны и оккупации было связано с низким материальным уровнем жизни и тяжестью личных утрат. С другой стороны, трудности жизни – неизбежные после столь разрушительной войны и трехлетней оккупации – воспринимались с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. Люди не могли быть настроены непозитивно, так как им удалось пережить огромное несчастье – войну, по сравнению с которой трудности послевоенной повседневности воспринимались как нечто временное и преодолимое: «радовались, что остались живые» [9]. Общность трудностей и судеб, выпавших на долю всего населения, привела к тому, что сложилась особая социально-психологическая атмосфера, отличительными чертами которой были взаимопомощь и коллективизм: «жили очень дружно, делились последним», «все помогали друг другу, были сплоченными», «дружней жили, чем сей час ... все были в горе», «люди от горя сблизились» [2; 4; 8–9]. Основные настроения жителей региона определяли патриотизм, гордость и желание достижения скорейшей победы над Германией («Скоро Гитлеру капут, скоро русские машины побегут») [6]. Именно последние отложились в памяти людей как приоритетные ценности повседневной жизни послевоенного времени.

Заключение. Таким образом, на основе информации устных источников можно утверждать, что основными факторами, оказавшими влияние на развитие жизненных условий послеоккупационного периода, являлись последствия Великой Отечественной войны и процессы мирного восстановления. Преодоление бытовой неустроенности в ситуации повсеместной разрухи и всеобщего дефицита – это одна из главных составляющих стратегии выживания населения в повседневной действительности послеоккупационного военного периода. Полученная в ходе интервью информация коррелирует с данными архивных документов, которые свидетельствуют, что местные органы власти, прилагая усилия по восстановлению мирной жизни, пытались решить вопросы обеспечения социальных нужд населения, однако объемы помощи были несопоставимыми с огромным количеством бедствующих граждан. Изучение поведенческих и психологических реакций общества на тяжелейшие испытания показывает, что в решении каждодневных проблем жителям Витебщины во многом приходилось рассчитывать на свои силы и, признавая неизбежность трудностей жизни как тяжелое наследие опустошительной войны, изыскивать возможности удовлетворения в первую очередь материально-бытовых потребностей. Среди способов приспособления населения к сложным жизненным условиям главное место занимали режим жесткой экономии, торговля личным имуществом или его обмен, содержание приусадебных участков, применение старых навыков и занятие ремеслом. При этом настроения людей определялись эмоциональным подъемом и оптимистическими ожиданиями в связи с окончанием оккупации, надеждой на скорый конец войны и верой в перемены к лучшей жизни.

Литература

1. Воспоминания С.Т. Сафроненко 1927 г.р., д. Косово Витебский р-н // Личный архив автора.
2. Воспоминания А.К. Демидко 1930 г.р., д. Иказнь, Браславский р-н // Личный архив автора.
3. Воспоминания Э.Е. Кульба 1932 г.р., д. Гритуны, Браславский р-н // Личный архив автора.
4. Воспоминания Т.Л. Дворецкой 1935 г.р., д. Иказнь, Браславский р-н // Личный архив автора.
5. Воспоминания Н.А. Виташкевича 1938 г.р., д. Вишковичи, Чашникский р-н // Личный архив автора.
6. Воспоминания Э.А. Маркевича 1932 г.р., д. Волговщина, Миорский р-н // Личный архив автора.
7. Воспоминания Р.Г. Селезневой 1937 г.р., д. Велешковичи, Лиозненский р-н // Личный архив автора.
8. Воспоминания В.М. Богданович 1936 г.р., д. Андроновичи, Витебский р-н // Личный архив автора.
9. Воспоминания А.Т. Капляр 1929 г.р., д. Любасно, Верхнедвинский р-н // Личный архив автора.

Поступила в редакцию 19.05.2016 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

Историософская концепция евразийства в контексте проблемы специфики социально-исторического развития России

Павочка С.Г.

Учреждение образования «Гродненский государственный аграрный университет», Гродно

Проблема специфики социально-исторического и культурного развития России – одна из центральных тем русского философского мышления XIX – начала XX века. В наиболее заостренной форме концептуализация русского исторического пути и основополагающих спецификаций русских культуры и духовности была представлена евразийством, возникшим в условиях русской эмиграции «первой волны».

Цель статьи состоит в выявлении и анализе формальных и содержательных особенностей евразийского историософского дискурса.

Материал и методы. *В исследовании задействованы конкретно-исторический, сравнительно-аналитический методы, а также общенаучные принципы познания, методы анализа, синтеза, аналогии.*

Результаты и их обсуждение. *В работе обосновано положение о формировании евразийцами целостной концепции русской истории и культуры, основными историческими звеньями которых, помимо славянских, были также и восточные (туранские) элементы, внесшие значимый вклад в формирование специфики русской культуры и духовности и определившие во многом политическую организацию и геополитическую форму реализации континента-океана «Россия-Евразия». Сохраняя известную степень дискуссионности, данная концепция обладает особой значимостью в контексте идентификационных поисков России и ряда постсоветских стран в условиях современности.*

Заключение. *Обосновано положение о том, что евразийцами была историософски осуществлена радикальная попытка переосмысления оснований русской истории и культуры, реализованная в конструировании их новой генеалогии. Евразийцы явились модернизаторами «русской идеи», предложив ее интерпретации в контексте социально-политической практики начала XX века. Оставаясь во многом противоречивыми и неоднозначно трактуемыми, данные интерпретации тем не менее актуальны для современности своим идеологическим посылом, содержащим в себе как теоретическое обоснование социального единства, так и практические способы достижения интеграции общества.*

Ключевые слова: *евразийство, русская эмиграция, история, социальная философия, культура, идеология, общественное сознание.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 95–104)

Eurasian Historiosophical Conception in the Context of the Problem of the Specificity of Russian Social and Historical Development

Pavochka S.G.

Educational Establishment «Grodno State Agrarian University», Grodno

The problem of specificity of Russian social and historical as well as cultural development is one of the central themes of Russian philosophical thinking of the XIXth – early XXth centuries. In the most accentuated form conceptualization of Russian historical way and basic specifications of Russian culture and mentality was represented by Eurasianism, one of the public movements of «first wave» of Russian emigration.

The aim of the work is revealing and analyzing formal and content specificity of Eurasian historiosophical discourse.

Material and methods. *In the study concrete-historical, comparative-analytical methods and general principles of cognition, analogy, analysis and synthesis are used.*

Findings and their discussion. *In the paper the thesis is substantiated that Eurasians formed an original conception of Russian history and culture. Its basic historical elements, except Slavic, are Eastern (turanian) elements. They are very important for forming the specificity of Russian culture and mentality. They determined political organization and geopolitical form of the implementation of «Russia-Eurasia» continent-ocean. This conception is very controversial but it is very important in the context of contemporary Russian and other post Soviet countries identification search.*

Conclusion. *A thesis is substantiate that Eurasians historiosophically presented a new radical re-thinking of historical basis of Russian history and culture in the form of construction of their new genealogy. Eurasians modernized «Russian idea» though its interpretation in the context of social and political practice at the beginning of the XXth century. This interpretation is very topical today thanks to its ideological basis that includes theoretical substantiation of social unity and practical ways of society integration.*

Key words: *Eurasianism, Russian emigration, history, social philosophy, culture, ideology, public consciousness.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 95–104)

Адрес для корреспонденции: e-mail: pavochka_sergey@mail.ru – **С.Г. Павочка**

Проблема специфики социально-исторического и культурного развития России – одна из центральных тем русского философского мышления XIX – начала XX века. В наиболее заостренной форме концептуализация русского исторического пути и основополагающих спецификаций русских культуры и духовности была представлена евразийством, возникшим в условиях русской эмиграции «первой волны».

Цель статьи состоит в выявлении и анализе формальных и содержательных особенностей евразийского историософского дискурса.

Материал и методы. Источниковая база исследования представлена трудами мыслителей-евразийцев по философии, культурологии, русской истории, а также рядом современных адресованных евразийству аналитических публикаций. В нем задействованы конкретно-исторический, сравнительно-аналитический методы, а также общенаучные принципы познания, методы анализа, синтеза, аналогии.

Результаты и их обсуждение. Осмысливая пути исторического развития России, евразийцы исходили в определении смысла русской истории из значительной роли в ней «туранского» элемента. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский предложили масштабные реконструкции исторического прошлого России и в их контексте попытались представить ее настоящее и дальнейшие исторические перспективы. «У нас создалась, – писал Г.В. Вернадский, – искривленная историческая схема мировой истории. Германо-романская Европа нам представляется основным стержнем исторического процесса» [1, с. 253]. Представление это детерминировано бурным ростом европейской культуры XV–XIX веков. В действительности же культурная гегемония Европы представляет собой явление временное и ограниченное. Преимущественными доминантами европейской культуры стали развитие опытного естествознания и техники, промышленной, военной и политической жизни. Прогнозы ее исторической перспективности и дальнейшего прогресса в XX веке для евразийского историка не столь очевидны. Более того, среди германо-романских народов выдвигаются к жизни новые образования: англо-саксонская Америка, испано-португальская Америка. Мыслитель предчувствует и колоссальные исторические сдвиги народов Азии, Африки – индусов, китайцев, японцев, монголов, турок и т.д. Аналогии подобных исторических сдвигов можно отыскать в прошлом. Так, к примеру, «падение римской империи» вывело средиземноморский греко-римско-сирийский и европейско-арабский миры на соприкосновение их с миром среднеазиатских и южнорусских кочевников. Сопровождавший данное соприкосновение «регресс» материальной культуры Средиземноморского мира был «прогрессом» в плане грандиозного расширения самих культурно-исторических и географических рамок. Волны кочевников, следующие друг за другом из черноморских степей и из глубин континента, часто выступали посредниками между цивилизацией и средиземноморской культурой и дальнеазиатскими культурами Китая и Индии. Кроме этого, кочевники несли с собой и достижения собственной культуры, выразившиеся, в частности, в сфере искусства. При этом материальная культура «римской империи» была бессильна перед напором культуры новых народов – «варваров». Обуздать разбушевавшиеся исторические стихии смог лишь духовный подъем средневековой эпохи, связанный с зарождением новой религии – христианства. Церковь явилась связующим звеном между средиземноморским миром и миром «варваров», и через нее элементы «варварской» цивилизации были включены в жизнь как народов, входивших ранее в состав Римской империи, так и варварских народов. Центр церковного (религиозного) влияния продвигался далее на Восток: «Первый церковный “Рим” был в старом средиземноморском Риме, Второй, Новый Рим, был уже на рубеже Европы и Азии, на Босфоре, в Византии. Третий Рим был еще дальше на восток, в недрах восточной, монгольской, Руси – в Москве» [1, с. 254].

На Западе, в мире германо-романской Европы, победило латинство, на Востоке – в мире Иранской Азии и турецкой и монгольской степи – несторианство. Византия стала центром Православия в Средние века. Вся история Византии так или иначе была связана со степным Востоком, с ним же был связан и ранний период истории Киевской Руси. «Стихия степи» – печенеги, половцы, тюрки, берендеи, черные клобуки – то враждовала с греческим и русским мирами, то в отдельных случаях и в разных комбинациях выступала их союзниками.

Русская цивилизация и культура постепенно включали в себя византийские (греко-восточные) влияния, а также влияния цивилизации и культуры степных кочевников, заимствуя у них одежду, оружие, эпос, военный строй и образ мыслей. В этом плане монгольское нашествие XIII века, по убеждению Вернадского, не было чем-то принципиально новым. Оно было очередной глубинной материальной волной, но волной необычайной

силы и степени напряжения. Евразийский историк признает, что эта волна накрыла русский мир, в особенности его восточную половину. Но она же положила и новую основу русско-византийских отношений, когда началось подчинение русских земель Востоку. Для большинства, замечает Вернадский, «монгольское иго» ассоциируется с отрывом русских земель от Европы. В действительности «иго» имело и другую сторону: «Если "монгольское иго" способствовало отрыву русской земли от Европы..., то, с другой стороны, то же "монгольское иго" поставило русскую землю в теснейшую связь со степным центром и азиатскими периферияами материка» [1, с. 255]. Русские земли оказались включенными в систему мировой монгольской империи, подлинно мировой характер которой осознан еще явно недостаточно. К подобным империям с мировым значением Вернадский относит Римскую империю времен Траяна, Византийскую империю Юстиниана и Василия II. Последняя была разрушена крестоносцами-латинянами в 1204 г. Средневековые латинские империи не имели мирового значения. Империя Карла Великого была провинциально-европейской, Константинопольская империя Балдуина не обладала даже и этим значением. Мировая задача объединения культур Запада и Востока, земледельческой морской и степной культур была реализована Римом и Византией. В начале XIII столетия эта роль отошла от Византии к империи монголов, вобравшей в себя круг земель и народов, значительно больший, нежели Рим.

Как империи Рим и Византия были выстроены на системе средиземноморского очага цивилизации, т.е. на земледельческой морской и степной основе культуры. Монгольская империя включила в себя два очага цивилизации – земледельческий и морской – Китай, земли Византийской империи (Малая Азия, Кавказ, Крым, Балканы). Для византийско-римской империи был свойственен земледельческо-морской тип социальной организации, из которого она вступила во взаимодействие с типом кочевническо-континентальным. Монгольская империя центр тяжести имела в кочевническом мире, боковыми ее ветвями стали земледельческие очаги Китая, Малой Азии и Балкан.

Для русских земель связь с Византией была по преимуществу культурной, в политическом аспекте она не оказала, за исключением церковных отношений, существенного влияния на политические отношения русских земель. Однако эта культурная связь существенно ослабла в связи с падением Византии и захватом Константинополя крестоносцами. В результате монгольского завоевания Русь подпала под власть Монгольской империи, которая не затронула сферу церковных отношений. Подчинение Чингисхану имело исключительно важные политические следствия: Россия оказалась включенной в огромный исторический мир от Тихого океана до Средиземного моря: «Политический состав этого мира наглядно рисуется составом великих монгольских курултаев XIII века: в этих курултаях участвовали (помимо монгольских князей, старейшин и администраторов всей средней, северной и восточной Азии) русские великие князья, грузинские и армянские цари, иконийские (сельджукские) султаны, моссульские аттабеки и прочие. К центру монгольской власти должны были тянуться люди из разных концов Материка по своим разным делам – административным, торговым и тому подобным» [1, с. 257].

Северо-восточная и юго-восточная Русь на продолжительное время вошла в состав улуса Джучи. Оставшиеся русские земли уже в середине XIV века оказались под властью Запада. Сохранив во многом свои культурные начала, вошедшие в состав Польского, Литовского и Венгерского государств русские земли утратили собственную национально-государственную культуру. Основное русло исторического процесса развития русской государственности локализуется Г.В. Вернадским не в западной, охваченной латинством Руси, а в Руси восточной, захваченной монголами. Несмотря на то, что монгольское государство было иноплеменным, оно тем не менее выступало в качестве мировой империи, а не провинциального государства. Эта империя не препятствовала внутренней культурной жизни частей, она воевала с Литвой, Венгрией, Польшей, которые, в свою очередь, и были главными неприятелями русского народа. Выступив впервые в 1380 г. на Куликовом поле против Сарая, Москва устояла, но устояла бы ли она в те годы, выступив против Литвы, – неизвестно, заключает Г.В. Вернадский.

Монгольство не было воинственной религиозной системой, оно представляло собой преимущественно систему культурно-политического порядка и несло с собой гражданско-политические законы (яса Чингиса), а не религиозно-церковные установления. Латинство, напротив, несло в себе воинственный религиозный потенциал, выраженный в необходимости подчинения себе православной веры русского народа. Более того,

постановка знака равенства между понятиями «татарин» и «мусульманин» не всегда правомерна. Первоначальная монгольская волна не была мусульманской. Только спустя четыре десятилетия после битвы на Калке хан Золотой Орды Берке принимает мусульманство (1260). Монгольская держава сделала основным своим принципом веротерпимость и покровительствовала всем религиям. Создавшие эту державу первые монгольские армии состояли в том числе и из буддистов, и христиан (несториан). Именно во время правления Даниила Галицкого и Александра Невского они нанесли удар мусульманству, взяв в 1258 г. Багдад. Православная церковь в России, по убеждению Вернадского, сохранила за собой полную свободу деятельности, а в ханской власти она обрела серьезную поддержку, оформленную особыми ярлыками (жалованными грамотами) ханов. Так, например, Александр Невский не опасался монголов, рассчитывал на их помощь. Его подчинение монголам было вынужденным, но не механическим: «Александр увидел в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую культурную самобытность от латинского Запада» [2, с. 230].

Распад Монгольской империи привел к образованию нескольких государств. Большинство из них слилось со старыми государствами, на базе которых возникали монгольские новообразования (монгольская династия Кубилая в Китае (1260–1368); монгольская династия Хулагу в Персии (1256–1334). Улус Джучи не сливается с русским государством, сохраняются два центра – Москва и Сарай. Дальнейшее политическое ослабление Сарая привело к возвышению Москвы, и царство Джучидов распадается на две части – Золотую Орду и великое княжение Московское. Хотя исторический сценарий, замечает Вернадский, мог быть осуществлен и иначе: «стихия степи» могла получить преобладающее значение, захватить и переработать внешние и внутренние силы обеих половин улуса – татарской и русской, следствием чего могло явиться становление Золотой Орды если и не прямо русским, то, по крайней мере, монголо-русским государством, аналогично монголо-китайскому, монголо-персидскому, литовско-русскому государствам. Основой для слияния в новых монгольских государствах был религиозный вопрос. Монгольская правящая аристократия часто принимала веру большинства населения страны. В качестве примера здесь можно привести рецепцию монголами буддизма в Китае, ислама в Персии. И если бы, заключает евразийский историк, монгольские ханы перешли на православие, то не Москва, а именно Сарай сохранил бы за собой статус духовного и культурного центра русских земель.

Г.В. Вернадский предметом исторического познания полагал «историческое действие народа». Связь народа и создаваемого им государства, народа с пространством (его месторазвитием) далеко не случайна, несмотря на то, что сам исторический процесс стихиен и приводится в движение глубоко заложенными в нем силами, которые лишь в незначительной степени зависят от субъективных ожиданий людей. «Жизненная сила», обнаруживаемая евразийским историком в каждой народности, всегда стремится к своему максимальному проявлению. Любая народность при этом, осваивая специфический тип своего месторазвития, оказывает обратное физическое и психическое давление на окружающую физическую и географическую среду. Поэтому как создание государства народом, так и «усвоение» им территории поставлены в зависимость от силы этого давления и силы встречаемого сопротивления. История являет собой чередование «подъемов» и «депрессий», периодическую ритмичность государствообразующего процесса. В этом плане русский народ занял собственное место в истории благодаря тому, что обладал исключительной способностью к освоению доставшейся ему географической среды. Степень давления на окружающую среду и степень сопротивления, противопоставляемая окружающей средой, являются основными элементами русской истории. По этой причине «внутреннее развитие» самой русской народности необходимо соотносить с внешней исторической (географической, этнической и т.д.) средой, выступившей предпосылкой и фактором развития России. Указывая на отсутствие «естественных границ» между «Европейской» и «Азиатской» Россией, евразийцы отрицали наличие двух России – «Европейской» и «Азиатской», констатировали существование одной России-Евразии как наделенной естественными границами географической области, освоенной русским народом в стихийном процессе его исторического движения.

Одним из истоков формирования русского государства выступает у евразийцев татарская государственность. Вместе с тем она – не единственный источник его возникновения. Как внутреннее содержание, так и идеологическое обоснование русской государственности невозможно объяснить исключительно ссылкой на «туранский» элемент. В содержательном плане русская государственность

определяется и другими составляющими, не находящими прямых аналогий в рассматриваемых евразийцами восточных моделях государства: византийским наследием и православием. Согласно мыслителям, подъем православно-религиозного чувства в эпоху монголо-татарского ига способствовал трансформации татарской государственности в русскую. Православие «облагородило» татарскую государственность, придало ей религиозно-этический характер, сделало ее своей через «обрусение и оправославление» татарщины. В оценках евразийства татарское нашествие на Русь представлено как очередная школа жизни. Не отрицая факт татарского ига, евразийцы полагали, что оно способствовало политическому объединению русских земель. Россия вышла из-под ига государством, спаянным внутренней духовной дисциплиной. Открыв дорогу «европеизации» русской жизни, петровская эпоха стала, по их мнению, очередным игом в истории российского государства. Из этой эпохи Россия вышла в начале XX века в форме СССР, а сам большевизм был ни чем иным, как результатом двухсотлетнего ига романо-германской «европеизации». Сопоставляя исторический опыт ига татарского и ига европейского, Трубецкой предлагал их оценивать по плодам: по содержащимся в них идеалам и их осуществлением в действительности. Сравнительный анализ указанных периодов русской истории однозначно свидетельствует, по его мысли, о том, что татарская школа привнесла с собой больше положительного, нежели опыт приобщения России к Европе.

Россия-Евразия, указывал П.Н. Савицкий, есть целостное и обособленное «месторазвитие» [3, с. 222]. Сам этот термин имел в основе естественнонаучную аналогию: месторождение полезных ископаемых, местоформирование почв, местопроизрастание растительных сообществ, местообитание животных сообществ, месторазвитие человеческих обществ. Данный ряд позволяет выделить сходные моменты в самых различных явлениях неорганического и органического миров. Установление этого ряда отсылает к «связи наук» и их синтезу: «Чтобы приблизиться в пределах скромных человеческих возможностей к цельному пониманию мира, нужно приводить в соприкосновение данные различных наук» [3, с. 222]. Указанное соприкосновение обращено евразийцами к социально-историческому миру и позволяет воспринимать его и отдельные его части как общежития «широкого порядка», выстраиваемые на основе «генетических вековечных связей» между растительным, животным и минеральным царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и духовным миром – с другой. Перечисленные компоненты взаимно приспособлены в общежитиях друг к другу, оказывая воздействия на внешнюю среду. Социально-историческая среда и ее территория сливаются в единое целое – географический индивидуум, или ландшафт. Социально-историческая среда немыслима вне территории в чистом виде. Поэтому, не зная свойств территории, нельзя ничего понять в «образе жизни» общества.

Введение в обществознание термина «месторазвитие» имело своей целью подчеркнуть связь явлений различного порядка, а также связь социально-исторической среды с внешней обстановкой. При этом в Евразии начала «месторазвития» преобладают над началом «генетической близости» [3, с. 226]. Категория месторазвития позволила П.Н. Савицкому обосновать новую отрасль знаний – геософию как синтез географических и исторических начал. Смычка географии и истории предполагала наложение на сеть географических признаков сети признаков исторических, характеризующих Евразию как особый мир. И это наложение показывало, что черты национального характера, особенности хозяйства образуют известные «параллелизмы» сети географических размышлений. Геософский анализ истории приводил евразийцев к выводу о том, что отдельным месторазвитиям присущи определенные формы культуры, независимо от их «генетической близости» или «расового смешения». Поскольку культура является принадлежностью месторазвития, то каждая социальная среда стремится приспособить месторазвитие к себе. Процесс приспособления осуществляется двумя путями: 1) непосредственно путем взаимодействия между социально-исторической средой и ее обстановкой; 2) путем взаимодействия, опосредованного культурой, ранее созданной в данном месторазвитии. Примерами здесь могут являться «китаизация» народов, проникавших в китайское месторазвитие; «индуизация» пришельцев в Индию, «иранизация» и др.

Понятие месторазвития евразийцы пытались сомкнуть с понятием культурно-исторического типа Н.Я. Данилевского. Им импонировала мысль позднего славянофила о разнообразии форм исторической жизни по культурно-историческим типам, или цивилизациям. Каждый культурно-исторический тип евразийцы соотносили с месторазвитием, а ряд выявленных Н.Я. Данилевским типов они продолжили и замкнули евразийским культурно-историческим типом. Развивая ге-

ософские построения, мыслители дистанцировались от крайних форм географического материализма (монизма), непосредственно редуцирующего человеческую историю и жизнь к географическим началам. Концепция месторазвития включала в себя признаки множественности форм человеческой истории и жизни и, наряду с географическим, позволяла выделить ни к чему не сводимое духовное начало жизни: «Живым ощущением материального не ослабляется, но усиливается живое чувствование духовных принципов жизни» [3, с. 232]. И только в контексте этих принципов для евразийцев было возможно «целостное понимание мира».

«Месторазвитие» народа, представляя собой определенную географическую среду, налагает печать собственной особенности и на человеческую жизнь, осуществляющуюся в данной среде. Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некоторое единое целое, взаимно определяя друг друга. Евразия представляет собой подобное «большое месторазвитие», целый географический мир. И именно в границах подобного месторазвития могли образоваться такие крупные социальные единицы, как Скифская, Гуннская, Монгольская и Российская империи. В ходе образования последней русское племя не просто воспользовалось предпосылками евразийского месторазвития, но и создало, по мнению Г.В. Вернадского, себе для будущего Евразию в качестве единого целого, приспособив к себе географические, хозяйственные и этнические условия Евразийского континента: «История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа» [4, с. 27]. В движении русского племени на Восток евразийцы усматривали не «империализм» и не следствие политического честолюбия русского государственного движения, а неустранимую внутреннюю логику «месторазития».

Последовательный ряд попыток создания единого евразийского государства отражает известную периодическую ритмичность государствообразующего процесса. Основа его исторической периодизации коренится в соотношении между «лесом» и «степью», взятых в совокупности природного и историко-культурного значения. В этом процессе Г.В. Вернадский особо выделяет два богатых исторических наследства: византийское, образовавшее основу православной государственности («идея»), и монгольское, выступившее непосредственным источником евразийской государственности («плоть»). До X века попытки объединения леса и степи шли в пространстве Евразии задолго до самостоятельного исторического выявления русского народа. Осуществлялись они как со стороны лесного Севера, так и со стороны степного Юга. Конкретными их инициаторами выступали скифы, готы, гунны. В условиях обособления славяно-русской народности инициатива объединения перешла к степи в лице хазар, затем она оказалась в руках варяго-русских князей. Особая роль в этой инициативе леса принадлежит князю Святославу Игоревичу, стремившемуся объединить течения Днепра (Киев), Нижней Волги (Итиль) и Нижнего Дуная (Переяславец). Год смерти Святослава (972) условно может быть принят за конец первого периода русской истории.

В конце X – середине XIII века связь леса и степи оказалась разорванной борьбой русских князей с печенегами и половцами. Русский народ «сбивается» к лесу, удерживается в пристепье, но не в самой степи (972–1238). Монгольское завоевание (нашествие Батыя) означало конец раздора леса и степи, ознаменовав собой торжество степи над лесом. Подчинение великому монгольскому хану, а затем и хану Золотой Орды привело к формальному объединению русских княжеств, а падение Орды поставило Москву перед необходимостью принять эту власть. Западная Русь отделяется в этот период от Восточной и включается в состав Литвы и Польши.

Москва постепенно становится собирательным центром в мире, образовавшемся в результате распада Золотой Орды. Русская церковь обретает независимость от Византии. Взятие Константинополя турками в 1453 г. и падение Византийской империи существенным образом укрепляют позиции русского церковно-национального самосознания. Русское государство становится единственным и преимущественно православным царством. Основание зависимого от Москвы Касимовского татарского царства является верхней временной границей периода, за которым (1452–1696) следует наступление русского Севера на монголо-туранский Юг и Восток, завершившееся решительной победой леса над степью. В это время происходит завоевание Казани, Астрахани, Сибири. Россия вновь овладевает устьями Дона (взятие Азова Петром Великим в 1696 г.). В 1696–1917 гг. российское государство распространяется до естественных пределов Евразии, объединяя лес и степь. Вместе с тем в этот период отмечается и кризис религиозного сознания русского народа, вызванный «пле-

нением» церковной организации внешними формами светской государственности. Отмечаемое развитие внешних форм культуры не отменяет глубоких и тяжелых потрясений русского духа.

П.Н. Савицкий рассматривал положение России в окружающем мире с позиций исторической и экономической географии. Исторические судьбы и географическая природа Старого Света как определенного целостного единства позволяют ему выделить «противоположение» «окраинно-приморских» областей Старого Света – восточных (Китай), южных (Индия и Иран), западных (Средиземноморье, Западная Европа), с одной стороны, и «центрального» мира – с другой. Последний заполнен «эластичной массой» кочующих степных «турок» или «монголов». Механика истории во многом проясняется наличием этой противоположности. Она же позволяет объемнее взглянуть на соотношение между вырастающим в определенной территории творчеством «окраинно-приморских» сфер и усваивающим результаты этого творчества кочевым миром «степной» культуры.

«Без татарщины не было бы России» [3, с. 59], – писал П.Н. Савицкий. Неверно превозносить культурное развитие дотатарской «Киевской» Руси, которое якобы оказалось искусственно прерванным монголо-татарским нашествием. Евразийцы не отрицали определенных и весьма значительных достижений культуры Древней Руси XI–XII веков, но предлагаемая ими историческая оценка этих достижений являлась достаточно сдержанной. Древняя Русь была отмечена процессом политического и культурного измельчания, происходившего в дотатарский период между первой половиной XI – первой половиной XIII века. Это «измельчание» связывалось со сменой относительного политического единства первой половины XI века хаосом удельной эпохи, сказывалось оно прежде всего в падении материальных возможностей в художественной сфере. В архитектуре оно выразилось в упадке храмостроения. Происходило «сморщивание» и сужение его масштабов в ходе исторической эволюции: «Русь начала XIII века являет картину ничтожества: в сравнении с Западом – различие масштабов, десятикратное, стократное, подлинная “отсталость”, возникшая не вследствие, но до татарского ига» [3, с. 60]. Беспомощность Руси перед татарами не случайна. Она рассматривалась как следствие того элемента неустойчивости и склонности к деградации, которые закономерно вели ее к чужеземному игу. При этом «великое счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому» [3, с. 60]. Татары были «нейтральной» культурной средой, признававшей «всяческих богов» и терпевшей «любые культуры». Татары пали на Русь как наказание Божье, но не исказили чистоты национального творчества. Если бы Русь была подчинена туркам, зараженным «иранским фанатизмом и экзальтацией», ее испытания были бы труднее. Если бы она была завоевана Западом, то осталась бы без души. Татары не подавили духовного существа России. Более того, они содействовали ее политическому оформлению, сообщив России свойство организовываться военно, создавать государственный центр, достигать устойчивости – они дали ей качество становиться могущественной «ордой». В поле всемирной истории западноевропейскому ощущению моря как равноправное, но полярное возникло монгольское ощущение континента. В позднейшей русской практике землепроходства, размахе русских завоеваний отчетливо проступает то же ощущение континента.

Монголы хотя и выступили завоевателями, но, в отличие от русских, не были «колонизаторами». Россию нельзя всецело свести к монгольству. Иго, хотя и способствовало государственной организации России, содействовало еще и раскрытию «дремавших» навыков русского народа. Оно было «горнилом», в котором выковывалось русское духовное своеобразие с основой в виде русского благочестия. В концепции евразийцев Россия предстает как наследница Великих Ханов и продолжательница дела Чингиза и Тимура; как объединительница Азии, сочетающая «оседлую» и «степную» стихии в своей углубленной культурной традиции. В послетатарский период русская народность распространилась на степь, осуществив ее этнографическое и политическое освоение. Московское царство у евразийцев обретает отчетливые признаки татарщины, но теперь это «татарское», как будто, подается не с отрицательным, а с положительным знаком: «Образы Чингисхана и Батыя как то начинают теснить образы Михаила Черниговского и Дмитрия Донского, возникает некая идиллия “русско-татарского единения”, а это чем дальше, тем более двусмысленным делало отношения евразийцев с православием. Разумеется, – отмечает К.Г. Мяло, – я говорю здесь не об их личном исповедании веры, но о геополитических и историософских выводах, которые объективно следовали из их теорий» [5, с. 87].

Связь русских с «туранцами» закреплена не только этнографически, но и антропо-

логически – в русских жилах течет славянская, угро-финнская, тюркская кровь. Связь с «туранским Востоком» отражена в национальном характере русских. Братание и взаимное понимание, легко устанавливаемые между русскими и «азиатами», указывают на наличие невидимых нитей расовой симпатии. В русском национальном характере Трубецкой обнаруживает черты, сильно отличающие его как от угро-финнов и тюрок, так и от славян. Такие черты русского народа, как склонность к созерцательности, приверженность к обрядности русского благочестия, не находят эквивалента в моральном облике славян. Так, русское благочестие лишь формально основывается на византийских традициях, оно чуждо другим православным славянам и может быть связано с неправославным Востоком. Аналогично этому и «удаль», ценимая в героях русским народом, в действительности представляет собой чисто степную добродетель, понятную тюркам, но не понятную ни славянам, ни европейцам. Указанное своеобразие психического и этнографического облика русского народа необходимо учитывать при построении новой русской культуры, «верхние» и «нижние» этажи здания которой должны соответствовать друг другу. Устойчивое отношение между ними существовало до тех пор, пока здание русской культуры венчалось византийским «куполом». Усилившиеся в «верхах» романо-германские влияния привели к дисбалансу между этажами русской культуры. Византийский «купол» рухнул, обратное движение к византийской традиции было уже невозможным, несмотря на то, что «европеизация» не смогла вытеснить русскую православную церковь. «Византизм» в чистом виде невозможен, поскольку сказываются европеизация и следствия церковного раскола, вызванного реформами Никона. Сам духовный раскол демонстрирует, полагали евразийцы, стремление русской национальной стихии к самобытности, осложняемое тем, что русский народ не имеет собственного культурного «верха» и осуществляет это движение силами «низов».

Историческая миссия России, выраженная в объединении братьев-славян, не замечает, что братьями, если и не по языку и вере, то по нраву, характеру и крови, являются туранцы. Поэтому Россия фактически продолжает историческую миссию Чингиза и Тимура, посредствуя в культурном обмене между отдельными азиатскими странами. В самой ней осуществляется сложный синтез восточных и западных культур. К «туранцам» или «урало-алтайским» народам Н.С. Трубецкой относил пять групп народов: 1) угро-финнские народы, распадающиеся по признакам языкового родства на западных финнов (эсты, карелы, собственно финны), лопарей в Швеции и Норвегии, северной Финляндии и России, мордву, черемисов, пермских финнов (зыряне, вотяки) и угров (мадьяры или венгры в Венгрии и Трансильвании, «обские угры», вогулы и остяки северо-запада Сибири). Сюда же относятся и обрусевшие меря, весь, мурома, пещера; 2) самоеды; 3) тюрки (турки-османы), татары (крымские, казанские и др.), мещеряки, тептяки, балкарцы, кумыки, башкиры, киргизы-кайсаки, кара-киргизы, туркмены, узбеки, алтайцы, якуты, чуваши и исчезнувшие хазары, болгары, половцы, уйгуры; 4) монголы, калмыки, буряты; 5) маньчжуры, гольды, тунгусы. Общее имя туранских народов евразийцы выводили преимущественно из общих антропологических и лингвистических признаков, в то время как вопрос об их генетическом происхождении продолжали считать спорным. Общность туранцев была представлена прежде всего как общность психологического типа [6]. Психологическая близость евразийских народов мыслителями не просто декларировалась. Выявлению культурно-психологических оснований евразийского единства были посвящены значительные исследования о роли туранского элемента в русской культуре. Туранский психологический тип реконструировался на историческом материале тюрков, сыгравших наиболее значимую роль в истории Евразии. Рассматриваемый психологический тип анализируется посредством приведения данных лингвистики и достижений духовной культуры. Евразийцы выявили здесь достаточно интересные зависимости и параллели.

Н.С. Трубецкой открывает общие структуры и принципы в совершенно различных областях культурного творчества евразийских народов. Основополагающими началами в тюркской психологии он считал душевную ясность и спокойствие. Мышление и восприятие действительности типичного представителя туранской психики укладывается в простые и симметричные схемы «подсознательной философской системы». Типичный туранец не вдается в тонкости и запутанные детали, он оперирует ясно воспринимаемыми образами, группируя их в отчетливые и несложные схемы. В рамки этой схемы помещаются поступки, поведение и быт. Сама «схема» при этом уже не осознается, уходя в подсознание и становясь основой всей духовной жизни. Следствием этого является отсутствие разлада между мыслью и внешней действи-

тельностью, догматом и бытом. Мысли, поступки и быт становятся единым, неразрывно связанным целым, определяющим самодостаточность описываемого психологического типа. Данные черты психики должны были бы вести к неподвижности и косности мировоззрения, но, как отмечает Н.С. Трубецкой, устойчивость и стройность системы не исключают возможности дальнейшего творчества, направляемого и регулируемого, правда, подсознательными устоями, благодаря чему результаты творчества естественно и органически включаются в уже сложившуюся систему мировоззрения и быта, не нарушая ее целостности.

Именно туранская психология сообщила евразийской общности культурную устойчивость и силу, содействовала культурной и исторической преемственности, создавала условия для «экономии национальных сил». В допетровской Руси этот психологический тип сыграл положительную роль, обусловив единство жизненного уклада, в котором вероисповедание и быт образовали особого рода целостность («бытовое исповедничество»). Государственная идеология, материальная культура, религия и искусство стали нераздельными частями единой системы, не оформленной теоретически и сознательно не артикулируемой. Данным единством «держалась» старая Русь. Поэтому то, что обычно интерпретируется как «раболепие» народа перед властью, с точки зрения евразийских мыслителей, в действительности является реализацией идеи беспрекословного подчинения как главного принципа туранской государственности.

Основным элементом русской нации евразийцы полагали славянский элемент. При этом «душа» славян стремилась к индоиранцам, а их «тело», в силу определенных географических условий, – к индоевропейцам. Срединное положение славян между Западом и Востоком обусловило как их дальнейшую дифференциацию, так и включение в различные системы социокультурных взаимосвязей. Для Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого основанием локализации славянского элемента в русской культуре выступает язык. Он представлен одновременно и как единственное звено, позволяющее констатировать наличие связи России со славянством. «Славянский характер», «славянская психика», «славянский антропологический тип» и «славянская культура» – мифические и призрачные основания этой связи. Каждый из славянских народов, по убеждению евразийцев, вырабатывал свою культуру отдельно, а культурное влияние одних славян на других не сильнее влияния европейских народов на тех же славян. Кроме того, этнически славяне соотносятся с различными этнографическими зонами. Закономерно, что понятие славянства обретает у евразийских мыслителей не этнопсихологическое, не антропологическое и не культурно-историческое значение. Оно интерпретируется лингвистически. Единственная связь России со славянством – это языковая (лингвистическая) связь. Русский язык трактуется Н.С. Трубецким в качестве модернизированной, обрусевшей формы церковнославянского языка. В этом плане русский литературный язык – преемник общеславянской литературно-языковой традиции, утверждавшейся в России не по причине ее славянской принадлежности, а в силу ее церковного характера. Русская культура в данном отношении выступила как культура-преемница, наследующая традиции византийской культуры, традицию монгольской государственности и церковнославянскую литературно-языковую традицию, которые становились русскими только тогда, когда сопрягались с православием.

Между политикой и экономикой евразийцы обнаруживали определенную связь: экономические задачи русской народности могут быть осуществлены при условии устойчивого политического строя, под «покровом» объемлющего «российского мира» (pax rossica): «В начертании последней, – отмечал П.Н. Савицкий, – пусть не прикрепляется наш взор исключительно и только к pax romana. Как ни ужасно монгольское владычество в его возникновении и расширении, замирением, наиболее объемлющим из числа известных в истории, была pax mongolica – та эпоха, когда “купцы и францисканские монахи” проходили из Европы в Китай, когда русские князья XIII–XIV веков без затруднений (хотя и без удовольствия) путешествовали, с поклоном Орде...» [3, с. 340]. Отношение Руси-России к истории монгольских держав в целом сводится к следующим историческим моментам: 1) в течение двух столетий значительная часть русской народности находится под властью Золотой Орды; 2) в последующие столетия Русское государство является царством-наследником Золотой Орды и относится к той системе государств, которые образовались в результате ее распада. И далее, в XIX веке Россия, по замечанию Савицкого, воспроизводила и даже геополитически восстановила Золотоордынское государство XIII–XIV веков. Сама принадлежность к ордынской геополитической системе и сопряженность с ней красной нитью проходят в русской истории последних веков.

Исключительное значение Золотоордынского государства в русской истории сопоставимо с не менее исключительным значением империи Карла Великого в истории Европы. Евразия есть orbis terrarum русской культуры, «вселенная» русской истории. Основной континентальный массив Старого Света в определенном смысле есть «монголосфера», объединенная в свое время на 9/10 монгольским государством XIII–XV веков.

Заключение. Евразийцами была историософски осуществлена радикальная попытка переосмысления оснований русской истории и культуры, реализованная в конструировании их новой генеалогии. Евразийцы явились модернизаторами «русской идеи», предложив ее интерпретации в контексте социально-политической практики начала XX века. Оставаясь во многом противоречивыми и неоднозначно трактуемыми, данные интерпретации тем не менее актуальны для современности своим идеологическим посылом, содержащим в себе как теоретическое обоснование социального единства, так и практические способы достижения интеграции общества. Модернизация евразийцами «русской идеи» и истолкование ими ее провиденциального смысла оценивались и оцениваются крайне неоднозначно. Создавая одно, евразийцы разрушали другое. Сама механика евразийского мышления, внутренне тяготевшая к обобщению предельно граничных оппозиций – «разрывов и связей», – стала доминантой его историософских построений. И в этом смысле евразийцы отчасти действительно были «конструкторами деконструктивных понятий», онтологизирующими собственные теоретические конструкции.

Литература

1. Вернадский, Г.В. Монгольское иго в русской истории / Г.В. Вернадский // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М.: Беловодье, 1997. – С. 250–264.
2. Вернадский, Г.В. Два подвига св. Александра Невского / Г.В. Вернадский // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М.: Беловодье, 1997. – С. 227–249.
3. Савицкий, П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
4. Вернадский, Г.В. Начертание русской истории / Г.В. Вернадский. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 368 с.
5. Мяло, К.Г. Между Западом и Востоком: опыт геополитического и исторического анализа / К.Г. Мяло. – М.: Изд-во Соловьев, 2003. – 224 с.
6. Трубецкой, Н.С. О туранском элементе в русской культуре / Н.С. Трубецкой // История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995. – С. 141–162.

Поступила в редакцию 09.02.2016 г.

УДК 321

«Законы» Платона и современное правосознание

Голубев С.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье анализируются «Законы» – одно из самых значительных, но по сей день не вполне исследованных произведений Платона и фундаментальные мировоззренческие основания современной концепции права.

Цель работы – посредством сравнительного анализа платоновского понимания природы права и представлений о его природе, свойственных современному правосознанию, раскрыть в самых общих чертах сущность права как такового.

Материал и методы. *Представлен сравнительный анализ платоновского понимания природы права как основополагающего регулятора общественной жизни и представлений о его природе, свойственных современному правосознанию. Наряду с методом сравнительного анализа использованы также общелогические и общенаучные методы.*

Результаты и их обсуждение. *Показано, что принципиальным для Платона было утверждение сакральной, божественной природы как права в целом, так и конкретных правовых норм. Для современных же представлений, особенно начиная со второй половины XX века, характерно, напротив, отрицание не только сакральной, но, по сути, вообще какой-либо надындивидуальной укорененности права и его норм, что делает последние все более субъективными. Соответственно, сегодня юридическая наука и правосознание в целом оказываются не в состоянии сформировать сколько-нибудь ясное понимание природы и сущности права. Не помогает этому и понятие «легитимность», поскольку в содержательном плане оно так или иначе отсылает к сакральному.*

Заключение. *Таким образом, теоретическое рассмотрение сущности права приводит к выводу об актуальности изучения «Законов» Платона для современной теории права и развития правосознания.*

Ключевые слова: *закон, право, правопорядок, правосознание, легитимность, харизма, сакральное, безусловные ценности.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 105–109)

Plato's «Laws» and Contemporary Sense of Justice

Golubev S.V.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

«Laws», one of the most significant but still not quite explored Plato's work, is analyzed in the article as well as fundamental worldview bases of the contemporary concept of law.

The aim of the article is to conduct a comparative analysis of Plato's understanding of the nature of law and ideas of its nature characteristic of the contemporary sense of justice, and thus disclose in the most general way the essence of law as it is.

Material and methods. *Comparative analysis of Plato's understanding of the nature of law as a fundamental regulator of social life, and ideas of its nature, which are typical of contemporary sense of justice, to disclose in the most general way the essence of law as it is, is presented. Along with the method of comparative analysis, the general logical and the general scientific methods are used.*

Findings and their discusiion. *It is indicated that confirmation of sacral, divine nature of both law in general and individual legal norms was principle for Plato. However, contemporary ideas, especially of the second half of the XX century, are characterized by rejection of not only sacral but also any over-individual rooting of law and its norms, which makes the latter still more subjective. Accordingly, today, the science of law and sense of justice in general are not able to shape any clear understanding of nature and essence of law. The notion of legitimacy does not help here either since it anyway refers to the sacral.*

Conclusion. *Thus, theoretical consideration of the essence of law leads to the conclusion of urgency of the study of Plato's «Laws» for the contemporary theory of law and the development of the sense of justice.*

Key words: *law, theory of law, law enforcement, sense of justice, legitimacy, charisma, sacral, unquestioned values*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – 105–109)

Произведение «Законы» – итоговое творение Платона. Мыслителя, заложившего основы и создавшего непревзойденные образцы западной философской и социально-политической мысли, а в более широком понимании говоря, всей теоретико-познавательной традиции, выработанной в рамках европейской цивилизации. Значимость платоновского вклада в данном отношении вряд ли может быть преувеличена. Показательны в этой связи слова М. Хайдеггера: «Вся западная философия есть платонизм» [1]. Подобная оценка платоновского творчества в целом не отменяет, конечно, того, что отдельные произведения мыслителя могут оцениваться по-другому. Именно к таким трудам сегодня, как правило, относятся «Законы», получившие у современных исследователей «традиционно низкую оценку» [2], что привело к тому, «что в научной литературе имеется только небольшое количество подробных и внимательных анализов этого про-

Адрес для корреспонденции: e-mail: golubev_sergei1962@mail.ru – **С.В. Голубев**

изведения» [2, с. 713]. Добавим, что в отечественной научной литературе, в том числе и новейшей, таких, подробных и внимательных анализов, насколько нам известно, вообще нет. И это несмотря на то, что речь идет о крупнейшем завершающем труде, своего рода завещании мыслителя. Тем более, как отмечает крупнейший российский исследователь платонизма А.Ф. Лосев, «если подходить к “Законам” чисто исторически, а не субъективно, то значение этого произведения окажется настолько большим, что в некоторых отношениях оно будет даже превосходить значение других диалогов Платона» [2, с. 713]. С подобным авторитетным мнением, на наш взгляд, нельзя не согласиться. И в этой связи, очевидно, что, поскольку «Законы» специально посвящены изложению платоновского учения о праве, постольку, надо полагать, именно в этом отношении, – в отношении исследования и понимания природы и сущности права, – данное произведение должно иметь не просто весьма большое, а «превосходящее» значение.

Цель статьи – посредством сравнительного анализа платоновского понимания природы права и представлений о его природе, свойственных современному правосознанию, раскрыть в самых общих чертах сущность права как такового.

Материал и методы. Представлен сравнительный анализ платоновского понимания природы права как основополагающего регулятора общественной жизни и представлений о его природе, свойственных современному правосознанию. Наряду с методом сравнительного анализа использованы также общелогические и общенаучные методы.

Результаты и их обсуждение. Платон начинает «Законы» с определения главной цели, общественного предназначения правильно устроенного, совершенного законодательства, его, так сказать, социального смысла. Первое, на что обращает внимание мыслитель, – это необходимость обеспечения мира и безопасности в обществе, которая лежит в основании права как такового. Вопреки известному опыту Спарты и вообще распространенным у постоянно воевавших греков представлениям, он считает, что наилучшее законодательство не может основываться на интересах войны. Мир, безопасность, отсутствие междоусобиц, согласно Платону, – необходимое условие достижения главного общественного блага – справедливого устроения общественной жизни, справедливости в отношениях между людьми. Далее, развивая эту мысль, Платон с предельной четкостью сформулирует: «Вообще каким бы то ни было образом заставить человека возненавидеть несправедливость и полюбить справедливость – это и есть задача наилучших законов» [3].

Поскольку стремление к справедливости свойственно человеку как разумному и нравственному существу, законодательство должно быть направлено на формирование-воспитание у граждан таких качеств, как разумность и мужественность, рассудительность и спокойное состояние души [3, с. 75, 78–79]. Еще одна важная цель-задача совершенных законов – всемерно способствовать укреплению благосостояния граждан, – прежде всего их здоровья, красоты и силы, а также материального достатка, относительно которого, впрочем, настоятельно рекомендовались умеренность и спокойное состояние души.

Достижение, а не простое провозглашение этих целей требует тщательной и всеобъемлющей правовой регламентации всей жизни общества и скрупулезной разработки каждого конкретного закона, ведь в деле законодателя нет мелочей. Такое отношение к Закону было обусловлено, прежде всего, теми присущими греческому духу представлениями, согласно которым законы социального бытия являются лишь спецификацией, частным случаем, проявлением общих законов Космоса, который есть нечто живое, более того, божественное существо, наделенное душой и разумом. Поэтому космическая гармония, установленная Богом, и есть подлинное основание правильно устроенного полисного законодательства. Это базовая аксиома и методологический принцип платоновских «Законов», в которых и правотворчество в целом, и каждое конкретное нормативное предписание в частности оказывается *частным случаем,* необходимым *логическим* следствием проявления общих законов бытия. Правильно и четко сформулировать эти следствия-положения в применении к полисной жизни и составляет, собственно, главную задачу законодателя, а с другой стороны, именно и только такая установка способна придать этим формулировкам действительную «объективность», собственно *законность.*

Убеждение в сакральной природе права, очевидно, не может не сочетаться с высочайшим уважением к его нормам и должно вести к формированию глубокой уверенности в необходимости их неукоснительного соблюдения. И Платон со всей определенностью утверждает именно такое отношение к праву. Закон есть высшее благо для общества и высочайшая ценность для индивида. Безусловное следование ему – обязанность, *священный долг* каждого. Более того, в следовании законам и проявляется, прежде всего, разумная и нравственная природа человека. Вот одно из ключевых положений «Законов»: «Бог по древнему сказанию держит начало, конец и середину всего сущего, за ним всегда следует правосудие, мстящее тем,

кто отступает от божественного закона. Кто хочет быть счастлив, должен держаться этого закона и следовать ему смиренно и в строгом порядке» [3, с. 168]. Важно отметить также, что в «Законах» в качестве важнейшего принципа права утверждается, причем с совершенной бескомпромиссностью, необходимость безусловного подчинения государственной власти закону, необходимость *правового государства*. «Не ради словца, – пишет Платон, – назвал я сейчас правителей служителями законов, я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного. В противном случае государство гибнет. Там же, где закон – владыка над правителями, а они его рабы, я усматриваю спасение государства» [3, с. 168]. На важность и четкую однозначную формулировку платоновской идеи о сущностной связи государства и права обратил внимание А.Ф. Лосев: «Таким образом, с точки зрения Платона, государством является только правовое государство» [4]. Характеризуя же правовую концепцию Платона в целом, тот же автор отмечает: «Из всего изложенного вытекает, что наивысшая красота и наиболее прекрасная жизнь по Платону заключается в добродетельном законе и в безусловном выполнении этого закона, как во всех больших и главных явлениях жизни, так решительно во всех ее мелочах. Закон, закон и закон и притом, прежде всего, закон государственный, который является одновременно также и законом религиозным и моральным, – вот основной принцип эстетики (т.е. миропонимания, философии. – *С.Г.*) Платона» [4, с. 226].

В наши дни так же, как и во времена Платона, говорят о необходимости обеспечения справедливости, служения общественному благу, защиты высоких идеалов. В этом по-прежнему видят предназначение права. Однако сущность его сегодня понимается отнюдь не по-платоновски. Более того, современное правосознание вообще не обладает ясными представлениями о ней. В этой связи весьма показательны, на наш взгляд, суждения о положении дел в современном правоведении, приводимые в одном из самых авторитетных российских изданий по теории государства и права: «Совершенно прав был Г.В. Мальцев, когда констатировал, что “известное замечание Канта о том, что юристы все еще ищут определение права, остается справедливым и в наши дни”. “Юридическая мысль, – отмечал автор, – судя по всему обречена на бесконечный поиск определения права, побуждаемая к этому практической необходимостью построить правопорядок на фундаменте как можно более надежных, четких и полных знаний о его сущности”» [5]. И еще одно характернейшее суждение – американского ученого С. Форда, заявившего, что в результате интеллектуальной деятельности многих поколений юристов, был «создан весьма внушительный список дефиниций права, но ни одна из них до сих пор не является “вполне дефинитивной”, адекватно отражающей правовую реальность и всех устраивающей» [5, с. 72].

Надо отметить, что подобное положение дел проистекает не из внутренней, собственно правовой проблематики современной теории права, а обусловлено тем, что современное правосознание, оперируя теми же ключевыми понятиями, что и Платон (закон, справедливость, общественное благо, правовой идеал), вкладывает в них совсем иной смысл. Если Платон в «Законах» рисует картину совершенного, гармонично устроенного и управляемого высшими силами Космоса, органической частью которого и должно быть полисное законодательство, то современное сознание (и правосознание) ничего не знает о высших силах, мир для него заполнен неопределенностью, в нем порядок рождается из хаоса, господствует вероятность и нет ничего устойчивого, «вечного». В таком мире и право в сущности своей не может, конечно, не быть чем-то не вполне определенным и должно, постоянно меняться, «совершенствоваться».

Сегодня Космос есть только пространство, сугубо физическая реальность. И законы, принимаемые в обществе, с этой реальностью никак не связаны, что естественно для миропредставления, в котором осуществлено разделение и даже противопоставление «природы и общества». Поскольку право не может быть более проявлением Логоса, современное правосознание в качестве его (права) фундаментального основания полагает понятие легитимности. Легитимность, соответственно, и есть более широкое, чем только юридическое, основание законности. Законности как той или иной правовой нормы, так и права в целом.

Необходимость легитимации права обусловлена тем, что оно, по существу своему, требует наличия объективного критерия-меры различения правомерного и неправомерного, что делает логически и практически оправданным нахождение независимого от субъективных мнений основания для такого критерия. Ибо субъективное основание, в соответствии с понятием, выводит всякое решение за рамки права, именно в сферу *произвола*. Очевидно, что в логическом отношении, объективный критерий не может быть установлен посредством суммирования или даже «обобщения» субъективных мнений. С практической точки зрения, установление такого критерия в результате подобных операций, в силу изменчивости и противоречивости субъективных мнений, обрекало бы его на постоянные изменения, не-

устойчивость и неопределенность, то есть, собственно, на функциональную непригодность. Объективный критерий правомерности, следовательно, может быть только постулирован.

В гносеологическом отношении праву как формализованной системе законоформулирующих положений релевантна теорема Гёделя о принципиальной неполноте любых достаточно развитых формальных систем. То, что непротиворечивость теории нельзя доказать средствами этой теории, означает, что непротиворечивость или, что, в данном случае, одно и то же, – правильность и справедливость правовых норм не может получить собственно правового обоснования. Это означает также, что *правомерность* критерия *правомерности* не может быть доказана средствами и в рамках самого права. Право, следовательно, не *имеет силы*, чтобы обосновать само себя. Говоря более терминологично, из неполноты права следует, что любая процедура обоснования легитимности (как права в целом, так и любой его конкретной нормы) требует перехода к более сильным допущениям, обращения к более содержательной, менее формализованной, чем правовая, системе утверждений. В качестве таковой для права непосредственно выступает мораль. Право, в адекватной методологии Гёделя формулировке, есть подсистема моральной системы, построенная посредством формализации, *кодификации* суждений, содержащих (эксплицитно или имплицитно) одно из основных понятий морали – понятие справедливости (*юстиция*).

Мораль, в свою очередь, также неполна. Ее положения и нормы невозможно обосновать аргументируя исключительно из сферы моральных суждений. Моральное сознание, что было в систематической форме показано в «Критике практического разума» Канта, антиномично по своей природе и предполагает обращение к религии как необходимому средству разрешения этой антиномичности. Иначе говоря, действительное (и действенное) обоснование системы морали требует понимания ее как подсистемы, встраивания морали в систему с более сильными допущениями. Среди этих последних, поскольку они должны служить обоснованию практически неформализованной и, по сути, беспредельно содержательной системы, должно быть и предельно, абсолютно сильное допущение или *допущение абсолютного*. Именно поэтому религия как система, содержащая допущение-утверждение бытия абсолютного, постулирующая безусловные ценности, и является необходимым основанием морали.

Таким образом, анализ оснований правомерности права в свете методологического значения теоремы Гёделя выявляет следующую системную иерархию: религия – мораль – право. Из этой зависимости следует, что объективность постулирования критерия правомерности может получить действительное обоснование только посредством аппеляции к безусловным ценностям, установления связи с абсолютным. Это, в свою очередь, означает, что легитимность как таковая обеспечивается, в конечном счете, соответствием определенным моральным и религиозным представлениям.

Теперь, получив результат предельно абстрактного, логико-концептуального анализа понятия «легитимность», перейдем к рассмотрению теоретико-социологической интерпретации проблемы легитимности, разработанной Т. Парсонсом. Именно в его концепции роль религиозных, сакральных факторов в формировании и функционировании легитимного социального порядка была рассмотрена с исключительной полнотой и в строгой системно-теоретической форме.

Анализируя фундаментальные предпосылки человеческой деятельности, Парсонс отмечает, что человек, по природе своей, склонен развивать «метафизическую интерпретацию собственного мира», которая, не может не оказывать влияния на его (человека) действия [6]. Ученый так говорит об этом влиянии: «Сами по себе религиозные интересы не формируют целей действия, а скорее – схему идеальных условий, при которых эти цели могут быть осуществлены. Будут ли конкретные цели приобретать смысл, зависит от того, какова структура этой схемы» [6, с. 195]. Парсонс показывает теснейшую связь религиозного и правового, вводя в свою теорию понятие «харизма» и подчеркивая, что оно «присуще религиозной системе отсчета», и что именно, «благодаря религиозному значению, харизма может служить источником законности (узаконения)» [6, с. 748]. Он так определяет взаимосвязь харизматического (а тем самым, и религиозного) и правового: «Законность, следовательно, – это институциональное применение или воплощение харизмы» [6, с. 190]. Религия, таким образом, оказывается последним основанием, источником правопорядка, вообще социального порядка в человеческом обществе. Для Парсонса – это также принципиальное положение. Он утверждает наличие «*причинной цепи*, которая существует между религиозными убеждениями и институциализированным социальным порядком» [7].

В общем, Парсонс так описывает структурно-генетическую последовательность формирования и принципы функционирования правового порядка в обществе в целом: «Следует подчеркнуть значимость культурной легитимации нормативного порядка общества, поскольку именно ей принадлежит наивысшая по-

зиция. В первую очередь, она действует через институциализацию системы ценностей, которая является частью и социетальной и культурной систем. Затем выборочные ценности, являющиеся конкретизациями общих ценностных образцов, становятся частью каждой конкретной нормы, интегрированной в легитимный порядок» [8]. В подобных словах, как видим, вполне определенно утверждается фундаментальная роль системы ценностей в конституировании легитимного правового порядка. Характеристика же самой этой системы в интересующем нас отношении такова: «В конечном счете, ценности легитимизируются, главным образом, в религиозных терминах» [8, с. 22].

В целом, системно-теоретический анализ социального действия, проведенный Т. Парсоном, позволяет сделать вывод, что в формировании легитимного социального порядка имеет место следующая структурно-генетическая зависимость: религия (сакральные, безусловные ценности) – система ценностей норм (культура, мораль) – нормативно-институциализированный (легитимный) социальный порядок (правопорядок). Данный вывод в содержательном плане практически аналогичен тому, который был получен посредством логико-концептуального анализа понятия «легитимность» в свете методологического значения теоремы Гёделя.

Стоит отметить, что и крупнейшая после парсоновской социологическая теория, в которой специально разрабатывалась проблема легитимности, – теория Н. Лумана – приходит к аналогичному ее решению. Луман, как известно, понимает общество как систему коммуникаций. Понятие коммуникации, поскольку коммуникация есть, по существу своему, обмен смыслами, приводит к понятию *смысла*. Луман говорит даже о «смысловом характере общественной системы» [9]. Иными словами, речь идет о том, что социальный порядок как условие и как результат взаимодействия, коммуникации индивидов должен иметь для них некий смысл, причем не для «каждого свой», а, существенным образом, общий, «генерализованный». Но всякий смысл как таковой полагается «контекстом», то есть более широкой (*с более сильными допущениями*) смысловой системой и, в конечном счете, *постулативен*. Конкретно говоря, смысл всякого социального действия, всякой коммуникации необходимо связан с *Большим смыслом* – со смыслом Мира, смыслом жизни и, конечно, смыслом определенного социального порядка.

Характеризуя содержание понятия «легитимность», он, по сути, приходит к *теоретико-социологической* интерпретации гёделевского положения о неполноте формальных систем, применяя его к «системам коммуникативных средств». «Легитимность, – пишет он, – обычно определяется через ценностный консенсус». И далее делает принципиальное замечание, что уточнению этого определения «мог бы помочь тезис, согласно которому коммуникации по поводу кода медийного средства должны всегда управляться *другим* медийным средством. С системно-теоретической точки зрения это означает, что системы коммуникативных средств на своем *высшем* символическом уровне утрачивают свою автономию. Каждое общество нуждается поэтому в самых последних – не контингентных по отношению к нему – основаниях» [9, с. 88]. Луман приводит в качестве характерного примера учение авторитетного правоведа Г. Кельзена об основной норме (Grundnorm), в котором аргументируется необходимость внешнего не «контингентного» по отношению к праву основания правомерности [9, с. 91]. Но такое основание, как было показано, требует признания безусловных ценностей, в конечном счете, так или иначе восходящих к сакральному источнику.

Заключение. Таким образом, концептуально-теоретическое рассмотрение платоновского понимания сущности права в сопоставлении с проведенным в логико-концептуальном и теоретико-социологическом ракурсе исследованием проблемы легитимности позволяет сделать вывод об актуальности изучения «Законов» Платона для современной теории права и развития правосознания. Можно говорить и о том, что современное правосознание для обоснования объективного критерия правомерности, а тем самым и законности конкретных правовых норм и права в целом нуждается в постулировании неких ценностей в качестве безусловных, по существу, сакральных.

Литература

1. Хайдеггер, М. Время и бытие // М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1994. – С. 58.
2. Лосев, А.Ф. Абсолютистское завершение платоновского идеализма в «Законах» / А.Ф. Лосев // Платон. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – С. 713.
3. Платон. Законы / Платон. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – С. 317–318.
4. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Высокая класика / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000. – С. 218.
5. Марченко, Л.Н. Теория государства и права / Л.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2002. – С. 64.
6. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М., 2002. – С. 185–186.
7. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М., 2002. – С. 511.
8. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М., 1997. – С. 26.
9. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – М., 2001. – С. 13.

Поступила в редакцию 28.03.2016 г.

УДК 316.42:316.75

Социокультурная среда, региональная идентичность и приграничное сотрудничество

Рудковский Э.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Социокультурная среда является важнейшим фактором трансграничного сотрудничества. Учет измерений данной среды – актуальная задача в разработке комплексных программ интеграционных процессов в рамках Союзного государства.

Цель статьи – раскрыть содержание понятий «социокультурная среда», «образ страны», дать анализ основных элементов региональной идентичности.

Материал и методы. *Материалом исследования являются измерения социокультурной среды, структурные элементы региональной идентичности. Использованы общелогические и общепринятые методы теоретического познания, методы конкретного социологического исследования.*

Результаты и их обсуждение. *Социокультурная среда не является простой суммой социального и культурного. Это целостное образование, активно влияющее на приграничное сотрудничество, образ страны и региона. Образ региона неразрывно связан с региональной идентичностью. К важнейшим элементам последней относятся территория, характер духовных ценностей, стиль жизни, референтность, историческая память.*

Заключение. *Элементы региональной идентичности важно умело применять с целью повышения инвестиционной и туристической привлекательности регионов, эффективности их многостороннего сотрудничества.*

Ключевые слова: *социокультурная среда, образ страны, региональная идентичность, менталитет, историческая память.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 110–114)

Social and Cultural Environment, Regional Identity and Borderline Cooperation

Rudkovski E.I.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Social and cultural environment is an important factor of borderline cooperation. Consideration of the parameters of this environment is a current task in the development of complex programs of integration processes within the Commonwealth State.

The aim of the article is to reveal the content of the notions of social and cultural environment, image of the country, to analyze basic elements of regional identity.

Material and methods. *The material of the research is measurements of social and cultural environment, structural elements of regional identity. General logical and generally accepted methods of theoretical cognition, methods of a definite sociological research are used.*

Findings and their discussion. *Social and cultural environment is not a simple sum of the social and the cultural. It is an integral formation which actively influences the borderline cooperation, the image of the country and the region. The image of the region is closely connected with regional identity. The most important elements of the latter are territory, character of spiritual values, lifestyle, reference, historical memory.*

Conclusion. *It is important to skillfully use elements of regional identity in order to increase investment and tourist attraction of regions, efficiency of their multisided cooperation.*

Key words: *social and cultural environment, image of the country, regional identity, mentality, historical memory.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 110–114)

Научные публикации последних лет демонстрируют значительный интерес белорусских и российских ученых к региональной проблематике в целом и феномену социокультурного своеобразия приграничного региона в частности. В современных условиях роль регионов возрастает в многоплановом экономическом, политическом и культурном сотрудничестве. Каждый из приграничных регионов – это специфическая социокультурная среда, которая подвергается существенной трансформации в ходе глобали-

Адрес для корреспонденции: e-mail: edw.ru@yandex.ru – **Э.И. Рудковский**

зации. Последняя не может не оказывать заметного влияния и на процесс самоидентификации населения. Учет основных измерений социокультурной среды, элементов региональной идентичности – актуальная задача органов управления, отвечающих за разработку программ интеграционных процессов в рамках Союзного государства Беларуси и России. Данная проблема требует также пристального внимания ученых-обществоведов.

Цель статьи – раскрыть содержание понятий «социокультурная среда», «образ страны», дать анализ основных элементов региональной идентичности.

Материал и методы. Материалом исследования являются основные компоненты социокультурной среды, факторы и структурные элементы региональной идентичности. Использованы общелогические и общепринятые методы теоретического познания, а также методы конкретного социологического исследования.

Результаты и их обсуждение. Социокультурная среда имеет внешний и внутренний аспекты. В первом случае социокультурная среда – это совокупность различных (макро- и микро-) условий жизнедеятельности людей, среда, в которой функционируют социальные институты, материальные структуры, обеспечивающие необходимые для общества предпосылки социокультурного развития. Это среда, внутри которой формируются, взаимодействуют и взаимообогащаются духовные ценности. С внутренней (сущностной) стороны, социокультурная среда – совокупность сложившихся, типичных для данного ареала духовных ценностей, обычаев, традиций, менталитета людей, проявляющихся в устойчивых формах их жизнедеятельности, взятых в единстве с социальными условиями бытия. Речь идет о социокультурном срезе общественного бытия, когда культура и социальность проникают друг в друга.

Социокультурная среда не является простой арифметической суммой социального и культурного. Она имеет «границы, очерченные ценностями и нормами, а также взаимодействиями многосвязанных групп, заключающих в себе социальные, культурные, личностные аспекты взаимодействующих участников» [1].

Каждое новое поколение стоит на плечах предыдущего, не может не учитывать сложившихся в предшествующий период тех или иных общественных отношений, состояния экономической жизни и уровня социокультурного развития. То, что делают люди нового поколения, зависит, безусловно, от их миропонимания, ценностных ориентаций. Однако последние во многом определяются предшествующим духовным потенциалом общества, культурным кодом народа. Представители каждого нового поколения в известной мере запрограммированы обществом, всей системой присущих ему отношений, традиций, ценностей, норм и идеалов. В результате формируется предрасположенность определенным образом реагировать на происходящие события, оценивать и сопереживать им.

Социокультурная среда формирует образ страны или отдельного региона.

Образ страны нельзя ограничивать лишь географическим содержанием данного понятия [2]. В литературе обычно различают субъективный образ страны – образ, существующий в сознании ее населения, и объективный образ, складывающийся в общественном мнении внешних партнеров данного государства [3–4]. На наш взгляд, более корректно в данном случае вести речь о внутреннем и внешнем образах страны. Это не противоречит сути самих терминов «субъективный» и «объективный». Известно, что субъективный и объективный образы далеко не всегда соответствуют реальному положению дел и объективным показателям развития страны. В то же время позиционирование по отношению к «иному» и соотнесение себя с другими национально-государственными общностями всегда было и остается одной из основ утверждения собственной национальной идентичности [3].

Отдельные ученые обоснованно различают образ и имидж страны. Образ – это целостная система взглядов, представлений, мнений населения о стране, ее восприятие различными акторами коммуникации как изнутри, так и извне [3]. Имидж – понятие более узкое, оно носит инструментальный характер. «В практике рекламы и паблик рилейшнз под имиджем понимают именно целенаправленно создаваемый (на основе исследования потребностей и “идеалов” целевых аудиторий) образ. Образ инструментальный, предназначенный для трансляции с целью совершенствования представлений аудитории в интересах субъекта» [4]. Вследствие этого формируемый имидж часто не может не носить предвзятого характера. Имидж формируется с учетом ожиданий реакции адресных групп. Вместе с тем нельзя, на наш взгляд, согласиться с мнением, что характеристики образа «соответствуют основным показателям объективной реальности» [4]. Если речь идет о внутреннем образе страны, то чаще всего они отображают действительность (хотя и не всегда; к примеру, националистические предрассудки, которые могут иметь значительное распространение в той или иной стране в конкретной исторической ситуации). Когда речь идет о внешнем образе страны, то следует учитывать, что он

включает стереотипы, предрассудки, которые стихийно складываются, формируются СМИ и не всегда соответствуют всему многообразию жизни той или иной страны.

Региональное сотрудничество во многом определяется образом страны, если речь идет о регионах в широком смысле слова (к примеру, региональные объединения государств), или образом региона, если речь идет о субрегионализации. Образ региона неразрывно связан с региональной идентичностью. В литературе встречаются самые различные подходы к определению данного понятия. Е.В. Еремина характеризует региональную идентичность как «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самотождественности и целостности, непрерывности во времени и пространстве... Данное состояние предполагает гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум» [5]. Автор, как видим, приоритет отдает личности как субъекту региональной идентичности. Однако субъектом данного феномена являются и социальные группы. Региональная идентичность отражает преемственность их самосознания, выражается в совокупности самообразов. Она выступает как комплексное явление, ее нельзя сводить к территориальному, географическому содержанию. К примеру, Р.В. Пеньковцев и Н.А. Шибанова отмечают, что «региональная идентичность есть осознание принадлежности к общности региональных Своих, ограниченной от Чужих определенными территориально-административными границами» [6, с. 177]. Это отождествление себя по жизненным интересам, социальным предпочтениям и симпатиям с конкретным региональным и социокультурным сообществом людей, осознание своего единства с конкретным местом общественного бытия во всех его проявлениях. Понятие «идентичность» не тождественно понятию «идентификация». Под идентичностью следует понимать некоторое состояние самоотождествления; идентификация – это процесс, ведущий к данному состоянию.

Феномен региональной идентичности имеет различные грани. Если речь идет об осознании индивидом образа региона как культурного пространства, то на первый план выдвигаются историческая память, традиции, нормы, ценности, символы, присущие данному региону. Когда же речь идет о регионе как субъекте многопланового сотрудничества с другими регионами, то акценты смещаются в сторону формирования позитивного имиджа региона. Региональная идентичность зависит от многих факторов: истории региона, географической среды, устойчивости административно-территориального деления, престижности ареала, уровня его экономического и социокультурного развития, характера и эффективности управления, взаимодействия с соседними регионами. Региональная идентичность не статична. Ее содержание и уровень меняются с трансформацией общественного строя, распадом государственных образований, развитием интеграционных процессов и т.п.

Содержание региональной идентичности включает различные элементы. К важнейшим из них можно отнести:

– устойчивые пространственные представления, привязанность к определенной территории;

– совокупность знаний населения региона о своих особенностях, а также оценку места и роли данной территории как субъекта различных форм сотрудничества;

– стиль жизни, совокупность типичных форм жизнедеятельности людей;

– характер духовных ценностей, особенности культуры и межконфессиональных отношений. Важную роль при этом играют традиции, обычаи, особенности быта, система символов, символическое освоение и репрезентация пространства. К примеру, символическое значение могут иметь памятники истории и культуры, образ жизни, праздники, знаменитые личности-уроженцы региона и т.п. Символическая система так или иначе формирует общественное сознание. Не случайно Э. Кассирер представлял символы как некий универсум, способный самостоятельно контролировать действительность [7];

– доминирующий уклад хозяйственной жизни, структура экономики региона (сельскохозяйственный, промышленный, ресурсодобывающий и т.п.);

– референтность. Идентичность всегда предполагает сравнение с другими регионами, осознание своего отличия от них;

– общность исторических судеб, историческая память населения региона. Это один из важнейших каналов передачи социального опыта, а также важнейший фактор самоидентификации индивида и социальной группы. Непреходящее значение имеет история региона, с которой связаны люди. П. Томпсон справедливо отмечает, что в «местной истории деревня или город ищет смысл перемен, которые переживает, а вновь прибывшему исторические знания помогают укорениться в новой среде» [8, с. 15].

Для исторических судеб населения приграничных регионов Беларуси была характерна частая смена геополитических и конфессиональных реалий, как в калейдоскопе, менялись властвующие элементы соседних государств, которые часто вели ожесточен-

ную борьбу за спорные (по их мнению) территории. Войны приводили к вынужденному отказу населения Приграничья от национального самоопределения. В приграничных регионах порой можно встретиться с феноменом замещения этнической идентификации конфессиональной.

Идентичность формируется не только путем «физического наследования», а «культурной близостью», т.е. ощущением преемственности, общей памятью, коллективной судьбой.

Проведенное нами социологическое исследование показало, что большинство опрошенных (54,8%) воспринимают историю Беларуси как историю отдельной страны, а не как историю страны в составе других (40,9%). Вместе с тем, лишь 23,9% респондентов ощущают свою связь с историей, культурой предков. Важнейшим фактором идентичности молодых людей, осознания себя белорусами выступает чувство привязанности к родной земле (40,2%) и, прежде всего, принадлежность к гражданству Республики Беларусь (61,1%). Последняя позиция, на наш взгляд, вполне объяснима. Государственная независимость, которой долгое время был лишен белорусский народ, является высшей ценностью. Не случайно большинство респондентов (53,0%) при оценке распада СССР указали, что его результатом стало обретение Беларусью государственной независимости. Следует также учесть, что для 55,2% опрошенных русские и белорусы – это близкородственные народы, а для 39,1% – ветви одного народа. При этом 50,4% опрошенных указывают на общее происхождение соседних народов, а 82,2% – на общность исторических судеб. Понятно в этой связи, что важнейшим фактором идентичности для молодых людей выступает именно гражданство: «мы» и «они» – это, прежде всего, граждане разных, хотя и очень близких, государств.

Население белорусско-российского приграничья идентифицирует себя и других по обе стороны границы на основании образа добрососедства. Белорусы не придают большого значения таким ценностям, как язык, демократия, свобода выражения. В процессе самоидентификации преобладают гражданство или локальные определения (житель конкретного города, села и т.п.). Это, во-первых. Во-вторых, идентичность современного человека связана с сознательной ориентацией на определенный стиль жизни, «выбирая» который, индивиды формируют свою тождественность с определенными группой, образом жизни, ценностями.

Нельзя не отметить, что идентичность жителей региона находит свое проявление в их менталитете. Менталитет – совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу, народности [9].

Менталитет возникает в недрах культуры народа, определяется его историческими судьбами, особенностями общественного развития и является важным фактором образа жизни и поведения людей, их отношения к себе и другим членам социума.

Кафедрой философии ВГУ имени П.М. Машерова было проведено социологическое исследование по выявлению представлений молодежи о наиболее значимых, типичных чертах белорусов и россиян, характеризующих в значительной мере их менталитет. По мнению опрошенных, близки такие качества белорусов и россиян, как взаимовыручка, патриотизм, умение приспособиться к изменившимся условиям жизни. Оценки других качеств значительно разнятся (примерно в два раза). Большинство респондентов к важнейшим чертам менталитета белорусов относят гостеприимство (79,1%), трудолюбие (57,3%), доброжелательность (51,3%).

Отмечая трудолюбие белорусов, опрошенные не очень высоко оценивают их деловитость и предприимчивость (5,6% против 53,4% у россиян). Эта позиция не может не настораживать. Трудолюбие, конечно, хорошее качество, однако человек, не отличающийся деловитостью и предприимчивостью, т.е. безынициативный, в современных условиях обречен быть аутсайдером. Здесь одного трудолюбия мало. Необходимо органичное единство данных качеств, каждое из них в отдельности – это односторонность, не дающая порой ни практического, ни нравственного эффекта.

Результаты исследования показали, что важнейшей чертой менталитета белорусов является толерантность (61,5%). Толерантность проявляется в уважительном отношении к укладу жизни, традициям и культурным особенностям других общностей. Это терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам [10]. Толерантность – особое духовное качество, установка и жизненная позиция, проявляющаяся в готовности людей к сотрудничеству с представителями других социальных групп, этносов. П. Гречко справедливо отмечает, что субъекты толерантного отношения должны как можно лучше знать друг друга и не бояться диссонантности. В этом гарантия их инаковости, их полной статусной отнесенности к Другим [11, с. 181]. Вместе с тем толерантность не означает безусловного согласия с иными духовными ценностями, нравственными императивами и политическими пристрастиями. Она не совместима

с тем, что противоречит общечеловеческим ценностям, принципам гуманизма, достоинства и свободы личности. Общество, по словам К. Поппера, не должно быть толерантным к нетолерантности.

Для государства толерантность – это принцип управления и одно из средств выхода из конфликтных ситуаций, для народа – это гражданская добродетель, элемент его политической и нравственной культуры. Толерантность означает не только уважение ценностей и взглядов других, но и уважение своей жизненной позиции.

Следует учитывать, что содержание идентичности конкретно-исторично. Оно изменяется со временем и порой сопровождается конфликтами с актуальной социальной ситуацией.

Глобализация, безусловно, во многом ведет к кризису, размыванию идентичности. В то же время ей противостоит регионализация, «идентичность места». Ни глобализация, ни регионализация никогда не будут завершенными до конца процессами. С одной стороны, региональные объединения государств – это важный фактор защиты их суверенитета в условиях нарастающего вала глобализации. С другой стороны, трудно представить себе гомогенное человечество, лишенное каких-либо национальных социокультурных различий. В данном случае мы имеем дело с единством и борьбой противоположностей. Возрастающая унификация экономического и социокультурного пространства (глобализация) сопровождается их дифференциацией (регионализация).

Опыт ряда стран показывает, что региональная идентичность в руках политических манипуляторов может стать фактором раскола общества, нарастания сепаратистских тенденций. Вместе с тем она обладает позитивным свойством объединять людей различных социальных статусов, профессий, конфессий и т.п. Региональное сотрудничество является игрой с положительной суммой. Она выгодна всем ее субъектам. Названные выше элементы региональной идентичности важно эффективно применять в управленческой деятельности властным структурам с целью повышения привлекательности регионов (инвестиционной, туристической).

Заключение. Социокультурная среда, ценности культуры определяют идентичность отдельных регионов, социальных групп, индивидов, формируют отношение к исполнению социальных ролей, обществу и другим людям. Следует максимально использовать то, что веками создавали дух, талант и интеллект поколений, для повышения эффективности регионального сотрудничества во всех сферах общественной жизни.

Важнейшая задача двух стран-соседок – Беларуси и России – дальнейшее укрепление добрососедства, дружбы и взаимопонимания посредством углубления культурных связей, развития сотрудничества в гуманитарной сфере (вопросы досуга, образования; проведение дней культуры, фестивалей и т.д.). При этом должны быть созданы объективные предпосылки, препятствующие росту отчужденности между народами, различным проявлениям национализма. Безусловно, решение данной задачи в огромной мере зависит от средств массовой информации, которые должны работать на идеологическое обеспечение интеграции двух братских народов. Более того, необходимы институционализация социокультурного сотрудничества приграничных регионов, создание соответствующих государственных структур, общественных объединений, разработка комплексных программ, которые координировали бы данный важный сегмент жизни населения двух стран.

Литература

1. Ремизова, М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии / М.Н. Ремизова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 10. – Ч. 1. – С. 16.
2. Замятин, Д.И. Образ страны: структура и динамика / Д.И. Замятин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://piterned.ru/articles/other/obraz_strani.htm. – Дата доступа: 03.04.2013.
3. Семененко, И.С. Образы России: восприятие, осмысление, формирование / И.С. Семененко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/litagent_drofa/istoriya_i_tradicii_narodov_rossii/read_online.html?page=4. – Дата доступа: 03.04.2013.
4. Гринберг, Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели / Т.Э. Гринберг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo33.wordpress.com/2010/02/13/. – Дата доступа: 05.04.2013.
5. Еремина, Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е.В. Еремина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://regionsar.ru/node/781. – Дата доступа: 16.02.2016.
6. Пеньковцев, Р.В. Компаративный анализ феномена «Региональной идентичности» (Россия–ЕС–США) / Р.В. Пеньковцев, Н.А. Шибанова // Учен. записки Казан. гос. ун-та. Кн. 3, Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – С. 175–190.
7. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Феномен человека. Антропология. – М., 1993. – С. 143–198.
8. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М., 2003. – 368 с.
9. Менталитет [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki. – Дата доступа: 17.01.2016.
10. Философский энциклопедический словарь / под ред. А.Б. Васильева. – 2-е изд. – М.: Инфра, 2011. – 576 с.
11. Гречко, П.К. О границах толерантности / П.К. Гречко // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 10. – С. 181.

Поступила в редакцию 14.04.2016 г.

УДК 316.772.3:316.776

Интеграционные и дезинтеграционные тенденции в современном информационном обществе

Карапетян И.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье анализируется диалектическая взаимосвязь процессов социальной интеграции и дезинтеграции в современном информационном обществе, рассматриваемом как целостный социальный организм, базовыми элементами которого являются отдельные человеческие индивиды. В социальных системах возможно также существование и суперинтеграции, в рамках которой в качестве самостоятельных элементов выступают уже не индивиды, а некоторые первичные социумы. Так, например, происходит процесс исторического формирования суперэтносов.

Цель исследования – раскрыть влияние экспоненциального роста информации на процессы социальной интеграции и дезинтеграции в современном обществе.

***Материал и методы.** Исходным материалом послужили научные работы по социальной философии, социологии и психологии Г. Тарда, Л.А. Тихомирова, М. Хайдеггера, ряда других отечественных и зарубежных ученых. Исследование выполнено в рамках диалектической традиции с использованием принципов всеобщей взаимосвязи, развития, разделения всего сущего на противоположные стороны.*

***Результаты и их обсуждение.** Широкая доступность разнообразной информации в современном обществе привела к ослаблению интеграционных связей в сфере межличностных и социально-групповых отношений, отчуждению человека от реального мира и его аксиологической опустошенности. Все это породило феномен «онтологической безукорененности». Интенсификация информационных процессов привела к такому психологическому состоянию людей, когда они начинают ощущать свою абсолютную самодостаточность по отношению к другим индивидам. Подобное состояние подкрепляется отсутствием так называемой «укорененности в третьем», например, в почве родной земли, на которой жили их предки, причем данное отсутствие в значительной мере также порождено избыточной информацией.*

***Заключение.** На современном этапе развития информационного общества взаимосвязь интеграционных и дезинтеграционных процессов носит преимущественно социально негативный характер. Это находит свое практическое выражение в преобладании дезинтеграционных процессов над интеграционными. Для молодого белорусского государства политика эффективного противодействия проникновению в наше общество информационных потоков, способствующих развитию дезинтеграционных процессов, носит весьма актуальный характер.*

Как показывают социологические исследования, потребность информационной защиты традиционных ценностей белорусского народа от деструктивного натиска бездуховной массовой культуры признает и студенческая молодежь.

***Ключевые слова:** интеграция, дезинтеграция, дифференциация, информация, коммуникация, развитие, социальный организм, тождество, укорененность, целостность.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 115–120)

Integration and Disintegration Tendencies in the Contemporary Information Society

Karapetyan I.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Dialectical interconnection of social disintegration and integration processes in the contemporary information society is analyzed in the article. Society is considered as an integral social organism, basic elements of which are separate human individuals. In social systems existence of super integration is also possible within which as independent elements there are not individuals but some primary societies. So, for example, a process of historical shaping of super ethnos takes place.

The aim of the research is to reveal the influence of exponential growth of information on the processes of social integration and disintegration in the contemporary society.

***Material and methods.** The source material for the research was scientific works on social philosophy, sociology and psychology by H. Tard, L.A. Tikhomirov, M. Heidegger, some other home and foreign scholars. The work is done within the dialectical tradition with the application of the principles of universal interconnection, development, division of all the existing into opposing sides.*

***Findings and their discussion.** Wide access of various information in the contemporary society has led to weakening of integration connections in the sphere of interpersonal and social and group relations, alienation of man from real world and his axiological emptiness. All this has resulted in the phenomenon of ontological faultlessness. Intensification of information processes has resulted in such psychological state of people when they start feeling their absolute self sufficiency in relation to other individuals. This state is supported by the absence of the so-called «rooting in the third», for example, in the soil of home land where their ancestors lived; this absence being, to a great extent, the result of excessive information.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: inessakarapetyan@ya.ru – **И.А. Карапетян**

Conclusion. *At the present stage of the development of information society the interconnection of integration and disintegration processes is mainly of socially negative character. It is practically implemented in prevailing disintegration processes over integration ones. For the young Belarusian state the policy of efficient counteraction to the intrusion into our society of information streams, which promote the development of disintegration processes, is of rather current character.*

Sociological surveys indicate that the need in information protection of traditional values of Belarusian people from destructive pressure of immoral mass culture is acknowledged by student youth.

Key words: *integration, disintegration, differentiation, information, communication, development, social organism, identity, rooting, integrity.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 115–120)

В статье анализируется диалектическая взаимосвязь процессов социальной интеграции и дезинтеграции в современном информационном обществе, рассматриваемом как целостный социальный организм, базовыми элементами которого являются отдельные человеческие индивиды. В социальных системах возможно также существование и суперинтеграции, в рамках которой в качестве отдельных элементов выступают уже не индивиды, а некоторые первичные социумы. Так, например, происходит процесс исторического формирования суперэтносов. Важную роль в процессах социальной интеграции играет информация. Но в качестве специфического внешнего фактора, воздействующего на человеческие индивиды, она не является исходной основой их объединения, а лишь выполняет функции особого регулятора, способного направлять интеграционные процессы в определенное русло. В современном информационном обществе отмеченный регулятор может зачастую носить позитивный социальный характер, однако в статье мы будем исследовать негативные последствия информатизации.

Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть влияние экспоненциального роста информации на процессы социальной интеграции и дезинтеграции в современном обществе.

Материал и методы. Исходным материалом послужили научные работы по социальной философии, социологии и психологии Г. Тарда, Л.А. Тихомирова, М. Хайдеггера, ряда других отечественных и зарубежных ученых. Исследование выполнено в рамках диалектической традиции с использованием принципов всеобщей взаимосвязи, развития, разделения всего сущего на противоположные стороны.

Результаты и их обсуждение. Следует отметить, что любое общество представляет собой высокоразвитую социальную систему, которая развивается под воздействием двух диалектически взаимосвязанных между собой процессов: интеграции и дифференциации составляющих его элементов. Однако в отмеченной взаимосвязи не существует онтологического равенства между указанными процессами. По-видимому, основополагающую социальную роль здесь играет интеграция. Вся история развития человечества свидетельствует о том, что наиболее позитивные результаты этого развития детерминированы в основном формированием качественно нового единства элементов социальной системы. Более того, именно сращивание данных элементов в некую органическую целостность является объективной предпосылкой для последующей специализации, то есть дифференциации отдельных частей единого социального организма [1, с. 11].

Конечно, понимание общества как реально существующего специфического организма, предложенное Г. Спенсером, присутствует далеко не у всех представителей социологии и социальной философии. По мнению противников данной точки зрения, речь в таком понимании может вестись только лишь о какой-то литературной метафоре, построенной на красивой, но совершенно абстрактной (а следовательно, методологически бесплодной) аналогии между обществом и отдельным человеческим индивидом. Нам ближе взгляды французского социолога Г. Тарда (и в своем исследовании будем в дальнейшем опираться преимущественно на них), считающего, что данная аналогия отнюдь не метафора. Напротив, она реальна, причем носит ярко выраженный онтологический характер и определена самой генетической сущностью как общества в целом, так и отдельного индивида. Соответственно с этой исходной, методологической установкой ученый в своей работе «Социальная логика» вводит такое понятие, как «социальная душа». Причем, он подчеркивает, что основные способности «социальной души» исторически формировались точно так же, как формировались и соответствующие им способности индивидуальной души [2, с. 115].

Естественно, что всякий живой индивидуальный организм представляет собой некое объединение отдельных элементов. Конечно, данные элементы по своей сущностной природе не социальны. Вот почему Л.А. Тихомиров, называя любое объединение термином «кооперация», подчеркивал,

что необходимо различать между собой феномены как чисто биологической, так и социальной кооперации. Специфической особенностью последней, по его мнению, является то, что она носит не просто линейный, а бинарный характер, представляя собой сложную суперпозицию биологических и социальных процессов. «Смотря на общество глазами биолога, – отмечал Л.А. Тихомиров в своем основополагающем труде "Монархическая государственность", – мы должны назвать общество кооперацией нервных центров. Но при этом само собою ясно, что нервные центры могут кооперировать только на почве сил и способностей, свойственных именно им» [1, с. 11].

Таким образом, именно социальная кооперация является как исходным необходимым условием, так и важнейшим средством построения любого социального организма, то есть общества. Отметим, что ряд ученых (например, Л.А. Тихомиров) указывает на очевидное наличие элементов общественности среди высших животных, но мы в дальнейшем не станем касаться этого положения, а под социальным организмом будем понимать только лишь человеческое общество. Вместо термина «кооперация» в статье будет использоваться такое общепринятое в философской литературе понятие, как «социальная интеграция» (или просто «интеграция»), под которой понимается непрерывное объединение различных социальных элементов, процесс их взаимосвязывания и взаимопроникновения. В результате данного процесса возникает целостный социальный организм, обладающий некоторыми качественно новыми свойствами, отсутствующими у составляющих его элементов. Кроме того, наряду с термином «интеграция» в нашей работе будет встречаться и такой семантически тождественный ему (контекстуально, именно в рамках проведенного исследования) термин, как «синтез». Различие же между ними носит чисто стилистический характер.

Важно понимать, что дифференциация не является разрушением интеграционных процессов. Более того, по существу она представляет собой их объективное следствие, а в дальнейшем становится важнейшим подготовительным этапом новой интеграции, то есть продолжением следующего этапа развития. Следовательно, дифференциация не препятствует развитию, а, напротив, способствует ему. Относительно же той онтологической роли, которую играет дезинтеграция в обществе, можно утверждать, что она носит двойственный характер. С одной стороны, в реальных социальных процессах происходит не только соединение различных элементов, но также и их разделение, в результате которого открывается потенциальная возможность для осуществления нового социального синтеза. С другой же стороны, дезинтеграция может являться ничем иным, как сущностным препятствием всякому общественному развитию, так как при определенных условиях она может привести к полной остановке развития, с последующей гибелью всего социального организма.

Безусловно, что существование тесной взаимосвязи между интеграционными и противоположными им дезинтеграционными процессами является неотъемлемым атрибутом любого человеческого общества, а не только лишь современного. Именно этой взаимосвязью можно во многом объяснить такие феномены в истории развития человечества, как гибель отдельных этносов и даже целых цивилизаций. Однако в настоящее время данная взаимосвязь приняла качественно новый характер, что во многом обусловлено именно специфическими особенностями современного общества.

Недаром нынешнее общество называют «информационным», так как одной из важнейших его особенностей является широкое распространение таких средств массовой коммуникации, с помощью которых появилась техническая возможность на высоком качественном уровне оперативно осуществлять передачу информации практически в любую точку земного шара. Кроме того, благодаря научно-техническому прогрессу происходит экспоненциальное увеличение объема информации, полученной человечеством, а затем включенной в различные сферы его жизнедеятельности. Естественно, что данный социальный феномен, базирующийся на некоторых технических предпосылках, не может не оказывать своего существенного влияния на общественную жизнь, в том числе и на процессы интеграции и дезинтеграции в обществе. Не представляется приемлемой такая точка зрения, согласно которой это влияние носит лишь сугубо отрицательный характер. Можно привести достаточно большое число примеров позитивных социальных изменений в современном информационном обществе по сравнению с предшествующими ему общественными состояниями. Так, например, практически мгновенная передача информации качественно преобразила медицину, предоставив возможность проводить сложнейшие операции с помощью специалистов, находящихся на расстоянии в несколько тысяч километров от больного. Однако в рамках нашего исследования не будем рассматривать позитивные моменты изменений, а остановимся только лишь на негативных,

причем проявляющихся именно в интеграционной сфере.

На первый взгляд может показаться, что указанные особенности современного общества ведут к усилению интеграционных процессов, по крайней мере, во всепланетарном масштабе. Именно результат такого «усиления» принято называть термином «глобализация». На самом же деле, все происходит прямо противоположным образом – интеграционные процессы ослабляются. Причиной данного ослабления является то, что сама по себе как таковая информация в качестве некоторого особого вида внешнего воздействия на социальных индивидов не может служить основой для их социальной интеграции. Во-первых, всякая информация в ее изолированной самости для человека не существует. Сказанное справедливо даже в том случае, когда человек получает информацию о каких-то конкретных фактах. Все дело в том, что любой факт может осмысленно восприниматься не сам по себе, а только лишь в неразрывном единстве с его семантической интерпретацией. Конечно, подобная интерпретация детерминирована множеством различных условий. Например, итальянский ученый М. Полани в качестве одного из такого рода условий указывал на семантическую истинность или ложность высказывания о фактах. «Любое мыслимое утверждение, – отмечал он в работе “Личностное знание”, – относительно факта может быть сделано искренне или как ложь. Само высказывание в обоих случаях остается одним и тем же, но его неявные факторы различны. Правдивое высказывание налагает на говорящего обязанность верить в то, что он утверждает. Он отправляется с этой верой в плавание по безбрежному океану возможных последствий этого высказывания. В неискреннем высказывании эта вера отсутствует: на воду спускается дырявое судно, чтобы другие сели на него и потонули» [3, с. 258–259].

Во-вторых, необходимо помнить и о том, что существует также внутренняя интерпретация поступающей информации, осуществляемая (пусть даже не всегда в явном, осознанном виде) объектом информационного воздействия. «Все внешние влияния, – отмечал Л.А. Тихомиров, – падают не на пустое место, а на некоторое ясное и определенное содержание. Они только воздействуют на душу, подстрекая, ослабляя или направляя наши представления, чувства и волю, – дают материал для переработки его нашею душою, но ничуть не создают ее» [1, с. 11].

Таким образом, информация в качестве специфического способа внешнего воздействия на отдельных человеческих индивидов не является основой их объединения в единый социальный организм, но может служить лишь неким регулятором, способным в значительной степени направлять интеграционные процессы в определенное русло. Однако в современном информационном обществе данный регулятор носит, как правило, негативный характер. Связано это в первую очередь с тем, что растущий каждый год объем легко доступной для большинства людей информации приводит к феномену их онтологической безукорененности. Именно о такой безукорененности, во многом обусловленной избыточной информацией, воспринимаемой современным человеком, писал Мартин Хайдеггер в своей работе «Отрешенность». Современные люди, по его мнению, стали заложниками и рабами информации. «Час за часом, день за днем, – отмечал немецкий мыслитель, – они проводят у телевизора и радиоприемника, прикованные к ним. Раз в неделю кино уводит их в непривычное, зачастую лишь своей пошлостью, воображаемое царство, пытающееся заменить мир, но которое не есть мир. “Иллюстрированная газета” доступна всем. Как и все, с помощью чего современные средства информации ежечасно стимулируют человека, наступают на него и гонят его – все, что уже сегодня ближе человеку, чем пашня вокруг его двора, чем небо над землей, ближе, чем смена ночи днем, чем обычаи и нравы его села, чем предания его родного мира» [4, с. 105–106].

Хайдеггер задается вопросом о том, что же происходит с современными людьми? «Ответ: сейчас под угрозой находится сама *укорененность* сегодняшнего человека... Утрата укорененности исходит из самого духа века, в котором мы рождены» [4, с. 106]. Обратим внимание на то, что приведенные слова были произнесены философом в середине прошлого века, когда проблема аксиологической безукорененности человека не стояла так остро, как в настоящее время. Человечество в то время еще не обладало таким эффективным средством передачи информации и коммуникативного взаимодействия, как сеть Интернет. Сейчас же жизнь по принципу «Хочу все и обо всем знать» стала насущной потребностью для большинства людей. На практике реализация данной потребности, как бы ни показалось на первый взгляд это странным, приводит к ослаблению социальной интеграции и усилению именно дезинтеграционных процессов в обществе. Для того чтобы понять онтологические основы данного феномена, на наш взгляд, следует обратиться еще к одной работе М. Хайдеггера – «Закон тождества».

Всякая интеграция предполагает не только существование определенного различия между ее отдельными исходными элементами, но и некоторое их изначальное сходство. Именно данное сходство и представляет собой объективную предпосылку интеграционного процесса. Такое сходство в определенном отношении можно назвать «тождеством». Причем, отмеченное тождество не означает полного или даже частичного совпадения. На наш взгляд, его необходимо понимать только как некую соукорененность. Конечно, первичной является соукорененность объекта именно в самом себе. «Наиболее своеобразная формулировка закона тождества: А = А, – отмечал М. Хайдеггер, – гласит, между прочим, не только, что каждое А само по себе есть то же самое, но, более того, что каждое А само по себе есть то же самое по отношению к себе. В самости содержится отношение “с”, и таким образом мы имеем опосредование, связь, синтез: единение в единстве. Отсюда проистекает, что тождество в истории западного мышления выявляется в характере единства. Но это единство никоим образом не есть скудная пустота того, что остается без внешних связей в постоянной монотонности» [4, с. 70].

Итак, неотъемлемой чертой тождества объекта с самим собой является синтез. С другой стороны, сам синтез предполагает наличие изначального тождества, которое можно назвать укорененностью объекта в самом себе. Обратим внимание на то, что речь здесь идет именно об одном объекте А. В случае же наличия двух различных объектов: А и В – для их тождества необходима уже взаимная соукорененнность в третьем объекте С. Причем, в данном случае сохраняется эффект самоукорененности двух исходных объектов в самих себе. По нашему мнению, если сила самоукорененности в каждом из двух объектов меньше, чем сила соукорененности между ними, то при наличии данных условий между объектами А и В существует интеграционный процесс. В противном же случае, мы будем иметь дело с дезинтеграцией (конечно, при условии существовавшего ранее синтеза). На наш взгляд, именно усиление интенсивности информационного потока на отдельного человека приводит его к такому психологическому состоянию, в рамках которого он начинает ощущать свою онтологическую самодостаточность по отношению к другому индивиду. Это состояние подкрепляется отсутствием укорененности в третьем, например, в почве родной земли, на которой жили его предки, причем данное отсутствие также порождено избыточной информацией.

Важно понимать, что подобного рода информация не позволяет человеку умом и сердцем прикрепиться к такому родному, которое является для него целостным организмом, результатом подлинной социальной интеграции. Не позволяет хотя бы потому, что ничего по-настоящему родного для него уже не существует. Как не существует и ничего по-настоящему любимого, ибо, как отмечал экзистенциальный философ М. Бубер, часть существа можно только ненавидеть, а любить существо мы в состоянии только лишь тогда, когда воспринимаем его в неразрывной целостности [5, с. 303]. Именно о такой неразрывной целостности и о той сущностной связи и любви, которые возникают в процессе соукорененности человека не только с родной для него землей как некой целостностью, но и с каждой ее мельчайшей отдельной частью, писал в одном из своих стихотворений русский поэт прошлого столетия Н. Рубцов:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь [6, с. 74].

Таким образом, без любви невозможно построение устойчивых межличностных социальных отношений. Более того, если данная система уже построена, то уменьшение любви между включенными в нее отдельными человеческими индивидами с неизбежностью приведет к ослаблению целостности этой системы, а следовательно, к возникновению дезинтеграционных процессов.

На наш взгляд, существует еще одна важнейшая причина негативного влияния современного информационного общества на процессы социальной интеграции. В настоящее время появилась реальная возможность, именно с помощью новейших средств массовой информации, вносить в сознание целого социума знания, несовместимые с его традиционной системой ценностей. На практике именно этим способом и осуществляются так называемые «информационные войны». Естественно, что данные войны идут под прикрытием идеологических лозунгов о свободе слова, толерантного отношения к чужой точке зрения и т.д. Мы не против толерантности к чужому, если эта толерантность имеет свои социальные границы: она не должна ослаблять любви к своему.

Подобной точки зрения придерживается и большая часть (63,8%) респондентов социологического исследования, проведенного кафедрой философии ВГУ имени П.М. Машерова. «Студентам надоели манипулирование вкусами и навязывание насилия, потребительской

психологии в СМИ» [7, с. 136]. Обучающиеся выступают за необходимость нравственной цензуры, увеличение контента, посвященного актуальным вопросам духовно-нравственного характера.

Конечно, вторая причина негативного влияния современного информационного общества на процессы социальной интеграции корреляционно взаимосвязана с первой. Причем, коэффициент корреляции между ними положителен. Очевидно, что для человека, впитывающего в себя любую информацию, сами понятия «своего», «чужого» и даже «чуждого» со временем как раз утрачивают четкие семантические границы. Следовательно, вполне возможна для него и замена традиционного своего, в котором были укоренены предки, на глубоко чуждое им, предкам.

Заключение. Проведенное исследование свидетельствует о том, что на современном этапе развития информационного общества взаимосвязь интеграционных и дезинтеграционных процессов носит преимущественно социально негативный характер. Это находит свое практическое выражение в преобладании дезинтеграционных процессов над интеграционными. Причиной данного преобладания является широкое распространение таких средств массовой коммуникации, с помощью которых осуществляется быстрая, эффективная и во многом практически социально полезная передача информации, однако одновременно и способствующая социальной безукорененности человека. В связи с этим мы считаем, что официальные средства массовой информации должны противодействовать проникновению в наше общество информационных потоков, разрушающих код национальной культуры. Социологические исследования, проведенные среди студентов, свидетельствуют, что большинство из них осознает необходимость информационной защиты традиционных духовных ценностей белорусского народа от деструктивного натиска вестернизированной массовой культуры.

Литература

1. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – СПб., 1992. – 680 с.
2. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард. – СПб., 1996. – 553 с.
3. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
4. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
5. Бубер, М. Я и Ты // Квинтэссенция: Филос. альманах / М. Бубер. – М.: Политиздат, 1992. – С. 294–370.
6. Рубцов, Н.М. Прощальная песня: сб. стихотворений / Н.М. Рубцов. – М.: Русская книга, 1999. – 304 с.
7. Кривоносова, Е.Э. Духовно-нравственные ценности студенческой молодежи / Е.Э. Кривоносова // Учен. записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2015. – Т. 20. – С. 131–138.

Поступила в редакцию 19.04.2016 г.

УДК 378.18:316.34

Социальное самочувствие студенческой молодежи в трансформирующемся обществе

Давлатова Е.В., Далимаева Е.О.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В настоящее время социальное самочувствие является важнейшим показателем, отражающим уровень социального здоровья и благополучия населения, индикатором реакции на социальные преобразования в обществе.

Цель статьи – исследование динамики социальных ожиданий студенческой молодежи, степени их удовлетворенности своим материальным положением и состоянием социокультурной жизни.

Материал и методы. *В опросе, проведенном кафедрой философии в 2015 году, участвовали 484 респондента в возрасте от 18–22 лет – студенты II–IV курсов ВГУ имени П.М. Машерова. Использован эмпирический метод сбора социологической информации путем анкетирования студенческой молодежи, а также общелогические методы анализа и обобщения полученного эмпирического материала.*

Результаты и их обсуждение. *В статье рассматриваются актуальные проблемы социального самочувствия молодежи. В частности, анализируются понимание студенческой молодежью системы ценностей, факторов жизненного успеха, материального положения и характер прогнозов, связанных с перспективами развития личного благосостояния. Значительное внимание уделено отношению студентов к различным аспектам социального самочувствия, сравнительному анализу социального самочувствия у студентов разных факультетов, а также у юношей и девушек. В целом данные исследования указывают на достаточно высокий уровень удовлетворенности социальным положением у студентов ВГУ имени П.М. Машерова.*

Заключение. *Анализ оценочных суждений респондентов носит, прежде всего, прикладной характер. Полученные результаты социологического исследования об ориентациях и предпочтениях студентов могут быть использованы в преподавании курсов социально-гуманитарного цикла по указанной проблеме в вузах, специалистами в сфере социальной работы, а также в дальнейшем совершенствовании всего комплекса учебно-воспитательной работы вуза.*

Ключевые слова: *социальное самочувствие, молодежь, студент, идеалы, материальное положение, жизненный успех.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 121–131)

Social Health of Student Youth in the Society under Transformation

Davlatova E.V., Dalimayeva E.O.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

At present, social health is an important indicator which reflects the level of social wellbeing of the population, indicator of the reaction to social transformations in the society. The aim of the research is to study the dynamics of social expectations of student youth, find out the degree of their satisfaction with their material wellbeing and state of their social and cultural life.

Material and methods. *Philosophy Department conducted a questionnaire in 2015 of 484, 18 to 22 year old respondents, 2–4 year students of Vitebsk State University. The empiric method of collection of sociological information by inquiry of student youth is used, as well as general logical methods of analysis and generalization of the obtained empiric material.*

Findings and their discussion. *Current issues of social health of youth are considered in the article. Namely, student understanding of the system of values, factors of life success, material wellbeing and character of forecasts connected with the development prospects of personal wellbeing are analyzed. Considerable attention is paid to the attitude of students to various aspects of social health, to the comparative analysis of social health of students of different faculties, as well as of girls and boys. In general the research data indicate a rather high level of satisfaction with their social situation of students of Vitebsk State P.M. Masherov University.*

Conclusion. *Analysis of evaluation judgments of the respondents is, first of all, of applied character. The obtained findings of the sociological survey on the preferences of students can be used in teaching the courses of social and humanitarian sphere on the indicated topic at universities, by social workers and in the further improvement of the whole complex of the university academic work.*

Key words: *social health, youth, student, ideals, material wellbeing, life success*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 121–131)

Адрес для корреспонденции: e-mail: davlatova.elena@rambler.ru – **Е.В. Давлатова**

Молодежь составляет почти четверть населения нашей республики. Духовные ценности молодежи, ее взгляды и нравственный облик оказывают все более заметное влияние на политические и общественные процессы в стране.

Цель статьи – исследование динамики социальных ожиданий студенческой молодежи, степени их удовлетворенности своим материальным положением и состоянием социокультурной жизни.

Актуальность исследования, прежде всего, обусловлена практической необходимостью мониторинга социального самочувствия студентов как важного индикатора восприятия ими общественных изменений. Это поможет найти способы и механизмы борьбы с неблагоприятными факторами, влияющими на формирование социального самочувствия молодежи, а также эффективнее управлять социальными процессами в обществе.

Социально-философский анализ данной проблемы показывает, что в настоящее время социальное самочувствие населения детерминировано факторами модернизации и глобализации общества. Это расширяет возможности самореализации человека, но и создает ряд проблем, например, сохранения своей идентичности. Чтобы отстоять собственную идентичность, человеку приходиться адаптироваться к новым условиям. Для этого необходимо сформировать в себе новое миропонимание, особое состояние сознания человека. Считаем, что социальное самочувствие – это та категория, которая позволит оценить себя по достоинству в нашем сложном и противоречивом мире [1–3].

Материал и методы. В настоящее время не существует однозначного толкования понятия «социальное самочувствие». В научной литературе оно определяется как субъективная характеристика, отражающая самочувствие самого индивида, его отношение к своему социальному положению и уровню удовлетворения собственных интересов и потребностей в сравнении с другими индивидами и социальными группами. Иначе говоря, социальное самочувствие можно определить как совокупность оценок, которые люди дают себе, своим повседневным взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами и обществом в целом. Это рационально-эмоциональные, ценностные представления, которые имеют позитивные, негативные и промежуточные значения. Они во многом мотивируют выбор стратегии поведения людей, их повседневные действия. Словом, это многомерный, сложный, комплексный и динамичный показатель социальных мироощущений личности и социальных групп.

В опросе, проведенном кафедрой философии в 2015 году, участвовали 484 респондента в возрасте от 18–22 лет – студенты II–IV курсов ВГУ имени П.М. Машерова. Использован эмпирический метод сбора социологической информации путем анкетирования студенческой молодежи, а также общелогические методы анализа и обобщения полученного эмпирического материала. Достоверность результатов исследования определяется его репрезентативностью.

Результаты и их обсуждение. В последнее время предметом более пристального внимания ученых являются качественные характеристики, не имеющие точных количественных индикаторов. Одной из таких характеристик является понятие «социальное самочувствие», которое можно рассматривать, на наш взгляд, как категорию, отражающую интерес и активность личности; как важный элемент различных уровней общественного сознания людей. Оно зависит не только от внешних условий, но и от степени адаптации личности к ним.

В проведенном исследовании приняли участие 484 студента ВГУ, представляющие все 9 факультетов вуза, из них 354 девушки, 123 – юношей, 7 респондентов не указали пол, 197 человек – студенты II курса, 43 – студенты III курса, 244 – студенты IV курса. Для удобства сравнения студенты II и III курса нами были объединены в общую группу «студенты младших курсов», IV курс представляет группу «студенты старших курсов» (табл. 1).

В современных условиях становится очевидным социальное значение проблемы успешности, достижения успеха в жизни. Общепринятым является тот факт, что достижение успеха в различных жизненных сферах является значимой детерминантой как для полноценного личностного развития

Таблица 1

Распределение респондентов по факультетам и курсам (чел.)

Факультет / Курс	БФ	ИФ	МФ	ПФ	ФлФ	ФСПиП	ФФКиС	ХГФ	ЮФ	Всего
II курс	62	20	30	39	–	18	28	–	–	197
III курс	21	–	–	22	–	–	–	–	–	43
IV курс	–	19	25	20	72	16	–	48	44	244
Всего	83	39	55	81	72	34	28	48	44	484

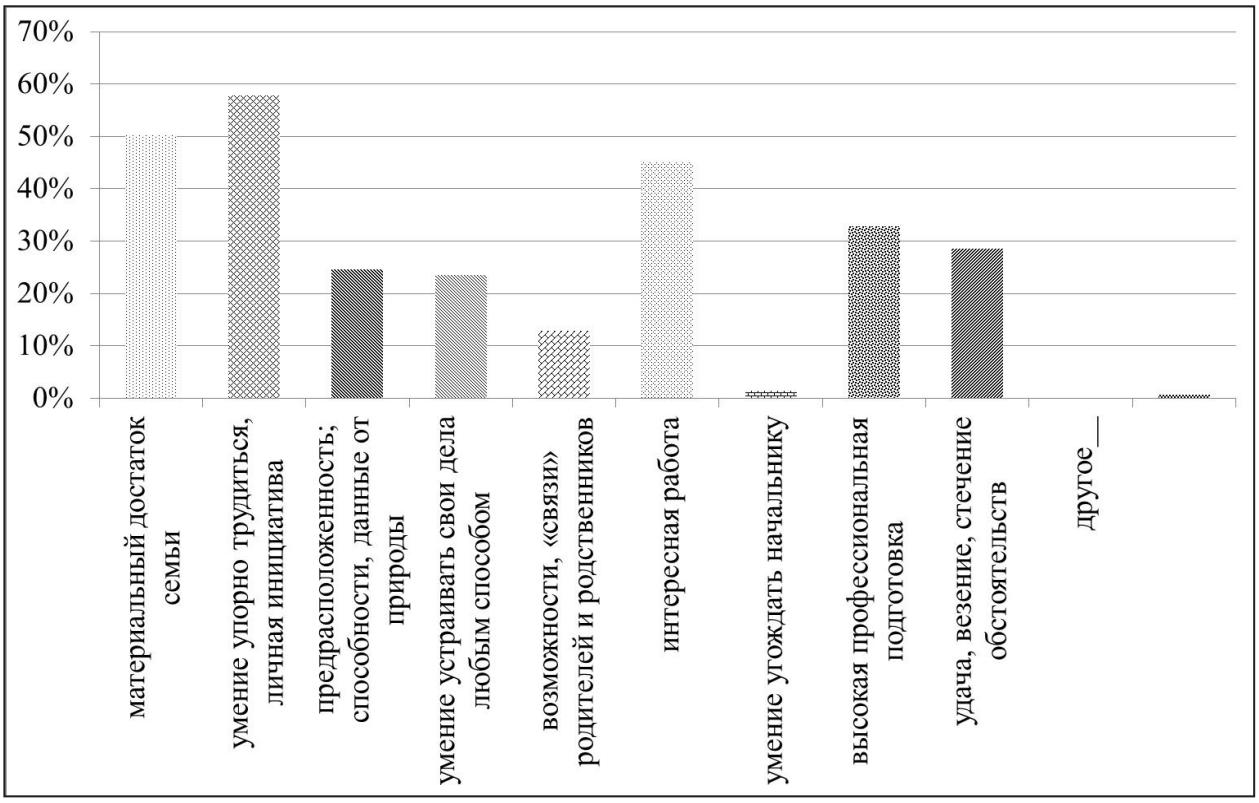

Рис. 1. **Распределение ответов на вопрос об основных факторах жизненного успеха.**

субъекта, так и для социально-экономической стабильности общества в целом. Более того, ряд ученых непосредственно связывает экономический подъем в обществе с высокоразвитой мотивацией достижения успеха его членов (Д. Макклелланд, Х. Хекхаузен, Дж. Спенс), считая при этом, что мотивация достижения успеха – базовое свойство в структуре личности (Е.Б. Горчакова, Г.В. Турецкая, Г. Мюррей) и одна из универсальных жизненных ценностей (В. Билски, С. Шварц, М. Рокич).

Сегодняшняя эпоха характеризуется массовым устремлением людей к материальным ценностям и разнообразным видам комфорта. Отсюда и культ внешнего успеха.

Первым в нашем исследовании задавался вопрос о наиболее важных, с точки зрения студентов ВГУ, факторах жизненного успеха. Распределение ответов по всей выборке можно увидеть на рис. 1.

Студенты ВГУ, выбирая факторы, способствующие личному успеху, на первое место поставили «умение упорно трудиться, личную инициативу». Результаты эмпирического исследования демонстрируют определенное противоречие в понимании факторов

Таблица 2

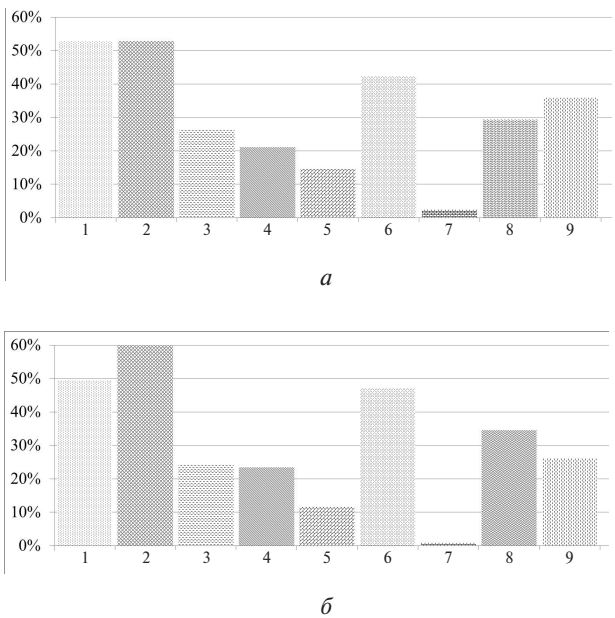
Иерархия факторов жизненного успеха, в представлении студентов ВГУ (в порядке убывания)

1. Выскажите свое отношение к наиболее важным факторам жизненного успеха (в порядке убывания выбора)	
1.2. умение упорно трудиться, личная инициатива	280 (58%)
1.1. материальный достаток семьи	243 (50%)
1.6. интересная работа	219 (45%)
1.8. высокая профессиональная подготовка	159 (35%)
1.9. удача, везение, стечение обстоятельств	138 (29%)
1.3. предрасположенность; способности, данные от природы	119 (25%)
1.4. умение устраивать свои дела любым способом	114 (24%)
1.5. возможности, «связи» родителей и родственников	62 (13%)
1.7. умение угождать начальнику	7 (1%)

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Выскажите свое отношение к наиболее важным факторам жизненного успеха» по факультетам, в процентах от количества респондентов на факультете, %[1]

Факультет / Вариант ответа	БФ	ИФ	МФ	ПФ	ФлФ	ФСПиП	ФФКиС	ХГФ	ЮФ	Всего
материальный достаток семьи	55,4	55,3	52,7	46,9	59,7	50	53,6	43,8	29,5	50
умение упорно трудиться, личная инициатива	45,8	60,5	60	65,4	50	58,8	42,9	77,1	61,4	58
предрасположенность; способности, данные от природы	19,3	28,9	23,6	29,6	25	29,4	25	18,8	25	25
умение устраивать свои дела любым способом	27,7	26,3	16,4	24,7	25	20,6	28,6	18,8	22,7	24
возможности, «связи» родителей и родственников	20,5	13,2	12,7	11,1	13,9	8,8	7,1	6,2	13,6	13
интересная работа	37,3	31,6	52,7	44,4	52,8	41,2	46,4	50	50	45
умение угождать начальнику	2,4	0	0	1,2	1,4	2,9	3,6	0	2,3	1
высокая профессиональная подготовка	27,7	42,1	29,1	32,1	31,9	35,3	28,6	39,6	36,4	35
удача, везение, стечение обстоятельств	36,1	23,7	30,9	25,9	26,4	29,4	32,1	22,9	27,3	29

Варианты ответов:

1) материальный достаток семьи;

2) умение упорно трудиться, личная инициатива;

3) предрасположенность; способности, данные от природы;

4) умение устраивать свои дела любым способом;

5) возможности, «связи» родителей и родственников;

6) интересная работа;

7) умение угождать начальнику;

8) высокая профессиональная подготовка;

9) удача, везение, стечение обстоятельств.

Рис. 2. **Распределение ответов на вопрос «Выскажите свое отношение к наиболее важным факторам жизненного успеха» у мужчин (а) и женщин (б), %.**

Сумма выборов превышает 100%, поскольку можно было отметить до 3-х вариантов ответа.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, является мерилом жизненного успеха?» по факультетам, в процентах от количества респондентов на факультете, %

Факультет / Вариант ответа	БФ	ИФ	МФ	ПФ	ФлФ	ФСПиП	ФФКиС	ХГФ	ЮФ	Всего
богатство	25,3	23,7	18,2	7,4	22,2	20,6	25	6,2	18,2	17,9
уважение окружающих	25,3	28,9	29,1	23,5	18,1	11,8	17,9	18,8	15,9	21,6
счастье, любовь и согласие в семье	78,3	57,9	70,9	82,7	77,8	64,7	75	79,2	75	75,2
возможность заниматься любимым делом	32,5	36,8	36,4	35,8	48,6	41,2	50	52,1	45,5	40,9
принадлежность к элите общества	3,6	7,9	1,8	2,5	6,9	5,9	0	4,2	4,5	4,1
душевное равновесие, спокойствие духа	20,5	23,7	23,6	30,9	23,6	32,4	10,7	29,2	15,9	24,1

Таблица 5

Иерархия ценностей современных студентов (в порядке убывания), 2010 год

№	Какие из ценностей для Вас являются жизненно важными? (Можно отметить до 3-х вариантов)	%
1)	любовь и брак	70,6
2)	наличие друзей	43,8
3)	материальный достаток	39,8
4)	душевное равновесие	36,4
5)	любимая работа	32
6)	уважение окружающих	25
7)	личная безопасность	15,2
8)	литература, искусство	9,4
9)	власть	3

жизненного успеха, поскольку на второй позиции оказалась категория «материальный достаток семьи».

В целом же иерархия факторов жизненного успеха в представлении студентов ВГУ выглядит, как показано в табл. 2.

Таким образом, для взрослого человека основным критерием позитивной динамики в жизни становится ощущение собственного успеха. Успех может пониматься объективно и субъективно, может относиться к разным сферам самоактуализации человека. Предложенные варианты ответа группируются в несколько основных поведенческих стратегий:

1) достижение успеха через труд. Успех зависит от собственных усилий человека. Эту стратегию описывают варианты 1.2, 1.8, частично – 1.6;

2) успех при помощи другого человека. Описание ситуации, в которой другой человек сыграл главную роль в достижении успеха. Эту стратегию описывают варианты 1.5, 1.7;

3) успех как стечение обстоятельств, результат более высокой одаренности от природы. Данную стратегию описывают варианты 1.3, 1.9;

4) успех как свидетельство наличия определенных негативных качеств: «ловкачества», беспринципности, подхалимажа, «умения крутиться». Эту стратегию описывают варианты 1.4, 1.7.

На первом месте находится вариант «умение упорно трудиться, личная инициатива», что свидетельствует о том, что студенты верят в себя, готовы трудиться для достижения успеха, проявлять инициативу. Однако около 30% выбрали вариант «везение». Подобный выбор свидетельствует о неверии в собственные силы, пассивности, безынициативности, стремлении «ждать у моря погоды». Если говорить о работе, к которой стремится современ-

ная молодежь, то она в первую очередь должна быть интересной. 45% молодых людей верят в то, что они либо уже добились, либо им по силам устроиться на интересную работу. Таким образом, современная молодежь достаточно практична. Она ценит материальный достаток, работу, высокую профессиональную подготовку, стремится во всем положиться на себя.

Можно сказать, что материальный достаток как фактор жизненного успеха чаще выбирали студенты ФлФ (60%), менее всего этот показатель значим для юристов (30%), личную инициативу сильнее всего ценят художники (77%), а наименьшее количество выборов данного показателя приходится на БФ и ФФКиС. По остальным показателям не наблюдается существенных различий в предпочтениях студентов разных факультетов, разница составляет 5–10% (табл. 3).

Несколько различаются представления о факторах жизненного успеха у девушек и юношей, обучающихся в ВГУ (рис. 2). Анализ данных показал, что у мужчин и женщин имеются различия в предпочитаемых стратегиях поведения. В группе мужчин преобладает стратегия достижения успеха через труд. Данная стратегия представлена у 64% мужчин. Для мужчин главным в достижении успеха будущего или в описании прошлых достижений является собственное усилие. Успех для них – результат труда, целенаправленной деятельности. Также в группе мужчин выражена стратегия понимание успеха как материального достатка. В группе девушек наибольшие отличия в стратегии успеха как удачного стечения обстоятельств.

Для уточнения и анализа полученных данных в анкете был использован контрольный вопрос «Что, по Вашему мнению, является мерилом жизненного успеха?» Распределение ответов на него представлено в табл. 4.

Подавляющее большинство респондентов всех факультетов (58–82%) мерилом жизненного успеха посчитали счастье, любовь и согласие в семье. Эти данные согласуются с результатами исследования, проведенного кафедрой философии ВГУ в 2010 году по теме «Духовно-нравственные ценности студенческой молодежи». В иерархии ценностей, по данным исследования 2010 года, также на первом месте оказались семья и брак (табл. 5).

В настоящее время на втором месте оказалась возможность заниматься любимым делом (40% от общеуниверситетской выборки), на третьем душевное равновесие, спокойствие духа (24%).

Каждый пятый респондент в 2015 и каждый четвертый в 2010 году выбрали такой показатель, как уважение окружающих. У 17,9% респондентов успех в жизни ассоциируется с материальным достатком; 4% полагают, что успехом можно назвать принадлежность к элите общества.

Таким образом, мы видим, что у студентов ВГУ сохраняются традиционные установки на ценность семьи, любимой работы и уважения окружающих. В качестве важнейших ценностей доминируют семья, дети, ближайшее окружение – фундаментальные ценности, которые передаются белорусами из поколения в поколение и не меняются на протяжении многих лет. Социологический ракурс изучения ценностей и ценностных ориентаций молодежи позволяет наглядно увидеть социальный портрет этой группы изнутри. Знание о стремлениях, предрасположенностях, ожиданиях, духовно-нравственных ориентирах представителей различных слоев молодых людей позволит обнаружить назревающие проблемы и разработать грамотную государственную молодежную политику. Несомненно, что исследование данного феномена предоставляет ученым и практикам ценную информацию о состоянии современного общества и тенденциях его изменений в будущем, о факторах, определяющих социальное самочувствие молодежи и степень удовлетворенности собой и своей жизнью.

Экономическая стратификация по П. Сорокину – это расслоение общества или общности на основании такого признака, который определяет различия в распределении «жизненных возможностей» и «экономических преимуществ» страт и слоев [4]. В свете факторов социального расслоения, которое ощущает как актуальную проблему современной жизни большинство населения, важно проследить, с каким

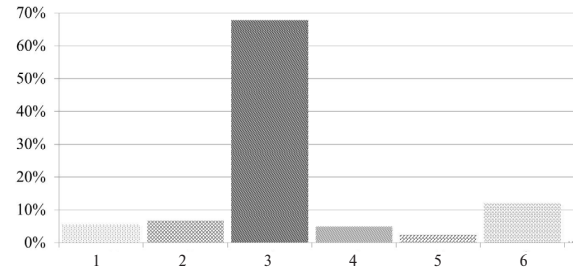

Рис. 3. **Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя считаете в сравнении с другими Вашими ровесниками (однокурсниками)?», %.**

социальным слоем по уровню доходов и материальной обеспеченности ассоциируют себя студенты ВГУ (рис. 3).

Выяснилось, что в собственной состоятельности уверены 6% отвечавших, свою принадлежность к слоям выше среднего ощущают примерно 7% респондентов, и столько же в сумме дают две нижние позиции «ниже среднего достатка» (5%) и «малообеспеченные» (2%). Более двух третей опрошенных отнесли себя к среднему классу, и 12% затруднились ответить.

В белорусском обществе социально ориентированная рыночная экономика, как результат государственной социальной политики, реально обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения и уменьшает долю этой страты в обществе. В то же время важна не только самооценка респондентов по показателям стратификации, но и уточнение, какие жизненные блага могут позволить себе представители разных групп. Около 6,5% респондентов утверждают, что могут в настоящее время ни в чем себе не отказывать. Их доля существенно (в 2–2,5 раза) варьируется по факультетам: наибольшее количество обеспеченных на БФ и ЮФ, наименьшее – на МФ, ПФ, ФлФ, ХГФ и ФФКиС. Около трети респондентов выбрали вариант ответа «покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка машины и дорогостоящий отпуск явно недоступны», эту группу представляют те, кто считают себя выше среднего достатка и среднего достатка. Наибольшее количество выборов

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое материальное положение (или материальное положение Вашей семьи)? (Выберите один вариант ответа)», % от факультета

Факультет / Вариант ответа	БФ	ИФ	МФ	ПФ	ФлФ	ФСПиП	ФФКиС	ХГФ	ЮФ	Всего
3.1. в настоящее время можно ни в чем себе не отказывать	13,3	10,5	3,6	3,7	4,2	5,9	3,6	4,2	11,4	6,4
3.2. покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка машины и дорогостоящий отпуск явно недоступны	31,3	36,8	40	32,1	22,2	20,6	35,7	22,9	47,7	31,4
3.3. денег в основном хватает, можно даже кое-что откладывать, но для покупки дорогих товаров длительного пользования сбережений недостаточно	34,9	36,8	43,6	35,8	36,1	41,2	39,3	37,5	34,1	37,3
3.4. на ежедневные расходы хватает денег, но покупка одежды, обуви представляет трудности	16,9	13,3	7,3	18,5	31,9	29,4	7,1	29,2	6,8	18,5
3.5. живу (живем) от зарплаты до зарплаты (стипендии), часто приходится занимать деньги на самое необходимое	2,4	2,6	5,5	9,9	5,6	2,9	14,3	6,2	0	5,3
3.6. денег не хватает даже на самые необходимые продукты питания	1,2	0	0	0	0	0	0	0	0	0,2
Всего, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

приходится на юридический факультет, наименьшее – на ФлФ и ФСПиП. Самая многочисленная группа (37%) выбрала вариант «денег в основном хватает, можно даже кое-что откладывать, но для покупки дорогих товаров длительного пользования сбережений недостаточно». Причем по данной позиции наблюдается наименьшее расхождение в ответах представителей разных факультетов. К малообеспеченным и бедным в сумме можно отнести почти каждого четвертого студента ВГУ (18,5% и 5,3% соответственно). Это те респонденты, которые указали, что денег им хватает только на удовлетворение первичных потребностей в еде и одежде, часто они выходят за рамки своего бюджета и вынуждены брать в долг. Наибольшую долю малообеспеченных студентов представляет ФФКиС, наименьшую долю – ЮФ (табл. 6).

Таким образом, позитивная оценка материального положения семьи и достаточно высокие отзывы о покупательной способности доходов встречаются примерно у 6% студентов, однако их доля существенно различается в зависимости от факультета. Значительно чаще респонденты отмечают, что они в состоянии покупать только необходимые продукты питания и одежду, но испытывают трудности в совершении крупных покупок (31% и 37%). Доля лиц с низкой покупательной способностью доходов на ФлФ достигает почти 40% (против 23,8 в целом по выборке). В то же время часто отмечается отказ от ответа (12%), что может быть объяснено воздействием двух причин: неосведомленностью, свидетельствующей об инфантильности, оторванности от жизни определенной части студентов, находящихся на полном иждивении у родителей; часть же затруднившихся ответить может стесняться своего социального положения, определяя его как недостаточно успешное по отношению к сверстникам, но не желая афишировать данное обстоятельство. Наблюдаются определенные корреляции в оценке покупательной способности доходов и определении своей принадлежности к людям того или иного достатка. Так, удельный вес «бедных» сопоставим с долей тех, кто выбрал вариант ответа «живу (живем) от зарплаты до зарплаты (стипендии), часто приходится занимать деньги на самое необходимое» (7% и 5,3% соответственно). К людям «среднего достатка», которые представлены в равных долях, очевидно, причисляют себя те, чьи доходы позволяют приобретать необходимые товары, и часть тех, для кого недоступна покупка автомобиля. Вероятно, понятие «средний достаток» скорее ассоциируется у студентов с возможностью удовлетворения насущных потребностей, чем с зажиточностью, оно, вероятно, формируется на основе сравнения собственного материального положения с достатком окружающих.

Следует отметить, что материальное положение студентов практически не меняется в зависимости от курса, на котором они обучаются. Данные табл. 7 свидетельствуют, что в сумме количество студентов младших курсов (II–III) и старшего (IV курса) весьма схоже. Так, например, одинаковое количество студентов II–III курса и IV курса (по 76 человек) указали, что покупка товаров длительного пользования не вызывает у них затруднений. Незначительно больше тех, кто выбрал вариант ответа 3.4, среди студентов IV курса.

Социальное самочувствие определяется как степень удовлетворенности различными аспектами своей жизни. Для получения информации о том, как студенты оценивают степень своей удовлетворенности

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое материальное положение (или материальное положение Вашей семьи)?», чел.

Курс / Вариант ответа	II курс	III курс	IV курс
3.1. в настоящее время можно ни в чем себе не отказывать	15	3	13
3.2. покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка машины и дорогостоящий отпуск явно недоступны	64	12	76
3.3. денег в основном хватает, можно даже кое-что откладывать, но для покупки дорогих товаров длительного пользования сбережений недостаточно	75	15	91
3.4. на ежедневные расходы хватает денег, но покупка одежды, обуви представляет трудности	31	7	52
3.5. живу (живем) от зарплаты до зарплаты (стипендии), часто приходится занимать деньги на самое необходимое	9	6	11
3.6. денег не хватает даже на самые необходимые продукты питания	1	0	0
Всего, чел.	195	43	243

основными параметрами жизни, мы задали вопрос: «Удовлетворены ли Вы в целом следующими аспектами своей жизни?» В качестве индикаторов были выбраны такие показатели, как учеба (1), отношения с друзьями (2), место проживания (3), состояние здоровья (4), внешний вид (5), отношение окружающих (6), отношения с родителями (7), отношения с преподавателями вуза (8). В вопросе было предусмотрено 4 степени градации ответа: «Да», «Скорее удовлетворен», «Скорее неудовлетворен», «Нет» (рис. 4).

Ответы на этот вопрос демонстрируют достаточно высокую степень удовлетворенности большинства студентов ВГУ такими аспектами, как отношения с родителями (7) (74% выбрали вариант «Да», 20% – «Скорее удовлетворен», только 3,9% выбрали вариант «Скорее неудовлетворен», и 1% – вариант «Нет»), отношения с друзьями (2) (56,8% выбрали вариант «Да», 35,1% – «Скорее удовлетворен», только 6% – «Скорее неудовлетворен», полностью неудовлетворенных отношениями со сверстниками – 1,4%). На третьем месте параметр внешнего вида (5): им удовлетворены полностью 45,7% и еще практически столько же (41,5%) респондентов выбрали вариант ответа «скорее удовлетворен». Ведущая деятельность студентов – учеба (1), однако этим параметром полностью удовлетворены лишь 25,6%, а 52,7% выбрали компромиссный вариант «Скорее удовлетворен». При этом практически каждый пятый респондент полностью или частично учебой не удовлетворен. В то же время отношениями с преподавателями вуза (8) полностью удовлетворены 38,4% студентов, больше половины (53,3%) скорее удовлетворены, что свидетельствует о высоком уровне профессионализма профессорско-преподавательского состава ВГУ, умением выстраивать корректные деловые отношения со студентами, быть для них примером и авторитетом.

В рамках нашего исследования особый интерес представляет вопрос о степени удовлетворения студентов ВГУ уровнем своего здоровья (4). Полностью удовлетворен этим важнейшим показателем социального самочувствия каждый третий респондент, почти половина – 45,7% – скорее удовлетворены. Однако 18% выбрали вариант «Скорее неудовлетворен», а 2,7% полностью уровнем здоровья неудовлетворены, что свидетельствует либо о наличии хронических заболеваний, общей усталости, переутомлении и о пренебрежении ЗОЖ, неумении выстраивать гармоничные отношения со своим организмом.

Важным фактором, характеризующим социальное самочувствие населения, является характер прогнозов, связанных с перспективами развития личного благосостояния, здоровья и со способностью определять свое будущее в целом. Привлечение «субъективных», как их иногда называют, данных, выражающих человеческое измерение сложившейся ситуации, означает создание обратной связи в кибернетическом смысле слова. Благодаря учету таких субъективных данных общество становится фактически нормальной управляемой системой, приобретая способность к саморегулированию на основе свойственных массовому сознанию антиципаций (табл. 8).

Социальное самочувствие является наиболее чувствительным показателем, который отражает не только индивидуальный жизненный тонус, но и восприятие собственного положения в обществе, а также состояние самого социума, в котором живет индивид. Именно поэтому его базовыми эмпирическими индикаторами являются следующие: по отношению к самому индивиду – самооценки настроения, эмоционального состояния, жизненной удовлетворенности и материального благополучия; по отношению к обществу – оценки экономического потенциала и политической ситуации в стране. Не менее важным индикатором социального самочувствия, отражающим прогностические взгляды респондентов, является оценка ими перспектив повышения качества жизни и состояния дел в экономике, политике, социальной и духовной сферах. В целом, очевидно, что количество согласных с позитивными утверждениями существенно превышает количество пессимистично настроенных респондентов. Социальный оптимизм выражает уверенность всего социума, отдельных категорий и групп в изменении жизни к лучшему. Эти данные необходимо пояснить, тем более что индекс оптимизма часто без каких-либо оговорок используется в международных рейтингах [5]. Суть наших пояснений заключается в следующем: 1) этот показатель сам по себе, т.е. вне контекста, оказывается недостаточно информативным, ибо при этом не учитываются ответы по другим позициям шкалы. Вполне очевидно, что если число пессимистов («будем жить хуже») равно или больше количества оптимистов, то массовое сознание, как и социальное самочувствие, является противоречивым; 2) большое число затруднившихся ответить свидетельствует о ситуации неопределенности, характерной для кризисных явлений; 3) длительное наблюдение за феноменом оптимизма показывает, что он не сводится всецело только к социальному содержанию (условия жизни, доходы, доступность образования и других услуг), так как определенную долю в нем занимает то, что можно отнести к характерологическим чертам или психологическим предрасположенностям. Почти 90% ответивших согласны с утверждением, что их будущее зависит, прежде всего, от них самих. Пессимистов, считающих, что от них

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос
«В какой мере Вы согласны с нижеследующими высказываниями?», чел.

Варианты утверждений	Полностью согласен	Полностью не согласен	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
7.1. я считаю, что в целом у меня все в порядке	335	36	110	2
7.2. я плыву по течению, зависим от обстоятельств	86	219	170	9
7.3. мне часто кажется, что я ничего не представляю собой	58	313	109	4
7.4. мое будущее зависит прежде всего от меня самого	435	9	39	1
7.5. в целом я доволен собой	295	44	141	4
7.6. я мало влияю на многие обстоятельства, важные для жизни	82	231	165	6
7.7. в целом я веду здоровый образ жизни	303	59	120	2
7.8. иногда я чувствую, что я никому не нужен	98	266	116	4
7.9. я уверен, что могу достичь всего, что намечаю	295	24	159	6

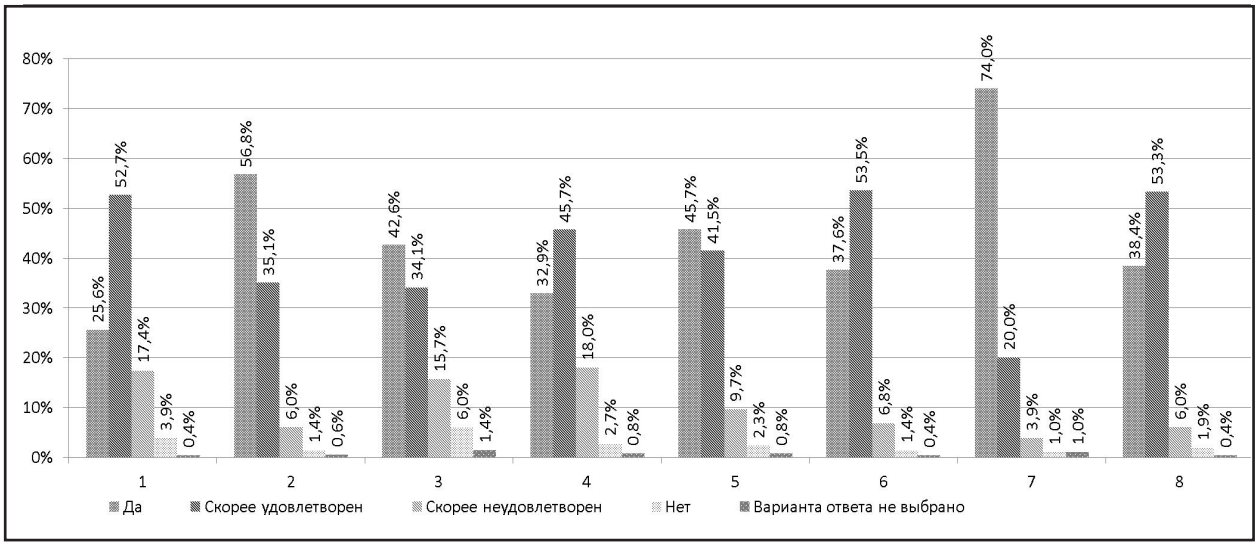

Рис. 4. **Распределение ответов на вопрос «Удовлетворены ли Вы в целом следующими аспектами своей жизни?», %.**

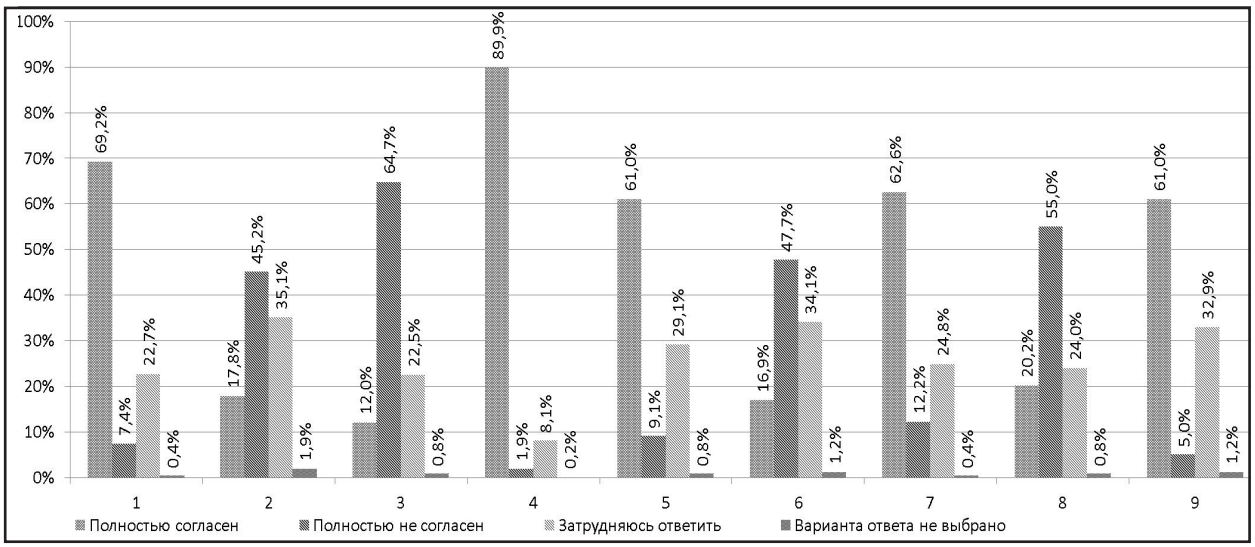

Рис. 5. **Распределение ответов на вопрос**
«В какой мере Вы согласны со следующими утверждениями (табл. 8)?».

ничего не зависит, всего 1,9%, но существенная часть студентов (8,1%) затруднилась ответить на этот вопрос, что тоже можно интерпретировать как определенную степень неуверенности в своем будущем. В то же время на контрольные вопросы 2 и 6 положительно ответили 17,8% и 16,9% респондентов, указав на свою зависимость от обстоятельств, слабое влияние на многие важные аспекты собственной жизни, и практически по 35% затруднились ответить. Возможно, подобное расхождение связано с высокой степенью самокритичности некоторых респондентов или с их стремлением избегать категоричных оценок. Однако, в целом, можно утверждать, что для большей части студентов ВГУ имени П.М. Машерова характерны жизненный оптимизм, уверенность в своих силах и бодрое социальное самочувствие. Почти 70% респондентов считают, что в целом у них все в порядке, почти две трети уверены, что смогут достичь всего, что намечают в жизни.

Следует отметить, что уровень социального самочувствия респондентов связан с субъективной самооценкой материальной обеспеченности. В ходе анализа нам важно было выявить, хватает ли респонденту получаемых денег, чтобы быть довольным своей жизнью, или нет. В результате мы наблюдаем определенную тенденцию: зависимость уровня самочувствия от самооценки собственной материальной обеспеченности. Люди, считающие себя почти полностью и более-менее обеспеченными, отличаются, в большинстве случаев, «очень хорошим» и «скорее хорошим» социальным самочувствием, чаще выбирают варианты ответа, связанные с оптимистичными представлениями о своей жизни («я считаю, что в целом у меня все в порядке», «мое будущее зависит прежде всего от меня самого», «я уверен, что могу достичь всего, что намечаю»), в то время как респонденты, относящие себя к малообеспеченным и бедствующим, чаще выбирают пессимистические утверждения.

Заключение. В целом, данные социологического исследования указывают на достаточно высокий уровень удовлетворенности социальным положением у студентов ВГУ имени П.М. Машерова. Молодежь в большей степени, нежели старшее поколение, ориентирована на ценности индивидуализма, личного успеха. Индивидуализация сознания и поведения – это одна из тенденций развития современного общества, и она характерна не только для молодежи, но в большей степени данный процесс коснулся именно этой социально-демографической группы. Следует подчеркнуть, что необходимость изучения социального самочувствия населения очевидна. Результаты подобных исследований позволяют судить о состоянии общества, укажут на наиболее важные проблемы в жизни страны. Чем благоприятнее, выше уровень социального самочувствия, тем больше вероятность того, что в данном социуме будет порядок.

Особое значение приобретает изучение социального самочувствия молодежи с точки зрения нахождения путей позитивного влияния на те факторы-условия, которые повышают уровень социального самочувствия данной когорты. Молодежь является наиболее активной, но вместе с тем и уязвимой категорией населения. Как никакой другой возрастной группе ей свойственны максимализм, стремление «жить своим умом», т.е. не воспроизводить имеющиеся («прошлые») паттерны отношений, вкусы, нормы и ценности, а создавать свое, оригинальное, иногда даже вопреки здравому смыслу.

Знание особенностей социального самочувствия разных групп и категорий населения оказывается незаменимым в практике управления социальными процессами в семье, коллективе и государстве, определения приоритетов социальной политики, прогнозирования периодов нарастания неудовлетворенности и диагностике потенциальной конфликтогенности тех или иных поводов, в том числе и создаваемых искусственно. Не случайно возникла необходимость выяснения места, роли и значения молодого поколения в социальной структуре общества, которое понимается в качестве большой социальной общности, находящейся в процессе формирования, становления и реализации своих качеств. Ценностные ориентации, жизненные стратегии, социальное самочувствие, установки и др. во многом определяют участие молодежи и ее вклад в развитие общества, поддержание общественного порядка и стабильности.

Литература

1. Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / под ред. Е.М. Бабосова. – Минск: ИООО «Современное слово», 2001. – 160 с.
2. Крупец, Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности / Я.Н. Крупец [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/549/394/1217/Krupec1.pdf. – Дата доступа: 16.03.2016.
3. Севковская, З.А. Молодежь Беларуси на пороге третьего тысячелетия / З.А. Севковская. – Минск, 2002. – 128 с.
4. Сорокин, П. Социальная стратификация и мобильность / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 302–373. – (Сер. «Мыслители XX века»).
5. Шавель, С.А. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ / С.А. Шавель, Л.П. Галич // Социология. – 2012. – № 1. – С. 76–95.

Поступила в редакцию 25.04.2016 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'21-115(476.5)

О происхождении названий города Витебск и реки Витьба

Васильев В.Л.

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород (Россия)

Имеющиеся в науке этимологические трактовки Витьба, связанные с именами В.А. Никонова, В.А. Жучкевича, В.Н. Топорова, В.П. Нерознака, А.Е. Аникина и др., подвергнуты критическому пересмотру.

Цель статьи – дополнительное обоснование деривации названия г. Витебск от гидронима Витьба, но в большей степени – раскрытие этимологии самого данного исходного гидронима.

Материал и методы. *Учитывается материал русских летописей, писцовых книг, исторических и диалектных словарей. Использована традиционная методика этимологизации древней, «непрозрачной» гидронимии.*

Результаты и их обсуждение. *В статье изложены и подробно интерпретированы не учтенные ранее топонимические параллели для белорусских Витебск, Витьба, локализованные на Русском Северо-Западе (Витьбино, Витебск, Витебско), а также приведены соответствия у южных славян (словен. víba 'спираль' и др.). Анализ этих данных приводит к убедительному выводу о том, что Витьба – это исконнославянский гидроним, отметивший «Извилистую реку».*

Заключение. *Благодаря проведенному исследованию выяснилось, что речь идет о позднепраславянском лексическом диалектизме *vitьba со значением 'извилина, изгиб', который не выявлен в составе исторической и современной апеллятивной лексики, но отложился в ряде архаических топонимов на сравнительно небольшой, но внутренне цельной территории. Данный топонимический ареал протянулся в меридиональном направлении от верхнего течения Западной Двины до оз. Ильмень, демонстрируя продвижение ранних восточных славян из региона Верхнего Поднепровья и Подвинья на север, в будущие новгородские земли.*

Ключевые слова: *топоним, гидроним, происхождение названий, этимологические трактовки, ареал.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 133–137)

The Origin of the Names of the City of Vitebsk and the Vitba River

Vassilyev V.L.

Novgorod State Yaroslav Mudry University, Veliki Novgorod (Russia)

The available etymological interpretations of Vitba, which are connected with the names of V.A. Nikonov, V.A. Zhuchkevich, V.N. Toporov, V.P. Neroznak, A.E. Anikin, are critically reconsidered.

The purpose of the article is additional grounding of the derivation of the name of the City of Vitebsk from the hydronym of Vitba, but, to a greater degree, revealing the etymology of the original hydronym itself.

Material and methods. *Material of Russian chronicles, record books, historical and dialect dictionaries was considered. Traditional etymology methods of old, «non-transparent» hydronomy were used.*

Findings and their discussion. *Toponymic parallels for the Belarusian Vitebsk, Vitba, which were localized on the Russian North-West (Vitbino, Vitebsk, Vitebsko) and not considered earlier, are presented and interpreted in detail. Southern Slavonic equivalents are also presented (Slovene víba for «spiral» etc.). Analysis of these data makes it possible to conclude that Vitba is an original Slavonic hydronym which means «winding river».*

Conclusion. *The research resulted in finding out a late pre-Slavonic lexical dialectism *vitьba which means «bend, winding», which was not found in the composition of historic and modern appellative vocabulary but remained in a number of archaic toponyms on a comparatively small but wholesome territory. This toponymic area stretched in a meridian direction from the upper Western Dvina up to Lake Ilmen thus demonstrating advance of early Eastern Slavs from the region of Upper Dnieper and Dvina onto the north, into would-be Novgorod lands.*

Key words: *toponym, hydronym, origin of names, etymological interpretations, area*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 133–137)

Если деривация топонима *Витебск* от *Витьба* не вызывает обычно никаких сомнений у исследователей, то этимология самого исходного названия небольшого притока Западной Двины оставалась не проясненной. Убедительного решения до сих пор представлено не было. В.А. Никонов по поводу *Витьба* пишет следующее: «Происхождение гидронима спорно (слав. *виться*, общеиндоевроп. *ud* «вода» и

Адрес для корреспонденции: e-mail: vihnn@mail.ru – **В.Л. Васильев**

др. гипотезы); решение зависит от исследования форманта *-ба*» [1, с. 85]. В.А. Жучкевич, автор «Краткого топонимического словаря Белоруссии», довольствуется поверхностным объяснением: «В основе названия термин *вить* – влажное место, топь – в сочетании с формантом *-ба*, придающим в топонимии приуроченность к месту» [2, с. 53]. Е.М. Поспелов, отмечая, что «происхождение гидронима спорно», ограничивается лишь отсылкой к словарям Никонова и Жучкевича [3, с. 99–100]. Краткие предположения этих уважаемых топонимистов и сегодня обсуждаются в Интернете, пользователям особенно нравятся смутные сближения с некими финно-угорскими терминами *вить*, *вит* ‘топкое место’ или ‘вода’.

Более обстоятельно название р. *Витьба* обсуждалось В.Н. Топоровым, который полагает, что «для Витебска и Витьбы (как и для Вити) объяснение из славянского представляется крайне спорным», а из балтийского «почти бесспорно» [4, с. 63–64]. Ученый возводит этот гидроним к балт. праформе **Vid-up-* ‘Средняя река’ (> лит. *Vidùpė*, *Vidupis*, лтш. *Vidupe*) или к менее вероятной, по его мнению, праформе **Vit-up-,* ср. лит. *vytìs*, *vitìnė* ‘лоза; прут; розга’, сюда же р. *Vîtupis* в Литве. Если возвести блр. *Витьба* к праформе **Vid-up-*, то закономерным развитием на славянской почве нужно считать **Vid-ъp-* и затем *Видъба*, *Видба*. Но далее Топорову приходится исходить из сложных допущений: из возможности межслоговой ассимиляции редуцированных по переднему ряду: *ъ — ь > ь — ь*, – осуществленной уже при наличии производного названия города **Vid-ъp(b)-ьsk-ъ* (> др.-рус. *Видбескъ*), и в то же время предполагать альтернативное появление незакономерной формы *Витебск* с сильной фонемой *т* (а почему не *Видебск*? – *В.В.*), как и формы *Витьба* (с мягкостью *т’*, ср. блр. *Віцьба*).

Натянутость изложенной гипотезы, содержащей сразу несколько допущений (незакономерные преобразования балт. *и* > слав. *ь*, балт. *р* > слав. *б*, балт. *d* > слав. *т*), очевидна. А.Е. Аникин, автор продолжающегося издания «Русского этимологического словаря», хотя и учитывает данную гипотезу Топорова и иные отмеченные выше трактовки, справедливо констатирует по поводу гидронима *Витьба*: «Этимон достоверно не установлен» [5, с. 251–252].

Цель статьи – дополнительное обоснование деривации названия г. Витебск от гидронима Витьба, но в большей степени – раскрытие этимологии самого данного исходного гидронима.

Материал и методы. Источниками для этимологической интерпретации географических имен *Витебск*, *Витьба* послужили древнерусские летописи (ПСРЛ), новгородские писцовые книги [НПК; ПКНЗ], словари исторической и диалектной лексики [СОРЯМР XVI–XVII; ГСБМ; СРНГ], собрания восточнославянской топонимической лексики. В целом использована методика, традиционная применяемая в процессе этимологического анализа древней, «непрозрачной» гидронимии. Очень важным элементом данной методики является максимальный учет межтерриториальных, обнаруживаемых в том числе в отдаленных регионах Славии, проприально-апеллятивных соответствий (аспект т.н. «горизонтального сравнения»), равно как внимание к историко-парадигматическим рядам конкретных географических имен (аспект т.н. «вертикального сравнения»).

Результаты и их обсуждение. Говоря о названии Витебска, деривационно связанном с гидронимом *Витьба*, существенно подчеркнуть, что речь идет о городе, появившемся в древнерусскую эпоху. Впервые он отмечен в летописи как *Видбескъ* под 1021 г. [ПСРЛ 25, 374], *Видбескъ*, «три стѣны камены, а рѣка Видба и Двина» [ПСРЛ 7, 240], а также в иных древнерусских формах: *Витепескъ*, *Витьбьскъ*, *Витбескъ*, *Витьпескъ*, *Витепскъ*, по [6, с. 41; 7, I, с. 321; 5, с. 251]. От исходного гидронима *Витьба* (а не от топонима *Витебск*) произведены и старые наименования городских жителей: *витеблянинъ*, *витебляне*, XV в., *видбляне,* XVII в. [СОРЯМР XVI–XVII 2, 216–217], ст.-блр. *витеблянинъ, видбленинъ, видблянинъ, витбленинъ, витблянинъ, витьбленинъ, витьблянинъ,* XV–XVII вв. [ГСБМ 3, 295]. Топоним *Витебск* абсолютно вписывается в продуктивную, начиная с раннедревнерусского времени, отгидронимную модель образования названий городов на *-ск* (< *-ьскъ*) (*Полоцк*, *Минск*, *Курск*, *Свияжск* и др.). Эта древнерусская деривационная модель заметно отличается от современной. В древне- и старорусское время исходные гидронимы-мотиваторы всегда отнесены к небольшим речным притокам, при впадении которых в главную реку ставились города, в отличие от позднерусского или современного периодов, когда названия на *-ск* образуются без ограничений от имени любой реки, а поименованные ими города могут быть построены на любом участке русла (*Северодвинск*, *Волжск*, *Донецк*, *Ленск*, *Уссурийск*, *Нижнекамск* и др.).

Перейдем далее к исходному для названия г. Витебск гидрониму *Витьба*. Вопреки довольно расхожему мнению о том, что в основе его лежат финно-угорск. *вит*, *вить* – обозначения влажных мест, топей, воды (ср. трактовку В.А. Жучкевича, выше), стоит при-

знать, что на территории Беларуси данной терминологии нет и вряд ли есть основания ее предполагать даже для далекого прошлого. В ближайших к региону Витебска прибалтийско-финских языках для обозначения воды используется не *вит-*, а основа *ves-/vet-* (ср. фин., эст. *vesi*, карел. *vezi, veźi, veži*, вепс. *vezi, veźi* ‘вода’, фин. *vetinen* ‘водянистый, жидкий’, ‘мокрый, сырой’, *vettyä* ‘промокать’), тогда как обозначение воды, внешне напоминающее основу в гидрониме *Витьба*, обнаруживается только в отдельных диалектах отдаленного мансийского языка в Северном Зауралье, ср. манс. *wit’*, *wit*, *wüt’*, *üt’* ‘вода’ [SSA 3, 429]. Разумеется, остается совершенно непроясненным и статус элемента *-ба*, который присоединен к этой мнимой «угорской» основе.

Этимологическая непроясненность гидронима *Витьба* в существенной мере обусловлена его внешней изолированностью, уникальностью структуры. Для *Витьба* находили единственную межтерриториальную параллель в виде названия р. *Вытебеть*, правого притока Жиздры в Верхнем Поочье [6, с. 41; 4, с. 63]. Но сравнение этих речных названий далеко не безупречно. Поочский гидроним устойчиво сохраняет в первом слоге изначальное *Вы-*, представленное в самой ранней записи, передаваемое живым произношением и отраженное в производной топонимии (ср. исторические варианты *Вытебить*, *Вытебедь*, *Вытебет*, рядом с. *Вытебить*, овраг *Вытебецкий*, дд. *Вытебецкие Верхи*, *Что на Вытебецких Верхах* [8, с. 34]), тогда как для витебского гидронима, напротив, постоянен слог *Ви-* (*Витьба*, *Витебск*, *витебляне*). И хотя отвердение *Ви-* > *Вы-* спорадически наблюдается в русских говорах, постоянство данного расхождения говорит в пользу гетерогенности топооснов *Выт-* и *Вит-*, причем поочское *Вытебеть* выглядит двухосновной структурой, в отличие от *Витьба*.

Однако в последнее время стали известны новые данные из исторических новгородских земель, прослеживаемые с конца XV в., которые выводят белорусский гидроним из изоляции и, на наш взгляд, ставят точку относительно его этимологии и этноязыковой принадлежности.

Во-первых, на юго-западной периферии исторической Новгородской земли обнаруживается оз. *Ви́тьбино* бассейна Волги, исток из него – р. Кудь, впадающая в крупное оз. Пено, рядом стоит д. *Видбино*, Пеновский район Тверской области. В конце XV в. озеро значилось в древненовгородской волости Буец Деревской пятины; источник около 1496 г. указывает здесь д. «надъ Вибыномъ озеромъ», иначе – д. «надъ Видбинымъ же озеромъ», или д. «надъ Вибинымъ же» [НПК II, 822], которая в межевых материалах конца XVIII в. значится сельцом *Видбино* Осташковского уезда, по [9, I, с. 119].

Во-вторых, подобное название локализуется в западных окрестностях оз. Ильмень: д. *Ви́тебско* на левом берегу Шелони, Солецкий район Новгородской области. В книге Шелонской пятины 1498 г. описывается как д. *Вытепско* Илеменского погоста [НПК V, 176, 180, 186, 187], в книге 1552–1553 гг. названа д. *Витевско* [НПК IV, 557], в более поздних источниках, в частности на трехверстной карте и в списках населенных мест 2-й половины XIX в., – д. *Вытебская*, или *Витебск*, Порховского уезда Псковской губернии.

В-третьих, аналогичное название обнаруживается восточнее Ильменя – в Среднем Помостье: оз. *Ви́тебско* (*Ви́тебское*), со стоком в оз. Холовец, источное для р. Холовы, левого притока Мсты; при озере стоит д. *Ви́тебско*, Крестецкий район Новгородской области. Озеро под названием *Витебско* впервые фиксирует писцовая документация 1495/96 г. и 1550–1560-х гг. при описании Локотского погоста Деревской пятины («в озере в Витебски» [ПКНЗ 5, 116, 118], «въ озерѣ въ Витебскѣ» [НПК II, 10 + 61, 80]), затем также в вариантах *Тебско* («в озере в Тебске», XVI в. [ПКНЗ 5, 110]), *Витепско*, *Вытепское, Вытемское, Вытенское, Бытенское* в материалах межевания земель конца XVIII в. и в других поздних источниках.

Приведенные новгородские факты полностью разрушают версию В.Н. Топорова о балтийских истоках белорусских *Витьба – Витебск*. Балтийская версия, как было показано выше, исходит из специфической славянской адаптации гипотетического субстратного балтизма, допускаемой (с очень большой натяжкой) для отдельной изолированной микросистемы белорусских *Витьба – Витебск*, но реализацию этой специфики немыслимо предполагать еще в трех названиях Новгородской земли: *Витебско*, дважды, и *Витьбино*. Наличие новгородского материала требует отдать предпочтение трактовке всех данных топонимов как исконнославянских дериватов, заключающих исходное значение кривизны, извилистости применительно к местности, содержащих славянский корневой элемент *вит-* (: праслав. **viti* ‘вить’) и славянский суффикс *-ьб-а*. О том, что мы имеем дело со славянскими, а не субстратными названиями, свидетельствуют и характеристика референтной отнесенности данных топонимов, раскрывающая их первоначальную семантику, и структурно-деривационный аспект исходной тополексемы *Витьба*, давшей обра-

зования *Витебск*, *Витебско*, *Витьбино*, и, в меньшей степени, показания самого выявленного топонимического ареала.

Касательно ареала стоит отметить, что, если блр. *Витьба* в верховьях Западной Двины и оз. *Витьбино* в истоках Волги действительно входят в исторический ареал гидронимических балтизмов, то применительно к новг. *Витебско* в западных окрестностях Ильменя (в бассейне р. Шелони) и *Витебско* восточнее Ильменя (в Среднем Помостье) ареальная ситуация не столь однозначна: в данных субрегионах балтийская топонимия проявляется как раз в значительно более разреженном виде, нежели во многих других частях Русского Северо-Запада, о чем ранее уже говорилось [10, с. 279, 281].

Более очевидным образом о славянском происхождении тополексемы *Витьба*, заключающей вкупе с ее производными первоначальное значение кривизны, сигнализируют особенности топообъектов, связанных с данной топонимией. В извилистости небольшой р. *Витьбы*, притока Западной Двины, сомневаться, конечно, не приходится. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы убедиться, что оз. *Витьбино* в Тверской области является узким, длинным, имеет изрезанные, извилистые берега. Деревня *Витебско* западнее Ильменя расположена на правом берегу р. Шелони, которая делает в этом месте крутой поворот на 130 градусов. Деревня *Витебско* восточнее Ильменя, стоящая при оз. *Витебском*, в писцовой книге Дмитрия Замыцкого 1581/82 г. названа сельцом *Кривое* на оз. *Витепске*, в переписной книге Степана Глебова 1648 г. – сельцом *Кривцово*, а *Вытебско* тож, по [9, II, 160, № 5579]. Средневековое название сельца *Кривое* (*Кривцово*) характеризовало изгибы, кривизну берега водоема, при котором поставили деревню (ср. *кривец* ‘изогнутая линия речного или озерного берега’ киров., *кривик* ‘неровная линия речного берега’, *кривляк* ‘поворот дороги; изгиб, излучина реки’ и другие слова с корнем *крив-* в значении ‘извилина; искривление, кривизна’ [СРНГ 15, 242–243]), выступая своего рода синонимическим эквивалентом, раскрывающим полузабытую семантику более старого гидронима *Витебско*.

Не менее показателен структурно-деривационный аспект тополексемы *Витьба*. Слово демонстрирует праславянский тип деривации, такой же, как рус. *матьба*, *резьба*, *гостьба*, чеш. *hrozba*, ‘угроза’, словен. *krîtba* ‘покрытие’, словац. *krytba* ‘кров’ и т.п.; причем считается, что суффикс *-ьba*, выделяемый в таких дериватах, оформился из первоначального присоединения *-ba* к основам на *-*ĭ* [11, с. 286; 12, с. 62]. При таком осмыслении структуры ранневосточнославянский суффиксальный дериват *Витьба* может быть соотнесен либо с праслав. существительным **vitь* *-*ĭ*-склонения, континуантами которого являются рус. диал. *вить* ‘плетенье, жгутик’, словин. *vjĩc* ‘ивовая жердь для увязывания соломенной кровли’, в.-луж. *wić* ‘ворот’ и др. (материал из [13, I, с. 208; 7, I, с. 322]), либо прямо с глаголом **viti* ‘вить’; ср. применительно к этой возможности прежде всего словац. *krytba*, из **krytьba*: **kryti*. Более того, на юго-западе Славии обнаруживается прямое диагностирующее структурно-семантическое соответствие для вост.-слав. *Витьба* – это словен. *víba* ‘спираль’, сербохорв. *viba* ‘путь’ (в загадке), которые возводят к праслав. **vьjьba* и далее к **viti* [14, с. 113]. Южн.-слав. **vьjьba* и вост.-слав. тополексема *Витьба* различаются лишь суффиксальными элементами (*-j-*, но *-t-*) при общем корне и общем суффиксе *-ьba*, но стоит подчеркнуть, что эта деталь проявляется также в других образованиях от данного этимологического корня, причем имеет показательную ареальную характеристику. Дериваты с суффиксом *-j-* принадлежат славянскому Югу, ср., наряду с южн.-слав. **vьjьba*, еще словен. *veja*, болг. *вейка*, *вея*, ст.-слав. *вѣя* ‘ветка’, попавшее затем в книжный др.-рус., сюда же сербохорв. *vijati* ‘вить’, словен. *zvijati se* ‘извиваться’, тогда как на славянском Востоке распространены дериваты с суффиксом *-t-*, такие, как др.-рус. *вѣтъка*, *вѣть*, рус. *ветка*, *ветвь*.

Заключение. Все изложенное выше позволяет утверждать, что мы имеем дело с позднепраславянским (или ранневосточнославянским) лексическим диалектизмом **vitьba* ‘извилина, изгиб’. Данный диалектизм не зафиксирован в составе nomina apellativa, но отложился в нескольких архаических топонимах *Витьба*, *Витебск*, дважды *Витебско*, *Витьбино* на сравнительно небольшой, но внутренне цельной территории, протянувшейся в меридиональном направлении от верхнего течения Западной Двины до оз. Ильмень. Вост.-слав. **vitьba* ‘извилина, изгиб’ отчетливо демонстрирует связи восточно-белорусских говоров с центрально-новгородскими, отражает продвижение ранних восточных славян через северо-восток Беларуси к оз. Ильмень.

Литература

1. Никонов, В.А. Краткий топонимический словарь: около 4000 названий / В.А. Никонов. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
2. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд. БГУ, 1974. – 425 с.
3. Поспелов, Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь: около 5000 единиц / Е.М. Поспелов / отв. ред. Р.А. Агеева. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 512 с.

4. Топоров, В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II / В.Н. Топоров // Балто-славянские исследования 1987. – М.: Наука, 1989. – С. 47–69.
5. Аникин, А.Е. Русский этимологический словарь / А.Е. Аникин. – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибир. отд-я РАН, 2013. – Вып. 7. – 352 с.
6. Нерознак, В.П. Названия древнерусских городов / В.П. Нерознак. – М.: Наука, 1983. – 207 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.
8. Смолицкая, Г.П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер) / Г.П. Смолицкая. – М.: Наука, 1976. – 403 с.
9. Фролов, А.А. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. I: Исследование и таблицы / А.А. Фролов, Н.В. Пиотух. – М.–СПб.: Альянс-Архео, 2008. – 368 с.; Т. II: Атлас и справочные материалы. – М.–СПб.: Альянс-Архео, 2008. – 272 с.
10. Васильев, В.Л. Древнебалтийская гидронимия в регионе Новгородской земли / В.Л. Васильев // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород: Изд-во НГОМЗ, 2007. – Вып. 21. – С. 271–285.
11. Мейе, А. Общеславянский язык / А. Мейе; пер. с фр., общ. ред. С.Б. Бернштейна. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 500 с.
12. Sławski, F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego / F. Sławski // Słownik prasłowiański. – Wrocław etc., 1974. – T. I. – S. 43–141.
13. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1998. – Т. 1–4.
14. Куркина, Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики / Л.В. Куркина. – Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992. – 260 с.

Список источников

1. ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1982–1993. – Вып. 1–13.
2. НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. – СПб., 1859–1910. – Т. I–VI.
3. ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли / сост. К.В. Баранов. – М.: «Археографический центр», «Древлехранилище», 1999. – Т. 1; СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – Т. 2; М.: «Древлехранилище», 2001–2009. – Т. 3–6.
4. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
5. СНМНГ – Список населенных мест Новгородской губернии / под ред. В.А. Подобедова. – Новгород, 1907–1912. – Вып. I–VIII.
6. СОРЯМР XVI–XVII – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. – СПб., 2005. – Т. 1.
7. СРНГ – Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Сороколетов. – 2-е изд., испр. – СПб.: Наука, 2002–2004. – Вып. 1–38.
8. SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. – Helsinki, 1992–2000.

Поступила в редакцию 29.02.2016 г.

УДК 811-111

Лексическое заимствование как результат межкультурной и межъязыковой коммуникации

Храбан Т.Е.

Киевский военный лицей имени Ивана Богуна, Киев (Украина)

Проблематика взаимовлияния языков, будучи одной из наиболее популярных и важных тем современных лингвистических исследований, многопланова. Поскольку одним из путей обновления лексики любого языка является заимствование слов из других языков, то языковая ситуация в целом и проблемы межъязыковых заимствований и их функционирования стали объектом специальных исследований.

Цель статьи – анализ частично ассимилированных заимствованных слов, пришедших из французского языка в английский, использованных американским писателем Уильямом Стайроном в его произведениях.

Материал и методы. *Материалом исследования послужили художественные произведения Уильяма Стайрона («Выбор Софи» / англ. «Sophie's Choice», «Признания Ната Тернера» / англ. «The Confessions of Nat Turner», «Долгий марш» / англ. «The Long March»). Общий объем рассмотренного материала составляет более 2500 страниц.*

Основные методы – описательный и сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. *Тематико-идеографическая классификация заимствований позволяет сделать вывод об изменении как концептуальной, так и языковой картины мира народа, о новых явлениях в его общественной жизни, требующих языковой фиксации. Изучение современных методов заимствования в сопоставлении с процессами прошлых этапов развития языка дает возможность показать тенденции языкового развития, сделать вывод о соотношении внутриязыковых и экстралингвистических факторов в определенные периоды развития языка. Настоящая работа вносит также определенный вклад в исследование франко-английских лексических контактов, рассматривая их под семантическим углом зрения.*

Следует отметить, что в английском языке существует большой пласт французской лексики, которая была полностью усвоена системой языка и является полностью ассимилированной. Процесс заимствования активно продолжается и в настоящее время.

Заключение. *В условиях глобализации экономических, политических и социальных процессов, в связи с бурным развитием информационных технологий, средств массовой информации происходит усиление языковых контактов и, как следствие, активизация процесса заимствования.*

Ключевые слова: *лингвистика, лексическое заимствование, межкультурная и межъязыковая коммуникация, ассимиляция.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 138–143)

Lexical Adoption as the Result of Cross-Cultural and Cross-Language Communication

Hkraban T.E.

Kiev Military Ivan Bohun Lyceum, Kiev (Ukraine)

Being one of the most popular and important topics of modern linguistic researches the range of problems dealing with language interact is multi-aspect. Since one of the ways of renewal of any language vocabulary is adoption of words from other languages, the language situation in whole and the problems of cross-language adoption have been the object of special investigations.

This article analyzes those partially assimilated loanwords which came from French into the English language and which are used by the American writer William Styron in his works.

Material and methods. *Novels by William Styron («Sophie's Choice», «The Confessions of Nat Turner», «The Long March») are the material for the study. The total amount of the material is more than 2,500 pages.*

The main research methods for task solution of this article are the descriptive and comparative methods.

Findings and their discussion. *The subject and ideographic classification of adoption makes it possible to conclude about the change of both the conceptual and linguistic picture of the world of the people, the new developments in social life that require the language fixation. Beside the processes of the previous stages of language development the study of modern methods of adoption provides the opportunity to show tendency in language development, to estimate what the ratio is between intralingual and other non-linguistic factors in certain periods of the language development. This work also makes some contribution to the study of French and English lexical contacts considering them from the semantic point of view.*

It should be noted that in English there is a great stratum of the French vocabulary which has been completely assimilated by the system of the language and at present it is completely assimilated. Presently the process of adoption is active as well.

Conclusion. *Under globalization of economic, political and social processes, due to the rapid development of information technology and the media there strengthening of language contacts and consequently there activation of the process of adoption take place.*

Key words: *linguistics, lexical adoption, cross-cultural and cross-language communication, assimilation.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 138–143)

Адрес для корреспонденции: e-mail: Xraban.Tatyana@mail.ru – **Т.Е. Храбан**

При современной глобализации, тесном и постоянном контакте языков изучение общих закономерностей и конкретных проявлений взаимодействия между языками способствует более успешной организации общения. В условиях многонационального коммуникативного пространства имеет место интенсивный диалог языков и культур, результатом которого являются межъязыковые заимствования. Вместе с тем сами процессы заимствования отражают, с одной стороны, изменения в жизни общества, а с другой – фиксируют тенденции развития лексической системы языка. Все это требует глубокого изучения заимствований с точки зрения их семантики, структуры и функционирования в речи.

Изучение межъязыковых отношений и порождаемых ими явлений и процессов имеет давнюю историю и является традиционным для науки о языке. Проблематика взаимовлияния языков, будучи одной из наиболее популярных и важных тем современных лингвистических исследований, многопланова. Поскольку одним из путей обновления лексики любого языка является заимствование слов из других языков, то языковая ситуация в целом и проблемы межъязыковых заимствований и их функционирования стали объектом специальных исследований. Процессу заимствования как языковой проблеме были посвящены работы российских и зарубежных лингвистов: Л. Щербы, А. Потебни, А. Реформатского, В. Виноградова, Ю. Сорокина, О. Ахмановой, Л. Крысина, Е. Биржаковой, Л. Войновой, Т. Кутиной, К. Галкиной-Федорук, К. Горшковой, Н. Шанского, Н. Авиловой, П. Черных, А. Калинина, М. Фоминой, Э. Кузнецовой, Е. Земской, И. Милославского, М. Поповой, Д. Шмелева, В. Костомарова, В. Колесова, Н. Валгиной, И. Стернина, И. Огиенко, Ф. де Соссюра, Э. Хаугена, М. Фасмера, Р. Конрада и др.

Дальнейшее изучение процесса заимствования нашло свое отображение в диссертациях А. Садика (проведен анализ новых лексических заимствований, появившихся в современном русском языке в последнее десятилетие XX века и начале XXI века), Н. Слобожаниной (описаны лингвокультурные и семантические особенности англо-американских заимствований, их функционирование с позиций социо- и прагмалингвистики в современной прессе, художественной литературе и лексикографических справочниках), Н. Трещевой (рассмотрены типологические особенности английских заимствований в канадском варианте французского языка, а также проведено их сопоставление с другими вариантами французского языка) и др.

Цель статьи – анализ частично ассимилированных заимствованных слов, пришедших из французского языка в английский, использованных американским писателем Уильямом Стайроном в его произведениях.

Материал и методы. Материалом исследования послужили художественные произведения Уильяма Стайрона («Выбор Софи» / англ. «Sophie's Choice», «Признания Ната Тернера» / англ. «The Confessions of Nat Turner», «Долгий марш» / англ. «The Long March»). Общий объем рассмотренного материала составляет более 2500 страниц.

Основные методы – описательный и сопоставительный. Первый из них использовался при отборе и классификации языкового материала, второй служил основой при установлении лексико-семантических межъязыковых связей между лексическими единицами. В работе также применялись приемы классификации и систематизации, а также приемы лингвистического наблюдения и сопоставления в диахроническом аспекте.

Результаты и их обсуждение. Основу культуры любого народа составляет язык, а теоретические исследования в области языка имеют непреходящее значение для сохранения национальных культур. В последнее время в условиях глобализации экономических, политических и социальных процессов, в связи с бурным развитием информационных технологий, средств массовой информации происходит усиление языковых контактов и, как следствие, активизация процесса заимствования. Ученые отмечают, что заимствованные слова функционируют в самых различных источниках. Иноязычная лексика активно используется в публицистических произведениях, деловых документах, научных жанрах, а также и в разговорном языке образованных людей. Нет ни одного языка, который был бы свободен от чужеродных элементов; можно говорить лишь о различной степени проникновения иноязычных элементов в разные языки. Наиболее простым и отчетливым видом взаимодействия языков является лексическое заимствование, которое заключается в том, что один язык перенимает из другого готовые материальные единицы – слова, морфемы (с теми или иными изменениями, обусловленными спецификой заимствующего языка) – и их семантику (полностью или частично в соответствии с условиями заимствования).

Следует отметить, что явление скрещивания языков нельзя смешивать с заимствованием: принципиально важно разграничивать два различных следствия языковых контактов – заимствование отдельных языковых элементов (усвоение большего или меньшего

числа субстантных или структурных характеристик) в самом широком смысле слова, с одной стороны, и смену языка в целом, с другой.

Активное изучение заимствования (как самого процесса, так и образованных в результате его единиц) в отечественном и зарубежном языкознании началось на рубеже XIX–XX веков. Среди российских лингвистов наиболее системно и полно вопросы заимствования осветил Л. Крысин в книге «Иноязычные слова в современном русском языке». По мнению ученого, термин «заимствованное слово» можно соотнести лишь с частью слов иноязычного происхождения по принципу их ассимиляции. Заимствованные слова при данном подходе рассматриваются только как часть слов иноязычного происхождения [1, с. 32–35]. В этом контексте Л. Крысин отмечает, что важнейший признак заимствованного слова – «семантическая самостоятельность, отсутствие дублетных синонимических отношений с исконными словами языка, которые предопределяют функциональную активность слова, регулярность его употребления в речи». Поэтому, по мнению лингвиста, установление особенностей семантического освоения заимствований, наряду с фонетической и грамматической, имеет важное значение при изучении языковых контактов [1, с. 41].

Российские ученые А. Реформатский и Р. Будагов, а также французские лингвисты А. Соважо и А. Мартине относят к категории заимствований и результаты описательного перевода – кальки. То есть к заимствованиям предлагается относить не только сами заимствованные слова, но и заимствованные структуры, которые наполняются материалом родного языка. В этом случае происходит передача иноязычного прототипа без воспроизведения формальной модели языка-источника.

В современной лингвистике большинством исследователей заимствование рассматривается как элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс появления и закрепления в языке какого-либо иноязычного элемента [2, с. 180].

В лингвистических работах обращается внимание на проблему классификации заимствованной лексики. Решение вопроса классификации заимствованных слов зависит также от того, какие принципы кладутся в основу выделения заимствованного слова. Например, заимствования могут классифицироваться по степени ассимиляции, времени заимствования, характеру и способу заимствования, сфере функционирования заимствованных слов.

Лингвист Л. Крысин классифицирует заимствования на основании структурных и функциональных различий. Ученый выделяет критерии, которые необходимы для того, чтобы считать заимствование вошедшим в лексическую систему языка: графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка; соотнесение его с определенными грамматическими классами и категориями; семантическая самостоятельность слова, отсутствие у него дублетных синонимических отношений со словами, существующих в языке-заимствователе; для слова литературного языка – употребление не менее чем в двух разных речевых жанрах, для термина – регулярное употребление в определенной терминологической сфере. Иноязычные лексические элементы классифицируются следующим образом:

1) заимствованные слова;

2) экзотическая лексика;

5) иноязычные вкрапления [1, с. 42–43].

А. Реформатским предложен тип классификации, основанный на отличиях путей проникновения заимствований из языка-источника в язык-реципиент. Ученый подразделяет заимствования исходя из того:

1) происходит ли заимствование устным или письменным путем;

2) идет ли оно непосредственно из языка-источника или же через посредников;

3) происходит ли заимствование внутри одного языка;

4) заимствуются ли кальки [3, с. 115–117].

Для данного исследования интерес представляет классификация заимствованной лексики по принципу их ассимиляции в заимствующем языке, предложенная немецкими лингвистами. Ими было рекомендовано делить заимствования на слова, усвоенные языком-заимствователем (Lehnwörter), и слова иностранные, «чужие» (Fremdwörter), под которыми понимаются слова, вошедшие в словарный состав языка, но заимствованный характер которых ощущается носителями заимствующего языка. Эта классификация отразилась в некоторых работах российских ученых. Так, В. Кабакчи в своих «Основах англоязычной межкультурной коммуникации» по степени ассимиляции заимствований подразделяет их на неассимилированные, частично ассимилированные, полностью ассимилированные. В исследовании лингвист отмечает, что помимо узуальных заимствований встречаются лексические единицы, еще не входящие в словари на данном этапе развития языка. Он объединяет словарные заимствования и окказионализмы иноязычного происхождения под термином «ксеноним» [4, с. 32].

При полной ассимиляции заимствованное слово усваивается настолько, что его иноязычное происхождение может совершенно не ощущаться. Оно полностью вписывается в лексико-семантическую организованность языка. При данной классификации следует учитывать факт, что ассимиляция иноязычных слов в языке-реципиенте – проблема диахроническая и ее изучение возможно лишь в определенном временном срезе, а степень ассимиляции можно выявить только у той части слов, которая уже вошла в систему принимающего языка. При дифференцировании заимствованной лексики по степени ассимилированности необходимо принимать во внимание то, что лингвистический процесс заимствования в любом языке достаточно длителен и имеет сложную организацию. Верным представляется утверждение, что слова иноязычного происхождения неоднородны как по степени функционального, так и по выраженности формального усвоения. Заимствование не является механическим включением слова одного языка в другой: при заимствовании происходит изменение фонографического облика, коллигации и коллокации слова, на основе заимствованных и усвоенных слов и морфем образуются новые слова, которых нет в языке-источнике.

Процесс освоения является обязательным для устойчивого употребления лексических заимствований. Без этого процесса невозможно существование лексических заимствований на различных уровнях языковой системы: графическом, фонетическом, морфологическом и словообразовательном. Уровень процесса освоения дает возможность классифицировать заимствованные слова по принципу ассимиляции их в заимствующем языке. Под частично ассимилированным заимствованием мы понимаем лексику, которая уже вошла в английские словари, но сохранила особенности своей языковой системы.

В данной статье проводится анализ частично ассимилированных заимствованных слов, пришедших из французского языка в английский, использованных американским писателем Уильямом Стайроном в его произведениях. Выбранные слова сохранили особенности своей языковой системы на всех уровнях адаптации. Это нашло отражение в словарях, где вышеуказанные слова отмечены как заимствованные из французского языка [5]. С текста были выбраны 53 лексические единицы: ottoman, coquette, badinage, timbre, chalet, parvenu, trompe l'oeil, chatelaine, couture, savant, legerdemain, denouement, bizarre, foyer, clientele, faubourg, habitué, ménage, penchant, papier-mâché, flair, derriere, fin de siècle, de trop, contretemps, fracas, premiere, idée fixe, cliché, foulard, connoisseur, hauteur, potpourri, abattoir, sangfroid, matinee, malaise, beige, mise en scene, frisson, chauffeur, savoir-faire, insouciance, coup, impasse, entourage, camaraderie, gourmet, liaison, fiancé, trousseau, cuisine, restaurant.

Следует отметить, что в английском языке существует большой пласт французской лексики, которая была полностью усвоена системой языка и является полностью ассимилированной. Только с помощью этимологического словаря можно обнаружить французские корни заимствованных слов. Проследив время вхождения выбранных из текста слов в английский язык, можно объяснить причину их неполной ассимиляции. Среди 53 лексических единиц только 6 вошли в систему языка до XVIII века, остальные заимствования стали употребляться гораздо позднее. Это говорит о том, что процесс заимствования активно продолжается и в настоящее время, чему способствует ряд факторов, которые можно поделить на социолингвистические, экстралингвистические и лингвистические.

К социолингвистическим факторам относятся наименование новых понятий, реалий, вещей в реальной действительности в языке реципиента, что обусловлено, например, потребностями науки, которая идет путем специализации знаний или их глобализации; потребностью в формировании идеологического фундамента, способного объединить социум и в определенной мере манипулировать им; модой – господством в определенной среде в определенное время тех или иных вкусов, проявляющихся не только во внешних формах быта, но и через ценностные приоритеты.

Экстралингвистические факторы характеризуются тесными международными (торговыми, военными, экономическими, политическими, культурными, научными) отношениями между носителями языками. Кроме факта, что историческая судьба Англии после воцарения Вильгельма Завоевателя надолго переплелась с судьбой Франции, здесь следует упомянуть миграции на американский континент как носителей английского, так и французского языков. Язык в эмиграции, развиваясь в постоянном соприкосновении с другими языками, подвергается, таким образом, определенному воздействию, что отражается в изменении его состава. Примером является современная Канада, где французский язык находится в непосредственном окружении англо-канадской и англо-американской культуры, и процесс заимствования не ослабевает.

Лингвистические факторы охватывают целый ряд явлений: тенденцию к замене описательного наименования, состоящего из не-

скольких слов, наименованием, состоящим из одного слова; заимствование морфологической структуры, характеризующейся общностью значения; эвфемизацию – смягчение выражения за счет малознакомого языкового материала; потребности публицистики и художественной литературы; тенденцию к дифференциации языковых средств по смыслу, что ведет к старению полисемии исконного слова, упрощению его смысловой структуры. Каждая из названных выше причин по-своему влияет на процесс освоения новых слов, на время, необходимое для их адаптации к системе языка-реципиента, на степень и способы преобразования в этой системе.

Для анализа лингвистических факторов заимствования выборку слов можно разделить на 2 группы. К словам первой группы, составляющей 28 лексических единиц, можно подобрать абсолютные синонимы, способные в определенном контексте речи к полному взаимному замещению: ottoman – daybed; restaurant – café, cafeteria, snack bar, coffee bar, coffee house; fiancé – bridegroom; liaison – contact; gourmet – gastronome, glutton, gourmand, epicure; entourage – surroundings, environment; impasse – blind alley, dead end, cul-de-sac, deadlock; coup – putsch; insouciance – indifference, apathy; frisson – thrill, shudder; malaise – sickness; sangfroid – coolness, composure; hauteur – haughtiness, arrogance; connoisseur – expert; potpourri – jumble, bouillabaisse; abattoir – slaughterhouse; fracas – brawl; de trop – superfluous, excessive; habitué – haunter; ménage – 1) houshold; 2) housekeeping; bizarre – grotesque, outlandish, way-out, weird, strange, odd, fantastic; foyer – crush-room, lobby; clientele – clientage; flair – 1) skill, talent, inclination, tendency, aptitude; 2) liking, taste; 3) scent; derriere – bottom; ottoman – daybed; legerdemain – 1) jugglery; 2) trickery, deception, hocus-pocus; parvenu – upstart, forward pupil.

В данной группе заимствованные и английские синонимы всегда выступают как лексические единицы, обозначающие одно и то же явление объективной действительности.

Поскольку, с одной стороны, заимствование – это один из видов проявлений международной коммуникации как естественной связи и отношений между народами, с другой – чужая культура отрицательно влияет на ментальность и язык народа, заимствовавшего лексические единицы, не свойственные его национальному характеру, в данном контексте уместно привести высказывание российского лингвиста Л. Крысина: «Для выяснения языковой сущности нового лексико-семантического явления, несомненно, важно понимать, в каких случаях мы имеем дело с процессом саморазвития языка, а в каких – с иноязычным влиянием. В первом случае мы должны констатировать появление нового значения у ранее заимствованного слова; во втором, когда связь между традиционным и новым значениями трудно объяснить действием механизмов возникновения полисемии, а соответствие нового заимствования определенному иноязычному прототипу, напротив, очевидно, – речь должна идти о вторичном заимствовании» [6, с. 55].

В данном случае мы считаем заимствование позитивным явлением, поскольку благодаря тому, что иноязычные синонимы вносят дополнительную смысловую или эмоциональную информацию, они могут выполнять в языке-рецепторе функции уточнения и замещения. Замещение наблюдается чаще всего в следующих друг за другом частях текста и состоит во взаимной замене семантически адекватных единиц, что позволяет избежать однообразного повторения одних и тех же слов. Функция уточнения связана с желанием более четко передать мысль. Функция уточнения наиболее типична.

Таким образом, заимствованная лексика устраняет излишнюю полисемию исконной лексики и способствует более точному выражению мыслей. Употребляясь для обозначения одних и тех же предметов и явлений, иноязычные и исконные слова называют различные свойства, признаки и функции, выражают тонкие оттенки мысли, едва уловимые нюансы, характеризующие те или иные понятия, явления, предметы. Особенное значение это имеет для художественных произведений.

Вторая группа слов представляет 27 лексических единиц. В этом случае в английском языке вообще нет своего слова для данного понятия или оно недостаточно ясно выражает определенный компонент значения: coquette – a flirtatious woman; badinage – humorous or witty conversation; timbre – the character or quality of a musical sound or voice as distinct from its pitch and intensity; chalet – a wooden house with overhanging eaves, typically found in the Swiss Alps; trompe l'oeil – visual illusion in art, especially as used to trick the eye into perceiving a painted detail as a three-dimensional object; chatelaine – a woman in charge of a large house; couture – the design and manufacture of fashionable clothes to a client's specific requirements and measurements; savant – a learned person, especially a distinguished scientist; denouement – 1) the final part of a play, film, or narrative in which the strands of the plot are drawn together and matters are explained or resolved; 2) the outcome of a situation, when something is decided or made clear; faubourg – a suburb, especially one in Paris; penchant – a strong or habitual liking

for something or tendency to do something; papier-mâché – mixture of pieces of paper and glue. It can be made, while still damp, into objects such as bowls, ornaments, and models; fin de siècle – relating to or characteristic of the end of a century, especially the 19th century; contretemps– a minor dispute or disagreement; premiere – first night, opening night, new production; idée fixe– an idea or desire that dominates the mind; an obsession; cliché – a phrase or opinion that is overused and betrays a lack of original thought; foulard – a thin, soft material of silk or silk and cotton, typically having a printed pattern; matinee – an afternoon performance in a theatre or cinema; beige – a pale sandy fawn colour; mise en scene – the arrangement of scenery and stage properties in a play; chauffeur – a person employed to drive a private or hired car; savoir-faire – confidence and ability to do the appropriate thing in a social situation; camaraderie – mutual trust and friendship among people who spend a lot of time together; trousseau – the clothes, linen, and other belongings collected by a bride for her marriage; cuisine – a style or method of cooking, especially as characteristic of a particular country, region, or establishment [7].

Данная группа слов однозначно доказывает позитивную роль заимствований, которые выступают средством развития языка и обогащения его словарного состава путем обозначения новых предметов и понятий, пополнения словарного состава английского языка в количественном отношении, заполнения лакун в определенных тематических группах слов. Кроме того, следует упомянуть, что в художественных произведениях лексические заимствования являются жанрово-стилевой особенностью литературы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Международный обмен языковыми ценностями – одна из важнейших черт развития языка. Процесс заимствования распространяется на различные уровни языковой структуры, при этом самой проницаемой является лексическая система, поскольку слово – подвижный, способный к свободной миграции элемент языка.

2. Процесс заимствования динамичен и находится в постоянном развитии как результат межкультурной и межъязыковой коммуникации двух языковых сообществ.

3. Заимствование можно расценивать как позитивный фактор, не нарушающий коммуникативную функцию языка и выполняющий следующие функции в художественном произведении:

– разгрузка чрезмерно развитой полисемии исконных слов, что способствует повышению и сохранению коммуникативной четкости словарных единиц;

– выполнение важной стилистической функции – употребление во избежание однообразия текста, частого повторения одной лексемы;

– выражение каких-либо новых оттенков значений уже существующих в языке слов для дифференциации, уточнения, детализации известных предметов и явлений, что развивает и обогащает идеографическую синонимию английского языка.

4. Значительная часть заимствований из французского языка в английский может быть отнесена к бытовой и эмоционально-экспрессивной лексике.

Заключение. Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что тематико-идеографическая классификация заимствований позволяет сделать вывод об изменении как концептуальной, так и языковой картины мира народа, о новых явлениях в его общественной жизни, требующих языковой фиксации. Изучение современных методов заимствования в сопоставлении с процессами прошлых этапов развития языка дает возможность показать тенденции языкового развития, сделать вывод о соотношении внутриязыковых и экстралингвистических факторов в определенные периоды развития языка. Настоящая работа вносит также определенный вклад в исследование франко-английских лексических контактов, рассматривая их под семантическим углом зрения.

Литература

1. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
2. Бутылов, Н.В. Освоение заимствованной лексики в мордовских языках / Н.В. Бутылов // Интеграция образования. – 2006. – № 4. – С. 180–182.
3. Реформатский, А.А. Введение в языкознание: учеб. пособие для пед. ин-тов / А.А. Реформатский. – М.: Учпедгиз, 1955. – 400 с.
4. Кабакчи, В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: учеб. пособие / В.В. Кабакчи. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 232 с.
5. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь: 75 тысяч слов / В.К. Мюллер [при участии Н. Симоновой, Г. Уильямса]. – М.: ЛадКом, 2008. – 720 с.
6. Крысин, Л.П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре / Л.П. Крысин // Проблемы русской лексикографии: Шестые Шмелевские чтения: тез. докл. междунар. конф., Москва, 24–26 февр. 2004 г. / Ин-т рус. языка РАН им. В.В. Виноградова. – М., 2004. – С. 54–56.
7. Оксфордский словарь английского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.softwaresea.com/software-download/oxford-english-dictionary. – Дата доступа: 24.05.2015.

Поступила в редакцию 21.09.2015 г.

УДК 81.42

«Лес» и «дом» как ключевые концепты главной оппозиции сказочного дискурса (в рамках общей дискурсивной теории)

Шаколо А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Исследования в области дискурсивного анализа текста становятся все более значимой сферой интересов лингвистов. Что касается сказочного дискурса, ключевой его концептуальной оппозицией является противопоставление дома и леса. И лес, и дом выступают в сказках в качестве двух основных, никогда не отождествляемых миров.

Цель статьи – рассмотреть концепты «дом» и «лес» как неотъемлемые составляющие оппозиции «свой–чужой» в сказочном дискурсе, обосновать важность изучения волшебных сказок, выделить особенности восприятия концептов разными народами.

Материал и методы. *Материалом для работы послужили русские и немецкие волшебные сказки, собранные А.Н. Афанасьевым и Я. и В. Гримм. В ходе исследования были использованы описательный, индуктивный, сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический методы.*

Результаты и их обсуждение. *В данном случае принципиально акцентировать внимание на бинарных концептах. Изначально противопоставление жилища и леса являлось очевидным. Имели место нюансы: не столь настороженное отношение к лесу у германцев, более сакральное к дому – у славян. На основе толкований леса и дома можно сделать вывод о тесной взаимосвязи данных концептов при абсолютно разных функциях. Примеры, взятые из сказок, собранных Афанасьевым и братьями Гримм, служат наглядными подтверждениями необходимости наличия в сказочном дискурсе концептуальной оппозиции «лес–дом».*

Заключение. *Концепты «лес» и «дом» являются несменными составляющими главной оппозиции сказочного дискурса. У русских лес опаснее, у немцев отношение к нему не столь негативно; в обоих случаях, однако, сложно переоценить роль дома и леса для славян и германцев.*

Ключевые слова: *лес, дом, сказочный дискурс, ключевая оппозиция, русские и немецкие волшебные сказки.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 144–147)

«Forest» and «House» as Key Concepts of the Main Opposition within the Fairy Tale Discourse (in the Context of the General Discourse Theory)

Shakola A.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Researches of the discursive analysis become a more and more significant sphere of linguists' interest. The key conceptual opposition of the fairy tale discourse rests on contrasting the house and the forest, fundamental opposite worlds.

The purpose of the article is to consider concepts of house and forest as the integral elements of the friend vs. foe opposition, to prove the importance of studying in the area of fairy tales, to emphasize perception peculiarities of the concepts by different peoples.

Material and methods. *As material of our article we have used Russian and German fairy tales, collected by A.N. Afanasyev and J. and W. Grimm. Descriptive, inductive, comparative, cultural-historical methods have been used in the research.*

Findings and their discussion. *It is significant that we should point out binary concepts. Initially, the opposition of house and forest was obvious. Distinctions took place: not so guarded attitude towards forest among Germanic peoples, more sacral – towards house among Slavs. It is possible to draw a conclusion on close interrelation between forest and house, their functions being different. The examples taken from fairy tales evidently serve in support of the conceptual opposition «forest–house».*

Conclusion. *The concepts of forest and house are permanent components of the main opposition within the fairy tale discourse. Russian forest is more dangerous while German attitude to it is not so negative; in both the cases, however, it is difficult to overestimate the role of house and forest for Slavs and Germanic peoples.*

Key words: *forest, house, fairy tale discourse, key opposition, Russian and German fairy tales.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 144–147)

Адрес для корреспонденции: e-mail: aleksasch-94@yandex.by – **А.В. Шаколо**

Исследования в области дискурсивного анализа текста в последнее время становятся все более значимой сферой интересов лингвистов всего мира. Общеизвестно, что человеческое сознание построено по принципу единой системы, причем система эта характеризуется явной бинарностью на самых разных уровнях, что и находит отражение как в жизненных, так и в языковых реалиях. Отсюда и множество всевозможных оппозиций в лингвистике, которые не только служат подтверждением фонологической концепции выдающегося русского языковеда Н.С. Трубецкого, но и выходят за ее пределы. Этим объясняется наличие оппозиций семантических и концептуальных. В данной статье мы рассмотрим ключевую концептуальную оппозицию сказочного дискурса, основанную на противопоставлении ее главных концептов-архетипов – дома и леса.

Понятие дискурса в современной лингвистике раскрывается в работах следующих ученых: Н.Д. Арутюновой, Э. Бенвениста, В.Г. Борботько, Т. ван Дейка, Н.И. Формановской, В.А. Андреевой, Р. Барта, В.А. Звегинцева, В.Е. Чернявской и др. Несмотря на различие в подходах к сущности данного понятия, языковеды сходятся в его несомненной важности и актуальности для филологических наук. Дискурс волшебных сказок требует, на наш взгляд, более детального изучения, так как в современном понимании сказочных текстов не всегда принимаются во внимание их истоки. На первое место в сказках зачастую ставят дидактический компонент, наличие которого в них, разумеется, было бы бессмысленно отрицать, однако следует сделать основной акцент на противопоставлении, без которого едва ли возможно представить какую бы то ни было сказку и которое, несмотря на свою, выражаясь современным языком, популярность в сказочном дискурсе еще с незапамятных времен, зачастую остается незамеченным. Данное противопоставление является оппозицией априори, заложенной в подсознании наших предков и сохранившейся в реликтовой форме в сознании современного человека. Сказки действительно могли служить в качестве предостережения или поучения как для детей, так и для взрослых, своеобразным алгоритмом, однако первопричина этого кроется в головном мозге человека, изначально предопределяющем наличие у нас аналитического мышления и, как следствие, стремление к выделению противоположностей.

Вопросы общей дискурсивной теории, сказочного дискурса и концептуальных оппозиций рассматриваются в трудах таких ученых, как М.В. Пименова, В.В. Иванов, Х.Э. Керлот. Следует отметить, что и лес, и дом в сказках, собранных братьями Я. и В. Гримм и А.Н. Афанасьевым, выступают в качестве двух основных миров, равных по значимости, живущих по собственным законам, способных пересекаться, но никогда не отождествляемых в сознании нарратора или сказочных персонажей. Напротив, они представляют собой наиболее характерную для данного дискурса противоположность, на основании чего мы и можем утверждать, что в сказочном дискурсе эти два концепта занимают основополагающую позицию.

Цель статьи – рассмотреть концепты «дом» и «лес» как неотъемлемые составляющие оппозиции «свой–чужой» в сказочном дискурсе, обосновать важность изучения волшебных сказок, выделить особенности восприятия концептов разными народами.

Материал и методы. Материалом для работы послужили русские и немецкие волшебные сказки, собранные А.Н. Афанасьевым и Я. и В. Гримм. В ходе исследования были использованы описательный, индуктивный, сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. В «Словаре символов» испанского писателя и искусствоведа Х.Э. Керлота приводится следующее описание такого в равной мере древнего и амбивалентного образа-символа, как «лес»: «В ряду общей пейзажной символики лесу отводится важное место в мифах, легендах и народных сказках. Сложная символика леса связана на всех уровнях с символикой женского начала или Великой матери. <...> Так как женское начало принято отождествлять с бессознательным в человеке, лес также рассматривается как символ бессознательного. Именно по этой причине Юнг утверждает, что лесные страхи, столь часто встречающиеся в детских сказках, символизируют опасные аспекты бессознательного, т.е. тенденцию к пожиранию или сокрытию разума. Циммер подчеркивает, что в противоположность городу, дому и обрабатываемой земле <...>, лес дает приют всевозможным опасностям... Поэтому леса в первую очередь были местом культов богов, а умилостивляющие жертвы подвешивались на деревьях (дерево в этом случае – эквивалент жертвенного столба)» [1, с. 289].

Для сравнения обратимся к описанию Керлотом не менее значимого архетипа «дом»: «Мистики традиционно представляли женский аспект мироздания в виде груди, дома, стены, огражденного сада. Другая символическая связь существует между домом (а также вышеупомянутыми формами) и хранили-

щем мудрости, т.е. традиции самой по себе. <...> ...Прежде всего дом как жилище вызывает богатейшие ассоциации с телом и мыслью (т.е. жизнью) человека... А. Тейяр поясняет это тем, что образ дома во снах представляет собой различные уровни (души). Фасад здания означает внешний облик человека: его личность или его маску. <...> Крыша и верхний этаж соответствуют голове и разуму... Следовательно, подвал ассоциируется с бессознательным и инстинктами (подобно сточным трубам в городской символике). Кухня, где происходит превращение пищевых продуктов, означает место или момент духовных трансмутаций в алхимическом смысле. <...> Лестницы – соединения различных уровней души... В конечном счете, как уже сказано, дом ассоциируется с человеческим телом, особенно в аспекте выходов из него, что отмечал Артемидорос Далдианус» [1, с. 179–180].

На основе двух толкований леса и дома можно сделать вывод об их тесной взаимосвязи при абсолютно разных функциях (уместной будет параллель с полушариями мозга). Если дом – модель самого человека, хорошо знакомая ему и вызывающая, как правило, устойчивые ассоциации с понятием космоса в значении, которое вкладывали в него еще древние греки, то лес – воплощение хаоса. Он может символизировать, как было отмечено выше, женское начало, бессознательное, хаотичное. Если же обратиться к древнекитайской натурфилософии, одним из ее постулатов является обозначение женского начала инь как тождественного земле, Луне, покою. Несмотря на то, что субстанция инь – холодная, темная, негативная – именно она вносит гармонию в наш мир, дополняя ян. Этим и объясняется большинство сказочных сюжетов, сочетающих житейское понимание мира с древнейшими знаниями наших предков: герой переходит из одного состояния в другое, преображается, проходя испытания. «Дом–лес» – не столько схематическое перемещение из пункта А в пункт В в сказочном дискурсе, сколько движение по спирали: в финале сказки персонаж чаще всего возвращается к начальной точке, он вновь дома (будь то родительский дом или же царские палаты, ставшие его новым домом), но уже не в прежнем качестве. Работает принцип «всё или ничего», и сюжетная канва сказки целиком пронизана упорной борьбой за первое, чтобы восстановить нарушенный миропорядок.

В качестве наглядных подтверждений наших рассуждений рассмотрим примеры, взятые из сказок, собранных Афанасьевым и братьями Гримм.

В сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» все трудности в жизни главного героя начались с того момента, как тот поднял во время охоты перо жар-птицы в лесу, а затем отнес его царю, не прислушавшись к увещеваниям богатырского коня. В дальнейшем, после всех перипетий, стрелец будет в отчаянии укорять себя за это: «Вот беда, так беда! – думает он. – Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы? Зачем коня не послушался?» [2, с. 346]. Но в конце сказки, возможно, послужившей впоследствии П.П. Ершову основой для его «Конька-горбунка», вопреки обреченным настроениям персонажа, главный герой (протагонист) не только остается жив, но и женится на первой красавице – Василисе-царевне. Таким образом, становится очевидным, что лес из привычной герою местности для охоты перерождается, как ему кажется, в губителя, или, по меньшей мере, место, где он нашел причину своей неминуемой гибели – перо. (Обладательница пера, следует заметить, также обитала именно в лесу). Однако, проходя инициацию, делая своеобразные витки в направлении вверх, стрелец выдерживает все испытания и в итоге обретает свое счастье, а вместе с ним – и новый дом, доставшийся ему после гибели его несостоявшегося палача и предшественника – старого царя. Оппозиция «лес–дом» в данном случае полноценно реализуется в равной мере благодаря обоим компонентам – лесу, способному наделять дарами и губить одновременно, и дому, нашедшему воплощение в богатырском коне. Роль Василисы неоднозначна, она – образ на перепутье: охарактеризовать ее можно пушкинской рифмой «любим – губим» – царевна являет собой начала и созидательные (для стрельца), и разрушительные (для царя), отражая суть оппозиции наиболее полно.

Сказка «Das Waldhaus» («Лесной дом»), записанная братьями Гримм, повествует о трех сестрах, по очереди отправленных матерью в лес: каждая из них должна была принести обед отцу-дровосеку, но ни одной не удалось этого сделать – заблудившись в лесу, девушки приходили в лесной дом в надежде, что там можно будет переночевать. В доме жили седой старик, курочка, петушок и пестрая корова. Старшая и средняя сестры допустили одну и ту же ошибку: не накормили животных, за что оказались запертыми в погребе, в то время как младшая отнеслась с одинаковой учтивостью ко всем, жившим в доме. За свою доброту она, чего и следовало ожидать, была вознаграждена искренней любовью расколдованного принца: «И это [заклятие] должно было длиться до тех пор, пока не придет к нам девушка, настолько добрая, что не только к людям, но даже к животным выкажет себя милостивой» [3, с. 323]. Лесной дом превращается в прекрасный дворец, курочка, петушок

и корова – в слуг, сестер отправляют на «перевоспитание» за недостойное человека обращение с животными (тем злободневнее сказка для современности!), а главная героиня, сумев пройти все испытания, выходит замуж за королевского сына. Проводя аналогию с записанной Афанасьевым сказкой, можно с уверенностью говорить о той же схеме развития событий здесь, с той лишь спецификой, что в центре в данном случае – женская инициация. Если достойный своего рода мужчина – отважный защитник, воин, то женщина являлась хранительницей домашнего очага, и такие качества, как участие, забота, сострадание, милосердие, на поле битвы зачастую неприемлемые (ср. «À la guerre commeà la guerre»). Они наилучшим образом характеризовали жену и мать, прочно войдя в комплекс представлений об истинной женственности. Лесу, красной нити этой немецкой сказки, здесь уделено особое внимание: дворец изначально находился в лесу, жена дровосека отправляет дочерей одну за другой в лес и только потом сожалеет об этом, вспоминая об опасности, в качестве наказания сестры остаются работать в лесу у одного угольщика. Как видим, отношение к лесу у потомков древних германцев явно более мягкое, хотя и не исключается его негативное влияние на человека ввиду всевозможных угроз; но никакие угрозы не мешают добродетельным персонажам найти свое счастье – так концепты «лес» и «дом» не только коррелируют, но и обогащают друг друга: даже лес становится домом для положительных героев, когда для отрицательных и дом не может быть укрытием.

В белорусских сказках также встречаются сюжеты, близкие русским, – например, сказка «Каваль і Аднавокае Гора», во многом напоминающая «Лихо одноглазое» из сборника Афанасьева. В обеих сказках ключевым является образ Лиха, живущего в лесной избе (в немецких сказках в лесах живут великаны или ведьмы, однако в западноевропейской традиции нишу Лиха занимает циклоп, известный еще со времен «Одиссеи» Гомера и, по-видимому, в измененном образе дошедший до славян). Примечательно отсутствие каких бы то ни было аналогов слову «лихо» в неславянских языках – понятие непереводимое, исконное, с явно негативной для носителя языка коннотацией, лакуна. Кузнецу удается и увидеть Лихо в прямом смысле (ср. «хлебнуть лиха», «узнать, почём фунт лиха», «навидаться лиха», а также цепочку «лихо – лишний – нечет»), и выжить после встречи с ним (тем же способом, что и Одиссею, с той лишь разницей, что главный герой в сказке теряет руку). Т.е. персонажу удалось спастись и, покинув мрачный, жестокий лес, вернуться домой, – после всего, что с ним произошло, он стал опытнее и отказался от дальнейших поисков Лиха, открыв для себя простую истину: «Не буди лихо, пока оно тихо». Но, чтобы подобные открытия были возможны, и необходима в сказочном дискурсе концептуальная оппозиция «лес–дом», о чем красноречиво свидетельствуют сами сказки. Прохождение испытаний, обусловленных противопоставлением данных концептов, делает героя сильнее, помогает не только покинуть «зону комфорта», но и восстановить нарушенный в сказке миропорядок в пользу протагонистов, что означает возврат к исходной гармонии и благополучный финал.

Заключение. Таким образом, концепты «лес» и «дом» являются несменными составляющими главной оппозиции сказочного дискурса, образуя тем самым ядро противопоставления «свой–чужой» в сказках. У русских лес более мрачен и опасен, у немцев отношение к нему не столь негативное; в обоих случаях, однако, сложно переоценить роль дома и леса для славян и германцев. На основе вышесказанного отметим, что суть оппозиции – в единстве противоположностей и неразрывной связи ее элементов, – в очередной раз подтверждает, каким неиссякаемым источником мудрости были знания наших далеких предков, не теряющие своей актуальности и в настоящее время. Кроме того, из данного исследования четко следует необходимость дальнейшего изучения сказочного дискурса.

Литература

1. Керлот, Х.Э. Словарь символов: науч.-попул. изд. / Х.Э. Керлот. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.
2. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. / подг. изд. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. – М.: Наука, 1984–1985. – Т. 1. – 512 с.
3. Гримм, Я. Собрание сказок: в 2 т. / Я. Гримм, В. Гримм. – М.: Литература, Престиж Бук, 2007. – 464 с.

Поступила в редакцию 03.02.2016 г.

УДК 811.161.1’373.1+811.112.2’373.2

Художественные ономастиконы произведений В.П. Астафьева и Г. Бёлля как отражение русского и немецкого национально-культурных пространств

Шеверинова О.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Антропонимная система художественного текста выступает источником построения лингвокультурного, социокультурного и национально-культурного пространств той или иной общности, что предопределяет ее исследование как объекта, содержащего национально-культурную информацию, которая пропущена сквозь призму языковой личности автора.

Цель статьи – установление общего и специфического в системе номинации действующих лиц и функционировании прецедентных единиц в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах.

Материал и методы. *Фактическим материалом послужили контекстные единицы, представленные антропонимами, в художественных произведениях В.П. Астафьева и Г. Бёлля. Общий объем проанализированного материала составил 1571 номинативную единицу.*

Основные методы исследования – описательный, сравнительно-сопоставительный, интерпретативный и качественно-количественный анализы.

Результаты и их обсуждение. *В статье устанавливаются и описываются общие и специфические черты в 2-х номинативных системах, репрезентирующих русскую и немецкую лингвокультуры; объективируются данные о структурно-семантических особенностях номинативных единиц в ономастиконах произведений авторов и выделяются закономерности, которые определяют номинативные тенденции в художественном дискурсе в социосемиотическом аспекте.*

Заключение. *Номинация действующих лиц и совокупность прецедентных имен в художественных текстах авторов представляет собой особую систему, характеризующуюся синтагматическими и парадигматическими отношениями, которые выстроены с учетом субъективного авторского восприятия окружающей действительности и смоделированы в единое художественное пространство с учетом национально-культурных, историко-культурных и социальных особенностей развития русского и немецкого обществ.*

Ключевые слова: *литературный антропоним, национальная специфика, номинация лиц, прецедентное имя, социокультурная информация, художественный дискурс.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 148–153)

Literary Onomasticons in Works by V.P. Astafyev and H. Böll as a Reflection of Russian and German National and Cultural Spaces

Sheverinova O.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Anthroponymical system of a literary text is the source of constructing linguocultural, social and cultural and national and cultural spaces of a community, which determines it as the subject of study with national and cultural information through the prism of the linguistic personality of the author.

The aim of the article is to establish general and specific characteristics in the nominative systems of the characters and in the functioning of precedential units in the Russian and German speaking literary discourse.

Material and methods. *The actual material is the context units represented in anthroponymicons created by V.P. Astafiev and H. Böll. The total volume of actual material is 1571 nominative units.*

The basic methods of the research are descriptive, comparative, interpretative and qualitative and quantitative analyzes.

Findings and their discussion. *This article establishes and describes the general and specific characteristics of two nominative systems represented in the Russian and German linguistic cultures; the information on the structural and semantic features of the nominative units in onomasticon of the authors’ works has been presented and objectified; the laws that control the onomastical trends have been defined in the literary discourse in social and semiotical aspects.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: olsheverinova@yandex.ru – **О.В. Шеверинова**

Conclusion. *The nomination of characters in literary works and the system of precedential names in literary texts of the authors can been defined as special systems. They are characterized by syntagmatic and paradigmatic relations that are based on a subjective author's perception of reality being modeled into a unique literary space with national, cultural, historical, and social features of Russian and German societies.*

Key words: *literary anthroponym, national identity, the nomination of persons, precedential name, social and cultural information, literary discourse.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 148–153)

Антропонимная система художественного текста вкупе с его семантическими, прагматическими, социосемиотическими и лингвокультурологическими особенностями выступает источником построения лингвокультурного, социокультурного и национально-культурного пространств той или иной общности в определенный исторический период, что предопределяет ее исследование как объекта, содержащего национально-культурную информацию, которая пропущена сквозь призму языковой личности автора.

Данное направление в лингвистике, несмотря на свое относительно позднее формирование, является весьма актуальным. За последние десятилетия за рубежом образовались и успешно работают научные ономастические школы и лаборатории, в которых активно разрабатывается проблема семиотической «знаковости» номинативных единиц. Исследуется также вопрос о моделировании художественной реальности посредством антропонимов на примере отдельных авторов или совокупности произведений, объединенных на основе хронотопа – единства пространственных и временных параметров художественного текста.

Белорусские исследования охватывают следующий круг проблем: анализируется семантический потенциал литературных личных имен с позиции синтаксической и лексической сочетаемости (Т.П. Бугай), устанавливаются ключевые и знаковые онимы в произведениях отдельных авторов в рамках концептуализации национального культурного пространства (Ю.А. Гурская [1]), изучается онимия как особый модус ономастической действительности, выявляются основные функциональные пути и способы реализации онимов в области текстообразования и номинации (А.Н. Деревяго [2]), исследуются прецедентные феномены, представленные в персоносфере, т.е. в сфере реальных и вымышленных личностей (Е.Ю. Муратова), определяются роль и художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках (А.Ф. Рогалев [3]), на примере прозаических текстов разных белорусских авторов прослеживается и описывается художественно-эстетическая роль и лингвистическая функция онимов (В.В. Шур [4]), составляются ономастические словари произведений писателей.

Однако, несмотря на активный интерес ученых к разноаспектному изучению литературных имен собственных, работы в сравнительно-сопоставительном и контрастивном направлениях, позволяющие посредством литературных ономастических единиц выявить коммуникативную социокультурную и национальную специфику разных народов, носят спорадический характер.

Таким образом, мы считаем, что актуальность нашей темы обусловлена 1) отсутствием в современной лингвистике комплексных работ, в которых представлен сопоставительный анализ художественных антропонимиконов на материале нескольких языков, 2) необходимостью исследования художественного текста как социосемиотической и национально маркированной системы, выступающей результатом авторского моделирования реальной действительности, 3) тенденциями развития современной науки, в фокусе которой находится проблема объективации и субъективации окружающей действительности и способов моделирования социального и национально-культурногопространства.

Цель статьи – установление общего и специфического в системе номинации действующих лиц и функционировании прецедентных единиц в русскоязычном и немецкоязычном художественных дискурсах.

Материал и методы. Фактическим материалом для исследования послужили контекстные единицы, представленные антропонимами, в художественных произведениях В.П. Астафьева («Последний поклон», «Прокляты и убиты», «Царь-рыба») и Г. Бёлля («Ansichten eines Clowns», «Billard um halb zehn», «Haus ohne Hüter», «Wo warst du, Adam?»). Общий объем проанализированного материала составил 1571 номинативную единицу.

Основными методами исследования являются описательный, сравнительно-сопоставительный и интерпретативный анализы, которые использовались для установления и описания общих и специфических черт в 2-х номинативных системах, репрезентирующих русскую и немецкую лингвокультуры. Качественно-количественный анализ позволил объективировать данные о струк-

турно-семантических особенностях номинативных единиц в ономастиконах произведений авторов и выделить закономерности, которые определяют номинативные тенденции в художественном дискурсе в социосемиотическом аспекте.

Результаты и их обсуждение. Антропонимная система организации художественного пространства исследуемых текстов В.П. Астафьева и Г. Бёлля представлена двумя семантико-функциональными сегментами: именованиями действующих лиц произведений и прецедентными онимами.

Модель первого сегмента ономастического пространства формируется авторами в соответствии с принятой официальной и неофициальной системой именования человека в русском и немецком обществах. Так, в творчестве В.П. Астафьева она представлена такими антропонимическими единицами, как «личное имя», «фамилия», «отчество», «прозвище», а в художественных текстах Г. Бёлля – «личным именем», «фамилией», «прозвищем». Отсутствие отчества обусловлено спецификой немецкой национальной именословной системы, проявляющейся в двухименной официальной форме именования *личное имя+фамилия*. В русском социуме отчества служат дополнительным знаком различения лица, а в речевой коммуникации – постоянным атрибутом вежливого обращения к человеку. Отчества в исследуемых произведениях В.П. Астафьева являются составной частью реальной русской антропонимической системы, словообразовательные модели, по которым они образованы, отличаются устойчивостью, шаблонностью и минимальной вариативностью (например, *Агафонович, Максимович, Тихонович; Акимовна, Гавриловна, Михайловна* и др.).

Таким образом, в творчестве В.П. Астафьева выявляются три типа моделей именования:

1) одночленная (*личное имя, фамилия, отчество, прозвище*);

2) двучленная (*имя + фамилия, имя + отчество, имя + прозвище*);

3) трехчленная (*имя + отчество + фамилия*), которые соответствуют традиционным моделям именования в русском обществе.

Самые распространенные в исследуемых произведениях модели: *личное имя*, *имя + фамилия, имя + отчество, фамилия*. В сфере официального общения преобладает трехчленная модель *имя + отчество + фамилия* (***Катерина Петровна Потылицына*** *кем доводится тебе?* [5, с. 230]), в сфере неформального общения – одночленная (1. ***Санька! Нинка! Митрей! Вовка! Данька! Толька!*** *Ташшыте посуду какую ишшо не перебили...* [6, с. 334]. 2. *Куда деваться, не к* ***Болтухиным*** *же, не к* ***Вершкову*** *нести?* [6, с. 82]).

В творчестве Г. Бёлля выявляются так же, как в текстах В.П. Астафьева, три типа моделей именования:

1) одночленная (*личное имя, фамилия, прозвище*);

2) двучленная (*имя + фамилия, имя + прозвище*);

3) трехчленная (*имя + имя + фамилия*).

Доминирующими антропонимическими моделями в прозаических текстах Г. Бёлля выступают модели *фамилия, личное имя, имя + фамилия*. Для сферы официального общения типичным является употребление одночленной модели *фамилия* и двучленной – *имя + фамилия* с использованием общепринятых в немецкой лингвокультуре компонентов этикетной формулы именования *Herr* 'господин'/ *Frau* 'госпожа' (1. ***Feinhals****, – sagte der Stationsarzt zu ihm, – tragen Sie die Aktentasche in den Wagen* [7, с. 29] / ***Файнхальс****, – сказал ему ординатор, – отнесите в машину портфель полковника. 2. Machen Sie mir doch einen Vorschlag,* ***Herr Schnier*** [8, с. 39] / *Предложите мне что-нибудь,* ***господин Шнир***). В сфере неофициального общения приоритетной моделью выступает *личное имя*.

Личные имена функционируют в произведениях авторов в официальной (*Александр, Василий, Гаврила; Августа, Варвара, Зоя / Albert, Bernhard, Friedrich; Anna, Charlotte, Johanna* и др.) и неофициальной формах (*Андрюша, Алеш, Ашотик, Вася, Ванюха, Витенька; Аганька, Акульша, Галя, Марьюшка / Ben, Em, Ferdi, Le, Rai; Betty, Mariechen, Trude* и др.). При этом последняя образует самый частотный способ именования (70% от общего количества личных имен) в произведениях В.П. Астафьева и представлена просторечными, гипокористическими и квалитативными формами, а также модификациями личного имени, которые обусловлены диалектными характеристиками говорящего или языковой интерференцией. Такие формы имен в творчестве В.П. Астафьева воплощают, на наш взгляд, идею «народности» именника, т.е. выступают средством репрезентации русского бытового уклада жизни деревенских жителей и населения небольших городков и принятых традиций именования в данных микросоциумах. Например, герои произведений, находящиеся как в родственных, так и в дружеских отношениях, при обращении называют друг друга следующим образом: *Между тем сам большевик Болтухин и его жена Екатерина,* ***Катькой*** *все привычно ее кликали, жили как ни в чем не бывало* [9, с. 18].

Анализ частотности употребления официальной и неофициальной форм в произ-

ведениях Г. Бёлля устанавливает значительную количественную диспропорцию с превалированием официальной формы личных имен (92,6% от общего количества личных имен) для номинации персонажей, что обусловлено расширенной сферой употребления сокращенных форм личных имен как в неофициальной, так и в официальной сферах коммуникации и суженностью спектра словообразовательных суффиксов для образования неофициальных форм личных имен по сравнению с системой русского языка. Спецификой авторского именования персонажей выступает контекстная акцентуация на существующие в обществе традиции давать имена в честь своих предков/родителей, святых, монархов, правителей: <...> *eine hagere kleine Jüdin, Absaloms Mutter, die aus Alberts Wohnung nach Lissabon telefonierte, nach Mexiko City, alle Schiffahrtslinien anrief – und immer an der Hand den kleinen* ***Wilhelm*** *Billig, der in Verehrung für den Kaiser Wilhelm so benannt worden war* [10, с. 32] / <...> *худенькая маленькая еврейка, мать Авессалома, которая звонила из квартиры Альберта в Лиссабон и в Мехико-Сити, обзванивала все пароходные линии, все время не спуская с рук маленького* ***Вильгельма*** *Биллига, названного так в честь кайзера Вильгельма*.

В составе фамилий, функционирующих в художественных ономастиконах авторов, выделяются фамильные единицы:

1) принадлежащие в произведениях В.П. Астафьева к славянскому, а в текстах Г. Бёлля – к немецкому антропонимикону;

2) соотносящиеся с антропонимиконами других наций.

Самой многочисленной в двух ономастических пространствах является первая группа, что мотивировано концептуально-идейным содержанием произведений. При этом отличительной чертой качественного состава фамилий данной группы в творчестве Г. Бёлля является культурно-исторический и социально маркированный пласт онимов, репрезентирующий особенности немецкой системы фамилий и обусловленный историческим классовым расслоением общества.

Во-первых, это фамилии, основы которых соотносятся с обозначением в языке различного рода занятий или профессии (например: *Becker*→Bäcker ’пекарь‘, *Dröscher*→Drescher ’молотильщик‘, *Schneider*→Schneider ’портной‘, *Schnitzler*→Schnitzer ’резчик‘, *Weber*→Weber ’ткач‘ и др.) и отражают один из распространенных способов формирования фамилий низших слоев населения в Германии. Апеллятивные основы таких фамилий детерминированы активным развитием мелкого ремесленного производства в период Средневековья. Во-вторых, это фамилии, сохранившие в своем составе компонент von (*von Bern, von Hohenbrode, von Severn* и др.). Первоначально он использовался в лексической системе языка для указания на место происхождения или жительства носителя фамилии и имел значение ’родом из‘, впоследствии (с кон. XIV в.) стал социально различительным знаком в противопоставлении высших и низших слоев населения и привилегией в использовании только аристократическими семьями. Необходимо обратить внимание на то, что рассматриваемый компонент с приобретенным функциональным назначением сохранил свой экстралингвистический оттенок в современном немецкоязычном социуме, несмотря на отсутствие в нем классового разделения. Контекстное употребление такого рода номинативных единиц во взаимосвязи с сюжетными линиями произведений Г. Бёлля позволило нам установить противоположно направленные коннотации (положительная – отрицательная) в восприятии обществом и самим автором рассматриваемой группы фамилий: 1. *Zu allem Überfluß ist die Mutter meiner Mutter adelig gewesen, eine* ***von Hohenbrode****, und mein Vater kommt sich heute noch wie ein gnädig aufgenommener Schwiegersohn vor, obwohl sein Schwiegervater Tuhler hieß, nur seine Schwiegermutter eine geborene* ***von Hohenbrode*** *war* [8, с. 149] / *Ко всему еще мать моей матери была знатного рода, одна из* ***фон Хоенброде****, и мой отец считает до сир пор, что ему оказали большую честь, приняв в эту семью как зятя, несмотря на то, что фамилия его тестя Тулер, и только его теща была урожденной* ***фон Хоенброде***. 2. <...> *aber vor allem ging es wohl um seinen Saufkumpan und Skatgenossen, diesen Oberst, der* ***Bressen*** *hieß, zu dem man aber unwillkürlich* ***von Bressen*** *sagte, weil er so vornehm aussah mit seinem schmalen, ernsten Gesicht und dem seltenen Orden am Hals* [7, с. 94] / <...> *но прежде всего речь шла о его собутыльнике и партнере по скату, полковнике, по фамилии* ***Брессен****, но к которому обращались все невольно* ***фон Брессен****, потому что благодаря своим тонким чертам лица, серьезному виду и высшему ордену, который сверкал у него на шее, он выглядел так значительно*.

Фамилии в произведениях В.П. Астафьева, входящие во вторую группу, имеют в своем составе специфические, характерные для конкретных наций словообразовательные суффиксы (например, -ян- – для армянских, -ускас- – для литовских фамилий и под.), что способствует приращению к их семантическому компоненту национальной коннотации и не затрудняет для читателя корреляции носителя фамилии с конкретной нацией. Соотнесенность фамилий данной группы,

функционирующих в текстах Г. Бёлля, с соответствующей языковой системой осуществляется посредством контекстной акцентуации внимания на национальность действующего лица либо на место событий, что способствует созданию модели определенной национальной среды и в некоторой степени противопоставляет ее немецкоязычному социуму.

Особую группу фамилий в аспекте их принадлежности к национальным антропонимическим системам в творчестве Г. Бёлля составляют номинативные единицы, имеющие в своем составе суффиксы славянского происхождения (например, -ach – *Brielach*; -ak – *Borussiak*; -ik/-ick – *Geobschik*; -ka – *Drischka* и др.), но действующие лица-носители данных фамилий принадлежат к представителям немецкоязычного социума. В основе использования автором для своих героев нетипичных для немецкой антропонимической системы фамилий лежит, на наш взгляд, мотив абсолютного отражения реальной действительности (исторические и политические события прошлых столетий приводили к значительной иммиграции населения из соседних стран (Польши, России, Чехии и др.), что привело к вхождению в национальный немецкий антропонимикон фамилий иностранного происхождения.

Функционирующие в ономастиконе произведений В.П. Астафьева прозвища достаточно активны и художественно важны. Ярко выраженную характеризующую и оценочную семы содержат однокомпонентные прозвища, поскольку их образность формируется посредством ассоциаций, которые возникают в сознании людей на основе значения апеллятивов; именно они глубоко и точно раскрывают межличностные отношения героев, их социальный статус, отношение окружающих, негласные социальные нормы и традиции речевого поведения (например: *Поразил он нас тем, что не матерился, – редкость для железнодорожника вообще, для начальника станции в частности. «**Порченый**», – решили мы единогласно, и такое ему прозвище от нас и прилипло* [5, с. 340]).

В произведениях Г. Бёлля прозвища характеризуются низкой частотностью употребления, что обусловлено словообразовательными возможностями средств немецкого языка и различием в ментальности русских и немцев, реализующейся в репрезентации разных социальных слоев населения в произведениях авторов (сельская среда – у В.П. Астафьева, горожане – у Г. Бёлля).

Модель второго сегмента ономастических пространств произведений В.П. Астафьева и Г. Бёлля представлена совокупностью прецедентных имен, которые транслируют в художественной ткани текстов обширный спектр социокультурных конституентов. Источниками прецедентности выступают такие сферы, как «Искусство», «История», «Религия», «Наука». Употребление универсально прецедентных имен, ориентированных на мировое культурное наследие, выступает обобщающей чертой в творчестве двух авторов (*Бах, Бетховен, Ворошилов, Геббельс, Геринг, Дон Кихот, Клод Фаррер, Сент-Экзюпери, Отелло, Рубенс / Bach, Beethoven, Gulliver, Harlekin, Hegel, Marx, Thomas von Aquin, Shakespear, Tolstoi* и др.). Вместе с тем антропонимосфера Г. Бёлля имеет конфессиональную обусловленность и религиозную направленность, что проявляется в превалировании употребления теонимов и обусловлено, на наш взгляд, религиозностью мировоззрения немецкого социума, этической позицией самого автора и соответственно концептуально-идейной сюжетной линией его произведений.

Анализ функционирования прецедентных имен в исследуемых произведениях авторов позволяет разделить их на две группы:

1) онимы первичной референции, т.е. для именования реальных личностей, оставивших след в культурном и историческом наследии народа, либо ирреальных (литературных персонажей, мифонимов и др.). Такие единицы используются обособленно или совместно с их дифференциальными признаками или атрибутами. Кроме того, они могут употребляться для апелляции к прецедентному тексту/высказыванию или для маркирования определенного временного периода (например: 1. *Оказалось, что сочинил «Фому» **Клод Фаррер**, офицер французского флота...* [11, с. 366]. 2. <...> *времена императора **Павла** давно минули...* [11, с. 103]. 3. *Es zeigte den Kronprinzen **Michael**, der mit einem rumänischen Bauern sprach, flankiert von Marschall **Antonescu** und der Königin* [7, с. 24] / *На ней был изображен кронпринц **Михай**, который разговаривал с румынским крестьянином, а слева и справа от него маршал **Антонеску** и королева-мать.* 4. *Hier, sehen Sie doch Herr Fähmel, hier das dunkle Leder von **Judas' Geldbeutel*** [12, с. 214] */ Посмотрите, господин Фемель, сюда, здесь темный кожаный кошелек **Иуды***);

2) онимы, получившие в контексте произведения коннотативные приращения, что предопределяет их использование в творчестве В.П. Астафьева и Г. Бёлля во вторичной референции посредством сравнения (*Костлявый, ободранный, с помороженными щеками человек, отчетливо схожий ростом, статью да, наверное, и голосом с незабвенным заступником за всех бедных и обиженных, все-*

вечным рыцарем ***Дон Кихотом*** [11, с. 211]. *Du hast dich immer ein wenig wie* ***Abraham*** *gefühlt* [12, с. 157] */ Ты ведь всегда казался себе* ***Авраамом***), метонимии (*А Васконян, читавший* ***Данте*** *в лучших переводах,* ***Верхарна*** *и* ***Бодлера*** *– без перевода, знавший* ***Пушкина, Тютчева, Лермонтова****...* [11, с. 287]. *Ich mag* ***Chopin*** *nicht sehr, sagte sie, und spiele ihn schlecht* [8, с. 234] */ Я не очень люблю Шопена, – сказала она, и играю его плохо*), метафоры (*Берёг Тетеркин, оборонял российский* ***Санчо Панса*** *своего рыцаря до конца...* [11, с. 541]. *Hören Sie, Schnier, Sie sind kein* ***Chaplin*** [8, с. 142] */ Слышите, Шнир, Вы – не* ***Чаплин***).

Специфическим способом появления коннотативных значений прецедентных имен в творчестве В.П. Астафьева выступает их плюрализация. При этом сочетание приемов плюрализации и перечисления формирует своего рода антистереотип (*Гольбах, не стоит вонючка эта со всеми своими* ***Шиллерами, Гейнями, Генделями и Бахами*** *<...> нашей жертвы* [11, с. 704]).

Заключение. Номинация действующих лиц и совокупность прецедентных имен в художественных текстах авторов представляет собой особую систему, характеризующуюся синтагматическими и парадигматическими отношениями, которые выстроены с учетом субъективного авторского восприятия окружающей действительности и смоделированы в единое художественное пространство с учетом национально-культурных, историко-культурных и социальных особенностей развития русского и немецкого обществ.

Литература

1. Гурская, Ю.А. Культурогенные возможности лингвистического знака: ключевые имена в русском и белорусском языках: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.02 / Ю.А. Гурская; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1995. – 22 с.
2. Деревяго, А.Н. Ономастическое пространство поэзии XX века: семантика онима, функциональный потенциал: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / А.Н. Деревяго; НАН Беларуси, Ин-т языкознания имени Якуба Коласа. – Минск, 2005. – 21 с.
3. Рогалев, А.Ф. Имя и образ: художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2007. – 224 с.
4. Шур, В.В. Онім у мастацкім тэксце / В.В. Шур. – Мінск: Бел. кнігазбор, 2006. – 215 с.
5. Астафьев, В.П. Последний поклон: повесть: в 2 т. / В.П. Астафьев. – Изд. доп. и испр. – М.: Мол. гвардия, 1989. – Т. 2, кн. 2 (продолжение), кн. 3. – 432 с.
6. Астафьев, В.П. Последний поклон: повесть: в 2 т. / В.П. Астафьев. – Изд. доп. и испр. – М.: Мол. гвардия, 1989. – Т. 1, кн. 1, кн. 2. – 336 с.
7. Böll, H. Wo warst du, Adam? / H. Böll. – Köln: Verl. Kiepenheuer & Witsch, 1989. – 232 S.
8. Böll, H. Ansichten eines Clowns / H. Böll. – Taylor & Francis e-Library, 2005. – 346 S.
9. Астафьев, В.П. Вечерние раздумья / В.П. Астафьев // Новый мир. – 1992. – № 3. – С. 6–30.
10. Böll, H. Haus ohne Hüter / H. Böll. – München: Deutsch. Taschenbuch Verl. GmbH & Co. KG, 1981. – 266 S.
11. Астафьев, В.П. Прокляты и убиты: роман / В.П. Астафьев. – М.: Эксмо, 2009. – 800 с.
12. Böll, H. Billard um halb zehn / H. Böll. – 4. Aufl. – Köln: Verl. Kiepenheuer & Witsch, 1996. – 305 S.

Поступила в редакцию 22.03.2016 г.

УДК 821.111(73)-31.09

Образ города в творчестве Вуди Аллена

Ершова Е.В.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

Изучение города является актуальной проблемой как в современной американистике, так и в отечественной науке. Особый интерес эта тема вызвала у американских ученых и литераторов, так как становление больших мегаполисов сыграло важную роль в формировании данной нации. Тема города является одной из основных в творчестве американского писателя Вуди Аллена.

Цель статьи – выявить специфику функционирования образа города в литературных произведениях известного американского писателя и кинорежиссера Вуди Аллена, литературная часть творчества которого является еще малоизученной.

Материал и методы. *Методологическую базу исследования составили работы литературоведов из стран СНГ и зарубежных ученых, посвященные изучению урбанистического пространства в художественной литературе и в частности в творчестве В. Аллена. В качестве объекта исследования выступили рассказы писателя. В статье использованы аналитический и культурно-исторический методы.*

Результаты и их обсуждение. *Рассказ как гибкий литературный жанр стал популярен среди писателей-постмодернистов. Он стал излюбленным жанром современного американского писателя Вуди Аллена. На примере наиболее ярких произведений писателя выясняется, с помощью каких художественных средств выразительности и приемов автор воссоздает образ города, чтобы донести до читателей интересующие его проблемы современности.*

Заключение. *Анализ произведений писателя позволил сделать вывод о том, что В. Аллен в своих рассказах представляет город через психологию городского жителя, используя комические ситуации. Он создает образ маленького несуразного одинокого человека, который с трудом вписывается в городское пространство и через взгляд которого на мир дается характеристика современного американского города и жизни в нем. Среди стилистических приемов выделяются каламбур, ирония, алогизм, парадокс, сарказм, сравнение, наложение пространств.*

Ключевые слова: *американская литература, еврейско-американская литература, город, урбанистическое пространство, «американская мечта».*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 154–159)

The Image of the City in Woody Allen's Literary Works

Ershova E.V.

Educational Establishment «Minsk State Linguistic University», Minsk

Urban studies are an urgent issue both in contemporary American and home science. This topic is especially interesting for the American scholars and writers, since the emergence and development of large megapolises played an important role in shaping the nation. The city theme is one of the principle themes in the works of the American writer Woody Allen.

The purpose of the article is to identify the specificity of functioning of the city image in the literary works of the famous American writer and filmmaker Woody Allen, whose literary part of creativity is still poorly studied.

Material and methods. *The methodological basis of the study is made up by works of home and foreign literature critics, that are devoted to the study of urban space in literature as well as to Allen's works. The object of the article is W. Allen's stories. Analytical and cultural-historical methods are used in the article.*

Findings and their discussion. *The story as a flexible literary genre became popular among post-modern writers. It became a favourite genre of the contemporary American writer Woody Allen. On the example of the writer's brightest works it is found out what means of expressiveness and techniques are used by the author to recreate the image of the city and convey to the readers crucial contemporary problems.*

Conclusion. *Analysis of the writer's works shows that W. Allen demonstrates an American city through the urban dweller's psychology, using comic situations. He creates an image of a little awkward lonely man who hardly fits into urban space, through whose view contemporary American cities and their life are described. Among the stylistic techniques are distinguished: pun, irony, paradox, sarcasm, comparison, overlapping spaces.*

Key words: *American literature, Jewish-American literature, city, urban space, the American dream.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 154–159)

В настоящее время стали актуальными междисциплинарные научные исследования такого комплексного явления, как город. Особый интерес эта тема вызвала у американских ученых, так как становление больших мегаполисов сыграло важную роль в формировании данной нации. Большой вклад в изучение феномена городской среды внесла Чикагская школа социологии, которая занималась исследованием

Адрес для корреспонденции: e-mail: katya0805@mail.ru – **Е.В. Ершова**

актуальных проблем, связанных с урбанизацией. На фоне работ представителей этой школы выделяется книга «Урбанизм как образ жизни» (1938) Л. Вирта, где теория урбанизма представлена с социологической точки зрения. Ряд канонических трудов по урбанистике создал американский философ и культуролог Л. Мамфорд. Современные американские литературоведы (Б. Пайк, Ф. Фишер, Р. Лихан, Д. Пайзер) считают изучение урбанистического пространства в художественной литературе актуальным, о чем свидетельствуют многочисленные издания и статьи, связанные с данной темой.

Исследователи из стран СНГ также уделяют серьезное внимание изучению города. Выдающийся советский литературовед Ю.М. Лотман рассматривает город как систему символов, выработанную культурой [1]. В.Н. Топоров в своей работе «Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте» (1987) выделил типы города проклятого и города преображенного. В собственном культурологическом труде на примере русской, американской и западноевропейской литератур Л.Н. Набилкина исследует трансформацию городов и анализирует имагологическое восприятие городской среды отдельными писателями [2]. В.А. Гусев, рассматривая город в русской литературе второй половины XIX – начала XX века, противопоставляет российский город западному [3].

Все вышесказанное подчеркивает, с одной стороны, важность темы города для современного литературоведения, а с другой – неоднозначность подходов к ее рассмотрению.

Тема города является одной из основных в творчестве известного американского режиссера, писателя, продюсера и актера Вуди Аллена, который опубликовал четыре сборника рассказов [4–7], положительно отмеченные критиками, но еще ждущие изучения.

Цель статьи – выявить специфику функционирования образа города в литературном творчестве Вуди Аллена.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составляют работы литературоведов из стран СНГ и зарубежных ученых, посвященные изучению урбанистического пространства в художественной литературе и в частности в творчестве В. Аллена. В качестве объекта исследования выступили рассказы В. Аллена. В статье использованы аналитический и культурно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. Стремительные социальные, политические, культурные перемены в Америке в конце 1960-х гг. отразились в произведениях искусства этого времени. Писатели бросили вызов литературной традиции, пытаясь отобразить противоречивость мира, поставить под сомнение принятые способы изображения реальности, понятие истины и т.д. Последовательное повествование было разрушено, ядро сюжета скомкано, временная хронология событий не соблюдалась. Рассказ как гибкий литературный жанр стал популярен среди писателей-постмодернистов.

Он стал излюбленным жанром современного американского писателя Вуди Аллена. Являясь выходцем из семьи евреев-ашкеназов, Аллен отразил характерные черты данной этнической культуры в своем литературном творчестве. Позиция еврейско-американских писателей всегда отличалась от позиций других этнических групп в Америке. Представители данной группы чувствовали необходимость и желание интегрироваться в основной литературный процесс, в чем они и преуспели. В отличие от представителей других этнических групп в своих произведениях они используют стандартный американский язык; они социально приняты и уважаемы в американском обществе, и их аудитория широка, так как включает в себя представителей разных этнических групп. Произведения еврейско-американских авторов относятся к ядру американской литературы. Тем не менее, некоторые отличия, связанные с этническим происхождением писателей, существуют. Во-первых, в их работах ощущается чувство двоякости, принадлежности к двум разным мирам; во-вторых, свойственное любому этносу противостояние полной ассимиляции (’ethnicization’) сохранило символические отличия еврейско-американской культуры от англо-американской. В-третьих, американцы еврейского происхождения, в отличие от американцев, происходивших из Европы, всегда обладали собственным понятием родины и отождествляли ее с Ближним Востоком. В современной литературной критике еврейско-американских писателей называют «minority authors as majority». Начиная с шестидесятых годов двадцатого века, они максимально ассимилировались с другими американскими авторами в ущерб своей идентичности, что, однако, принесло им и выгоду, так как данные авторы успешно вписались в литературный процесс США.

Вуди Аллен является воплощением американской мечты. Он достиг признания в самых различных сферах искусства. В своих литературных работах Аллен совместил черты постмодернизма и экзистенциализма, что ста-

ло отличительной чертой его произведений. В рассказах он показывает абсурдность, разочарование и превратности городской жизни посредством комического стиля, иронии, игры. Созданные им художественные миры сконструированы так, чтобы подчеркнуть хрупкость реальности и ее неотличимость от подделки. Вуди Аллен создает мир при помощи соседств несовместимых вещей, интерполяций, наложений различных пространств друг на друга. Любовь к эксперименту с пространственной репрезентацией помогает автору передать чувство абсурдности и подчеркнуть ненадежность реальности. Он манипулирует децентрализованным, фрагментарным и разнородным пространством, чтобы показать, насколько реальность абсурдна и бессмысленна. Действие его рассказов происходит в настоящем времени, и большинство из них – в любимом городе писателя Нью-Йорке.

Образ города представлен в рассказах Вуди Аллена через психологию городского жителя. Писатель демонстрирует влияние урбанистической среды на жителей города посредством образа чудаковатого маленького одинокого человека, вписанного в цивилизацию, но не знающего, как правильно применить ее достижения. Его главные персонажи попадают в смешные и нелепые ситуации, так как не могут соответствовать темпу городской жизни, которая полна нелогичностей и абсурда. Герои пытаются сбежать от давления города, одиночества и тоски, но это им не удается, так как подобные явления стали частью их личностей. Они сами являются воплощением типичной городской жизни.

В рассказе «Образ Сиднея Кугельмаса» главный персонаж пытается скрыться от повседневной рутины при помощи волшебника, который отправляет его в путешествия по страницам выбранных им книг, где он влюбляется в героиню романа «Госпожа Бовари». Нереальный мир этого романа идеален и гармоничен, окружен «прелестными французскими окрестностями» («lovely French countryside»), что способствует возникновению таких же прекрасных чувств. Сидней Кугельмас переносит свою возлюбленную из художественного мира в реальный, где рутина вновь настигает его с еще большей силой. Окунаясь в атмосферу реального города, прогуливаясь по реальным улицам (Сохо, китайский квартал), посещая бары, рестораны и дискотеки, поселившись в фешенебельном отеле «Плаза», герои меняются: чувства возлюбленных трансформируются в раздражение и недовольство. Нью-Йорк незамедлительно начинает оказывать воздействие на личность Эммы, никогда в нем не бывавшей. Идеальная героиня книги в реальности приобретает черты типичного городского жителя, которого интересуют лишь достаток и личный успех. Данная ситуация демонстрирует неизбежность побега от реальности, что характерно не только для личности Кугельмаса, но и любого человека, живущего в мегаполисе. Погоня за несуществующими идеалами приводит к плачевным последствиям: «По причине аварии он не попал ни в “Жалобу Портного”, ни в какой-либо другой роман. Он оказался в старом учебнике интенсивного курса испанского языка и до конца своих дней носился по бесплодной скалистой местности, спасаясь от здоровенного мохнатого неправильного глагола tener (иметь), гонявшегося за ним на длинных тонких ножках»[1] [8]. Посредством совмещения разнородных пространств (реального и вымышленного) В. Аллен демонстрирует иллюзорность идеальной городской среды, так как сталкиваясь с ней даже самый идеальный мир начинает разрушаться.

Сквозь призму юмора В. Аллен обращает внимание на насущные проблемы жизни в большом городе. Так, в рассказе «Взгляд на организованную преступность» писатель отмечает, что «ни для кого не секрет, что прибыли организованной преступности Америки составляют около сорока миллиардов долларов в год» [8], и, предлагая свою ироничную версию развития мафии, описывая ее структуру и способы борьбы с ней, критикует недостаточные усилия властей по борьбе с данным явлением. Через представленных мафиози и нелепые ситуации автор внедряет в контекст излюбленный образ «чудаковатых неудачников», ставший отличительной чертой его произведений. В. Аллен критикует стереотипы, сложившиеся в современном обществе, посредством использования иронии («Все совещания происходят у него (мафиози) на дому, причем он несет полную ответственность за то, чтобы мясного ассорти и кубиков льда хватило на всех присутствующих[2]» [8]), сарказма («...их легко узнать по крупным запонкам, а также по тому, что когда на голову человека, сидящего рядом с ними в ресторане, падает наковальня, они продолжают жевать, как ни в чем не бывало»[3] [8]), пара-

[1] «He had not been thrust into “Portnoy’s Complaint”, or into any other novel, for that matter. He had been projected into an old textbook, Remedial Spanish, and was running for his life over a barren, rocky terrain as the word tener (“to have”)-a large and hairy irregular verb-raced after him on its spindly legs» [4, p. 17].

[2] «Meetings are held at his house, and he is responsible for supplying cold cuts and ice cubes» [4, p. 6].

[3] «Usually they can be recognized by their large cufflinks and their failure to stop eating when the man sitting next to them is hit by a falling anvil» [4, p. 7].

доксов («Многие молодые американцы соблазняются преступной карьерой, якобы обещающей легкую жизнь, и это несмотря на то, что большинству преступников приходится проводить на работе долгие часы, причем зачастую в зданиях, лишенных кондиционеров»[4] [8]).

Город для Вуди Аллена – это не только местность и объекты, расположенные в нем, но и населяющие его люди. Зачастую город даже не называется, но читатель понимает, что речь идет о Нью-Йорке по упоминаниям его основных достопримечательностей. Писатель не пытается воспроизвести реальную городскую жизнь в точности, а намеренно следует различным стереотипам и клише, чтобы подчеркнуть интересующие его проблемы. Излюбленными приемами являются алогичные высказывания и непоследовательно разворачивающиеся мысли. Он критикует глупость и узость городского жителя в рассказе «Моя философия», где главный персонаж, уйдя на больничный, читает труды знаменитых философов и решает написать собственную философию, состоящую из потока нелогичных и несвязных мыслей, которые завершаются падоксальным афоризмом: «Мало того, что Бога нет, по выходным и водопроводчика-то не доищешься!»[5] [8]. В этом рассказе непоследовательность высказываний достигает своего апогея: «Эти частицы были приведены в движение некоей причиной, или основополагающим принципом, а может быть, на них просто что-то упало. Главное, теперь тут ничего уже сделать нельзя, разве что попробовать съесть побольше сырой рыбы. Все это, разумеется, не объясняет бессмертия души. И ничего не говорит нам о загробном существовании или о том, почему моему дяде Сендеру все время казалось, будто его преследуют албанцы»[6] [8]. Начиная с философского размышления, автор перескакивает на нелепые бытовые образы, что демонстрирует большой интерес современных людей к повседневным бытовым вопросам, нежели к размышлениям о более глобальных вещах. Именно поэтому Аллен пытается преподнести серьезные вопросы в личине мирских и обывательских образов.

В рассказе «Да, но разве паровая машина смогла бы сделать такое?» («Yes, But Can the Steam Engine Do This?») мечтательный житель восхищен открытием того, что сэндвич был изобретен графом Сэндвичем. Он преисполняется чувством гордости за все человечество благодаря такому важному изобретению: «Взгляд мой, прикованный к мреющим в окне небоскребам, застлала слеза, меня осенило ощущение вечности, преклонение перед Человеком, перед местом, которое он ухитрился занять во Вселенной»[7] [8]. Воодушевившись, он пишет биографию графа Сэндвича, извиняясь за свой непоэтичный слог и сравнивая себя с наркоманом (acid-head). Ироническая подача псевдобиографии демонстрирует утрату современными людьми правильных идеалов и следование неправильным идеям.

Для создания более ярких абсурдных ситуаций автор совмещает реальную повседневную жизнь с необычными явлениями.

Главными действующими лицами большинства рассказов являются евреи, в результате чего много комических ситуаций и высказываний строятся с использованием специфического еврейского юмора.

В рассказе «Смерть открывает карты» (Death Knocks), название которого является переигранным крылатым выражением «When death comes knocking», к типичному представителю городских жителей Нату Акерману приходит смерть. Факт того, что Нат является евреем, становится очевидным после упоминания нескольких деталей: он живет в еврейском квартале (Kew Gardens), имя его друга Моисей Лефковиц (Moe Lefkowitz), и в своей речи он использует еврейские жаргонизмы (schlep). Нат живет средней жизнью, обладает собственной фирмой, домом, Крайслером, дал образование своим двум детям. Но в момент прихода смерти все, что его волнует, – это недавнее слияние его фирмы и недочитанный журнал «Групповая оргия с участием девушек, изучающих “Новую американскую Библию”». Ради этих дел он рискует сыграть со смертью в кункен (азартную карточную игру), чтобы отсрочить свою кончину на 24 часа. Смерть проигрывает, но Нат не преисполняется радостью, а волнуется о том, чтобы вместе с выигранными сутками смерть отдала ему и денежный выигрыш. За иронично-саркастическим диалогом, наполненным каламбурами, алогизмами, парадоксами («Нат: Ты кто такой? Смерть: Смерть. Послушай, можно я присяду? Я чуть шею себе не свер-

[4] «While many young Americans are lured into a career of crime by its promise of an easy life, most criminals actually must work long hours, frequently in buildings without air-conditioning» [4, p. 7].

[5] «Not only is there no God, but try getting a plumber on weekends» [4, p. 45].

[6] «These “particles” (atoms) were set in motion by some cause or underlying principle, or perhaps something fell someplace. The point is that it’s too late to do anything about it now, except possibly to eat plenty of raw fish. This, of course, does not explain why the soul is immortal. Nor does it say anything about an afterlife, or about the feeling my Uncle Sender has that he is being followed by Albanians» [4, p. 43].

[7] «My eyes became moist as I looked out the window at the shimmering towers of the city, and I experienced a sense of eternity, marveling at man’s ineradicable place in the universe» [4, p. 51].

нул. Дрожу, как осиновый лист»[1] [8]), между Натом и Смертью скрывается идея того, что человек, затянутый в городской темп жизни, не замечает, как бессмысленно теряет драгоценное время своей жизни.

Город не только влияет на человека, но и преображается в соответствии со спросом и интересами населения. В рассказе «Весенний бюллетень» описывается информационная брошюра о летних курсах повышения квалификации, где программы стандартных теоретических курсов, измененные в соответствии с интересами и предпочтениями городских жителей, предстают абсурдными. «Экономическая теория» уделяет «особое внимание деньгам и вопросу о том, что в них хорошего» и «как и где лучше всего укрываться от уплаты по долговым обязательствам» [8]. «Введение в психологию» предлагает найти ответы на такие вопросы, как «Почему некоторых людей называют “милыми”, в то время как другим очень хочется дать по морде?» [8], а курс «Современной биологии» расскажет о том, «как функционирует тело и где его обычно можно найти» [9]. Описание данных учебных программ критикует популяризацию науки, а также склонность современных людей лишь к поверхностным знаниям, ориентированным только на «маленьких людей».

В «Записках обжоры» сквозь образ толстого человека показано потребительское общество. Главный персонаж описывается при помощи гиперболизированных сравнений с городскими объектами, которые нередко ассоциируются с пищей: «Ходячее Сало»[2], «ноги мои оказались в Витебске»[3] [8]. Здесь же посредством парадокса высмеиваются навязывание религии и глупость некоторых верований: «На Востоке есть секты, члены которых убеждены, что за пределами их разума нет ничего – кроме буфета на железнодорожном вокзале»[4] [8].

Такие города, как Нью-Йорк, перенаселены; по улицам снуют огромные толпы людей; дороги забиты тысячами автомобилей, отравляющих окружающую среду. В рассказе «Приговоренный» Аллена интересует явление толпы. В городе индивид сливается с массой, хотя зачастую это наносит ущерб каждой отдельной личности: «Они хотят слиться в абстрактное “Люди”. Но ведь на самом деле людей не существует, ... есть только человек» [8]. А отдельный человек становится настолько измученным городской суетой, что даже в критические моменты перестает воспринимать действительность адекватно, вне категорий городской жизни: «Всякий раз мы слышим, как кто-то незримый велит: надо жить. Клоке узнал этот голос. Это был голос его страхового агента. Ясное дело, Фишбейну не улыбается выплачивать страховку, подумал Клоке» [8].

В рассказе «Обделенный судьбой» арестованный за кражу корочки хлеба Энтсвил роет туннель, чтобы сбежать из тюрьмы, и выбирается в Новый Свет, где его жизнь становится успешной. «Коммерческий успех не заставляет себя ждать, и уже в 1850 году Энтсвил богат, образован, респектабелен и изменяет жене с крупной самкой опоссума» [8]. В этом же рассказе дается обобщенный иронический образ американского города с помощью излюбленного приема автора – парадокса: «Возникает почти экзистенциальное чувство бесцельности всего сущего – особенно после закрытия массажных салонов. И отчетливое ощущение метафизической “инакости”, которую не объяснить словами – разве только сказать: “Это не похоже на то, что обычно бывает в Питтсбурге”. Сам город – своего рода метафора, но чего? И не только метафора, но и прямое подобие. Он “на своем месте”. Он “здесь и сейчас”. И вместе с тем “позже”. Это любой город в Америке – и в то же время не город. Этим он страшно сбивает с толку почтальонов» [8].

Типичное описание американских городов присутствует в рассказе «Города и люди. Путевые заметки». Начинается он с описания Бруклина, визитной карточкой которого является «красавец мост». На каждом шагу встречаются церкви, кладбища, кондитерские. Описание Нового Орлеана начинается с описания сцены на кладбище, где кого-то хоронят под скорбные псалмы джаз-оркестра (скорее всего, подразумевается представитель афроамериканской расы). Вдруг вся процессия осознает, что похоронили не того человека, и все безуспешно пытаются найти умершего. Тем временем на главных улицах начинается карнавал Марди Грас, который вовлекает людей в суету безумных событий, а в сквере Борегара, где когда-то жила знаменитая колдунья вуду Мари Лаво, происходит магическая схватка между полицейским и гаитянским шаманом. Данные описания не только воспроизводят реальные достопримечательности и события, за ними скрывается и история данных городов. Так, упоминания о джазе и афроамериканцах являются отсыл-

[1] Nat: Who?
Death: Death. Listen-can I sit down? I nearly broke my neck. I'm shaking like a leaf [4, p. 35].

[2] «Lard city» [4, p. 25].

[3] «I last saw my feet one Thursday morning in Vitebsk» [4, p. 26].

[4] «Are there not certain sects of holy men in the East who are convinced that *nothing* exists outside their minds except for the Oyster Bar at Grand Central Station» [4, p. 26].

кой к тому факту, что Новый Орлеан – колыбель джаза.

Каждый рассказ Вуди Аллена – пародия на различные литературные жанры: публицистические статьи, статистические отчеты, мемуары, пьесы, информационные брошюры, письма, эссе, дневник, детективы, рецензии и т.д. Ироническая форма и своеобразный еврейский юмор в сочетании с излюбленными приемами автора превращают рассказы в неисчерпаемые литературные самоцветы, привлекающие читателей по всему миру.

Ни в одном из произведений Аллен не отражает собственную биографию, не говорит напрямую свою точку зрения даже в рассказах, написанных от первого лица, которые наполнены нелепыми комментариями и выдуманными биографическими фактами. Все произведения построены по принципу «Говорит язык, а не автор»[5] (пер. автора). Прибегая к различным приемам для привлечения внимания к интересующим его вопросам, писатель отражает реальную жизнь.

В своих рассказах Вуди Аллен показывает американский город не как место воплощения мечты и желаний, а как закрытый мир маленьких чудаковатых людей, страдающих от монотонности и изматывающего ритма жизни. Все достижения цивилизации не делают их жизнь интересной и счастливой. Они видят проблемы только своего маленького мира, но не замечают глобальных событий, происходящих вокруг.

Заключение. Таким образом, анализ произведений писателя позволил сделать вывод о том, что В. Аллен в своих рассказах представляет город через психологию городского жителя, используя комические ситуации. Он создает образ маленького несуразного одинокого человека, который с трудом вписывается в городское пространство и через взгляд которого на мир дается характеристика современного американского города и жизни в нем. Среди стилистических приемов выделяются каламбур, ирония, алогизм, парадокс, сарказм, сравнение, наложение пространств.

Литература

1. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2009. – 610 с.
2. Набилкина, Л.Н. Город как культурологический феномен в русской, американской и западноевропейской литературах: автореф. ... дис. д-ра культуролог. наук: 24.00.01 / Л.Н. Набилкина; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2014. – 54 с.
3. Гусев, В.А. Антитезы «город–природа», «город–деревня» в русской литературе второй половины XIX – начала XX века / В.А. Гусев // Актуальні проблеми слов'янської філології. Сер., Лінгвістика і літературознавство. – 2010. – № 13. – С. 145–156.
4. Allen, W. Getting even / W. Allen. – New York: Random house, 1975. – 146 p.
5. Allen, W. Mere Anarchy / W. Allen. – New York: Random house, 2007. – 160 p.
6. Allen, W. Side Effects / W. Allen. – New York: Random house, 1980. – 224 p.
7. Allen, W. Without Feathers / W. Allen. – New York: Random house, 1983. – 224 p.
8. Аллен, В. Записки городского невротика / В. Аллен // Электронная библиотека yanko.lib.ru [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/lit/woody_allen_ru.htm/. – Дата доступа: 10.09.2015.
9. Conard, M.T. Woody Allen and Philosophy: You Mean My Whole Fallacy is Wrong? / M.T. Conard, A.J. Skoble. – Chicago: Carus publishing company, 2004. – 267 p.

Поступила в редакцию 19.02.2016 г.

[5] «It is the language which speaks, not the author» [6, p. 17].

УДК 821.161.3-31.09“20”

Жанрава-стылёвая спецыфіка раманаў “Зубрэвіцкая сага” Янкі Сіпакова і “Дом” Адама Глобуса

Навасельцава Г.В.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Сучасныя беларускія пісьменнікі асэнсоўваюць тэму сям’і ў нацыянальным кантэксце, для чаго шукаюць адметныя мастацкія формы. У прыватнасці, Янка Сіпакоў стварае раман-містыфікацыю ў апавяданнях “Зубрэвіцкая сага”, Адам Глобус – аўтапартрэтны раман у мініяцюрах “Дом”. Гэта і прадвызначае мэту даследавання – вызначыць жанрава-стылёвую спецыфіку раманаў “Зубрэвіцкая сага” Янкі Сіпакова і “Дом” Адама Глобуса.

Матэрыял і метады. *Для вывучэння адметнасці жанравай формы твораў, стылёвай аўтарскай манеры Янкі Сіпакова і Адама Глобуса былі выкарыстаны культурна-гістарычны, структурна-тыпалагічны метады з элементамі кампаратыўнага аналізу.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Выкарыстаная форма сагі дазваляе Янку Сіпакову прасачыць гісторыю роду на працягу значнай часавай адлегласці, па-наватарску спалучыць у адным творы рысы і традыцыйнай сямейнай хронікі, і класічнага біяграфічнага твора. Адам Глобус у большай меры выяўляе аўтабіяграфічнаць, выкарыстоўвае ахраналагічнасць у паказе прадстаўнікоў трох пакаленняў сям’і. Калі выбраная Янкам Сіпаковым форма сагі найперш скіроўвае аўтарскую ўвагу на мінулае роду, праблему пераемнасці пакаленняў, то Адам Глобус імкнецца стварыць вобраз сучаснай сям’і, асэнсаваць узаемаадносіны бацькоў і дзяцей ва ўмовах сённяшняй рэчаіснасці. Абодва аўтары паказваюць сям’ю як складаны мікрасвет, з якога пачынаецца грамадства, пазбягаюць у цэлым характэрнай для беларускай літаратуры эпічнасці, дэталёвага бытаапісання, паглыблена выяўляюць мастацкі псіхалагізм у раманных тэкстах.*

Заключэнне. *Такія мастацкія прыклады, як раман-містыфікацыя ў апавяданнях “Зубрэвіцкая сага” Янкі Сіпакова, раман у мініяцюрах “Дом” Адама Глобуса, выяўляюць далейшую эвалюцыю жанру рамана ў сучаснай беларускай літаратуры. Прааналізаваныя творы раскрываюць асобныя ўстойлівыя жанраўтваральныя прыкметы сямейнай хронікі і біяграфічнага рамана, аднак разам з тым вылучаюцца адметнай формай мастацкай арганізацыі.*

Ключавыя словы: *раман, жанравая форма, сучасная проза, Янка Сіпакоў, Адам Глобус.*

(Ученые записки. – 2016. – Т. 21. – С. 160–164)

Genre and Stylistic Specificity of Novels “Zubrevitskaya” Saga by Yanka Sipakov and “House” by Adam Globus

Navaseltsava G.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Modern Belarusian writers comprehend the family theme in the national context, for which they are looking for a distinctive art form. In particular, Janka Sipakov creates a hoax novel in stories “Zubrevitskaya Saga”, Adam Globus writes a self-portrait novel “House” in the miniatures. This determines the purpose of the study – to determine the genre and stylistic specificity of the novels “Zubrevitskaya Saga” by Yanka Sipakov and “House” by Adam Globus.

Material and methods. *To study the features of the genre form of the works, the style manner of Yanka Sipakov and Adam Globus cultural-historical, structural and typological methods with elements of comparative analysis were used.*

Findings and their discussion. *The used form of the saga allows Janka Sipakov trace the history of a family for a considerable time away, innovatively combine in one product features and traditional family chronicle, and the classic biographical works. Adam Globus to a greater extent shows autobiography, uses non chronology in showing representatives of three generations of a family. If the selected by Yanka Sipakov form of the saga first of all directs the author’s attention to the kind of the past, the problem of the continuity of generations, Adam Globus is committed to create an image of a modern family, to understand the relationship of parents and children in today’s reality. Both authors show the family as a microcosm of the complex, which begins the society as a whole, they avoid the characteristic for Belarusian literature epic, detailed description of everyday life, deeply discover artistic psychology in novel texts.*

Conclusion. *Such examples of art, like a novel in stories-hoax “Zubrevitskaya Saga” by Yanka Sipakov, novel miniature “House” by Adam Globus, discover the further evolution of the genre of the novel in the modern Belarusian literature. The analyzed works reveal some sustainable signs of genre shaping features of a family chronicle and a biographical novel, but at the same time are characterized by distinctive art form.*

Key words: *novel, genre form, contemporary prose, Janka Sipakov, Adam Globus.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 160–164)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: Novoseltseva70@mail.ru – **Г.В. Навасельцава**

Запатрабаванай у беларускай літаратуры застаецца такая жанравая разнавіднасць рамана, як сямейна-бытавая хроніка. Яркім мастацкім прыкладам гэтай традыцыйнай формы выступае цыкл раманаў Уладзіміра Гніламедава "Уліс з Прускі" (2001), "Расія" (2007), "Вяртанне" (2008), "Валошкі на мяжы" (2014), "Вайна" (2014). Пісьменнік адлюстроўвае змену пакаленняў у кантэксце выбранай гістарычнай эпохі, якая прадстаўлена праз прызму прыватнага жыцця, што адпавядае жанравай спецыфіцы хронікі. У сюжэце такіх раманных тэкстаў звычайна раскрываюцца вобразы трох апошніх пакаленняў, гісторыя роду аддаленых часоў перадаецца ў больш лаканічным варыянце, на сэнсаўтваральным узроўні рэпрэзентуецца вобраз бацькоўскага дома, які і арганізуе ўвесь падзейны рад. Разам з тым у сучасным прыгожым пісьменстве прадстаўлены прыклады, якія ілюструюць зварот да сямейнай тэмы з нязначнай доляй бытаапісальнасці, мастацкае выяўленне не столькі маштабнага малюнку эпохі, эпічнага ўвасаблення падзей, колькі зварот да апавядальнасці ў малых мастацкіх формах. Так, Янка Сіпакоў стварае "Зубрэвіцкую сагу" (2007) – раман-містыфікацыю ў апавяданнях, якія аб'ядноўвае ў адзін твор найперш месца апісання падзей – вёска Зубрэвічы, малая радзіма пісьменніка. Адам Глобус у аўтапартрэтным рамане "Дом" (2003) звяртаецца да формы мініяцюр, якія аб'ядноўваюцца ў раманнае цэлае паводле мастацка-вобразнага прынцыпу. Вышэйсказанае і прадвызначае мэту даследавання – вызначыць жанрава-стылёвую спецыфіку раманаў "Зубрэвіцкая сага" Янкі Сіпакова і "Дом" Адама Глобуса.

Матэрыял і метады. З дапамогай комплекснага аналізу, які ўключае культурна-гістарычны, структурна-тыпалагічны метады з элементамі кампаратывістыкі, вывучаецца тыпалагічная класіфікацыя сучаснага беларускага рамана. Аб'ектам даследавання выступаюць творы "Зубрэвіцкая сага" Янкі Сіпакова і "Дом" Адама Глобуса, якія вызначаюцца наватарскай структурнай арганізацыяй. Прадметам даследавання абрана праблемна-тэматычная і жанрава-стылёвыя спецыфіка гэтых раманных тэкстаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Янка Сіпакоў і Адам Глобус імкнуцца да асэнсавання лёсу адной сям'і праз дынаміку пакаленняў, што абумоўлівае неабходнасць аўтарскага звароту да формы сямейнай хронікі. Жанравая мадыфікацыя гэтага тыпу тэкстаў напрыклад, у рускай літаратуры, адбываецца ўжо на мяжы XIX–XX стагоддзяў і прыцягвае ўвагу даследчыкаў: "Дынаміка эканамічнага развіцця пераўтварала сям'ю ў рэпрэзентатыўную адзінку складаных грамадскіх працэсаў. Сям'я заўсёды прадстаўляла саслоўе, клас, нацыянальную супольнасць або рэгіён, аднак цяпер яна ўваходзіла ў сферу шматгранных сацыяльных сувязяў, застаючыся пры гэтым сям'ёй з уласцівымі ёй родавымі рысамі. У такім кантэксце гісторыя сям'і выступае сюжэтна-тыпалагічнай асновай апавядальнасці, якая часам разрастаецца да маштабаў эпапеі" [1, с. 4], і такую заканамернасць можна назіраць у шэрагу еўрапейскіх літаратур. Аналізуе раманныя тэксты заходнееўрапейскага прыгожага пісьменства М.М. Бахцін, які, у прыватнасці, вылучае біяграфічны раман і адрознівае біяграфічны прынцып пабудовы вобраза героя. Калі біяграфічны раман даследчык называе адносна позняй з'явай, што ў асноўных мастацкіх характарыстыках сфарміравалася разам з рэалістычным раманам у XIX стагоддзі, то біяграфічны вобраз героя, у якім спалучаюцца розныя віды біяграфій, аўтабіяграфій, споведзяў, узнік у глыбокай старажытнасці і аказваў значны ўплыў на развіццё раманнага жанру ва ўсе эпохі яго існавання [2]. Біяграфічная форма, працягвае даследчык, вызначаецца шэрагам спецыфічных рыс, і гэта, па-першае, сюжэт, які будуецца на аснове вызначальных і тыповых момантаў жыццёвага шляху героя. "Нягледзячы на адлюстраванне жыццёвага шляху героя, вобраз яго ў чыста біяграфічных формах пазбаўлены сапраўднага станаўлення і развіцця; змяняецца, ускладняецца, развіваецца жыццё героя, яго лёс, аднак сам герой па сутнасці застаецца нязменным" [2, с. 192], пры гэтым увага аўтара засяроджана або на дэталях, або на выяўленні жыццёвага выніку, дасягнутага героем. Пісьменнікам адлюстроўваецца біяграфічны час, які не можа быць адарваным ад эпохі, рэчаіснасць прадстаўлена перш за ўсё ў вобразе пакаленняў. Паказ некалькіх пакаленняў прыўносіць адлюстраванне "спалучанасці часоў", раскрыццё судачынення герояў розных эпох, што ўласціва найперш для ўвасаблення гістарычнай рэчаіснасці, тады як біяграфічныя формы не столькі рэпрэзентуюць сапраўдны гістарычны час, колькі апелююць да яго. Разам з тым акаляючая рэчаіснасць ужо не з'яўляецца фонам для героя, а фарміруе яго далейшы лёс, што найперш уласціва для сямейна-біяграфічнага рамана.

Паводле вызначальных жанраўтваральных рыс можна назваць сямейна-біяграфічным раманам твор Янкі Сіпакова "Зубрэвіцкая сага", дзе ахопліваецца вялікі часавы перыяд – ад глыбокай старажытнасці да падзей Другой сусветнай вайны. Пісьменнікам выбрана адметная форма сагі, што скіроўвае чытача ў мінулае. Аўтар на аснове гістарычных звестак і ўласнага вымыслу стварае вобразы геро-

яў, якія маглі быць яго продкамі, па-мастацку рэканструюе іх мысленне і светабачанне. Так, прыкметны след прадстаўнікі роду Зубрэвіцкіх пакінулі ў Сярэднявеччы: гэта, у прыватнасці, князь Мітка Сякіра, Дзмітрый Зубрэвіцкі, які жыў і дзейнічаў у XV стагоддзі, але якога добра памяталі і пазней, пра што сведчаць згадкі ў "Хроніцы Быхаўца", у працах вядомага полькага храніста Яна Длугаша (апавяданне "Зубрэвіцкая сага"). Спадкаемца Івана Жэдзівіда, Яна Гаштольда і праўнук Міткі Сякіры-Зубрэвіцкага Альбрэхт Гаштольд займаў значныя дзяржаўныя пасады: "Быў і намеснікам наваградскім, і падчашым літоўскім, ваяводам наваградскім, полацкім, трокскім, віленскім, канцлерам Вялікага княства Літоўскага. Калі б Мітка дажыў да таго часу, ён бы ганарыўся сваім праўнукам – Альбрэхт нідзе перад дзедам не схібіў: ён ваяваў за гонар Вялікага княства. Ён абараняў Полацк ад рускіх. Ён патрабаваў выселіць з княства польскіх каталіцкіх манахаў за няведанне мовы народа і амаральныя паводзіны. Ён удзельнічаў у стварэнні на беларускай мове «Статута Вялікага княства Літоўскага», куды, па яго настойванні, былі ўпісаны артыкулы пра тое, што чужынцы, якія не нарадзіліся ў княстве, не мелі права набываць тут маёмасць і займаць пасады" [3, с. 140]. Цікавым з'яўляецца і той факт, што жонкай караля Ягайлы і заснавальніцай каралеўскай дынастыі стала князёўна Соф'я Гальшанская-Друцкая, якая была блізкай свячкай князю Мітку Зубрэвіцкаму (апавяданне "Жонкі Ягайлы, або У дні апошніх салаўіных спеваў").

Янка Сіпакоў імкнецца звязаць гісторыю роду ў тым ліку з вядомымі гістарычнымі падзеямі. Так, дэталёва апісваюцца ваенныя дзеянні французаў і рускіх у 1812 годзе, паказваецца наступленне французскай арміі і цяжкія сацыяльныя ўмовы, у якіх апынулася мірнае насельніцтва (апавяданне "Мсье"). У гэты няпросты час сустрэліся і пакахалі адно аднаго Васіліна, дачка патомнага шляхціца з-пад Оршы, і Віктор Міле, інтэндант Вялікай арміі, які выконвае свой абавязак, але не прымае жорсткай ваеннай рэчаіснасці. Яго сябра Анры Бейль піша пад псеўданімам Стэндаль і, стаўшы сведкам ваенных дзеянняў, назаўсёды развітваецца з ваеннай кар'ерай, уступае на шлях літаратуры. Пра сына Васіліны і Віктора Міле, таксама Віктора, Янка Сіпакоў лаканічна, але глыбокасэнсоўна заўважае: "Віктор, калі вырас, узяў замуж руплівую і прыгожую суседку Куліну і ў іх нарадзілася Наста, якая выйшла замуж за Петрака.

Потым ужо па мужчынскай лініі пайшлі Пракоп і Анціп, Сямён і Іван, Ціт, Даніла, ды і іншыя мае родзічы" [3, с. 266]. Нягледзячы на тое, што пісьменнік адлюстроўвае прадстаўнікоў свайго роду з розных гістарычных часоў, паказвае значны шэраг пакаленняў на тым ці іншым гістарычным фоне, звязвае іх лёс з гістарычнымі абставінамі, раман нельга аднесці да гістарычнай прозы, найперш з-за спецыфічнага вымыслу аўтара. Як слушна заўважае М.І. Сцеблін-Каменскі, сага вызначаецца такім тыпам апавядальнасці, які лічыцца праўдзівым выкладам падзей або з меншым ці большым поспехам выдаецца за праўду. Як правіла, літаратурнаму твору ўласцівы свядомы мастацкі вымысел, што і будзе ўспрыняты чытачом як аўтарскі вымысел, аднак літаратурны твор у форме сагі вызначаецца якасна іншай характарыстыкай: "Калі літаратурны твор, што ўяўляе сабой свядомы вымысел, і разлічаны на тое, каб яго прынялі за праўду ва ўласным сэнсе слова, то гэта – містыфікацыя, параўнальна рэдкі від аўтарскага вымыслу" [4, с. 29]. Янка Сіпакоў паслядоўна выкарыстоўвае прыём містыфікацыі, у розных апавяданнях нагадваючы чытачу пра тое, што ўсё расказанае магло быць перажыта героем у сапраўднасці. Адбываецца зварот і да аўтарскага аўтарытэту, напрыклад, у апавяданні "Цераз ваду", дзе пісьменнік адкрыта прызнае: "Чым далей я жыву, тым больш мне здаецца, што тым настойлівым хлапчуком, які тады адольваў цяжкія выпрабаванні, пасля якіх дзеці становяцца мужчынамі, быў якраз я сам.

І нават падчас сумненняў і развагі, калі разумею, што ўсё гэта адно толькі вынік маёй фантазіі, уражлівай экзальтацыі, я ўсё ж веру, што той хлапчук, той Гром, які раскладаў вогнішча ў дождж, пераплываў цераз ваду, паляваў адзін на зубра, нягледзячы на такую далячынь у часе быў мне вельмі і вельмі блізкаю раднёю і, канечне ж, жыў там, дзе сёння стаіць мая родная вёска Зубрэвічы" [3, с. 90]. Сагі як творы вызначаюцца і тым, працягвае далей навукоўца, што ў іх апавядаецца пра далёкае, менш далёкае і адносна блізкае мінулае. Янка Сіпакоў раскрывае старажытнасць праз міфалагічныя матывы і вобразы, у прыватнасці, у апавяданні "Русалка" аднайменная звышнатуральная гераіня жыве на працягу года ў сялянскай сям'і, адметным чынам уплываючы на людзей. Менш аддалены час увасоблены праз аўтарскае асэнсаванне знакамітых гістарычных падзей ці вядомых гістарычных асоб. Так, Грунвальдскай бітве прысвечана апавяданне "Воўчыя ямы", няпэўны час "рускай смуты", калі адбываецца ўцараванне Ілжэдзмітрыя I, апісаны ў апавяданні "Поплеч з царамі". Пісьменнік сцвярджае судачыненне да гісторыі роду Вітаўта і Ягайлы, некаторых іншых дзеячаў Вялікага княства Літоўскага. Блізкае мінулае выяўля-

ецца ў апавяданні “Партызаны”, якое і завяршае раман. У цэнтры паказу – асобныя эпізоды партызанскай барацьбы з нямецка-фашысцкімі захопнікамі. Гэтая рэчаіснасць раскрываецца праз успрыманне сямігадовага хлопчыка Іванькі. Ён ганарыцца старэйшымі сваякамі, што змагаюцца ў партызанскім атрадзе, уважліва назірае за бацькамі, якія дапамагаюць партызанам. Такім чынам Янка Сіпакоў раскрывае ўласныя ўспаміны пра ваенны час, на які прыпала яго маленства, пераасэнсоўваючы іх ужо ў сталым узросце. Так, у партызанскай зоне дзейнічае тайная палявая паліцыя, якая стварае ілжывыя партызанскія атрады: “Паліцаі, пераапранутыя партызанамі, пад «бандытаў» (так немцы называлі народных мсціўцаў), прыходзілі ўночы да партызанскіх сувязных, усё распытвалі і пра партызан, і пра тых, хто ім спачувае, дапамагае: беларусы ж вельмі даверлівыя людзі, яны дзяліліся думкамі з нягоднікамі як са сваімі блізкімі сябрамі. А ўдзень правакатары прыходзілі ў нямецкай ці паліцэйскай форме, забіралі таго, хто неабачліва ім даверыўся і вялі ў фашысцкія катавальні” [3, с. 318]. Так становіцца ахвярай правакацыі бацька Іванькі Даніла, а неўзабаве паліцаі забіраюць і маці Вулляну, трагічны лёс якіх для сына доўгі час застаецца невядомым. Напрыканцы апавядання пісьменнік пераканаўча гаворыць пра тое, што і ў трэцім тысячагоддзі нашай эры жыццё ў Зубрэвічах і ва ўсім свеце працягваецца, завяршаючы мастацкі аповед малюнкам з сучаснасці. Як бачым, непасрэдна аўтабіяграфічным зместам вылучаецца толькі заключнае апавяданне рамана. Разам з тым выкарыстаная форма сагі дазваляе аўтару прасачыць гісторыю роду на працягу значнай часавай адлегласці, па-наватарску спалучыць у адным творы рысы і традыцыйнай сямейнай хронікі, і класічнага біяграфічнага твора.

Больш паслядоўна выкарыстоўвае форму сямейнай хронікі Адам Глобус у рамане “Дом”, дзе паказваюцца асобныя жыццёвыя моманты прадстаўнікоў трох пакаленняў. Аўтар выбірае ахраналагічную паслядоўнасць паказу падзей, прысвячаючы першую частку рамана маленькаму ўнуку, наступныя – жонцы, дачцэ, брату. У апошняй частцы паказаны вобразы бацькоў, а ў прадапошняй – бабулі і дзядулі пісьменніка. Першыя тры часткі вызначаюцца значнай аўтабіяграфічнасцю, у іх прысутнічаюць элементы спавядальнага аповяду. Напрыклад, у мініяцюры “Сны” Адам Глобус прызнаецца, што “ад брата сакрэтаў няма. Ёсць сякія-такія дробныя недагаворкі наконт творчых планаў ды летуценных каханняў. Улюбівы я занадта ў параўнанні з братам. А так ён пра мяне ведае ўсё. Наколькі адзін чалавек можа ведаць пра другога. Я ганаруся тым, што ёсць чалавек, якому можна верыць” [5, с. 400]. Створаныя пісьменнікам мініяцюры ўяўляюць сабой характэрныя штрыхі, з якіх і складаецца партрэт героя. Раман стварае даволі поўнае ўяўленне пра звычкі, густы, схільнасці асобы, эстэтычныя і маральна-этычныя прыярытэты, а праз узаемадзеянне героя з аўтарам выяўляецца і вобраз самога Адама Глобуса: “Такое рамантычнае здзяцільванне. Ніколі і не думаў, што ў сорак буду варон ганяць, што так прыемна сачыць за іх палётамі ў начным абзораным небе. <...> Цяпер я разумею тых, хто трымае галубоў і гадзінамі сочыць за іх кулянням у высокім сінім небе. А тых, хто ні разу не ганяў варон, не разумею, нават крыху ім спачуваю” [5, с. 381] (мініяцюра “Гульні з варонамі”). Такім чынам мастацкія партрэты сваякоў выяўляюць пісьменніцкае светабачанне, хоць вобраз аўтара-апавядальніка на працягу твора і застаецца нязменным. І Янка Сіпакоў, і Адам Глобус паказваюць псіхалагічна глыбокую самарэфлексію, якая дазваляе выразна праілюстраваць сямейныя ўзаемастасункі, раскрыць сямейную тэму ў агульначалавечым кантэксце.

Аўтар рамана “Дом” не ўвасабляе паўнавартаснага біяграфічнага часу, што складана зрабіць у жанравых межах мініяцюры, пазбягае выяўлення гістарычнага часу, пры стварэнні вобразаў старэйшага пакалення звяртаецца да мінулага, найперш да ўласных успамінаў. Так, дзед Валодзя адыграў вызначальную ролю ў чалавечым станаўленні пісьменніка, з вобразам дзеда звязана яго ўяўленне пра сялянскае жыццё. Неардынарнай асобай паказваецца баба Броня, якая ведала шмат казак, апавядала іх малому ўнуку, а таксама папярэджвала пра ведзьмакоў: “Баба Броня казала, каб не даваў рукі старым людзям, як яны маюць паміраць. Тлумачыла тым, што чортава сіла не дае лёгкай смерці, а праз руку можна гэтую сілу перадаць іншаму чалавеку” [5, с. 422] (мініяцюра “Ведзьмакі”). Адам Глобус стварае псіхалагічна пераканаўчы партрэт свайго бацькі – вядомага пісьменніка Вячаслава Адамчыка, апавядае пра яго літаратурныя густы і творчую працу, чалавечыя захапленні і звычкі, паказваючы на прыкладах, што тата вельмі ўражлівы, акуратны і асцярожны чалавек. Так, адно з захапленняў старэйшага ў сям’і пісьменніка – фатаграфаваць камяні-ледавікі. Цікавая творчая рыса – апісанне раслін у мастацкіх тэкстах з дапамогай складаных прыметнікаў, узятых найчасцей са спецыяльных даведнікаў па батаніцы. Акцэнтавана ўвага і на ваеннай тэме, якая пастаянна прысутнічала ў творчасці бацькі: “Хлапечыя ўражанні ніколі не адпускалі яго душу. Спаленая, расстраляная

з германскіх гарматаў вёска Варакомшчына. Галава каровы, якая высунулася з гумна ў вакенца і таму не згарэла. Аднавяскоўцы, пасечаныя шашкамі казакаў, што перайшлі на бок Гітлера. Усё гэта запаланіла ягоную свядомасць" [5, с. 463] (мініяцюра "Вайна"). Адам Глобус раскрывае, што яго літаратурныя густы адрозніваюцца ад бацькавых, паказвае, што піша на іншыя тэмы, аднак у цэлым адчувае сябе яго творчым наступнікам. Такім чынам, аўтарам не толькі сцвярджаецца каштоўнасць дому як сям'і, з якой пачынаецца чалавек, яго станаўленне і выхаванне, але і даказваецца неабходнасць сям'і ў любым узросце, таму што ў бацькоў многаму вучацца і ў сталасці.

Заключэнне. Такім чынам, у сучаснай літаратуры актуальнай застаецца тэма чалавека і сям'і, для ўвасаблення якой пісьменнікі выбіраюць такую спецыфічную форму, як жанравы сінтэз сямейнай хронікі і біяграфічнага рамана. Калі выбраная Янкам Сіпаковым форма сагі найперш скіроўвае аўтарскую ўвагу на мінулае роду, праблему пераемнасці пакаленняў, то Адам Глобус імкнецца стварыць вобраз сучаснай сям'і, асэнсаваць узаемаадносіны бацькоў і дзяцей ва ўмовах сённяшняй рэчаіснасці. Абодва аўтары адлюстроўваюць духоўныя каштоўнасці беларусаў, што існуюць, захоўваюцца і перадаюцца найперш у сям'і, паказваюць сямейныя адносіны як складаны мікрасвет, з чаго і пачынаецца грамадства. У літаратурным працэсе XXI стагоддзя назіраецца эстэтычная тэндэнцыя да выкарыстання малых апавядальных формаў. Янка Сіпакоў і Адам Глобус пазбягаюць у цэлым характэрнай для беларускай літаратуры эпічнасці, дэталёвага бытаапісання, паглыблена вызначаюць мастацкі псіхалагізм у раманных тэкстах, які спалучаецца з выяўленнем падзейнага пачатку. Аўтары паслядоўна выкарыстоўваюць біяграфічны прынцып арганізацыі мастацкага тэксту, акцэнтуюць увагу на вобразах галоўных герояў, пры гэтым не пазбягаючы паказу асобных аўтабіяграфічных момантаў з лірычнай індывідуальна-аўтарскай спавядальнасцю. Разам з тым творцамі якасна змяняецца класічная раманная форма, якая патрабуе паказу канфлікта героя з грамадскім асяроддзем, шырокага ахопу гістарычнай эпохі, драматызацыі мастацкага дзеяння. Для ўвасаблення аўтарскай ідэі, што ў сучасным грамадстве кожны чалавек пачынаецца з сям'і, і Янка Сіпакоў, і Адам Глобус знаходзяць адметную мастацкую форму, што выяўляе жанравае развіццё рамана ў беларускай літаратуры.

Літаратура

1. Закаблукова, Т.Н. Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т.Н. Закаблукова; Краснояр. гос. пед. ун-т. – Красноярск, 2008. – 24 с.
2. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. / М.М. Бахтин; Ин-т мировой лит. – Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.) / ред.: С.Г. Бочаров, В.В. Кожинов. – М.: Яз. славян. культур: А. Кошелев, 2012. – 877 с.
3. Сіпакоў, Я. Зубрэвіцкая сага: раман у апавяданнях / Я. Сіпакоў. – Мінск: ЛіМ, 2010. – 328 с.
4. Стеблин-Каменский, М.И. Мир саги. Становление литературы / М.И. Стеблин-Каменский; отв. ред. Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1984. – 246 с.
5. Глобус, А. Convolutus: лірыка і проза / А. Глобус. – Мінск: Сучасны літаратар, 2008. – 832 с.

Паступіў у рэдакцыю 08.02.2016 г.

УДК [(811.111+811.161.1)’362](045)

Роль грамматических средств в коммуникативной ситуации *родитель → ученик* (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов)

Качалова Л.Е.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

В данной статье исследуется лингвистический аспект речевого взаимодействия родителя и ученика, фокусируется внимание на коммуникативном поведении ведущего участника коммуникации (адресанта).

Цель работы – выявление сходств и различий в использовании адресантом речи речевых приемов грамматического характера в коммуникативной ситуации типа родитель → ученик.

Материал и методы. *Материалом исследования выступают художественные произведения конца XX – начала XXI в. на английском и русском языках, из которых методом сплошной выборки были выделены коммуникативные ситуации педагогического дискурса типа родитель → ученик.*

Результаты и их обсуждение. *Проведенное исследование позволяет заключить, что речевое поведение адресанта речи в ситуации типа родитель → ученик педагогического дискурса художественных произведений на английском языке характеризуется употреблением в речи, главным образом, модальных глаголов, вопросительных предложений, императива, местоимения we ‘мы’, форм причастия и герундия, входящих в спектр рассматриваемого в данной статье речевого приема и составляющих в совокупности 70% от общей выборки грамматических средств. В свою очередь речь ведущего участника коммуникации рассматриваемого типа коммуникативной ситуации художественных произведений на русском языке характеризуется присутствием в речи следующих грамматических средств согласно частотности проявления в речи: вопросительные предложения, императивы, восклицательные предложения и модальные глаголы, процент выборки которых в совокупности равен 85% от всех выявленных грамматических средств, составляющих основу данного речевого приема. Однако при расширении материала исследования на обоих языках полагаем: выявленные сходства и различия могут проявиться в достаточной степени, что позволит говорить о существующей тенденции.*

Заключение. *В статье показано соотношение грамматических средств, выявленных в произведениях художественной литературы на английском и русском языках и используемых в коммуникативной ситуации родитель → ученик. Выделены наиболее частотные для художественного текста обоих языков элементы структуры рассматриваемого речевого приема, представлено их лингвистическое наполнение, на основе чего отражены сходства и различия в спектре используемых адресантом речи грамматических средств.*

Ключевые слова: *педагогический дискурс, коммуникативная ситуация, адресант речи, речевой прием.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 165–173)

Role of Grammatical Means in the Communicative Situation of *Parent → Pupil* (Based on English and Russian Fiction)

Kachalava L.E.

Educational Establishment «Minsk State Linguistic University», Minsk

Linguistic aspect of parent – pupil speech interaction is studied in the article; attention is focused on the communicative behaviour of the leading participant of communication (addressee).

The aim of the article is to study common features as well as differences in the usage by the speech addressee of grammatical means of speech in communicative situations of pedagogical discourse Parent Pupil.

Material and methods. *The material of the study is fiction of late XX – early XXI centuries in English and Russian from which communicative situations of pedagogical discourse of Parent – Pupil type were extracted with the help of the method of total selection.*

Findings and their discussion. *The research makes it possible to conclude that speech behaviour of the addressee of speech in the situation of parent – pupil type of the pedagogical discourse of fiction in English is characterized by using in speech mainly modal verbs, interrogative sentences, imperatives, the we pronoun, Participle and Gerund forms, which are included into the spectrum of the speech techniques under consideration, and which make up 70% of total selection of grammar means. The speech of the*

Адрес для корреспонденции: e-mail: ludlusi@yahoo.com – **Л.Е. Качалова**

leading participant of communication of the communicative situation type under consideration in fiction in Russian, in its turn, is characterized by the presence in speech of the following grammar means according to their frequency in speech: interrogative sentences, imperatives, exclamations and modal verbs, the percentage of the selection of which is 85% of all found grammar means, which make up the basis of the considered speech device. However, we believe that with widening the material of the study in both the languages, the differences and similarities can manifest themselves considerably, which will make it possible to speak about a tendency.

Conclusion. *Correlation of grammar means found in fiction in English and Russian and used in the communicative situation of parent – pupil is shown in the article. Most frequent for a fiction text in both languages elements of the structure of the speech device under consideration are singled out; their linguistic filling is presented, on the basis of which similarities and differences in the specter of the use by the speech addressee of grammar means are reflected.*

Key words: *pedagogical discourse, communicative situation, speech addressee, speech device*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 165–173)

В статье исследуется лингвистический аспект речевого взаимодействия *родителя* и *ученика*, фокусируется внимание на коммуникативном поведении ведущего участника коммуникации (адресанта), от которого, как правило, следует коммуникативная инициатива в реальном педагогическом общении. Коммуникативные ситуации типа *родитель → ученик* рассматриваются в данном исследовании в рамках педагогического дискурса на базе практического материала художественных произведений на английском и русском языках. Согласно данным Словаря-справочника по педагогическому речеведению, педагогический дискурс обладает «открытой структурой», т.е. один из его участников выполняет роль ведущего, направляет ход дискурса, определяет очередность реплик, вводит и завершает темы, распоряжается «правом на речь», предоставляя это право по своему усмотрению [1, с. 17].

Цель работы – выявление сходств и различий в использовании адресантом речи речевых приемов грамматического характера в коммуникативной ситуации типа *родитель → ученик*.

Материал и методы. Материалом исследования выступают художественные произведения конца XX – начала XXI в. (10 и 8 произведений художественной литературы на английском и русском языках соответственно), из которых методом сплошной выборки были выделены коммуникативные ситуации педагогического дискурса типа *родитель → ученик*.

При изучении речевого поведения участников коммуникативной ситуации выделяется три типа речевых приемов: грамматические средства, лексические средства и стилистические фигуры, – каждый из которых имеет свою значимость в формировании картины речевого поведения участника коммуникации и заслуживает особого внимания. Грамматические средства как речевой прием являются ключевыми при изучении речевого поведения того или иного участника коммуникации, поскольку грамматическая составляющая речи выступает основой при конструировании речи говорящего в целом, на которую накладывается лексическая и стилистическая составляющая речи. Под грамматическими средствами как самостоятельным речевым приемом будем понимать совокупность элементов, составляющих грамматический пласт языка – модальные глаголы, императивы, местоимения, степени сравнения, формы герундия и причастия. В спектр грамматических средств мы вносим также элементы синтаксиса языка, такие, как инверсия, пассивные конструкции, типы предложений (вопросительные, восклицательные, условные).

Общее количество коммуникативных ситуаций типа *родитель → ученик* в материале исследования составило 77 единиц: 25 и 52 коммуникативные ситуации на английском и русском языках соответственно, что в процентном отношении равно 10% и 15% соответственно от общего количества выделенных речевых ситуаций в каждом из рассматриваемых языков.

Результаты и их обсуждение. Полученные данные представлены в табл. 1 в зависимости от частоты употребительности грамматических средств в рассматриваемом типе коммуникативной ситуации на обоих языках. Так, наиболее частотными грамматическими средствами в речи адресанта на английском языке являются модальные глаголы и вопросительные предложения. Они составляют по 19% каждый от общего количества выделенных нами грамматических средств. Русскоязычный речевой материал показал, в свою очередь, что использование вопросительных предложений в речи адресанта составляет 45% от общего количества используемых в речи грамматических средств и, таким образом, выступает наиболее частотным речевым приемом, в то время как процент модальных глаголов составляет лишь 8%, т.е. в два раза реже.

Рассмотрим качественную составляющую модальных глаголов в текстовом

Таблица 1

Грамматические средства в коммуникативной ситуации типа *родитель → ученик*

Грамматические средства	Англоязычные источники выборки		Русскоязычные источники выборки	
	Количество	Проценты	Количество	Проценты
вопросительные предложения	39	19	126	45
императивы	25	12,2	58	20,7
модальные глаголы	39	19	23	8,2
восклицательные предложения	7	3,4	32	11,4
местоимение «мы»	25	12,2	8	2,9
герундий/причастие	16	7,8	–	–
условные предложения	12	5,8	13	4,6
степени сравнения	13	6,3	7	2,5
синтаксические конструкции	13	6,3	1	0,3
пассивные конструкции	8	4	1	0,3
неопределенные местоимения	5	2,4	3	1
инверсия	3	1,5	8	2,9
Всего:	**205**		**280**	

материале обоих языков. Табл. 2 иллюстрирует специфику распределения модальных глаголов, используемых адресантом речи рассматриваемой коммуникативной ситуации на английском и русском языках соответственно. В англоязычном художественном тексте наиболее распространенным модальным глаголом является модальный глагол *can/could*, за которым следует *may/might*, а также модальные глаголы *need* и *let*. Приведем примеры из источников выборки на английском языке: ***Maybe*** *if your grandparents had seen you – just once – things would be different. Babies* ***can change*** *people. They* ***can make*** *miracles* ***happen*** *because babies are miracles...* [A1. P. 312–316]; *I saw you in there with your mother. She* ***needs*** *you, Jeffrey. You* ***might be*** *the only one who* ***can help*** *her...* [A2. P. 327]; *Jessica, I* ***need to tell*** *you some things that even adults have a hard time understanding, but I* ***need you to try****, okay?..* [A2. P. 366–370]; *Under the circumstances isn't that the most sensible thing you* ***could do****?.. I've no doubt it's a disappointment. Beggars can't be choosers, my boy...* [A3. P. 124–125].

В русскоязычном художественном тексте превалирует модальный глагол *должен*, за которым следует модальный глагол, имеющий значение выражения совета, рекомендации адресату речи – *следует*. Заметим, что модальный глагол *должен* в художественном тексте на русском языке выражается чаще всего через форму *нельзя*, а модальный глагол *следует* – через форму *надо*. Подтвердим сказанное следующими примерами: *Вася, тебе в школе нравится? Тебе интересно?.. А зачем ты ее бьешь? Девочек* ***нельзя бить****... На партах* ***писать нельзя****...* [B1. С. 82–85]; *Вася, но горные* [лыжи] *– это секция, а беговые – уроки... А то, что уроки* ***нельзя прогуливать****, как секцию...* [B1. С. 233–234]; ***Надо сделать*** *домашнее задание. Я не хочу, чтобы тебя Светлана Александровна ругала... А ты руку поднимаешь на уроке?..* [B1. С. 53–58]; *Откуда журнал?.. Ты ходил в библиотеку? Какой молодец!* ***Надо*** *папе* ***сказать****, он обрадуется...* [B1. С. 219–223].

На базе практического материала англоязычного художественного текста можно заключить, что при общении *родителя* и *ученика* принято использовать модальные глаголы, выражающие значение возможности/вероятности/необходимости совершения действия (*can/could*, *may/might*, *need*), т.е. отсутствует элемент долженствования, поскольку процент употребления в речи модальных глаголов *must*, *have to*, *be to* незначителен. Заметим, что модальные глаголы «передают отношение агенса к действию; это отношение – возможность, долженствование и т.п. – является их грамматическим значением», которое, вероятно, следует рассматривать как «слияние грамматического и лексического в семантике передаваемого ими отношения» [2, с. 48–49].

В свою очередь экспериментальный материал на русском языке показал практически равный процент употребления в речи модальных глаголов *должен* и *следует*, что говорит о том, что в речевом поведении *родителя* в отношении *ученика* имеет место как элемент долженствования, так и совет (рекомендация). В данном случае выбор модального глагола обусловлен ситуативными факторами коммуникативной ситуации, как показывают, в частности, приводимые выше примеры из практического материала исследования. Проведенная выборка показала единичные случаи употребления в речи адресанта модальных глаголов *мочь/уметь*, *приходиться*, *разрешать* и полное отсутствие русскоязычных эквивалентов английским модальным глаголам *need*, *force*, *let*, *be to*, что позволяет говорить об отсутствии тенденции их использования в художественном тексте на русском языке. Модальные глаголы с данным значением, согласно полученным результатам выборки из художественных текстов на английском языке, присутствуют в речи адресанта всего лишь один раз.

Подобную картину употребления модальных глаголов в речи ведущего участника коммуникации в речевой ситуации типа *родитель → ученик* мы объясняем культурной составляющей общепринятых норм речевого поведения между участниками коммуникации *родитель* и *ученик*, где *родитель* выступает адресантом речи, а *ученик* – адресатом. На наш взгляд, коммуникативные ситуации педагогического характера, выявленные в художественном тексте, служат зеркальным отражением реального педагогического общения, поскольку автор художественного произведения, как правило, переносит реальную педагогическую ситуацию в плоскость художественного текста, тем самым обеспечивая достоверность передаваемой информации и возможность соотнесения данной информации с реальным опытом читателя.

Обратимся к табл. 3, в которой представлена частотность использования выявленных типов вопросительных предложений в практическом материале обоих языков. Основными типами вопросительных предложений являются общий вопрос и специальный вопрос, различающиеся содержательно и формально. В формальном отношении данные типы вопросительных предложений имеют достаточно четкую структуру построения вопроса: наличие/отсутствие местоименных вопросительных слов, инверсивный порядок слов. В аспекте содержания общий вопрос представляет собой «запрос о достоверности того нового, что сообщается в высказывании», тогда как специальный вопрос «содержит запрос, направленный на получение информации совершенно конкретного, предметного свойства», связанного «не с модально-предикативным планом предложения, как в случае общего вопроса, а с его лексико-семантическим содержанием» [2, с. 178–179]. Так как лексико-семантическое содержание запрашиваемой информации разнообразно, различными выступают также и сигналы запроса необходимой информации (вопросительные местоименные слова what '*что*', when '*когда*', where '*где*', how '*как*' и т.д.), которые ориентируют адресата на характер требуемой информации.

Как видим, для речи ведущего участника коммуникации ситуации типа *родитель → ученик* характерно употребление как *общих*, так и *специальных вопросов*. Однако проведенная выборка русскоязычного материала исследования выявила тенденцию использования *специального вопроса* более чем в пять раз чаще, а *общего вопроса* – в два раза чаще, чем в англоязычном материале исследования. Данная тенденция, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что для русскоязычного носителя наибольшую важность представляет выяснение конкретной информации предметного характера при общении с адресатом в ситуации типа *родитель → ученик*, что и раскрывается в речи, главным образом, через *специальный вопрос*, тогда как англоязычному носителю свойственно выяснение информации посредством использования наводящих вопросов, предполагающих либо подтверждение сказанного, либо его отрицание, что и происходит через использование в речи в большей степени *общих вопросов*. В этой связи заметим, что относительно содержания вопросительные предложения характеризуются «выраженной в них структурно (не лексически) идеей информационной лакуны в знаниях говорящего относительно денотата высказывания...» [2, с. 177]. Проиллюстрируем сказанное примерами из источников выборки: *Danielle, sometimes ignorance is bliss.* ***Do you know what that means?***.. [A1. P. 99–101]; *There's only one thing to do. The question is,* ***will ye do it?***.. ***Who is the strongest***... ***sturdiest***... ***stubbornest boy in your class?***.. ***Are you feared?***.. *We'll write a letter to Dalgleish if you like, asking him to speak to the boys... It's the matter of principle, to go in and whip the best of them.* ***Will ye do it?***.. [A3. P. 33–34]; *We had a long talk about your future.* ***Have you any views on the subject yourself?***.. [A3. P. 124–125]; ***Вася, а почему у тебя «сэмэ»?***.. *Я вижу, что четыре ошиб-*

ки. Я спрашиваю: ***почему?****.. А Оля у вас главная отличница?.. А кто у вас лучше всех учится?.. Вась, ты хоть читал, что здесь написано?.. Откуда журнал?.. Ты ходил в библиотеку? Какой молодец! Надо папе сказать, он обрадуется...* [B1. C. 219–223]; ***Васюш, а почему ты в конкурсе самодеятельности не участвовал? Что там хоть было?****.. Ладно, на следующий год будешь выступать. Ты у меня молодец. Только руку поднимай...* [B1. C. 400–401].

Под нестандартной формой построения вопроса мы понимаем вопросительное предложение, основным признаком которого является вопросительная интонация, поскольку отсутствуют иные формальные элементы структуры вопроса, что, главным образом, характерно для разговорной речи. Приведем примеры нестандартной формы построения вопроса, свойственной, как показывает материал исследования, для обоих языков: ***That's where you've been hanging out, huh?****.. No more.* ***You understand?****..* [A1. P. 207–209]; *Jessica, I need to tell you some things that even adults have a hard time understanding,* ***but I need you to try, okay?****..* [A2. P. 366–370]; ***You stay away from that girl, you hear me?****..* [A2. P. 95–96]; *Васенька, ты только на лыжи не хочешь или вообще в школу не хочешь?..* ***Ладно, иди так*** [без спортивной формы], ***в классе посидишь, договорились? Будешь через раз прогуливать, ладно?*** *Сегодня прогуляешь, а в следующий раз пойдешь...* [B1. C. 244–245]; *Какие еще новости?..* ***Надеюсь, ты ничего не сделал для того, чтобы тебя в коридор отправили?****..* [B1. C. 370–372].

С точки зрения содержания, *расчлененный* (*присоединенный*) *вопрос*, являясь разновидностью общего вопроса, характерен в большей степени для русскоязычного педагогического дискурса художественных произведений, в то время как материал исследования на английском языке не выявил тенденции употребления в речи данного типа вопроса. Приведем примеры из материала исследования на русском языке: ***Значит, Галя правильно отобрала у тебя дежурство?****.. А ведь вы с ней дружили недавно?.. Вот мальчики не ссорятся из-за таких пустяков...* [B3. C. 71–72]; *Ну, как вы встретились?.. Ты был рад видеть друзей?..* ***Значит, у тебя пятерка?*** *А кто больше всех прочел?..* ***Значит, ты хуже Лизы читаешь?****..* [B1. C. 361–362].

Следующим элементом, одним из составляющих речевого приема *грамматические средства* и вторым по распространенности в англоязычной речи художественных произведений, являются *императивы* и *местоимения*, в частности доминирование в речи местоимения we '*мы*'. Процент выборки данных грамматических средств в экспериментальном материале английского языка совпадает и составляет 12% для каждого. В свою очередь проведенный анализ русскоязычных источников выборки выявляет факт того, что *императивы* в речи адресанта речи ситуации типа *родитель* → *ученик* составляют 20%, т.е. употребляются в речи практически в два раза чаще, в то время как местоимение we '*мы*' зафиксировано лишь в 3% случаев.

Обращаясь к художественным произведениям на английском языке, видим, что в речи *родителя*, адресованной *ученику*, местоимение we '*мы*' употреблено в большинстве случаев в сочетании с глаголами чувственного восприятия, такими, как *want*, *know*, *feel*, *understand*: *Once* ***we*** *started paying attention* ***we saw*** *that your friendships here definitely are special.* ***We understand*** *why you don't want to leave...* [A1. P. 424]; ***We*** *just* ***want*** *to make sure the family's going to be okay after* ***we're*** *gone...* ***We know*** *you'll be able to handle yourself...* [A1. P. 432]; *Right away* ***we knew*** *that* ***we wanted*** *to be the ones to adopt the little guy...* ***We*** *only have Asher because of you...* [A1. P. 246–247]; *Ernest's father and I sometimes worry about him.* ***We*** *sometimes* ***feel*** *he's not a terribly good mixer...* [A4. P. 63–68].

Данные примеры показывают, что через местоимение we '*мы*' адресант речи передает позицию обоих родителей, даже если общение с учеником происходит в присутствии одного из родителей.

Практический материал художественных текстов на русском языке, в свою очередь, не позволяет проследить подобной тенденции, а показывает, что местоимение we '*мы*' выступает собирательным элементом, через который видно, что *родитель* как адресант отождествляет себя с адресатом речи посредством употребления в своей речи различных глаголов в будущем времени: *И это только первое сентября. А что дальше будет?.. Это не дело, нельзя перед школой смотреть мультфильмы,* ***мы*** *так никогда* ***не выйдем****...* [B1. C. 23–29]; *А ты чего зарядку не делаешь?.. Одевайся.* ***Мы опоздаем****... Вася, ешь,* ***мы*** *уже только ко второму звонку* ***успеваем****...* [B1. C. 210–212]; *Вася, всему свое время. После тренировки уроки поздно делать... Уже давно бы сел и все сделал. Больше времени на разговоры* ***тратим****...* [B1. C. 265–267]; *Видишь, все стоят, никто не ноет. Перестань себя так вести... Ладно, потерпи еще немного, а потом* ***мы пойдем*** *в детский магазин покупать тебе подарок. Договорились?..* [B1.C. 33–35].

Таким образом, несмотря на существенную разницу в процентном отношении

(12% и 3% в художественных текстах на английском и русском языках соответственно), местоимение we '*мы*' выполняет две совершенно различные функции.

В речи ведущего участника коммуникации рассматриваемой речевой ситуации превалирует стандартная форма построения императива – побуждение адресата речи к выполнению какого-либо действия (*Do/ Сделай/ Сделайте*): *That's enough, Richard.* ***Listen*** *to your brother for once – I finally did. This does not come as a surprise to your mother and me...* [A1. P. 424]; ***Mind*** *your own business, young man. This doesn't concern you... That's enough!* ***Get*** *your things. We're going to the car!* [A1. P. 278–279]; *And* ***watch*** *your language... Nobody wants to see Mr. Terupt get in trouble... Everyone knows he's a great teacher. We all just want him to get better...* [A2. P. 366–370]; *Вася,* ***сделай*** *сейчас домашнее задание. А то тебе еще на тренировку идти...* [B1. C. 48]; *Вась, ты хоть читал, что здесь написано?..* ***Прочти****, пожалуйста. Светлана Александровна специально для тебя написала... Ты журнал хоть* ***полистай*** *– там про кенгурят и про щенков истории.* ***Смотри****, какие смешные фотографии...* [B1. C. 219–223]; *Ты была рядом, значит, виновата.* ***Сиди*** *и* ***думай****, как собираешься дальше жить...* [B5. C. 93].

Зафиксированы единичные случаи употребления императива, выражающего запрет совершения действия (*Don't do/ Не делай/ Не делайте*), конструкция *Let's do/ Давайте сделаем/ Пусть сделает*, а также использование нестандартной формы императива в практическом материале исследования обоих языков (табл. 4). Приведем примеры нестандартной формы построения императива в художественном тексте на обоих языках: ***You stay away*** *from that girl,* ***you hear me?****..* [A2. P. 95–96]; *Anna,* ***you listen to me****. Look at me. You didn't throw that snowball, nor did you force Peter to throw it...* [A2. P. 275]; *Так, хватит мне зубы заговаривать. Делай уроки...* ***Так, все, теперь уроки****... Ладно, пойдем поедим.* ***А потом за уроки****...* [B1. C. 53–58]; *Хорошо учится?.. Он без троек,* ***а ты навались так****, чтобы и четверок не было. Вот и утрешь ему нос!..* [B2. C. 155–157].

Восклицательные предложения, также входящие в спектр грамматических средств, составляют в целом невысокий процент. В русскоязычном материале исследования они составили 11% от общей выборки грамматических средств, в то время как экспериментальный материал на английском языке показал лишь 3% соответствующей выборки. Тем не менее отметим следующую особенность: в проанализированном текстовом материале художественных произведений на русском языке были выделены *восклицания, выражающие оценку*, и *восклицания-императивы*, встречающиеся в речи рассматриваемого участника коммуникативной ситуации практически в равной степени часто (табл. 5). Материал исследования на английском языке данной тенденции не выявил. Приведем примеры: *Вася, вставай, ты же не хочешь опоздать в школу?..* ***Ты же в первый класс идешь!****..* ***сегодня же праздник!****.. Все дети давно встали, умываются, одеваются, завтракают...* ***потом они нарядные пойдут в школу! Ты запомнишь этот день на всю жизнь! Такое только раз в жизни бывает!****..* [B1. C. 23–29]; *Вася, всему свое время. После тренировки уроки поздно делать. У тебя есть сейчас сорок минут.* ***Садись и быстро все сделай!****..* [B1. C. 265–267]; *Ладно, а кто написал «Винни-Пуха»?.. Дисней мультик создал. И не он сам, а его студия...* ***Надо знать, а не гадать!****.. Нет такого слова – «короче»...* [B1. C. 290–293].

Проанализированный практический материал показал присутствие в речи адресанта речи рассматриваемой коммуникативной ситуации характерных для английского языка конструкций (*be going to do something*, *want somebody to do something*, *It's high time...*, *neither... nor*, употребление вспомогательного глагола-связки *do*), что не наблюдается в речи участника коммуникации на русском языке (0,3%), поскольку не является свойственным для русского языка в целом. Подтвердим сказанное следующими примерами: *We just want to make sure* ***the family's going to be*** *okay after we're gone...* [A1. P. 432]; *I* ***don't want you to think*** *that we're trying to replace you... or Michael. We only have Asher because of you...* [A1. P. 246–247]; *Anna, you listen to me. Look at me. You didn't throw that snowball,* ***nor did you force Peter to throw*** *it. I'm not sure whose fault it is that this happened, or if it even matters, but I* ***do know*** *it's not yours...* [A2. P. 275]; *Even if you did win, I couldn't afford to let you go another five years without earning a penny piece. A great deal of outlay has been incurred in your behalf.* ***It's high time*** *you started to pay it back...* [A3. P. 124–125].

Формы причастия и герундия, специфические для английского языка по сравнению с русским языком, нашли отражение лишь в англоязычном материале исследования. Данные глагольные формы составляют 7,8% от общей выборки грамматических средств на английском языке (табл. 1). Ниже приведем примеры: *Danielle, I don't recall school* ***bein'*** *so unbelievable when I was there. Course, not much about your school is like*

Таблица 2

Модальные глаголы в коммуникативной ситуации типа *родитель → ученик*

Модальные глаголы	Англоязычные источники выборки									Русскоязычные источники выборки								
	can/could	should	have to	may/might	need	must	force	let	be to	мочь/уметь	следует	приходиться	разрешать	нужно/надо	должен	заставлять	позволять	обязан
Количество	13	3	3	6	5	2	1	5	1	3	8	2	1	–	9	–	–	–

Таблица 3

Вопросительные предложения в коммуникативной ситуации типа *родитель → ученик*

Вопросительные предложения	Англоязычные источники выборки				Русскоязычные источники выборки			
	общий вопрос	специальный вопрос	расчлененный вопрос	нестандартная форма	общий вопрос	специальный вопрос	расчлененный вопрос	нестандартная форма
Количество	20	11	1	7	44	64	9	9

Таблица 4

Императивы в коммуникативной ситуации типа *родитель → ученик*

Императивы	Англоязычные источники выборки				Русскоязычные источники выборки			
	Do	Don't do	Let's do	нестандартная форма	Сделай/ сделайте	Не делай/не делайте	Пусть/давайте сделаем	нестандартная форма
Количество	18	3	1	3	40	5	5	8

Таблица 5

Восклицательные предложения в коммуникативной ситуации типа *родитель → ученик*

Восклицательные предложения	Англоязычные источники выборки			Русскоязычные источники выборки		
	восклицания, выражающие оценку	восклицания-императивы	восклицания-междометия	восклицания, выражающие оценку	восклицания-императивы	восклицания-междометия
Количество	3	2	2	18	13	1

mine was, but still, I don't think I've ever heard of children ***havin'*** *the kid of days you seem to have in that room with Mr. Terupt...* [A1. P. 99–101]; *We don't have enough days to waste* ***being upset or sad****. You've got to be happy and have fun, Anna...* [A2. P. 170].

Условные предложения, степени сравнения, неопределенные местоимения в совокупности составляют невысокий процент в художественном тексте английского и русского языков – 14,5% и 8,1% соответственно. Заметим, однако, что в текстовом материале обоих языков присутствует сослагательное наклонение, а также сравнительная и превосходная степень сравнения, с преобладающим элементом в обоих языках *better/the best*; *лучше/хуже/самый лучший*: *Nobody wants to see Mr. Terupt get in trouble...Everyone knows he's a great teacher. We all just want him to get* ***better****...* [A2. P. 366–370]; *There's only one thing to do. The question is, will ye do it?.. Who is* ***the strongest****...* ***sturdiest****...* ***stubbornest*** *boy in your class?..* [A3. C. 33–34]; *А Оля у вас главная отличница?.. А кто у вас* ***лучше всех*** *учится?..* [B1. C. 219–223]; *Значит, у тебя пятерка? А кто* ***больше всех*** *прочел?.. Значит, ты* ***хуже*** *Лизы читаешь?..* [B1. C. 361–362].

Следует указать на то, что *пассивные конструкции* и *инверсия* как элементы синтаксиса языка присутствуют в речи ведущего участника рассматриваемой коммуникативной ситуации. Однако, несмотря на то, что их процент незначителен в текстовом материале обоих языков, тем не менее прослеживается использование в англоязычной речи в большей степени *пассивных конструкций*, в то время как в русскоязычной речи преобладает *инверсия* (табл. 1). Приведем следующие примеры: *But in the end, you're still just kids, and asking you to assume that much responsibility isn't fair... You* ***can't be expected*** *to handle it all the time. So that's why it's his fault...* [A2. P. 366–370]; *Dear,* ***are you allowed*** *to order drinks?.. I hope you* ***weren't called*** *home suddenly because of illness in the family...* [A4. P. 63–68]; ***Не поблагодарит*** *меня* ***Анна Ивановна*** *за такую Лису Патрикеевну. Просто стыдно мне пускать такую девочку в школу...* [B3. C. 19]; ***Языкатые вы*** *слишком, несдержанные... Особенно ты, Женя.* ***Навредили вы*** *своей учительнице этими длинными языками...* [B4. C. 146–147].

Проведенное исследование позволяет заключить, что речевое поведение адресанта речи в ситуации типа *родитель → ученик* педагогического дискурса художественных произведений на английском языке характеризуется употреблением в речи, главным образом, модальных глаголов, вопросительных предложений, императива, местоимения we '*мы*', форм причастия и герундия, входящих в спектр рассматриваемого в данной статье речевого приема и составляющих в совокупности 70% от общей выборки грамматических средств. В свою очередь речь ведущего участника коммуникации рассматриваемого типа коммуникативной ситуации художественных произведений на русском языке характеризуется присутствием в речи следующих грамматических средств согласно частотности проявления в речи: вопросительные предложения, императивы, восклицательные предложения и модальные глаголы, процент выборки которых в совокупности равен 85% от всех выявленных грамматических средств, составляющих основу данного речевого приема. Однако при расширении материала исследования на обоих языках полагаем: выявленные сходства и различия могут проявиться в достаточной степени, что позволит говорить о существующей тенденции.

Как известно, соотношение языка и культуры – это явление сложное и многогранное. В.А. Маслова, разделяя точку зрения таких известных ученых, как С.А. Атановский, Г.А. Брутян, Е.И. Кукушкин, Э.С. Маркарян, отмечает, что «...взаимосвязь языка и культуры оказывается движением в одну сторону; так как язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык – простое отражение культуры» [3, с. 60]. Произведения художественной литературы, являющиеся частью культуры в целом, выступают промежуточным звеном, через которое отражаются изменения, которые происходят в культуре той или иной страны, что и выражается соответственно посредством языка, его как грамматической, так и лексической составляющей. Язык – это уникальная система, которая, бесспорно, оказывает влияние на сознание его носителей и формирование их картины мира. Языковая картина мира, формируя тип отношения человека к миру, «задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру», а каждый естественный язык «отражает определенный способ восприятия и организации мира» [3, с. 65]. Соответственно, педагогический дискурс, являясь типом институционально ориентированной коммуникации, обладает собственным подъязыком, который функционирует как с учетом ситуативно-культурного контекста, так и принятых в рамках данного институционального общения норм поведения участников коммуникации.

Заключение. В статье показано соотношение грамматических средств, выявленных в произведениях художественной литературы на английском и русском языках и используемых в коммуникативной ситуации *родитель → ученик*. Выделены наиболее частотные для художественного текста обоих языков элементы структуры рассматриваемого речевого приема, представлено их лингвистическое наполнение, на основе чего отражены сходства и различия в спектре используемых адресантом речи грамматических средств. Проведенное исследование позволило выявить и обосновать в статье основные тенденции в организации речевого поведения ведущего участника коммуникации в ситуации типа *родитель → ученик*.

Литература

1. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Т.А. Ладыженской, А.К. Михальской; сост. А.А. Князьков. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
2. Иванова, И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высш. школа, 1981. – 285 с.
3. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 208 с.

Источники примеров

1. A1 – Buyea, R. Mr. Terupt Falls Again / R. Buyea [Electronic resource]. – Mode of access: http://robbuyea.com/books/mr_terupt_falls_again. – Date of access: 20.10.2014.
2. A2 – Buyea, R. Because of Mr. Terupt / R. Buyea [Electronic resource]. – Mode of access: http://robbuyea.com/books/because_of_mr_terupt. – Date of access: 20.10.2014.
3. A3 – Cronin, A.J. The Green Years / A.J. Cronin [Electronic resource]. – Mode of access: Cronin A.J. The Green Years and Shannons Way (1960).pdf – http://mexalib.com/download/29801. – Date of access: 17.10.2014.
4. A4 – Сэлинджер, Д. Над пропастью во ржи: Книга для чтения на английском языке / Д. Сэлинджер. – СПб.: Антология, КАРО, 2012. – 286 с.
5. B1 – Трауб, М. Дневник мамы первоклассника / М. Трауб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litres.ru/masha-traub/dnevnik-mamy-pervoklassnika/. – Дата доступа: 17.10.2014.
6. B2 – Полонский, Г. Перевод с английского / Г. Полонский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/103203/Polonskiii_-_Perevod_s_angliiiskogo.html. – Дата доступа: 17.10.2014.
7. B3 – Шварц, Е.Л. Первоклассница / Е.Л. Шварц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/64784/Shvarc_-_Pervoklassnica.html. – Дата доступа: 17.10.2014.
8. B4 – Полонский, Г. Ключ без права передачи / Г. Полонский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/103199/Polonskiii_-_Klyuch_bez_prava_peredachi.html. – Дата доступа: 17.10.2014.
9. B5 – Камаева, О. Елка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы / О. Камаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litres.ru/olga-kamaeva/elka-iz-shkoly-s-lubovu-ili-dnevnik-uchitelnicy-2/. – Дата доступа: 17.10.2014.

Поступила в редакцию 24.03.2016 г.

УДК 811.161.1’373.231

Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования

Галковская Ю.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В Витебском государственном университете 18–19 февраля 2016 г. при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований состоялась международная научная конференция «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования», которую по праву можно считать результатом тесного международного научного сотрудничества двух ономастических школ – Витебской ономастической школы «Актуальные проблемы ономастики» и Смоленской ономастической школы.

В научном форуме приняли участие 104 исследователя (22 доктора наук, 50 кандидатов наук) из шести стран: Беларуси, России, Украины, Польши, Вьетнама и Канады.

Учредителями конференции выступили Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Смоленский государственный университет.

Цель статьи – обобщить основные результаты ономастических исследований, представленных на международной научной конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования», которая состоялась на филологическом факультете Витебского государственного университета имени П.М. Машерова 18–19 февраля 2016 г.

Материал и методы. *Материалом исследования послужили результаты научных изысканий, представленные учеными на конференции. Основные методы – описательный, сравнительно-сопоставительный и аналитический.*

Результаты и их обсуждение. *В статье в обзорно-аналитической форме проанализированы и освещены наиболее важные и перспективные направления развития современной региональной ономастики в Республике Беларусь, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья.*

Ареальный подход доказывает, что каждый регион представляет некое целостное территориальное, социальное, культурное и психологическое единство, одним из ключей к постижению которого является обширное ономастическое исследование. Современные научные тенденции развития ономастической регионалистики свидетельствуют о смещении акцента в сторону изучения контактных зон, точечных ареалов, разработки лингвистического направления в исследовании феномена приграничья, комплексного анализа региональной онимической системы в синхронии и диахронии; выявления специфики художественных ономастиконов, функционирующих в литературе XX в., как систем, отражающих авторское видение картины мира.

Заключение. *Конференция доказала актуальность и перспективность локальных ономастических исследований и отразила результаты плодотворного научного сотрудничества.*

Ключевые слова: *антропонимика, конференция, ономастика, ономастическая периферия, региональная ономастика, топонимика.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 174–178)

Regional Onomastics: Problems and Current Approaches

Galkovskaya Y.M.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

At Vitebsk State P.M. Masherov University with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research the International Scientific Conference «Regional onomastics: problems and current approaches» was held on February 18–19 th, 2016. The conference is considered to be the result of close international scholar cooperation between the two onomastical schools – Vitebsk school of onomastics and Smolensk school of onomastics.

104 scholars (22 Doctors of Science, 50 PhDs) from the six participating countries: Belarus, Russia, Ukraine, Poland, Vietnam and Canada shared their findings.

The founders of the conference are the Ministry of Education of the Republic of Belarus, the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Vitebsk State P.M. Masherov University, Smolensk State University.

The aim of the article is to summarize the main findings of the onomastic research presented at the International Scientific Conference «Regional onomastics: problems and current approaches» that was held at the Faculty of Philology of Vitebsk State P.M. Masherov University on February 18–19h, 2016.

Адрес для корреспонденции: e-mail: yulya_galkovskaya@mail.ru – **Ю.М. Галковская**

Material and methods. *The material of the article is based on the findings of the studies presented at the conference. The basic methods of the research are descriptive, comparative and analytical ones.*

Findings and their discussion. *The most important and prospect directions of the development of contemporary regional onomastics in the Republic of Belarus, as well as in the countries of near and far abroad are given in the article in the form of surveillance and analytical analyses.*

Locally-oriented studies show that each region is a kind of holistic territorial, social, cultural and psychological unity, one of the keys to the comprehension of which is a complex onomastical research. The contemporary ways of the development in regional onomastics prove that there is a certain shift towards the study of contact zones, spot areas, the development of linguistic trends in the phenomenon of the borderland, comprehensive analysis of regional nominative systems in synchrony and diachrony as well as the specificity of secondary onomastical space functioning in the literature of the twentieth century that reflects the author's vision of the world.

Conclusion. *The conference proved the prospects and importance of regional approaches in the field of onomastics and represented the results of effective cooperation.*

Key words: *border zone, tradition, participation, name choosing, nominator.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 174–178)

В регионалистике как науке, изначально изучавшей территориальную организацию экономики, хозяйственной деятельности и экономическое районирование, сегодня наблюдается значительное расширение проблемного поля, в котором особое место отведено ономастическим изысканиям.

Проблемы становления и развития регионального направления ономастических исследований, сохранения локальной топонимической и антропонимической систем, специфики презентации художественного онимического пространства региона находятся в поле зрения ведущих специалистов не только Республики Беларусь, но и ближнего и дальнего зарубежья, о чем свидетельствует тематика научных мероприятий, среди которых особого внимания заслуживает международная научная конференция «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования».

Цель статьи – обобщить основные результаты ономастических исследований, представленных на международной научной конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования», которая состоялась на филологическом факультете Витебского государственного университета имени П.М. Машерова 18–19 февраля 2016 г.

Материал и методы. Материалом исследования послужили результаты научных изысканий, представленные учеными на конференции. Основные методы – описательный, сравнительно-сопоставительный и аналитический.

Результаты и их обсуждение. Географическое расположение г. Витебска, его история и культура неразрывно связаны со Смоленщиной. Длительные межкультурные и исторические контакты сегодня подкрепляются тесными образовательными связями. Международное сотрудничество Витебского государственного университета и Смоленского государственного университета является результатом активного взаимодействия и развития двух ономастических школ, руководит которой в Смоленске Инна Александровна Королёва, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета.

Витебская научная школа «Актуальные проблемы ономастики» – одна из ведущих классических научно-исследовательских школ Республики Беларусь. Школа была основана в 2001 г. А.М. Мезенко – доктором филологических наук, профессором, заведующим кафедрой общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова – на базе кафедры общего и русского языкознания [1, с. 22].

В настоящее время в рамках научной школы работают 20 преподавателей, аспиранты, магистранты и студенты филологического факультета, а также школьники ГУО «Гимназия № 2 г. Витебска». Современные научные исследования представителей Витебской ономастической школы ведутся в русле ономастической регионалистики, целью которой является описание, объяснение и сопоставление явлений, связанных с функционированием имен собственных на определенной территории.

Официальной датой создания Смоленской ономастической школы считается 2010 г., однако начиная с 90-х гг. XX в. на Смоленщине активно развиваются разные аспекты изучения имен собственных: имена литературных персонажей, географические названия Смоленского края и др. Сегодня наряду с региональными ономастическими изысканиями ведущими исследовательскими направлениями Смоленской ономастической школы выступают также ономастическое наполнение школьных учебников, а также смоленско-витебское ономастическое пограничье. В Смоленской ономастической школе работают, кроме сотрудников кафедры русского

языка и методики его преподавания, молодые преподаватели и ученые 14 учебных учреждений образования Смоленщины, что свидетельствует о больших перспективах у Смоленской ономастической школы.

Результатом длительного научного сотрудничества Витебской и Смоленской ономастических школ являются ежегодные конференции, проводимые в ВГУ и СмолГУ, белорусско-российский исследовательский проект «Витебщина и Смоленщина в языковых, литературных и культурных контактах: история и современное состояние», а также коллективная монография «Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (Смоленск, 2014).

Еще одной вехой в научно-образовательном сотрудничестве Витебской и Смоленской научных школ стала конференция «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования». Несмотря на заявленный региональный характер, проблемное поле конференции составили вопросы теории и методологии ономастических исследований, современные проблемы антропонимики, топонимики и литературной ономастики, ономастическая периферия. Разработка дидактических основ преподавания ономастики в школе и вузе нашла отражение в разделе, посвященном ономастико-педагогическим проблемам в образовательном пространстве.

Во время торжественного открытия с приветственным словом от «многотысячного коллектива Витебского государственного университета имени П.М. Машерова» к участникам конференции обратился первый проректор ВГУ имени П.М. Машерова В.В. Малиновский. Участников научного форума горячо приветствовал декан филологического факультета С.В. Николаенко, передав слово руководителям ономастических школ и организаторам конференции – доктору филологических наук, профессору И.А. Королёвой (СмолГУ) и доктору филологических наук, профессору А.М. Мезенко (ВГУ), которые познакомили присутствующих с результатами многолетнего плодотворного сотрудничества двух научных школ и поделились перспективами дальнейшей совместной деятельности. Приятным сюрпризом для участников конференции стал приезд доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН (Россия) У.М. Бахтикиреевой, которая отметила тесные образовательные контакты двух вузов в научной и учебно-методической работе, а также подчеркнула важность ареального подхода в современной науке в условиях транскультурации.

На пленарном заседании выступила научная элита – ведущие ономасты Беларуси, России и Украины, – доклады которых вызвали оживленную дискуссию и задали дальнейший тон работе. В частности, *В.Л. Васильев*, доктор филологических наук, профессор Новгородского государственного университета (Новгород, Россия), в своем докладе представил еще одну версию происхождения топонима *Витебск*; *В.М. Калинкин*, профессор Донецкого национального медицинского университета (Донецк, Украина), познакомил участников с основными направлениями исследований Донецкой ономастической школы, в частности осветил некоторые методологические «презумпции, обеспечивающие описание поэтонимов», и положения теории поэтонимологии. Микротопонимия Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья, специфика ее формирования и функционирования в региональной системе с позиции «событийности» явилась предметом доклада *Л.А. Климковой* – профессора Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия). Практической направленностью и ориентированностью не только на административно-юридическую деятельность, но, прежде всего, на индивидуальный номинативный выбор характеризовался доклад члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси, доктора филологических наук, профессора *А.А. Лукашанца* «Практычныя аспекты функцыянавання антрапонімаў у блізкароднасным двухмоўным асяроддзі» (Минск, Беларусь). Исследователь рассмотрел некоторые проблемные аспекты современной номинативной практики, в частности уровень антропонимической компетенции населения, а также расхождения в принципах транслитерации и практической транскрипции при переводе документов с одного близкородственного языка на другой. Автор акцентировал внимание на необходимости унифицировать правила транслитерации и практической транскрипции в нормативно-правовых документах при передаче ономастических единиц на близкородственные языки.

Практикоориентированным содержанием отличался доклад аспиранта Белорусского государственного университета *Хоанг Тхи Бен*, посвященный проблеме мотивированности и конвенциональности эргонимов в русском, белорусском и вьетнамском языках. Автор отметил, что общность смысловой мотивированности эргонимического знака обуслов-

лена глобализационными процессами. Специфика выбора той или иной онимической единицы кроется в национальных особенностях различных лингвокультур и отличиях антропонимических систем.

Доклад доктора филологических наук, профессора *В.А. Масловой* (Витебск, Беларусь) был посвящен гидрониму *Двина* как региональному аксиологическому ядерному конструкту в моделировании концептосферы. Автор представил лингвокультурологическую информацию, которую содержит гидроним, сквозь призму языкового сознания жителя Витебщины с опорой на поэтические произведения современных витебских поэтов.

Продолжением лингвокультурологической тематики стал доклад *И.А. Королёвой* (Смоленск, Россия) – доктора филологических наук, профессора, соорганизатора конференции, – который был посвящен топонимии смоленско-витебского пограничья. Приграничное топонимическое пространство имеет свою специфику, обусловленную многочисленными территориальными преобразованиями, что привело к значительной общности в номинации географических объектов, входящих в состав Смоленско-Полоцкого княжества, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, СССР и, наконец, современной смоленско-витебской приграничной территории. С целью дешифровки лингвокультурологической информации, содержащейся в топонимии, в Институте языкознания РАН была создана информационная система «Топонимия России», функционально-содержательной частью которой является проект сбора российских топонимов. Следует отметить, что создание интерактивных топонимических проектов – перспективное направление в развитии западной топонимической науки. Так, в Объединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии развивается проект «Key to English Place-Names» («Ключ к английским географическим названиям»), результатом которого стала подготовленная дистрибутивная карта, послужившая основой для сайта (см. подробнее [2]). Обращение к какому-либо топониму позволяет просмотреть его местоположение или общее размещение на территории Англии. Каждое наименование сопровождает этимологический комментарий, представленный в авторитетных топонимических словарях, который впоследствии будет дополнен лингвокультурологической информацией.

Финальным аккордом пленарного заседания был доклад руководителя Витебской ономастической школы, доктора филологических наук, профессора *А.М. Мезенко* (Витебск, Беларусь). В своем выступлении автор определил место именословной системы Белорусского Поозерья в кругу региональных и общенациональных ономастических исследований. Кроме того, ученый представил детальную историографию изучения онимии Белорусского Поозерья, рассмотрев степень охвата номинативных единиц различных разрядов (антропонимов, урбанонимов, ойконимов, виконимов, экклезионимов и др.), проблемное поле научных изысканий и использованные подходы. В конце своего доклада А.М. Мезенко еще раз подчеркнула важность регионального направления в лингвистических исследованиях, которое показывает, что «каждый регион представляет собой не только конкретное территориальное, но и социальное, психологическое, культурное и иное единство и осознается как особая культурная среда со своей системой ценностей» [1, с. 28].

После завершения пленарного заседания работа участников конференции была организована по пяти секциям. В первой секции были представлены доклады, посвященные методологии ономастических исследований, в частности методу ассоциативного эксперимента (доклад *Н.В. Бубновой*), географо-картографическому методу в топонимии (*М.Г. Цинкобурова* и др.), специфике типологизации городских онимических систем Российской Федерации (*Р.В. Разумов*), а также рассмотрены основные подходы к внедрению ономастического материала в образовательный процесс с целью повышения ономастической компетенции учащихся и расширения их когнитивной базы (работы *Е.С. Василевской, М.А. Вагулько, Л.Н. Верховых, А.А. Лазуркина, С.В. Николаенко* и др.).

Самой «массовой» по количеству представленных докладов (28) была вторая секция, посвященная современным проблемам топонимики как теоретического характера, так и практической направленности. Принципы номинации и закономерности функционирования географических названий Оренбургской области в историко-культурном аспекте представлены в докладе *Е.Н. Бекасовой* (Оренбург, Россия), северо-запада Костромской области – в докладе *Н.М. Ганцовской* (Кострома, Россия). Общее и специфическое в неофициальной топонимии Смоленска и Минска установлено *Д.В. Бутеевым* и *А.И. Винокуровым* (Смоленск, Россия). Неофициальные именования внутригородских объектов Беларуси представлены в докладе *Г.К. Семеньковой* и *В.А. Кирпиченко* (Витебск, Беларусь). Декодированию лингвокультурной информации, заложенной в ойконимии и виконимии Белорусского Поозерья, посвящены доклады

витебских исследователей *Т.Ю. Васильевой* и *М.Л. Дорофеенко*. Исследователь *В.М. Генкин* (Витебск, Беларусь) предпринял попытку установить пространственные и ландшафтные приоритеты в ойконимии Витебщины и Смоленщины, которые участвуют в моделировании региональной языковой картины мира. Региональная микротопонимия представлена в докладах *Н.А. Ещенко* (Киев, Украина), *В.М. Костючик* (Брест, Беларусь), *С.С. Клундук, Н.Р. Якубук* (Брест, Беларусь), *Е.В. Цветкова* (Кострома, Россия), *С.В. Шийки* (Ровно, Украина). Проблеме реноминации географических названий посвящен доклад *Е.В.Ковалёвой* (Мозырь, Беларусь). Гидронимия Витебщины с позиции семантики и лингвокультурологии освещена в докладах *О.В. Мицкевич* (Минск, Беларусь) и *Т.И. Синкевич* (Витебск, Беларусь) соответственно.

Разработка проблем антропонимической регионалистики является одной из перспективных областей отечественной и зарубежной лингвистики. Интерес исследователей к изучению именословной системы отдельного региона продиктован информативным потенциалом личных имен. Привлекаемые эмпирические данные позволяют решать общие и собственно языковые задачи современной науки, а также социально-прагматические. Так, серия докладов секции «Актуальные вопросы антропонимики» была посвящена становлению и функционированию точечных именословных систем Украины: г. Тернополя (исследования *Г.В. Бачинской*, *И.Н. Рябининой*; *Н.А. Свистун*), Черкасской области (*О.В. Цехмистренко*) – и Беларуси: г. Могилева (*С.В. Пухначёва*), г. Минска (*Т.Г. Трофимович, Н.В. Жданович*), Брестчины (*Е.Е. Вертейко*), Витебщины (*Т.В. Скребнева, Ю.М. Галковская, Е.А. Зайцева, Г.К. Семенькова*), Пинского района (*С.А. Королевич*) – в синхронии и диахронии. Предложения по унификации и стандартизации письменной фиксации белорусских фамилий на близкородственные языки были изложены исследователем *И.О. Гапоненко* (Минск, Беларусь).

Высок исследовательский интерес участников секции также к прецедентным именованиям в публицистике (доклады *С.В. Мартынкевич*, *А.А. Лавицкого*, *С.Ю. Череватого*).

Литературная ономастика как направление и онимические единицы художественного пространства как элементы моделирования вторичной реальности широко представлены на конференции. Большая часть выступлений на заседании секции «Литературная ономастика» была ориентирована на выявление особенностей номинации персонажей в произведениях белорусских (*В.Ю. Боровко, С.Ф. Бут-Гусаим, Л.М. Вардомацкий, В.В. Горнак, Е.С. Дедова*), российских (*А.Н. Деревяго, Н.В. Ланге, Е.Ю. Муратова, О.А. Некоз, С.Д. Окуловская, О.Б. Переход, Т.П. Слесарева, М.Г. Цинкобурова, О.В. Шеверинова*) и украинских авторов (*М.Ю. Федурко*).

Серия докладов была посвящена «ономастической периферии», к которой отнесены номинации телевизионных программ (доклад *Л.М. Годуйко, Н.Р. Якубук*), банков (*И.К. Жилина*), мягких игрушек и кукол (*И.А. Лисова*), кондитерских изделий (*Ю.В. Менжинская*), фармацевтической продукции (*С.В. Насакина*), объектов торговли (*И.Э. Ратникова, Хоанг Тхи Бен, С. Томасик*) и др.

Заключение. Таким образом, результаты анализа проблемного поля международной научной конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования» доказали важность, актуальность и перспективность локальных ономастических исследований, которые позволяют установить уникальность того или иного региона, а также выявить общее и специфическое в протекании онимических процессов.

К началу научного форума был издан сборник с одноименным названием (Витебск, 2016) [3]. С информацией о ходе конференции и ее итогах можно ознакомиться на сайте Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (https://vsu.by/index.php/universitetskoe-televidenie; https://vsu.by/index.php/glavnaya/106-novosti-universiteta/2589-regionalnaya-onomastika).

Литература

1. Горегляд, Е.Н. Витебская ономастическая школа: истоки и перспективы / Е.Н. Горегляд // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города): сб. ст. – Смоленск: Маджента, 2012. – С. 22–27.
2. Key to English Place-names // The University of Nottingham [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kepn.nottingham.ac.uk/. – Дата доступа: 22.02.2016.
3. Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / сост.: А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверинова; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – 368 с.

Поступила в редакцию 30.03.2016 г.

УДК 811.161.1’373’0(043.3)

Пейоративные процессы в лексике русского языка XVIII века

Никитенко Т.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье ретроспективно рассматриваются современные пейоративные лексемы русского языка, которые впервые в оценочном значении были отмечены в XVIII веке.

Цель работы – выявить основные семантические процессы, оказавшие влияние на развитие пейоративных значений слов русского литературного языка в XVIII веке.

Материал и методы. *Материалом для исследования стала картотека негативно-оценочных слов, извлеченная путем сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» ([1998] 2008) и Словаря под ред. А.П. Евгеньевой (3-е изд., 1985–1988). Изучаемые слова представлены всеми знаменательными частями речи; тематически лексика является разнородной. Основные методы – описательный, сопоставительный, в рамках которого проводится историко-семантический анализ, метод словарных дефиниций и корпусный анализ.*

Результаты и их обсуждение. *Рассматриваются основные семантические переходы, в результате которых у слов фиксируются новые негативно-оценочные значения, как общеоценочного, так и частнооценочного характера. Выделяются определенные тематические группы, члены которых значительно подвержены процессам пейорации (зоонимы и т.д.). Определяются группы разговорных слов, за счет которых стремительно растет количество оценочных лексем во второй половине XVIII века.*

Заключение. *Многие оценочные предикаты оформились в результате семантического переноса от слов, достаточное время функционировавших в русском языке. Мощным стимулом пополнения оценочного вокабуляра стало формирование стилистической системы русского литературного языка, в результате которого отмечался переход разговорных слов (простых, простонародных и просторечных) в литературное употребление.*

Ключевые слова: *негативно-оценочная лексема, семантические изменения, ухудшение значения слова (пейорация), русский национальный литературный язык.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 179–183)

Pejorative Sense Development in the Lexis of the Russian Language in the XVIII Century

Nikitsenka T.V.

Education Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

The study considers pejorative lexemes of Modern Russian in a retrospective way. The words in question developed their negative meaning in the XVIII century.

The aim of the research is to find out main semantic processes which influenced the development pejorative word meanings of the Russian standard language in the XVIII century.

Material and methods. *The data was collected from the academic dictionaries of Modern Russian. The pejorative lexemes are represented by all notional parts of speech and by different topical domains. The main methods employed in the research are descriptive, contrastive, within which historical-semantic analysis is carried out, definitional, corpus analysis.*

Findings and their discussion. *The common semantic shifts are considered due to which the eighteenth-century words developed pejorative meaning of both general evaluative and frequency evaluative character. Some topical domains are studied that acquire negative sense development more easily. The layers of spoken words are distinguished which entered the standard Russian language and thus deteriorated their semantics in the second half of the XVIII century.*

Conclusion. *The majority of pejorative predicates emerged as a result of metaphorical extension of the words which had existed in Russian for quite a lot of time. Besides, the driving force for appearing new negative meanings happened to be the formation of the functional style system of the Russian language as a result of which transition of colloquial words into standard use was identified.*

Key words: *negatively-evaluated lexeme, semantic changes, pejorative sense development, Russian standard language.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 179–183)

Для истории русского языка XVIII век стал переломным, поскольку процессы, происходившие в это время, заложили основу современного русского литературного языка на национальном фундаменте. Вслед за существующей в исторической лексикологии традицией границы столетий определяются не календарно, а на основании внешних (социально-исторических) и внутренних (собственно язы-

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatnikita@gmail.com – **Т.В. Никитенко**

ковых) факторов, которые в хронологическом плане не совпадают с общепринятыми временными отрезками. Хронологически «XVIII век» начинается с конца XVII века и завершается в первые десятилетия XIX века (например, для Ю.С. Сорокина, Г.П. Блока «верхняя граница» – это 1803–1805 гг.) [1, с. 18; 2, с. 52].

В развитии лексико-фразеологической системы XVIII века, согласно В.В. Виноградову, следует говорить о трех временных этапах [3, с. 197]. Первый этап охватывает конец XVII века – 30–40-е гг. XVIII века. Это так называемый Петровский период, во время которого словарный состав пополнился большим количеством заимствований. Язык Петровской эпохи также характеризуется усилением значения приказного языка, в котором часто механически объединялись элементы разговорной речи, церковнославянизмы и заимствования [3, с. 42]. С 40–50-х гг. до 70–80-х гг. XVIII века длится второй этап. В течение этого времени В.М. Ломоносов обосновал теорию трех стилей, которая, по замечанию А.А. Алексеева, была попыткой создания нового многофункционального литературного языка на основе синтеза церковнославянского и русского языков [4, с. 107]. Хронологические рамки третьего этапа охватывают 70–80-е гг. XVIII века и начало XIX века. В этот период происходит смещение границ между стилями, в результате чего начинают оформляться функциональные стили речи. На данном этапе наблюдаются две последовательные противостоящие друг другу тенденции в развитии русского литературного языка: славянизация, или архаизация, и русификация, или новаторство [5, с. 149]. В творчестве писателей начала XIX века (20–30-е гг.) удается реализовать эти две противоположные тенденции: синтез церковнославянизмов, заимствований и элементов разговорной речи [5, с. 168].

Таким образом, лексический состав в XVIII веке формировали разные источники: церковнославянские элементы, разговорная речь, заимствования, которые проникали как книжным путем, так и из речи иностранцев. Художественная литература, новые виды и типы книжности, деловые документы, переводная литература способствовали созданию новых слов, а также уточнению и дифференциации значений многих существующих лексем. Отличительными особенностями лексики XVIII столетия являлись: 1) вариативность; 2) многочисленные образования новых слов и лексико-семантических вариантов [1, с. 36].

Цель работы – выявить основные семантические процессы, оказавшие влияние на развитие пейоративных значений слов русского литературного языка в XVIII веке.

Материал и методы. Материалом для исследования стала картотека негативно-оценочных слов, извлеченная путем сплошной выборки из «Большого толкового словаря русского языка» ([1998] 2008) (БТС). Некоторые единицы были извлечены из Словаря под ред. А.П. Евгеньевой (3-е изд., 1985–1988) (МАС). Изучаемые слова представлены всеми знаменательными частями речи; тематически лексика является разнородной. Настоящее исследование относится к предметной области исторической лексикологии и носит диахронический ретроспективный характер. Это означает, что все анализируемые единицы являются оценочными с точки зрения современного носителя русского литературного языка, однако развитие пейоративных значений в семантике изучаемых слов происходило в XVIII веке.

Основные методы – описательный, сопоставительный, в рамках которого проводится историко-семантический анализ, метод словарных дефиниций, корпусный анализ.

Следует уточнить, как представлены примеры в тексте статьи. После слова, выделенного курсивом, указывается его исходное значение, которое стало производящим по отношению к оценочному. Затем следует дата первой фиксации исходного значения по лексикографическим данным. Негативно-оценочное значение представлено после знака семантического перехода (→) с датой его первой фиксации в письменных источниках (словарях, корпусах текстов и т.д.), которая установлена автором самостоятельно. Лексикографические источники не могут отразить такую информацию в полной мере, поскольку до сих пор не создан современный словарь русского языка на исторических принципах.

Результаты и их обсуждение. Согласно полученным данным, уже в XVII веке наблюдается значительное увеличение количества негативно-оценочных единиц, которые появились в результате семантических изменений, пр.:

болван ‘столб’ (XII в.); ‘изваяние, статуя’ (989) → ‘тупица, невежа (о человеке)’ (XVII в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 277);

рыло ‘роющее орудие’ (XI в.), ‘передняя часть морды (животного)’ (XV в.) → ‘о лице (носе, губах) человека’ (XVII в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 22, с. 275).

В XVIII в. наблюдается стремительный рост негативно-оценочного вокабуляра, многие значения появились в ре-

зультате семантического переноса (чаще метафорического), пр.:

водолей ‘тот, кто занимается водополивочными или водоотливочными работами’ (1621) → ‘о многословном, но бессодержательном человеке, пустослове’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 3, с. 255);

вычуры ‘резные фигурные украшения’ (XVIII в.) → ‘нарочито замысловатые приемы, средства’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 5, с. 67).

В описываемый период ухудшение значения зафиксировано в ряде слов, известных с XI–XII вв. В результате оформившиеся лексико-семантические варианты часто начинали функционировать как общеоценочные экспрессивные предикаты, пр.:

урод ‘глупец, безумец’, ‘поврежденный умом’ (XI в.) (СДЯ, III, стлб. 1255–1256) → ‘о ком-л., вызвавшем неудовольствие’ (Д.И. Фонвизин. Торг семи Муз, 1762);

тварь ‘изделие, произведение’, ‘создание, творение’ (XI в.) (СДЯ, III, стлб. 930–932) → ‘о подлом, мерзком человеке’ (Д.И. Фонвизин. Мир жен. La paix des dames, 1788).

Также отмечены частнооценочные предикаты с неодобрительным значением, пр.: *услужить* ‘служить, покланяться’ (XI в.) (СДЯ, III, стлб.1266) → ‘раболепствуя, угодить чем-л. кому-л.’ (Н.И. Новиков. О поэзии классицизма, 1769–1770).

Наблюдаются многочисленные зоонимы, у которых фиксируются оценочные значения, пр.:

ишак ‘ишак’ (1670) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 358) → ‘об упрямом, глупом человеке’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 9, с. 176);

обезьяна ‘обезьяна’ (1472) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 30) → ‘об очень некрасивом человеке’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 15, 226);

щенок ‘детеныш собачий’ (САР[1], VI, стлб. 953) → ‘грубо о ребенке’ (Д.И. Фонвизин. Бригадир, 1783–1786).

У номинаций, обозначающих пресмыкающихся, также фиксируются новые значения, преимущественно экспрессивные общеоценочные, пр.:

аспид ‘ядовитая змея’ (XII–XIII вв.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 55) → ‘о злобном, коварном человеке’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 104);

гадина ‘пресмыкающееся’ (1534) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 6) ‘→ (в бранном употреблении) гад’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 5, с. 80);

змея ‘змея’ (XIV в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 37) → ‘о коварном, хитром, злом человеке’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 8, с. 202).

Также пополняются негативно-оценочными значениями семантические структуры гиперонимов, обозначающих животных, пр.:

гад ‘нечистое, мерзкое животное’ (XII–XIII вв.) → ‘отвратительный, мерзкий человек’ (XVII в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 5);

скотина ‘домашнее четвероногое хозяйственное животное’ (1098) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 25, с. 8) → ‘о грубом, низком, подлом человеке’ (Н.И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях, 1772).

Негативно-оценочное значение могло оформиться у слова, содержащего исходные оценочные смыслы, как, например, у глагола *кропать* (*накропать*). Первоначально слово отмечено в XVII веке (1643) в оценочном значении ‘шить плохо, неумело; перешивать’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 72). В XVIII веке в результате метафорического переноса у лексемы фиксируется новый лексико-семантический вариант ‘сочинять плохо, неумело’ (СлРЯ XVIII в., вып. 11, с. 34), ср.: *марает любовные сказочки,* ***кропает*** *идиллии, эклоги и другие мелкие сочинения, но успехов не видит* <...> (Н.И. Новиков. Пословицы российские, 1782).

Напротив, лексема *писака*, функционировавшая в XVIII веке в просторечии, первоначально имела положительно-оценочные значения: ‘знающий, искусный скоро и хорошо писать’ и ‘искусный и способный сочинять что, а особливо приказныя дела’ (САР[2], IV, стлб. 1077). Но уже в конце XVIII века у И.А. Крылова встречается ‘писатель, обуреваемый жаждой славы, плохой, но плодовитый’, ср.: *«<...> не называй имени продажного* ***писаки****, а оставь для него на несколько букв порожнего места;* <...>» (И.А. Крылов. Ночи, 1792).

Во второй половине XVIII века за счет разговорных слов пополняется негативно-оценочный вокабуляр. Среди слов и значений в XVIII веке, генетически связанных с разговорной речью, выделяют простые, простонародные и просторечные слова.

Негативно-оценочные единицы, которые классифицировались в XVIII веке как **простые,** были лишены резкой стилистической сниженности и противопоставлялись своим книжным синонимам, пр.:

баба ‘бабушка’ (987) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 61) → ‘о слабом, нерешительном мужчине’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 1, с. 123);

девка ‘девушка, девочка’ (XII в.); ‘дочь’ (1238); ‘прислуга, дворовая женщина’ (1686) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 198) → ‘о развратной женщине, проститутке’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 6, с. 66);

нора ‘нора’ (1385) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 11, с. 422) → ‘о темном, тесном, неблагоустроенном помещении, жилище’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 15, с. 178).

Простонародные слова употреблялись в речи низших социальных слоев (крестьян, посадских, мещан и т.п.). Они не являлись диалектно ограниченными, но были близки к областным словам по признаку их чуждости речи образованных людей, например, *нахлестаться* ‘напариться в бане’ → ‘напиться пьяным’ (САР[2] III, стлб. 1259) и др.

В XVIII веке просторечные слова принадлежали общей разговорной речи, простонародные слова были характерны для речи простого народа [6, с. 17–18]. В оппозиции «простое–простонародное–просторечное» **просторечные** слова были наделены экспрессией сниженности, грубости или фамильярности; особенно часто употреблялись в простых сниженных литературных жанрах (комедии, комической опере и т.п.). В XVIII веке в просторечии начали функционировать многие современные негативно-оценочные единицы, пр.:

лизать ‘лизать’ (XV в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 233) → ‘целовать’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 11, с. 174);

морда ‘передняя часть головы животного’ (XVII в.) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 9, с. 261) → ‘лицо’ (XVIII в.) (СлРЯ XVIII в., вып. 13, с. 30–31).

По словам Х. Шрёдера, переход слова из одного стилистического регистра в другой, обычно из литературного употребления в разговорное, является одним из самых «действенных» способов ухудшения значения слова [7, с. 60]. Подобные переходы фиксировались в описываемое время, поскольку стилистическая система XVIII века, как отмечалось выше, отличалась неустойчивостью. Примером перехода из нейтрального употребления в просторечное и, как результат, – ухудшение значения слова, может стать глагол *лаяться* (1219). Известно, что в производном значении ‘ругать, бранить, поносить кого-л.’ слово употреблялось уже в XIV веке (1346) (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 181). Авторы СлРЯ XVIII в. отмечают, что в XVIII столетии наблюдается переход данного значения из нейтрального употребления в просторечное (СлРЯ XVIII в., вып. 11, с. 128), в результате которого, очевидно, этот лексико-семантический вариант приобрел стилистическую сниженность и грубую окраску.

Пейоративное значение, впервые отмеченное в XVIII веке, может долгое время не фиксироваться лексикографическими источниками. Примером может стать прилагательное *паршивый*. Современная семантическая структура данной лексемы представлена двумя значениями: ‘больной паршой; шелудивый’ и ***разг.-сниж.*** ‘плохой, дрянной, скверный’; с оттенком значения ***груб.*** ‘отвратительный, ничтожный, скверный (о человеке)’ (БТС, с. 784).

Прилагательное *паршивый*, согласно данным М. Фасмера, могло произойти в русском из **пършивъ* в результате аканья (Фасмер, III, с. 210). Слово отмечено в СлРЯ XI–XVII вв. и датируется, согласно письменным источникам, XVII–XVIII вв. в значении ‘покрытый паршой; шелудивый’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 158)[1]. В САР[1] и САР[2] у лексемы *паршивый* отмечено единственное значение ‘шелудивый, исполненный болячек’ (САР[1], IV, стлб. 716; САР[2], IV, стлб. 801). Однако современное оценочное значение ‘плохой, дрянной, скверный; отвратительный, ничтожный (о человеке)’, которое впервые в лексикографических источниках отмечено в Словаре под ред. Д.Н. Ушакова (ТСРЯ, III, стлб. 57), очевидно, было известно намного раньше (конец XVIII – начало XIX в.). Ср.: *Не могу и поныне забыть, с каким огорчением и досадою скачешь без памяти иногда версты две к какому-нибудь* ***паршивому*** *паричишке, и единственно только за тем, чтоб спросить, в добром ли он здоровье?* (А.Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Письма 91–96, 1800). Очевидно, что данный лексико-семантический вариант являлся стилистически маркированным – принадлежал разговорной речи, поскольку в творческом наследии А.Т. Болотова хорошо отражена живая речь самого автора.

Лексико-семантический вариант долго может не осознаваться (по крайней мере, не трактоваться лексикографическими источниками) как негативно-оценочный. Так, глагол *вербовать* заимствуется в начале XVIII века (1704) (< пол. *werbowaж* < нем. *werben*) (СлРЯ XVIII в., вып. 3, с. 37). В том же XVIII веке фиксируется основное ‘нанимать в военную службу’ и переносное значение ‘привлекать, вовлекать’ с неодобрительным смыслом, ср.: *Со стула и на стул красотки вальсируют И свѣжих напрокат прыгунчиков* ***вербуют;*** *Слышу, что Шевалье Месанс* ***вербует*** *здѣсь Масонов* (СлРЯ XVIII в., вып. 3, с. 37). В Словаре под ред. Д.Н. Ушакова фиксируется переносное значение ‘залучать, привлекать к какому-н. делу или предприятию’ без дополнительных помет (ТСРЯ, I, стлб. 250). В МАС также фиксируется одно значение

[1] Следует отметить, что в Словаре XI–XVII вв. формы с *парш-*, *парх-* больше не отмечены. *Паршивый* также фиксируется раньше лексикографически – в 1771 г.; глагол *паршиветь* – в 1782 г., существительное *парша* – 1793 г.

‘набирать, нанимать на работу, привлекать в какую-л. организацию’ и также без помет (МАС, I, с.150). Помета ***неодобр.*** появляется только в Словаре под ред. С.А. Кузнецова со значением ‘привлекать на свою сторону’ (БТС, с. 119). Однако, как представляется, данное переносное оценочное значение, лишенное резкой экспрессии, появляется гораздо раньше – в XVIII веке (см. примеры выше).

Заключение. В XVIII веке отмечается стремительный рост негативно-оценочной лексики русского языка вследствие семантических изменений.

Большинство из зафиксированных оценочных предикатов оформились в результате семантического (чаще метафорического) переноса от слов, значительное время функционировавших в русском языке. Такие пейоративные единицы отличались образной ассоциацией и прозрачной мотивацией. Мощным стимулом пополнения оценочного вокабуляра в анализируемый период стало формирование стилистической системы русского литературного языка, в результате которого отмечался переход разговорных слов в литературное употребление.

Литература

1. Сорокин, Ю.С. О «Словаре русского языка XVIII века» / Ю.С. Сорокин // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века / АН СССР; Ин-т рус. яз. – Л.–М.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1965. – С. 5–42.
2. Блок, Г.П. К характеристике источников «Словаря русского языка XVIII века»: художественная литература первой половины века / Г.П. Блок // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века / АН СССР; Ин-т рус. яз. – Л.–М.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1965. – С. 43–86.
3. Виноградов, В.В. Основные этапы истории русского языка / В.В. Виноградов // Избранные труды: в 5 т. – М., 1978. – Т. 4: История русского литературного языка. – С. 10–64.
4. Алексеев, А.А. Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского / А.А. Алексеев // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики / АН СССР; Ин-т рус. яз. – Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1982. – С. 86–128.
5. Успенский, Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Б.А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 240 с.
6. Князькова, Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. / Г.П. Князькова. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – 253 с.
7. Schreuder, H. Pejorative Sense Development in English / H. Schreuder. – College Park – Maryland: McGraph Publishing Company, 1970. – 196 p.

Принятые сокращения

1. БТС – Новейший большой толковый словарь русского языка / [авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
2. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: А.П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.
3. САР[1] – Словарь Академии Российской: в 6 ч. / сост. Д.И. Фонвизин [и др.]. – СПб.: Императ. Акад. наук, 1789–1794. – 6 ч.
4. САР[2] – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку: в 6 ч. – СПб., 1806–1822. – 6 ч.
5. СДЯ – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1890–1912. – 3 т.
6. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 28 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р.И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–2008. – 28 вып.
7. СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века: в 21 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Ю.С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2015. – 21 вып.
8. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / редкол.: Д.Н. Ушаков (гл. ред.) [и др.]. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ, 1935–1940. – 4 т.
9. Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986–1987. – 4 т.

Поступила в редакцию 20.04.2016 г.

УДК 81’373.612.2:008

Языковая метафора с позиций когнитивной лингвистики (на материале языка Марины Цветаевой)

Крицкая Н.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Современная когнитивная лингвистика позволяет установить общие схемы, в рамках которых человек познает мир, поэтому одно из центральных мест в ней занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума.

Цель статьи – показать, какие факторы объективного и субъективного характера являются определяющими в формировании поэтической картины мира Марины Цветаевой.

Материал и методы. *Методологическую базу исследования составили работы российских и зарубежных ученых-языковедов, посвященные проблемам метафоры. Материалом для исследования послужили поэтические произведения Марины Цветаевой, объектом – индивидуальные метафоры поэта. В статье использовались метод сплошной выборки из поэтических текстов, моделирование, наблюдение.*

Результаты и их обсуждение. *Метафора понимается по-разному. Мы понимаем метафору как один из основных механизмов и приемов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений. В метафоре сопоставляются, а затем и синтезируются сущности, соотносимые с разными логическими порядками, что обусловливает ее продуктивность как средства создания новых наименований, особенно в сфере обозначения объектов невидимого мира. С позиции лингвокультурологии интерес к метафоре связан с представлением как языкового явления. Индивидуально-авторские метафоры Марины Цветаевой не похожи на обычные, а представляют собой незаменимые средства в создании образов. Наиболее частотны у М.И. Цветаевой метафоры-сравнения, метафоры-загадки и метафоры-замещения. Поэтическая сила метафоры вообще и цветаевской в частности – в художественном преувеличении, эстетическом нарушении границ реального и ирреального миров. Метафора в «русских» поэмах М. Цветаевой – это имплицитное противопоставление обыденного видения жизни необычному, это «приглашение» поэта читателю в мир своих высот.*

Заключение. *Языковая метафора в творчестве М. Цветаевой базируется преимущественно на признаках конкретно-чувственного характера. Определенные качества и свойства переосмысляются М. Цветаевой и ложатся в основу метафорического переноса.*

Ключевые слова: *языковая метафора, когнитивная лингвистика, художественный образ, метафоризация, лингвокультурология, метафора-загадка, метафора-замещение, метафора-сравнение.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 184–188)

Language Metaphor from the Point of View of Cognitive Linguistics (Based on the Material of Marina Tsvetayeva’s Language)

Kritskaya N.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Contemporary cognitive linguistics makes it possible to establish general schemes within which man cognizes the world. That is why one of its central places is taken by the issue of categorizing the surrounding reality, the important role in which is played by metaphor as a manifestation of analogous possibilities of human mind.

The aim of the article is to show which factors of subjective and objective character are decisive in shaping Marina Tsvetayeva’s poetic picture of the world.

Material and methods. *The methodological basis of the research is works by home and foreign linguists devoted to the issue of metaphor. The material for the research was poetic works by Marina Tsvetayeva. The object of the research was the poet’s individual metaphors. The method of total selection from poetic texts, modeling and observation were used in the article.*

Findings and their discussion. *Metaphor is understood differently. We understand metaphor as one of the main mechanisms and tools of cognition of objects of the reality, their names, creation of artistic images and evolving new notions. In metaphor essences are*

Адрес для корреспонденции: e-mail: Krickaya74@mail.ru – **Н.В. Крицкая**

compared and then synthesized, which refer to different logical orders, condition its productivity as a means of creating new names, especially in the sphere of naming objects of invisible world. From the point of view of linguistic cultural studied interest in metaphor is connected with the image of a language phenomenon. Individual Marina Tsvetayeva's metaphors do not look like ordinary ones but are indispensable means in creating images. Most frequent are M. Tsvetayeva's metaphors-comparisons, metaphors-puzzles and metaphors-substitutions. The poetic force of a metaphor in general and Tsvetayeva's metaphor in particular is in artistic exaggeration, in aesthetic breaking the boundaries of the real and the unreal worlds. Metaphor in «Russian» poems by M. Tsvetayeva is implicit opposition of everyday image of life to the unusual; this is «invitation» of the poet to the reader into the world of her heights.

Conclusion. *Language metaphor in M. Tsvetayeva's creative work is primarily based on features of definite and sensual character. Definite features are reconsidered by M. Tsvetayeva and become the basis of metaphoric transfer.*

Key words: *language metaphor, cognitive linguistics, artistic image, metaphorization, linguistic cultural studies, metaphor-comparison, metaphor-puzzle and metaphor-substitution.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 184–188)

Язык художественной литературы – это язык словесного искусства, вторичная моделирующая система. Системность поэтического языка проявляется в первую очередь на уровне выразительных средств. В художественных текстах раскрываются неисчерпаемые возможности варьирования слова в разных значениях и смыслах, что обусловлено расплывчатостью границ значений в языке и тексте. Использование тропов увеличивает возможности передачи новых смыслов, фиксации новых точек зрения, новых связей субъекта текста с объектной сферой, то есть оно ориентировано на реализацию «вторых», переносных смыслов, а значит – на обогащение значения. Современная когнитивная лингвистика позволяет установить общие схемы, в рамках которых человек познает мир, поэтому одно из центральных мест в ней занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума.

Умение создавать метафоры относят к фундаментальным свойствам человеческого сознания. Человеку дано познавать мир, сопоставляя новое с уже известным, объединяя общим именем новое и старое. И поэтому многие операции по обработке знаний – их усвоение, преобразование, хранение и передача – связаны именно с метафорой.

Цель данной статьи – показать, какие факторы объективного и субъективного характера являются определяющими в формировании поэтической картины мира Марины Цветаевой.

Актуальность настоящего исследования определяется ростом интереса к метафоре как языковой универсалии и вниманием когнитивной лингвистики к исследованию неузуальной сочетаемости в тропах, в частности в метафоре, а также метафорики Марины Цветаевой.

Материал и методы. Методологическую базу исследования составили работы российских и зарубежных ученых-языковедов, посвященные проблемам метафоры. Материалом для исследования послужили поэтические произведения Марины Цветаевой, объектом – индивидуальные метафоры поэта. В статье использовались метод сплошной выборки из поэтических текстов, моделирование, наблюдение.

Результаты и их обсуждение. Изучение тропов стало традицией на протяжении нескольких столетий, а начало этих исследований было положено еще в Древней Греции. Сегодня метафора понимается по-разному. Для многих людей она является всего лишь средством украшения речи, характерным в большей степени для художественной литературы, чем для повседневного общения. Обыденное сознание связывает метафору исключительно со сферой слов, а не со сферой мышления.

Мы понимаем метафору как один из основных механизмов и приемов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений. Она выполняет когнитивную, номинативную, художественную, экспрессивную, смыслообразующую и другие функции.

В метафоре сопоставляются, а затем и синтезируются сущности, соотносимые с разными логическими порядками, что обусловливает ее продуктивность как средства создания новых наименований, особенно в сфере обозначения объектов невидимого мира. И в этом важную роль играет наиболее характерный для метафоры параметр – ее ***антропометричность.*** «Антропометричность метафоры и придает ей способность служить средством создания ЯКМ изначально в высказываниях о нем, а затем в тезаурусе носителей языка (личностном или нормативно-санкционированном), всегда служащем не только хранилищем самих этих вербали-

зованных средств, но и их ассоциативных потенций» [1].

Можно предположить, что метафоризация – процесс такого взаимодействия указанных сущностей и операций, который приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания, но данный процесс был бы невозможен без модуса фиктивности, который придает метафоре «...статус модели получения гипотетико-выводного знания. Именно модус фиктивности приводит в динамическое состояние знание о мире, образно-ассоциативное представление, вызываемое этим знанием, и уже готовое значение, которые и взаимодействуют в процессе метафоризации. Этот модус дает возможность уподобления логически несопоставимых и онтологически несходных сущностей: без допущения, что ***X есть как бы Y,*** невозможна никакая метафора» [1, с. 186–187].

Проблема метафоры издавна привлекала внимание ученых не только по причине выделения различных видов отклонения от языковых норм, но также из-за появления проблем, связанных с семантической правильностью структуры синтаксических единиц. Результаты последних исследований позволяют предположить, что метафора активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной системы человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия. Поэтому изучение метафоры проводится в настоящее время не только в рамках языкознания, но и в психологии, философии, логике, стилистике, теории искусственного интеллекта и особенно в когнитивной лингвистике.

«Языковая метафора, – пишет В.Я. Телия, – это способ “домысла” прототипа, прибегающий с этой целью к уже оязыковленной форме отражения некоторого оригинала» [2], то есть «из некоторого еще не четко “додуманного” понятия формируется новый концепт за счет использования первичного значения слова и многочисленных сопровождающих его ассоциаций» [3].

Попытка описать процесс метафоризации как любой другой словообразовательный или синтаксический механизм представляется нелегким делом, так как, по мнению В.Н. Телия, «...модель метафоры – более сложный механизм, поскольку он порождает совершенно новые языковые объекты не только репродукцией комбинаторно переменных единиц, но и путем взаимодействия гетерогенных сущностей, участвующих в метафорическом синтезе» [1, с. 183]. Отталкиваясь от интеракционистской теории метафоры М. Блэка и рассматривая «метафору как модель смыслопреобразования на основе лингвологической грамматики с привнесением в эту модель тех компонентов, которые дополняют ее сведениями о гипотетичности метафоры и антропометричности самой интеракции, в ходе которой и формируется новое значение», В.Н. Телия определяет три комплекса, участвующих в метафоризации: 1) основание метафоры как мысль о мире (предмете, событии, свойстве и т.п.); 2) образное представление о вспомогательной сущности (в метафоре *винегрет* – ‘о беспорядочном смешении разнородных понятий’ входят те черты реального объекта, которые связаны с тем, что это блюдо представляет из себя смесь разнообразных, многочисленных гастрономических ингредиентов); 3) само значение переосмысляемого при посредстве метафоризации имени. Оно играет роль посредника между первыми двумя комплексами. С одной стороны, вводит в метафору само образное представление, соотносимое с референтом данного значения, а с другой – действует как фильтр, т.е. организует смысл нового понятия. Так, например, предикатные метафоры *медоточивый, сладкогласный, сладкоречивый* ‘льстивый, угодливый’ (о речи: голосе, словах; улыбке, выражении лица); *слащавый, приторный, сладкий* ‘чрезмерно любезный, умильный, угодливый’ (о человеке, его манере общаться: выражении глаз, лица, словах и т.д.) выражают целостное образное представление, ассоциативно связывающее впечатления, производимые голосом, манерой речи и поведения человека со вкусовыми ощущениями от «эталона» сладости – меда.

С позиции лингвокультурологии интерес к метафоре связан с представлением как языкового явления, отображающего базовый когнитивный процесс. По мнению сторонников данного похода, «главную роль в наших повседневных семантических выводах играют не формализованные процедуры типа дедукции и индукции, а аналогия. В основе последней – перенос знаний из одной содержательной области в другую. И с этой точки зрения метафора является отображением крайне важных аналоговых процессов» [2, с. 139].

Интерес многих ученых-лингвистов вызывает поэтическое творчество Марины

Цветаевой, которое буквально пропитано метафорой. Изучение языка поэта (как она сама себя называла) актуально потому, что, как отмечают исследователи, именно с 1920-х гг. начинается «перелом» в ее языке: из него быстро уходит легкость, прозрачность и формируется новый язык с необыкновенной многоплановостью слова, игрой сложнейшими ассоциациями, насыщенной звукописью, «рваным» синтаксисом, сбоем ритма. Наши наблюдения над цветаевской поэзией показали, что языковые приемы не существуют в тексте изолированно, но обусловливают и мотивируют друг друга. Поэтическое мышление М.И. Цветаевой мастерски проявляется в умении соединить необычное с обычным, давно знакомым, раскрасить новыми красками, сделать неповторимым.

Метафора у поэта ни на что не похожа, необыкновенная и тем самым особенно волнующая. В ней заключено «скрытое» сравнение, поскольку в ней совмещаются два или несколько семантических планов, но на их основе возникает, в отличие от двучленного сравнения, единый, нерасторжимый образ. По нашим наблюдениям, у Марины Цветаевой метафору можно назвать сокращенным, редуцированным, или сжатым эллиптическим сравнением. В ней можно видеть не только «скрытое» сравнение, но и «сокращенное противопоставление» [4]. Иначе говоря, метафора и сравнение в творчестве М. Цветаевой различаются семантически: в структуре метафоры присутствует отрицание: *Нет, не пчелки розаном / Ведут дозор*; *Не наестся кровью / Ревности игла!*; *Не одну твою жызть / В руках, сердце держу*.

Хотя близость метафоры и образного сравнения не вызывает сомнения, между ними все же существуют важные различия. Метафора по отношению к сравнению сокращена не только потому, что в одном слове соединены предметы и образ, но и потому что в ней никогда не называется признак, по которому это соединение происходит. Его надо восстанавливать, то есть проявить активность восприятия, и это делает метафору более сильным стилистическим средством, чем сравнение. Например, в «русских» поэмах М. Цветаевой: *День встает – свят поют, / Полдень бьет – в лад встают, / Вечер в лоб – сказки вьют, / Ночь в обход – нас не ждут*; *Что красное солнце / На лоб мне сошло*; *Шатер Царя душит, / Вино Царя топит // Шатер царский воет / На все голоса*.

Индивидуально-авторские метафоры Марины Цветаевой не похожи на обычные, а представляют собой незаменимые средства в создании образов. Метафора позволяет создать в краткой форме емкий образ, основанный на ярких ассоциациях. Например: *«кровь или вал – стонет», «кровь в жилах сжата», «не бывало, чтоб смолью / Плакал дуб!»; «Река – радужну / Широту струит»*.

Следует отметить, что наиболее частотны у М.И. Цветаевой метафоры-сравнения, метафоры-загадки и метафоры-замещения.

Метафоры-сравнения наиболее ярко и образно передают мысль М. Цветаевой, «рисуют» образ, который она хочет преподнести читателю, поскольку в них описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом: *Очьми жрут уж, / Пьют без рюмок!)*; *Глаза – чаши непочатые – / Пятаками припечатаны: / Вдавлены / Спрятаны*; *Наших встреч – счетом пять / Зерном лечь, цветком встать*; *Ресницами шли, / Глазницами шли, / Землицею шли, – / Солоны!// Вербочка! Небесный житель! // Москва! – Какой огромный / Странноприимный дом!*

В метафорах-загадках связи между словом и реалией смещены: *Здесь только зори да орлы, / Да мы с тобою*; *Мост ли дрожит, я ли – дрожу? / Кровь или вал – стонет? / Окаменев – тупо – гляжу? / Как моя жизнь – тонет?*; *Оббери меня на лыко, / Псам на ужин изжарь! / Хошь, диковинный с музыкой / Заведу – кубарь!*; *Стакан с краем налит, / Кумач жаром горит, / Каждый сам головит, / Народ валом валит*. Такие метафоры особенно сложны. В них заключено субъективное, авторское видение сравниваемых номинаций. Оно может расшифровываться лишь на уровне догадок и предположений. Метафора в загадках характеризует специфику их содержания и формы, лежит в основе их стилистической и композиционной организации, определяет сами творческие принципы художественного отражения действительности. Метафора – душа загадки. Понять метафору – значит понять саму загадку, раскрыть ее суть.

Метафоры-замещения наделяют описываемый объект свойствами другого объекта *(«злая заря»*, *«злая луна»*, *«живые бури»*, *«дикая душа»*, *«нечеловечий зверь»*, *«говорливые шелка»*, *«громкие платьица»*, *«крестовая улица»*, *«судная ночка»*, *«трудная радость»*).

Метафору можно определить как одну из главных особенностей идиостиля Марины

Цветаевой. У поэта иногда целое стихотворение представляет собой одну развернутую метафору, в которой носителем образа является группа ассоциативно связанных единиц: *К устам не клонился, / На сон не крестил / О сломанной кукле / Со мной не грустил / Всех птиц моих – на свободу / Пускал – и потом – не жалея шпор, / На красном коне – промеж синих гор / Гремящего ледохода!*; *«Твои очи голубые, / Мои мысли вздорные / Твои очи голубые, / А бывают – черные / Словно жизнь мою угнали / Верстой, – а я с краю / Голова моя дурная, / Что пою – не знаю*; *По морским заповедным чащам, / С белым всадником, ввысь глядящим*.

Поэтическая сила метафоры вообще и цветаевской в частности – в художественном преувеличении, в эстетическом нарушении границ реального и ирреального миров. Метафора в «русских» поэмах Марины Цветаевой – это имплицитное противопоставление обыденного видения жизни необычному, это «приглашение» поэта читателю в мир своих высот: *Яблок – яхонт, / Яблок – злато / Кто зачахнет – / Про то знато*. Ее метафора – средство заострения смысла, способствующее выражению глубоких противоречий мира: *Робким – лесть, / Дерзким – ласть, / Глазком яблочка / Не красть!*

Заключение. Поэтическое творчество Марины Цветаевой дает богатейший материал для изучения потенциальных возможностей русского слова, возможностей языка. Таким образом, языковая метафора в творчестве поэта базируется преимущественно на признаках конкретно-чувственного характера (*игла ревности*). Определенные качества и свойства, присущие предметам объективного мира, стихиям, переосмысляются Мариной Цветаевой и прямо или в трансформированном виде ложатся в основу метафорического переноса.

Литература

1. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия, Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 182.
2. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 206.
3. Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В.В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 91.
4. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник. – М., 1990. – С. 532.

Поступила в редакцию 19.04.2016 г.

УДК 882.6

Метад “эстэтычнай памежнасці” ў беларускай літаратуры канца XIX – пачатку XX ст.

Уткевіч В.І.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт”, Віцебск

Канец XIX – пачатак XX стагоддзя – значны і плённы перыяд у развіцці беларускай літаратуры. Творы пісьменнікаў і паэтаў гэтага часу характарызуюцца феноменам “эстэтычнай памежнасці”. Мастацкі твор будуецца такім чынам, што мяжа паміж стылямі рухомая, яна ўвесь час змяняецца, а тым самым пастаянна робіцца іншай, новай. Дзякуючы гэтаму на працягу ўсяго твора адчуваецца ўнутранае напружанне, якое пастаянна ўтрымлівае ўвагу чытача.

Мэта даследавання – паказаць, што эстэтычная памежнасць з’яўляецца мастацкім карэлятам анталагічнага быцця народа і адлюстроўвае спецыфіку развіцця беларускай літаратуры.

***Матэрыял і метады.** У артыкуле разглядаюцца творы беларускіх пісьменнікаў, напісаныя на мяжы XIX–XX ст. Асноўныя метады – тэарэтычны аналіз, сістэмна-структурны і параўнальна-гістарычны падыход да даследавання мастацкай літаратурнай творчасці.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** Феномен “эстэтычнай памежнасці” атрымаў шырокае распаўсюджанне ў беларускай літарататуры канца XIX – пачатку XX ст. На думку многіх даследчыкаў, прыналежнасць досыць вялікай колькасці твораў беларускіх аўтараў дадзенага перыяду адначасова да розных літаратурных напрамкаў і стыляў шмат у чым абумоўлена асаблівым сацыяльна-гістарычным кантэкстам і самой сутнаснай творчай прыродай гэтых твораў. Выкарыстанне ў творчасці нацыянальных міфалагічных сюжэтаў – гэта не толькі ўзыходжанне да ўніверсальнага міфа, але і ўзыходжанне пісьменніка ад нацыянальнага характару да ўніверсальнага чалавека. У выніку з неабходнасцю змяняецца мяжа быцця народа, а найбольш адэкватны стылістычны выраз дадзенага працэсу ў літаратуры магчымы толькі з дапамогай такога прыёму, як “эстэтычная памежнасць”.*

***Заключэнне.** Сінтэз розных стыляў і жанраў характэрны для еўрапейскага літаратурнага працэсу на мяжы стагоддзяў. Аднак у беларускай літаратуры канца XIX – пачатку XX стагоддзя дадзены феномен набывае спецыфічныя асаблівасці. Храналагічны сціск працэсу развіцця паскарае працэс узаемапранікнення элементаў сістэмы. Эстэтычная памежнасць у беларускай літаратуры канца XIX – пачатку XX стагоддзя – заканамернае следства асаблівага кантэксту беларускага літаратурнага працэсу азначанага перыяду.*

***Ключавыя словы:** “эстэтычная памежнасць”, мяжа, пераходнасць, хранатоп, беларуская літаратура, стыль, жанр, міфалогія, трыангуляцыя, менталітэт.*

(Ученые записки. – 2016. – Т. 21. – С. 189–195)

The Method of Aesthetic Borderline in Belarusian Literature of Late XIX – Early XX Centuries

Utkevich V.I.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The late XIX – early XX centuries – is a significant and fruitful period in the development of Belarusian literature. The works of writers and poets of the time are characterized by the phenomenon of aesthetic borderline. A work of art is constructed in such a way that the border between the styles of mobile, it is constantly changing, and thus constantly becomes another, new one. Because of this, throughout the work a sense of inner tension is felt, which constantly keeps the reader’s attention.

The purpose of the study is to show that the aesthetic borderline an artistic correlate of the ontological being of the people and reflects the specificity of Belarusian literature.

***Material and methods.** The article deals with the works of Belarusian writers, written at the turn of XIX – XX centuries. The main methods are theoretical analysis, system-structural and comparative-historical approach to the study of artistic literary creativity.*

***Findings and their discussion.** The phenomenon of aesthetic borderline is widespread in the Belarusian literature the late XIX – early XX centuries. According to many researchers, the attachment of a large number of works of Belarusian writers of the period at the same time to different literary genres and styles is largely due to a particular social and historical context and the essential nature of these creative works. The use of national mythological subjects is not only the ascent to the universal myth, but the ascent of the writer from the national to the universal nature of human rights. As a result there is a need to change the boundary of the being of people, and the most appropriate stylistic expression of this process in literature is only possible with the help of the technique of aesthetic borderline.*

***Conclusion.** The synthesis of various styles and genres is characteristic of European literature at the turn of the century. However, in Belarusian literature of the late XIX – early XX centuries, this phenomenon takes on specific characteristics. Chronological*

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: utkevich@mail.ru – **В.І. Уткевіч**

compression of the development processes speeds up the process of interpenetration of the elements of the system. The aesthetic borderline in the Belarusian literature of the late XIX– early XX centuries is a natural consequence of the special context of Belarusian literary process of the period.

Key words: *aesthetic borderline, border, transitivity, chronotope, Belarusian literature, style, genre, mythology, triangulation, mentality.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 189–195)

Канец XIX – пачатак XX ст. – значны і плённы перыяд у развіцці беларускай літаратуры. Творы пісьменнікаў і паэтаў гэтага часу характарызуюцца феноменам эстэтычнай памежнасці. Мастацкі твор будуецца такім чынам, што мяжа паміж стылямі рухомая, яна ўвесь час змяняецца, а тым самым пастаянна робіцца іншай, новай. Дзякуючы гэтаму на працягу ўсяго твора адчуваецца ўнутранае напружанне, якое пастаянна ўтрымлівае ўвагу чытача.

Мэта даследавання – паказаць, што эстэтычная памежнасць з'яўляецца своеасаблівым мастацкім карэлятам анталагічнага быцця народа і адлюстроўвае спецыфіку развіцця беларускай літаратуры азначанага перыяду. Выкарыстанне гэтага мастацкага прыёму абумоўлена як асаблівасцямі прыроднага ландшафту, беларускага хранатопу наогул, так і адметнасцямі нацыянальнага светапогляду, які адбіўся ў творчасці прадстаўнікоў айчыннага мастацтва слова.

Феномен "эстэтычнай памежнасці" атрымаў шырокае распаўсюджанне ў беларускай літарататуры канца XIX – пачатку XX ст. На думку многіх даследчыкаў, прыналежнасць досыць вялікай колькасці твораў беларускіх аўтараў дадзенага перыяду адначасова да розных літаратурных напрамкаў і стыляў шмат у чым абумоўлена не толькі асаблівым сацыяльна-гістарычным кантэкстам, але і самой сутнаснай творчай прыродай гэтых твораў. Так, напрыклад, эстэтычны сінтэз розных стылістычных прыёмаў і метадаў з'яўляецца характэрнай рысай творчасці М. Гарэцкага, чые творы "Скарбы жыцця", "Лявоніус Задумекус" аб'ядноўваюць у цэласць як мастацкую прозу, так і філасофска-алегарычнае эсэ. Запіскі "На імперыялістычнай вайне" адносяць як да дакументальна-мастацкіх твораў, так і да аўтабіяграфічнай прозы, яны распачынаюць складаныя, поліфанічныя, сур'ёзныя формы беларускай прозы рэальнага кірунку.

Матэрыял і метады. У артыкуле разглядаюцца творы беларускіх пісьменнікаў, напісаныя на мяжы XIX–XX стагоддзяў: апавяданні і запіскі "На імперыялістычнай вайне" М. Гарэцкага, паэмы Я. Купалы, вершы М. Багдановіча. Метадалагічны падмурак складаюць працы айчынных і замежных аўтараў у галіне літаратуразнаўства: М. Тычыны, І. Чароты, Л. Гараніна, Д. Ліхачова, працы па міфалогіі А. Лосева, А. Хамякова. Асноўныя метады – тэарэтычны аналіз, сістэмна-структурны і параўнальна-гістарычны падыход да даследавання мастацкай літаратурнай творчасці.

Вынікі і іх абмеркаванне. Узнікненне і развіццё феномена "эстэтычнай памежнасці" менавіта ў беларускай літаратуры адбылося далёка не выпадкова. Вось як піша пра станаўленне гэтага эстэтычнага і мастацкага творчага прыёму І.А. Чарота: "Шматлікія назіранні наводзяць нас на думку, што ў беларускім мастацтве зусім не выпадкова распаўсюджаныя матывы мяжы і пераходнасці. Якраз гэтая семантыка ўласціва ці не большасці вобразаў, шырока і трывала замацаваных: крыніца і курган, маладзік і знічка, груша-дзічка і шыпшына, кажан і зубр, а таксама васілёк, жалейка, хмаркі, рунь. Маюцца падставы якраз у гэтым шукаць прыкметы асаблівага беларускага хранатопу. Больш-менш уважлівае параўнанне нават з роднаснымі мастацкімі сістэмамі (рускай, украінскай, польскай) паказвае, што пры ўвасабленні прасторавага руху творы фальклору і пісьменства беларусаў значна часцей засяроджваюць увагу на ростані, скрыжаванні, раздарожжы, развіліне, пералеску, сумежжы, мяжы" [1, с. 104]. Адзначаная асаблівасць светапогляду беларусаў з'яўляецца свайго кшталту перадумовай для фарміравання метаду "эстэтычнай памежнасці" ў літаратуры.

Цікавага пункту гледжання на праблему сінтэзу розных стыляў у беларускай літаратуры прытрымліваецца Л.Я. Гаранін. На яго думку, дадзены сінтэз у прозе шмат у чым можна растлумачыць, зыходзячы з саміх сацыяльных задач, якія стаяць перад ёй. "Задача прозы, – лічыць ён, – больш «прадметная», «зямная», бо галоўным аб'ектам мастацкай творчасці тут быў чалавек, звязаны з умовамі свайго існавання, уцягнуты ў супярэчнасці грамадскага жыцця, абцяжараны сацыяльнымі зносінамі, традыцыямі, звычаямі, павер'ямі, забабонамі і г.д. Гэта накладвала асаблівы адбітак на фарміраванне прозы, якая вымушана была

выконваць розныя функцыі, змяшчаць у сабе самую розную «інфармацыю». Адсюль – інтэнсіўнае развіццё не толькі мастацкіх, але і дакументальных жанраў, шырокая публікацыя на старонках перыядычных выданняў вестак гістарычнага, этнаграфічнага, эканамічнага характару. Усё гэта абумовіла не толькі шырыню і шматстайнасць літаратурных кірункаў, але і з'яўленне змешаных жанравых форм, што ў значнай ступені ўскладняе жанравае размежаванне паміж імі" [2, с. 33]. У апавяданнях Я. Коласа, М. Гарэцкага, Ядвігіна Ш. можна назіраць узбагачэнне рэалістычнай сюжэтна-структурнай базы элементамі рамантычнай стылістыкі (сімволікай, алегарычным паралелізмам), вобразамі фальклорнай паэтыкі, а часам – публіцыстычнай скіраванасцю. Падобныя працэсы адбываліся і ў паэзіі. Паэмы Я. Купалы "Адвечная песня", "Яна і я", паэтычны цыкл "Песні-жальбы" Я. Коласа, вершы Цёткі, Ц. Гартнага, К. Буйло сумяшчаюць у сабе паэтызацыю прыродных цыклаў сялянскага жыцця і філасофскую медытацыю, роздум над вечнымі таямніцамі свету. У жанравых адносінах тут найбольш выразна можна выявіць спалучэнне народнай песні, казкі, прытчы з класічнымі паэтычнымі формамі.

Неабходна таксама адзначыць, што ў навуковым асяроддзі дастаткова шырокае распаўсюджанне атрымалі разнастайныя тэорыі, у межах якіх уся беларуская культура ў цэлым разглядаецца як вынік сінтэзу элементаў заходняй і ўсходняй культур. Аднак, на нашу думку, на беларускіх землях хутчэй адбываўся досыць працяглы працэс сацыяльна-гістарычнай трыангуляцыі. Сам тэрмін "трыангуляцыя" першапачаткова быў выкарыстаны для апісання аднаго з шырока распаўсюджаных спосабаў вызначэння знаходжання на мясцовасці геадэзічнага пункту, шляхам пабудовы сістэм сумежных трыкутнікаў. Мы ж паспрабуем надаць гэтаму спецыфічна прыродазнаўча-навуковаму паняццю іншае семантычнае значэнне, шляхам экстрапалявання яго на гуманітарную вобласць. Падобная экстрапаляцыя мае сэнс пры разглядзе культурнага станаўлення некаторых народаў, у сілу асаблівасцяў іх геаграфічнага становішча і гістарычнага развіцця.

Як ужо адзначалася, кожны народ сваё сацыяльна-гістарычнае быццё рэалізуе ў вызначаных межах пэўнай "сацыяльнай мясцовасці", роднай зямлі, у якую ён укараніўся і якую можна назваць "прасторава-часавым кантынуумам быцця". Прычым вызначэнне сапраўдных, не проста геаграфічных, а, хутчэй, духоўна-гістарычных каардынат свайго знаходжання ў гэтым кантынууме часта ажыццяўляецца метадам, аналагічным таму, які знайшоў сваё шырокае практычнае выкарыстанне ў геадэзіі. Вось чаму яго небеспадстаўна можна назваць метадам "сацыяльна-гістарычнай трыангуляцыі". Сутнасць тут у першапачатковай пабудове сацыяльнага трыкутніка, вяршынямі якога з'яўляюцца: уласнае быццё народа, а таксама быццё гістарычна (і геаграфічна) сумежных з ім двух іншых народаў.

У літаратурна-філасофскім творы І. Абдзіраловіча (Канчэўскага) "Адвечным шляхам" дадзеная трыангуляцыя прадстаўлена ў чыстым выглядзе, падкрэслена. Адзначым, што ў якасці дзвюх гістарычна зыходных кропак сацыяльнага трыкутніка Ігнат Абдзіраловіч бярэ заходнюю і ўсходнюю цывілізацыі. На яго меркаванне, менавіта на мяжы, пастаянна балансіруючы між імі, існавала доўгі час Беларусь. Больш за тое, існаснай рысай беларускага духоўнага жыцця зрабілася ваганне паміж Захадам і Усходам. Далей аўтар канкрэтызуе гэтыя кропкі як Расію і Польшчу, а таксама імкнецца на аналізе сутнасных недахопаў гэтых дзвюх дзяржаў (а таксама пануючых у іх тыпаў культур) пабудаваць уласна беларускую вяршыню ў прасторава-часавым кантынууме чалавечага быцця.

Невыпадкова І. Канчэўскі абраў сабе псеўданімам імя героя аповесці "Дзве душы" М. Гарэцкага. Сам Гарэцкі як мастак не займаўся параўнальным сацыяльна-філасофскім аналізам, але ў сваіх літаратурных творах ён таксама неаднаразова падкрэсліваў, што асновай сапраўды незалежнай беларускай дзяржавы можа з'яўляцца выключна ідэя самаідэнтыфікацыі, асэнсаваная шырокімі масамі народу, сутнасць якой у тым, што беларусы – народ, які дастаткова кардынальна адрозніваецца ад сваіх гістарычных суседзяў. А менавіта ад палякаў і рускіх. Зрэшты, пісьменнік выдатна разумее, што ўплыў суседзяў па трыкутніку быцця на беларусаў дастаткова моцны. Вось чаму ён часта гаворыць пра значную частку беларускай інтэлігенцыі як пра людзей "беларускай косткі, абросшай польскім ці расійскім мясам" [3, с. 587]. Аднак Гарэцкі спадзяваўся і верыў у магчымасць паступовага пераходу такіх людзей на пазіцыі беларускага адраджэння. У сваім артыкуле "Развагі і думкі" пісьменнік адзначае, што "пайсці ў другі бок, па «обшчэ» расійскаму ці польскаму шляху, – уй, тошна, ой, роднае карэнне не дазваляе... А злашча цяпер і гідка,

і брыдка, і не хочацца, цяпер, калі ёсць жа і гэты, люба-таемны, свой родны шлях, і па ім людзі ідуць дый ідуць" [3, с. 590].

Неабходна падкрэсліць, што як М. Гарэцкі, так і І. Абдзіраловіч (Канчэўскі) негатыўна ставіліся да ўпамянёнай ідэі сінтэзу. Яны не бачылі месца для сваёй культуры ў польска-руска-беларускім сацыяльна-гістарычным трыкутніку ў якасці адрознага феномена, які мог бы атрымацца з інтэгратыўнага сінтэзу заходняй (польскай) і ўсходняй (рускай) культур. Так, напрыклад, І. Абдзіраловіч хоць і падкрэсліваў некаторыя важныя, пазітыўныя рысы гэтых культур, якія падабаюцца беларусам, аднак лічыў прынцыпова немагчымым пазітыўны сінтэз іх на беларускай глебе. "Дык вось нам вельмі падабалася і цягнула шчырасьць і вызначанасьць Усходу, а з другога боку – большая об'ектыўнасць і болей чалавечае захаваньне Захаду, – піша ён у сваёй працы «Адвечным шляхам». – Жыцьцё вымагала сінтэзу, згарманізаваньня абодвух кірункаў, але гэта, як убачым, зрабілася немагчымым" [4].

Што датычыць М. Гарэцкага, то ў кантэксце ідэнтыфікацыі беларускай культурнай парадыгмы ён у сваёй творчасці мала звяртаўся да разгляду асаблівасцей польскай і рускай культур, і, адпаведна, не ставіў перад сабой пытанне пра нейкі асаблівы культурны сінтэз. Справа ў тым, што яго ў першую чаргу цікавіла праблема захавання моўных адрозненняў беларусаў ад сваіх заходніх і ўсходніх суседзяў. А беларускую мову ён, як і многія яго аднадумцы ў той час, лічыў унікальным, самадастатковым феноменам. Акрамя таго, М. Гарэцкі меркаваў, што мова важная не толькі сама па сабе, але ў кантэксце агульнай нацыянальнай самаідэнтыфікацыі ўсяго народа. Менавіта да такой высновы прыводзіць ён чытача, калі распавядае пра адну з беларускіх польскамоўных сямей: "Гэта ж дзіва! У сямейцы пануе польская мова, польская ідэалогія, польскія традыцыі... Сам бацька з гасцямі даволі добра гаворыць «папольскаму», саўсім рэдка, абмыліўшыся, кульганець «папросту», кашлянець, перханець, і абмылка няўзнаку... Ён гадуе добрых дзетак на карысць маткі-Польшчы" [3, с. 591]. Такім чынам, на думку пісьменніка, страта мовы абавязкова з цягам часу, з сілай закону прыводзіць да страты нацыянальнай самасвядомасці.

Неабходна адзначыць яшчэ адно сутнаснае адрозненне ў поглядах М. Гарэцкага і І. Абдзіраловіча. Справа ў тым, што апошні аўтар звяртаў асобую ўвагу на процістаянне Усходу і Захаду, прычым многія славянскія народы знаходзіліся альбо па розныя бакі гэтага процістаяння (напрыклад, рускія і палякі), альбо на яго мяжы (напрыклад, беларусы і ўкраінцы). Для М. Гарэцкага ж больш важным было процістаянне паміж Захадам і славянскім светам у цэлым. Гэта процістаянне, на думку пісьменніка, мае глыбокі духоўны непрымірымы характар. Нездарма ў апавяданні "Амерыканец" ён вуснамі свайго героя Максіма адказвае немцу, які сцвярджае, што ў чалавеку ёсць дзве часткі, цвёрдая і мяккая, наступным чынам: "Эт! Часці, – не вытрываў Максім, – у чалавека дзве часці: душа і цела... У славяніна дух за цела, і толькі" [5, с. 192]. Вось гэтая перавага духу над целам ва ўсіх славян бачыцца нашаму пісьменніку і як галоўная рыса менталітэту беларусаў. Такім чынам, разам з сацыяльна-гістарычнай трыангуляцыяй М. Гарэцкі для вызначэння ўласных каардынат быцця беларускага народа ў прасторава-часавым кантынууме гісторыі выкарыстоўвае яшчэ і апазіцыю: перавага духоўнага – перавага матэрыяльнага ў быцці народа.

Адзначаныя адрозненні ў прымяненні метаду сацыяльна-гістарычнай трыангуляцыі прывялі М. Гарэцкага і І. Абдзіраловіча да рознага разумення імі ідэі пабудовы незалежнай беларускай дзяржаўнасці. Так, на думку апошняга, Беларусь пойдзе сваім асобым, адрозным ад Расіі і Польшчы шляхам, абапіраючыся ў першую чаргу на так званыя "агульначалавечыя каштоўнасці" і выбіраючы з іх тое, што найбольш адпавядае менталітэту беларусаў: адчуванне еднасці з прыродай, моцны творчы патэнцыял. М. Гарэцкі ж бачыў апірышчам незалежнасці мову, народную міфалогію, традыцыйны сялянскі ўклад жыцця і адукаванасць народных мас.

Вернемся зараз да метада "эстэтычнай памежнасці", які шырока прэзентаваны ў беларускай літаратуры канца XIX – пачатку XX стагоддзя. Для правільнага разумення сутнасці дадзенага эстэтычнага феномена неабходна папярэдне адзначыць, што, на думку выдатнага расійскага філолага Д. Ліхачова, працэс аб'яднання розных мастацкіх стыляў можа адбывацца наступнымі спосабамі. Па-першае, гэта стварэнне новага стылю на базе старога, з захаваннем многіх элементаў базавага стылю. Па-другое, працяг новага стылю з адначасовым прыстасаваннем яго да новых эстэтычных густаў. Па-трэцяе, наўмыснае імкненне да стылявой разнастайнасці ў рамках аднаго твора. Па-чацвёртае, эклектычнае аб'яднанне паміж сабой цалкам розных стыляў [6]. Аднак мы лічым, што

ў дачыненні да некаторых твораў беларускіх пісьменнікаў канца XIX – пачатку XX стагоддзя выкарыстанне дадзеных варыянтаў не дае адэкватнага апісання сутнасці іх творчага метаду, таму што галоўная прычына стылёвай шматпланавасці гэтых твораў заключаецца менавіта ў феномене "эстэтычнай памежнасці".

Звернем увагу і на тое, што, падобна да таго, як анталагічная памежнасць не з'яўляецца вынікам сінтэзу розных формаў народнага быцця, таксама і рухомасць стылістычнай мяжы ні ў якой меры не вычэрпваецца інтэгратыўным аб'яднаннем розных літаратурных стыляў, хоць, вядома, і не адмаўляе самой прынцыповай магчымасці дадзенага аб'яднання. Акрамя таго, у рамках нашага даследавання асабліва важным уяўляецца псіхалагічны складнік успрымання мастацкага твора, заснаванага на прынцыпе "эстэтычнай памежнасці". Можна меркаваць, што менавіта метад "эстэтычнай памежнасці" дазваляе ў найбольш адэкватнай ступені раскрыць мастацкімі сродкамі псіхалагічныя асаблівасці як асобных людзей, так і ўсяго народа ў цэлым.

Неабходна падкрэсліць, што дадзены метад аказаўся выключна плённым у мастацкіх адносінах. На наш погляд, менавіта яго творчае прымяненне дазволіла многім беларускім пісьменнікам не толькі шырока выкарыстоўваць розныя літаратурныя стылі, але і прапанаваць свае асаблівыя, аўтарскія. "Класікі беларускай літаратуры, – піша М. Тычына, – стварылі вялікія індывідуальныя стылі, якія ўвабралі ў сябе ўсе ўплывы – ад фальклору да сусветнай літаратуры – і ўсе культурныя каштоўнасці народнага жыцця, агромністы вопыт мовы, думкі. Адсюль інтэнсіўнасць і напружанасць літаратурнага жыцця, паскоранасць руху наперад, шматстайнасць стылявых інтарэсаў і захапленняў, зварот да крыніц самага рознага характару і паходжання... у складаным перапляценні апынуліся літаратурныя плыні і стылі розных эпох і культур" [7, с. 78].

У межах нашага даследавання асабліва важны той факт, што ў класічных мастацкіх творах час заўсёды мае ярка выяўлены тэлеалагічны характар. Мінулае ў іх такім асаблівым спосабам пранікае, уключае сябе ў працяглае (якое таксама доўжыцца і зараз) цяперашняе, што апошняе аказваецца спосабам эстэтычнай рэалізацыі будучыні. Характэрна, што дадзены феномен узнікае толькі дзякуючы наяўнасці трансцэндэнтнага сэнсу ўсяго зямнога чалавечага жыцця, у рамках якога рэалізацыя экзістэнцыяльных, храналагічна абмежаваных мэтаў чалавечага быцця цесна ўзаемазлучаная з вечным тэлеалагічным сэнсам.

Адзначым, што з анталагічнай памежнасцю цесна звязана і такая рыса народнага метафізічнага быцця, як міфалагічнасць мыслення, і гэтая ўзаемасувязь носіць далёка не выпадковы характар, таму што міф памежны па самой сваёй сутнаснай прыродзе. Гэта першапачатковая памежнасць спараджае феномен функцыянальнай інтэгратыўнасці міфаў. Справа ў тым, што міф, на думку расійскага філосафа А.Ф. Лосева, "яднае рэчы ў нейкім новым плане, пазбаўляючы іх уласцівай ім натуральнай паасобнасці" [8, с. 453]. Асабліва важна, падкрэслівае ён, тое, што з дапамогай міфалогіі знаходзіцца "нейкая агульная кропка сыходжання гэтых рэчаў, нейкі агульны і адзіны погляд на іх, у якім маментальна патухае іх натуральная непрымірымасць, і яны раптам аказваюцца адразу аб'яднанымі і паміранымі" [8, с. 453].

Такім чынам, несумненна, міф валодае сваёй анталагічнай памежнацю, і ў гэтым плане ён аналагічны чалавечаму быццю. Вось чаму можна лічыць, што адна з асноў быцця народа – універсальна-міфалагічная, з якой вырастае іншая канкрэтная, нацыянальна-гістарычная рэальнасць. Аднак універсалізм метаду – гэта адначасова ўсечалавечнасць герояў мастацкіх твораў. Праз нацыянальныя вобразы пісьменнік імкнецца далучыцца да нечага вечнага і ўсеагульнага. Такое імкненне натуральным чынам перадаецца ім з дапамогай звароту да міфалогіі.

Вядома, міфалогія кожнага народа носіць глыбока нацыянальны характар. Так, напрыклад, нават у вобразах багоў у старажытных міфах можна выявіць розныя рысы народаў, што пакланяліся ім. "Інакш быць не можа, – лічыў расійскі мысліцель А.С. Хамякоў. – Пакуль людзі не паставяцца вышэй за саміх сябе дабрадзействам духоўнай асветы, яны ў бозе будуць уяўляць толькі сябе ў вялікіх памерах. Агульначалавечае, чысты вобраз Бога, для іх недасягальны, і неасвечанае жаданне быць богападобнымі прымушае іх рабіць боства чалавекападобным з усімі прыметамі недасканалага, гэта значыць племяннога чалавечага развіцця [9, с. 153].

Адпаведна кожны канкрэтны міф аб'ектыўна мае гістарычна нацыянальна абмежаваны характар, але менавіта падобная яго лакальнасць з'яўляецца зыходнай умовай для будучай усечалавечай універсальнасці ў розных інтэрпрэтацыях. Такім чынам, міфалогія не статычная, яна дынамічная

і накіравана на здабыццё ўсёй паўнаты ісціны, што дазваляе пісьменніку паказаць народны характар у станаўленні, у руху, ва ўзыходжанні ад адзінкавага да ўсечалавечага тыпу. Прычым, падобна да таго, як няпоўная, недасканалая міфалогія асобных народаў, гэтак жа далёкія ад усечалавецтва яны самі.

Выкарыстанне ў творчасці нацыянальных міфалагічных сюжэтаў – гэта не толькі ўзыходжанне да ўніверсальнага міфа, але і ўзыходжанне пісьменніка ад нацыянальнага характару да ўніверсальнага чалавека. У выніку гэтага з неабходнасцю змяняецца мяжа быцця асобнага народа, а, як следства, найбольш адэкватны стылістычны выраз дадзенага працэсу ў літаратуры магчымы толькі з дапамогай такога прыёму, як "эстэтычная памежнасць", менавіта ў рамках якой, як ужо адзначалася, мяжа паміж стылямі таксама пастаянна змяняецца, становячыся іншай.

У беларускай літаратуры канца XIX – пачатку XX стагоддзя міфалогія выкарыстоўваецца рознымі спосабамі. Па-першае, шляхам увядзення ў мастацкія творы розных міфалагічных сюжэтаў і вобразаў. Цікава тое, што якраз менавіта ў гэты перыяд часу ў еўрапейскай літаратуры ў цэлым рэзка ўзрасла цікавасць да падобнага роду сюжэтаў, узятых у першую чаргу са старажытнагрэчаскай і старажытнарымскай мастацкай спадчыны. Аднак у беларускай літаратуры пераважае цікавасць да сваёй уласнай міфалогіі, выяўленай у народным фальклоры. Дастаткова ўзгадаць цыкл "У зачараваным царстве" М. Багдановіча, зборнік "Рунь" М. Гарэцкага. Літаратурнай апрацоўкай разнастайнага гістарычнага і фальклорнага матэрыялу займаліся практычна ўсе беларускія пісьменнікі. Прычым, важна разумець, што для іх гэта было не толькі адным з эфектыўных сродкаў развіцця беларускай паэзіі і прозы, але і індывідуальнага дотыку да традыцыйнай асновы нацыянальнага мыслення свайго народа.

Па-другое, міфалогія выкарыстоўваецца шляхам увядзення ў творы вобразаў-архетыпаў. Наогул, гэта і ёсць распаўсюджаныя шляхі выкарыстання міфалагічных матываў. Пісьменнікі не толькі ўключаюць у твор адзін ці некалькіх міфаў рознага ўзроўню, але і звяртаюцца да асобных яго структурных адзінак, у першую чаргу – архетыпаў. Адзначым, што дадзенае паняцце шырока ўжываецца зараз як у тэорыі міфалогіі, так і ў літаратуразнаўстве, у прыватнасці ў параўнальным; гэта тлумачыцца тым, што тоесныя па сваім характары архетыпічныя вобразы і матывы можна выявіць не толькі ў міфах розных народаў, запазычанні паміж якімі былі немагчымыя, але і, як вынік, у розных літаратурах.

Швейцарскі псіхолаг К.-Г. Юнг, у канцэпцыі якога правобраз ці архетып якраз і мае ўніверсальны характар – з'яўляецца набыткам усяго чалавецтва, улічваючы такую ўзаемасувязь архетыпаў з літаратурай, лічыць, што пры аналізе мастацкіх твораў самым галоўным з'яўляецца пытанне, да якога правобраза калектыўнага несвядомага можна ўзвесці вобраз, разгорнуты ў канкрэтным мастацкім творы. Напэўна, адным з самых яркіх прыкладаў з літаратуры мяжы XIX – XX ст. у гэтым плане з'яўляецца п'еса Янкі Купалы "Раскіданае гняздо". Тут што ні вобраз – то архетып: Старац (носьбіт народнай традыцыі), Незнаёмы (вобраз "Іншага", які дазваляе паглядзець на сваё быццё збоку, актуалізуе схаваныя думкі), Зоська (гераіня нібы страчвае розум, робіцца дзівачкай, але імя – Сафія – указвае на схаваную прамудрасць).

Асаблівае месца займае ў мастацкіх творах выбранага перыяду архетып героя, адкрытага для "апошніх" пытанняў быцця. Прычым часта адзін архетып спараджае цэлы паслядоўны шэраг вобразаў: Лявон Бушмар і ягоныя дзеці ў К. Чорнага, Лабановіч і яго сябры ў Я. Коласа, сям'я Задумаў-Батураў у М. Гарэцкага. У дадзеным выпадку адзначаная асаблівасць мае ярка выяўлены функцыянальны характар.

Па-трэцяе, міфалагічнае па сваёй сутнасці мысленне многіх беларускіх пісьменнікаў накладвае ярка выражаны стылістычны адбітак на ўсю іх творчасць. Аднак у дадзеным выпадку нельга забывацца і на суб'ектыўны момант – творчую асобу саміх аўтараў. Справа ў тым, што прырода міфа з'яўляецца толькі патэнцыяльнай перадумовай, сваю актуальную рэалізацыю гэтая перадумова знаходзіць дзякуючы асобе пісьменніка, асаблівасцям яго творчага метаду, а таксама канкрэтна-гістарычнаму вобліку часу, калі ён жыве і стварае.

Безумоўна, значнасць кожнага з названых намі спосабаў у розныя перыяды літаратурнай дзейнасці пісьменнікаў, адпаведна, і ў асобных іх творах не аднолькавая. Агульным з'яўляецца толькі ідэйна-эстэтычная значнасць міфалогіі як адной з асноў метада "эстэтычнай памежнасці".

Заключэнне. Напрыканцы адзначым, што сінтэз розных стыляў і жанраў, а таксама шырокае прымяненне метаду "эстэтычнай памежнасці" ўвогуле характэрна для еўрапейскага літаратурнага працэсу

на мяжы стагоддзяў. Аднак менавіта ў беларускай літаратуры канца XIX – пачатку XX стагоддзя дадзены феномен мае адну ярка выяўленую спецыфічную асаблівасць. Для таго каб зразумець яе сутнасць, звернемся да літаратурна-крытычнага артыкула М. Багдановіча “Забыты шлях”. У ім беларускі паэт звяртае нашу ўвагу на тое, што “за восем-дзевяць год свайго праўдзівага існавання наша паэзія прайшла ўсе шляхі, а пачасці і сцежкі, каторыя паэзія еўрапейская пратаптывала болей ста год. З нашых вершаў можна было б зрабіць «кароткі паўтарацельны курс» еўрапейскіх напрамкаў апошняга веку. Сентыменталізм, рамантызм, рэалізм і натуралізм, урэсьце, мадэрнізм – усё гэтае, іншы раз нават у іх розных кірунках, адбіла наша паэзія, праўда, найчасцей бегла, няпоўна, але ўсё ж ткі адбіла. Вялікую ўнутраную рухавасць мае яна – аб гэтым не можа быць і споркі” [10, с. 286]. Каментуючы гэтыя радкі, якія даўно ўжо зрабіліся хрэстаматыйнымі, заўважым, што любы храналагічны сціск працэсу развіцця (прычым, не толькі ў літаратуры і мастацтве) прыводзіць да сціску элементаў сістэмы, а, такім чынам, паскарае працэс іх узаемапранікнення. Такім чынам, разгледжаны метад “эстэтычнай памежнасці” ў беларускай літаратуры канца XIX – пачатку XX стагоддзя – заканамернае следства асаблівага сацыяльна-гістарычнага кантэксту беларускага літаратурнага працэсу азначанага перыяду.

Літаратура

1. Чарота, І. Пошук спрадвечнай існасці: Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння / І. Чарота. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 159 с.
2. Гаранин, Л.Я. Философские искания в белорусской литературе / Л.Я. Гаранин. – Минск: Наука и техника, 1984. – 222 с.
3. Гарэцкі, М. Выбраныя творы / М. Гарэцкі. – Мінск: Кнігазбор, 2009. – 640 с.
4. Абдзіраловіч (Канчэўскі), І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага светагляду / І. Абдзіраловіч (Канчэўскі) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://knihi.com/Ihnat_Kanceuski/Adviecnym_slacham.html/. – Дата доступу: 13.12.2015.
5. Гарэцкі, М. Амерыканец / М. Гарэцкі // Збор твораў: у 4 т. – Мінск: Маст. літ., 1984. – Т. 1. – С. 188–195.
6. Лихачев, Д. Литература – реальность – литература / Д. Лихачев. – Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1984. – 271 с.
7. Тычына, М. Карані і крона: фальклор і літаратура / М. Тычына. – 2-е выд. – Мінск: Бел. навука, 2002. – 197 с.
8. Лосев, А. Из ранних произведений / А. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 655 с.
9. Хомяков, А. Работы по историософии: сочинения: в 2 т. / А. Хомяков. – М.: Медиум, 1994. – Т. 1. – 589 с.
10. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – 2-е выд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – Т. 2: Маст. проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. – 600 с.

Паступіў у рэдакцыю 01.02.2016 г.

УДК 378.147:379.85:81.243

Методические аспекты формирования иноязычной профессиональной компетенции будущих специалистов в сфере туризма

Петрушенко О.А.

Частное высшее учебное заведение «Хмельницкий экономический университет», Хмельницк (Украина)

На современном этапе развития высшей школы овладение иностранным языком рассматривается как приобретение коммуникативной компетенции на базе сложившейся лингвистической осведомленности.

Цель статьи – анализ методических аспектов формирования иноязычного профессионально ориентированного общения будущих специалистов в сфере туризма.

Материал и методы. *Материалом исследования послужили публикации украинских и русских лингвистов, посвященные вопросам формирования иноязычного профессионально ориентированного общения будущих специалистов в сфере туризма, личные эксперименты и педагогические наблюдения за учебной деятельностью студентов I и III курсов специальности «Туристическое обслуживание». Методологическую основу работы составили научные принципы языковедения, методы общенаучного анализа, лингвометодический метод исследования навыков иноязычной компетентности студентов – будущих специалистов сферы туризма.*

Результаты и их обсуждение. *Широкая категория охватывает тех, кто изучает деловой английский язык и английский язык профессионального направления. Это в первую очередь студенты высших учебных заведений, поскольку именно они образуют экономическую и деловую элиту страны, войдут в число тех, кто призван обеспечить ей достойное место в мировом экономическом сообществе. Следовательно, именно на данный контингент должны быть направлены усилия преподавателей с целью поднять качество обучения английскому языку для делового общения. Во многих высших учебных заведениях туристической отрасли появился специальный курс делового иностранного языка. Этот курс связан с изучением иностранного языка не только как обязательной дисциплины, а как одного из путей получения выбранной студентами специальности. Благодаря деловому иностранному языку специалисты разных стран обмениваются исследованиями и опытом в различных областях науки.*

Заключение. *Одной из важнейших задач современного преподавателя делового английского языка является развитие профессионально направленных коммуникативных навыков будущих специалистов туристического направления.*

Ключевые слова: *коммуникативная компетенция, сфера туризма, методические аспекты, туристическая индустрия, деловой английский язык, профессиональные навыки, мотивация.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 196–199)

Methodological Aspects of Shaping Foreign Language Professional Competence for Would-be Specialists in the Sphere of Tourism

Petrushenko O.A.

Private Higher Educational Establishment «Khmelnitsky Economical University», Khmelnitsk (Ukraine)

Accent is made on the fact that at the present stage of the development of the higher school mastering a foreign language is considered as the acquisition of communicative competence on the basis of the existing linguistic conversance.

The aim of the article is analysis of methodological aspects of shaping foreign language professionally oriented dialogue of would-be experts in the field of tourism.

Material and methods. *The study was carried out with the application of personal experiments, findings and issued manuals with the stamp of MES «English language for professional purposes». The following research methods were used in the article: general scientific methods, theoretical analysis of the appropriate range of sources; linguistically methodological method of research skills of foreign language competence of students – the future experts of tourism.*

Findings and their discussion. *The broad category of those who study business English and English of professional direction are the students of higher educational institutions, since they constitute the economic and business elite of the country, will be among those who are called to give it its rightful place in the world economic community. Therefore, this contingent should be paid attention to by the teachers aiming to raise the quality of teaching English for business communication. A special course of Business English is introduced in many institutions of higher education of the tourist industry now. This course involves the study of a foreign language not only as a compulsory subject, but also as one of the ways to obtain the chosen by students profession. Due to business foreign language specialists from different countries exchange research and experience in various fields of science.*

Conclusion. *The problem of modern Business English teacher is to develop professional communication skills of would-be specialists in tourism.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: olyax@ukr.net – **О.А. Петрушенко**

Key words: *communicative competence, tourism sphere, methodological aspects, tourism industry, Business English, professional skills, motivation.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 196–199)

Интеграция в мировое культурное, образовательное и экономическое пространство изменяет в корне качественную подготовку специалистов, способных к успешной профессиональной деятельности в пределах мирового сообщества. Новые условия жизни, новые требования к будущему специалисту, новые приемы принятия на работу совершенствуют подходы к подготовке современного специалиста в области туризма. В таком контексте владение иностранным языком, прежде всего английским как языком международного бизнеса, становится необходимым для человека.

В связи с этим перед современными вузами ставится задача дать специалистам языковую подготовку, адекватную требованиям нынешнего экономически развитого общества; развивать профессионально направленные коммуникативные навыки будущих специалистов туристической отрасли, которые позволят им успешно вести международный бизнес, свободно общаясь на иностранном языке [1].

Все большее значение приобретают проблемы дальнейшего совершенствования методики обучения устной речи на английском языке по избранной специальности и уровня владения выпускниками вузов иностранным языком в профессиональной сфере общения. Ведущим направлением в овладении иностранным языком студентами сферы туризма высших учебных заведений является получение ими такого уровня коммуникативной компетенции, которая позволяет активно пользоваться иностранным языком в определенной области профессиональной деятельности [2]. Иными словами, будущие специалисты должны владеть навыками и умениями письменной и устной иноязычной коммуникации как важными аспектами профессиональной деятельности.

Несмотря на то, что иностранный язык в любом учебном заведении изучается для общения, перестройка процесса обучения иностранным языкам в высших учебных заведениях должна концентрироваться на совершенствовании обучения всем видам речевой деятельности. Взаимосвязанное обучение при этом имеет целью формирование иноязычной коммуникативной компетенции в данных видах, поскольку именно через подобную компетенцию осуществляется деловая речевая коммуникация [3, с. 181].

Продуктивизация рассматриваемого направления исследований в современной лингвистике за последнее десятилетие вызвала количественный рост работ, в которых научно интерпретировались особенности формирования речевых компетенций:

– вопросы теории и методики обучения иностранному языку в высших учебных заведениях освещались в исследованиях А.А. Миролюбова, А.В. Парахина, Г.Г. Кузнецовой и др.;

– об аспектах профессионально направленного обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе говорилось в научных работах Т.Ю. Поляковой, Е.М. Тарасова, А.В. Оперенко.

В то же время осуществленный анализ научных наработок показал, что проблема формирования иноязычного профессионально ориентированного общения будущих специалистов в сфере туризма раскрыта недостаточно и требует более детального изучения.

Цель статьи – анализ методических аспектов формирования иноязычного профессионально ориентированного общения будущих специалистов в сфере туризма.

Материал и методы. Материалом исследования послужили публикации украинских и русских лингвистов, посвященные вопросам формирования иноязычного профессионально ориентированного общения будущих специалистов в сфере туризма, личные эксперименты и педагогические наблюдения за учебной деятельностью студентов I и III курсов специальности «Туристическое обслуживание». Методологическую основу работы составили научные принципы языковедения, методы общенаучного анализа, лингвометодический метод исследования навыков иноязычной компетентности студентов – будущих специалистов сферы туризма.

Результаты и их обсуждение. На современном этапе развития высшей школы овладение иностранным языком рассматривается как приобретение коммуникативной компетенции. «Коммуникативно-ориентированное преподавание языков имеет целью не только дать студентам практические знания грамматики и лексики изучаемого языка, но также развить у них понимание того, как соответствующий язык используется для общения» [1].

Для того чтобы установить контакт и обменяться определенной информацией или с клиентом, или с коллегой по работе, будущим специалистам туристической отрасли следует на достаточном уровне владеть навыками как языковой (предполагает сформированность навыков и умений по грамматике, лексике и

фонетике иностранного языка), так и речевой (предполагает сформированность навыков и умений по аудированию, чтению, говорению и письму на иностранном языке) компетенций. Устно речевая коммуникативная компетенция предполагает способность слушать, понимать, говорить. Коммуникативная компетенция является целью и результатом обучения, но этот результат становится реальным только при наличии сложившейся лингвистической компетенции и высокой мотивированности студентов [5].

Коммуникативные языковые компетенции «обеспечивают человеку возможность действовать, применяя специфические лингвистические средства. Коммуникативная речевая компетенция состоит из таких компонентов, как лингвистические компетенции, социолингвистические компетенции и прагматические компетенции, и реализуется в выполнении различных видов речевой деятельности (восприятие, продукция, интеракция или медиация)» [6]. Хотя следует заметить, что некоторые ученые (А. Андриенко, Е. Бибикова, А. Кравченко, Ю. Солодникова и С. Склярова) рассматривают иноязычную компетенцию как результат профессиональной подготовки студентов и их готовности к осуществлению иноязычной деятельности в определенной сфере профессиональной деятельности. В своих трудах они отождествляют понятия «формирование иноязычной коммуникативной компетентности» и «профессиональная компетентность специалиста» [7].

К широкой категории тех, кто изучает деловой английский язык и английский язык профессионального направления, относятся студенты высших учебных заведений, поскольку именно они образуют экономическую и деловую элиту страны, войдут в число тех, кто призван обеспечить ей достойное место в мировом экономическом сообществе. Следовательно, именно на подобный контингент в первую очередь должны быть направлены усилия преподавателей с целью поднять качество обучения английскому языку для делового общения. Во многих высших учебных заведениях туристической отрасли появился специальный курс делового иностранного языка. Этот курс связан с изучением иностранного языка не только как обязательной дисциплины, но и как одного из путей получения выбранной студентами специальности. Благодаря деловому иностранному языку специалисты разных стран обмениваются исследованиями и опытом в различных областях науки.

Если проследить на практике, то иноязычная подготовка будущих специалистов в области туризма осуществляется в Хмельницком экономическом университете по системе образования: студенты туристического направления изучают иностранный язык в течение трех лет обучения. В частности, студенты первого курса ОКУ «бакалавр» овладевают дисциплиной «Английский язык общего направления» в первом и втором семестрах. Цель этого учебного предмета, на который отводится 180 ч, – научить студентов использовать на практике знания о грамматическом строе английского языка и сформировать у них навыки грамматически правильного английского, как в устной, так и в письменной форме. На втором и третьем курсах студенты изучают дисциплину «Английский язык туристической индустрии», предусматривающую усвоение узкоспециальной лексики. Проводя исследования туристической терминологии, мы классифицировали ее, выделив 15 основных микрополей:

• Виды туризма и путешествий (*agricultural tourism, space travel/tourism*);

• Размещение туристов (*boutique hotel, bungalow, connecting rooms, suite, half pension, family suite*);

• Транспорт (*canoe, liner, courtesy bus, beltway, aerostat*);

• Отдых и развлечения (*coral reefs, theme park, wine tasting*);

• Оборудование (*baggage lockers, carousel, bunk, flight recorder, chair lift*);

• Инвентарь туриста (*sleeping bag, rucksack, trunk, compass, road map*);

• Питание (*bill of fare, coffee shop, bistro, drive-in restaurant*);

• Лица в индустрии туризма (*bell hop, concierge, animator, day visitor*);

• Процессы (*advance reservation, cancellation, booking, agent bypass*);

• Услуги (*aircraft leasing, bareboat charter, airport transfer, business services*);

• Тарифы и оплата (*departure tax, budget fare, booking charge, day return*);

• Документы (*departure card, travel insurance, baggage check, accident insurance, customs declaration, booking form, health declaration form, entry visa*);

• Организации (*commercial agency, tourism organization, state tourism office*);

• Сезонность (*busy season, slack season, high season, holiday season*);

• Медицинское обеспечение туризма (*altitude sickness, diphtheria, mountain sickness*).

Акцентируем внимание на том, что изучение иностранного языка студентами туристического профиля в высших учебных заведениях направлено на овладение туристической терминологией на иностранном языке. Отметим, что иностранный язык для специалиста в области туризма – это инструмент,

с помощью которого он должен действовать, убеждать, принимать решения, создавать благоприятную деловую атмосферу, понимать культуру другой страны и менталитет ее народа. Задача преподавателя иностранного языка состоит в выработке оптимального соотношения аспектов владения иноязычной культурой.

Стоит отметить, что на практических занятиях по деловому английскому языку особое внимание уделяется развитию диалогической речи, что соответствует коммуникативной направленности учебного процесса. В области делового общения отдельное место занимают доклады-презентации и деловые переговоры, являющиеся неотъемлемой частью коммуникативного аспекта для студентов туристического направления. Используя соответствующую лексическую терминологию и деловой стиль, студенты презентуют собственную туристическую фирму, агентство, компанию, ведут деловые переговоры с иностранными партнерами, составляют контракты и др.

Бесспорно, профессиональные коммуникативные навыки являются основными для общения в сфере туризма, служат весомой причиной их совершенствования как студентами, уже занятыми в туристической сфере, так и теми, кто еще только планирует свою профессиональную деятельность [8].

Формы деловой английской речи имеют место во всех указанных ситуациях делового общения. Опираясь на описанные ситуации, можно очертить круг типичных средств устного общения для студентов туристической отрасли: это составление проспектов туристических путешествий; переговоры; презентации; решение деловых вопросов с партнером по телефону; профессиональные беседы. Поэтому студенты отрасли туризма должны, прежде всего, уметь слушать и понимать деловую речь, чтобы достичь успеха в бизнесе. В поисках лучшего метода обучения английскому языку следует обратить внимание на то, что в последнее время в процессе обучения деловому иностранному языку наблюдается тенденция заметного сдвига от структурного подхода к гуманистическому, коммуникативному, где в центре находится человек или коллектив.

Заключение. Овладение студентами знаниями, умениями и навыками иноязычного профессионального общения является необходимым условием их успешной профессиональной деятельности в современных условиях. Поэтому в целях оптимизации формирования иноязычной профессиональной компетентности будущих специалистов в сфере туризма, кроме традиционных методов обучения: объяснительно-иллюстративного, репродуктивного, проблемного, частично-поискового, исследовательского, – целесообразно использовать методы активного обучения. Названные методы включают дискуссии, диспут, игровые ситуации, деловые игры, имитационные игры, тренинг, индивидуальные и групповые проекты, кейс-метод и презентации. Они стимулируют студента и преподавателя к активному взаимодействию, повышают мотивацию студентов к изучению иностранных языков и их систематической подготовке к учебным занятиям.

Применение активных методов в учебном процессе позволяет улучшить мотивации студентов к учебной деятельности и усилить их интерес к овладению иностранными языками, а также способствует развитию иноязычного изучения устной и письменной речи и формированию у будущих специалистов сферы туризма умения формулировать, обосновывать и выражать свою точку зрения на иностранном языке. Таким образом, одной из важнейших задач современного преподавателя делового английского языка является качественное развитие профессионально направленных коммуникативных навыков будущих специалистов туристического направления.

Литература

1. Синицына, А.В. Развитие профессионально-направленных коммуникативных навыков студентов в процессе изучения делового английского языка / А.В. Синицына, Г.В. Пискурская. – Донецк, 2009. – С. 35–37.
2. Минина, Н.М. Программа обучения активному владению иностранным языком студентов неязыковых специальностей и методические рекомендации / Н.М. Минина. – М.: НВИ: Тезаурус, 1998. – С. 62.
3. Дегтярева, Ю.В. Методика обучения студентов высших неязыковых учебных заведений чтению на английском языке для делового общения: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Ю.В. Дегтярева; Запорож. нац. ун-т. – К.: Выходит, 2006. – С. 172–196.
4. Биркун, Л.В. Коммуникативные методы и материалы для преподавания английского языка / Л.В. Биркун. – Oxford University Press, 1998. – С. 49.
5. Калмыкова, Е.И. Реализация взаимодействия лингвистической и коммуникативной компетенции / Е.И. Калмыкова // Сб. науч. тр. МГЛУ. – М., 1999. – Вып. 431. – С. 65–67.
6. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценивание / науч. ред. укр. изд.: д-р пед. наук, проф. С.Ю. Николаева. – К.: Ленвит, 2003. – 273 с.
7. Костенко, Н.И. Особенности формирования иноязычной коммуникативной компетентности студентов вузов нефилологических специальностей / Н.И. Костенко // Речевая коммуникация: наука, культура, медицина: сб. материалов науч.-практ. конф. к 55-летию ТГМУ им. И.Я. Горбачевского. – Тернополь, 2012. – С. 86–89.
8. Шулык, В.В. О месте Украины в области иностранного туризма / В.В. Шулык // Традиции и новации в высшем архитектурно-художественном образовании / под общ. ред. Н.Е. Трегуб. – Харьков: ХГАДИ, 2003. – № 3–4; 2004. – № 5–6. – С. 135–136.

Поступила в редакцию 27.04.2016 г.

УДК 821.161.3.09

Пісьменнік у мастацкім асэнсаванні Максіма Багдановіча

Белавус Н.П.

Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

Максім Багдановіч – класік беларускай літаратуры, шматмерны ў эстэтычным плане і стылёва разнастайны творца. Адным з першых паэт узбагачаў нацыянальную літаратуру новымі для яе вершаванымі формамі і тэмамі, перакладаў на беларускую мову творы класікаў сусветнай літаратуры, у тым ліку рускай і ўкраінскай. Узаемадачыненні мастацкай асобы і рэальнага жыцця, лёс паэта ў свеце, тэма творчага натхнення былі цэнтральнымі ў яго літаратурнай і літаратуразнаўчай спадчынах.

Мэта артыкула – раскрыць вобраз пісьменніка ў мастацкім асэнсаванні Максіма Багдановіча.

***Матэрыял і метады.** Матэрыял даследавання – вершы, апавяданні і літаратурна-крытычныя артыкулы Максіма Багдановіча. У працы выкарыстаны прыёмы дэскрыптыўнага, кампаратыўнага і канкрэтна-гістарычнага метадаў.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** У артыкуле разглядаюцца эстэтычныя погляды Максіма Багдановіча, што знайшлі яркае, канцэптуальнае ўвасабленне ў прозе, літаратурна-крытычных артыкулах і найбольш поўна – у паэзіі. Адна з галоўных ідэй, выказаных творцам, – грамадская місія мастака і асветніцкае прызначэнне мастацтва ў грамадстве. М. Багдановіч заклікаў майстроў слова шмат і дасканала працаваць над радкамі сваіх вершаў. Згодна з канцэпцыяй класіка творчая спадчына сапраўды таленавітага аўтара – аснова для развіцця творчасці паслядоўнікаў і фарміравання шырокай літаратурнай плыні. Самаахвяраванне дзеля інтарэсаў народа было вышэйшай ступенню праяўлення грамадскай пазіцыі паэта. Сваёй галоўнай эстэтычнай задачай М. Багдановіч бачыў пашырэнне тэм і мастацкіх форм роднай літаратуры, арыентацыю яе на эстэтычную бездакорнасць, канцэптуальную і стылёвую ўнікальнасць. У сваіх вершах пісьменнік часта разважае над праблемамі ўласнай творчасці і шляхамі развіцця мастацтва.*

***Заключэнне.** Максім Багдановіч у сваёй творчасці дасягаў дасканаласці форм, а літаратурную дзейнасць скіраваў у рэчышча спасціжэння ўласнай індывідуальнасці і мастацкага асэнсавання асобы творцы. Паэт, у трактоўцы М. Багдановіча, – майстар, творчая асоба з добрым мастацкім густам і патрыятычнымі памкненнямі.*

***Ключавыя словы:** Максім Багдановіч, творца, вобраз пісьменніка, мастацкае асэнсаванне, форма твора, мастацкая творчасць.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 200–203)

Writer in the Artistic Interpretation by Maxim Bogdanovich

Belous N.P.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Maxim Bogdanovich is a classical author of Belarusian literature, a multidimensional aesthetically and stylistically diverse creator. He was one of the first who enriched the national literature with new poetic forms and themes and with the works of world literature translated into Belarusian, including Russian and Ukrainian works. Relationship between the artistic personality and the real life, the fate of the poet in the world, inspiration were the central themes of his literary heritage.

The purpose of the article is to reveal the image of the writer in the artistic interpretation by Maxim Bogdanovich.

***Material and methods.** Research objects are the poems, short stories and literary-critical articles by Maxim Bogdanovich. We used descriptive, comparative and concretely historical methods.*

***Findings and their discussion.** This article deals with the aesthetic views of Maxim Bogdanovich, which found bright and conceptual expression in prose, literary-critical articles and mostly in the poetry. One of the main ideas expressed by the author is the artist's public mission and the educational purpose of art in society. M. Bogdanovich called the masters of the word to work a lot and thoroughly on lines of their poems. According to M. Bogdanovich's concept the creative heritage of really talented authors is the basis for the development of creativity and the formation of literary trends. Self-sacrifice for the sake of the interests of the people was the highest degree of manifestation of the poet's social position. M. Bogdanovich supposed that his main aesthetic purpose was the expansion of themes and artistic forms of the native literature, its focus on the aesthetic perfection, conceptual and stylistic uniqueness. In his poems the writer often reflected on the problems of the creativity and ways of art's development.*

***Conclusion.** Maxim Bogdanovich reached perfection of forms, and channeled his literary activities into comprehension of own individuality and artistic interpretation of the personality of the creator. M. Bogdanovich supposed a poet to be a master, creative person with a good artistic taste and patriotic aspirations.*

***Key words:** Maxim Bogdanovich, creator, the image of the writer, artistic interpretation, the shape of the work, artistic creation.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 200–203)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: natasha_belous2803@mail.ru – **Н.П. Белавус**

Максім Багдановіч – класік беларускай літаратуры, шматмерны ў эстэтычным плане і стылёва разнастайны творца. Паводле ацэнкі літаратуразнаўцы Т.І. Вабішчэвіч, "Максім Багдановіч стаў, па сутнасці, першым з беларускіх аўтараў, хто падышоў да мастацкай творчасці мэтанакіравана і сістэмна – як і належыць творцу-прафесіяналу" [1, с. 105]. Адным з першых паэт узбагачаў нацыянальную літаратуру новымі для яе вершаванымі формамі і тэмамі, перакладаў на беларускую мову творы класікаў сусветнай літаратуры, у тым ліку рускай і ўкраінскай. Апавяданні Максіма Багдановіча, як сцвярджае літаратуразнавец Т.М. Кароткая, "ляжаць ля вытокаў нацыянальнай прозы, а яго крытычныя даследаванні шмат у чым прадвызначылі развіццё літаратурнай крытыкі, сталі фундаментальнай асновай у вывучэнні гісторыі літаратуры" [2, с. 159]. Роля і значэнне Максіма Багдановіча ў развіцці беларускага прыгожага пісьменства, у нацыянальным і духоўным адраджэнні беларусаў высока ацэнена нашчадкамі. Творчую спадчыну класіка вывучае адна з галін беларускай літаратурнай навукі – багдановічазнаўства. Узаемадачыненні мастацкай асобы і рэальнага жыцця, лёс паэта ў свеце, тэма творчага натхнення былі цэнтральнымі ў яго літаратурнай і літаратуразнаўчай спадчынах.

Мэта артыкула – раскрыць вобраз пісьменніка ў мастацкім асэнсаванні Максіма Багдановіча.

Матэрыял і метады. Матэрыял даследавання – вершы, апавяданні і літаратурна-крытычныя артыкулы Максіма Багдановіча. У працы выкарыстаны прыёмы дэскрыптыўнага, кампаратыўнага і канкрэтна-гістарычнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Для безнадзейна хворага паэта Максіма Багдановіча творчасць была не проста жыватворнай крыніцай, а цэлым жыццём, таму эстэтычныя погляды М. Багдановіча знайшлі яркае, канцэптуальнае ўвасабленне і ў прозе, і ў літаратурна-крытычных артыкулах, але найбольш поўна – у паэзіі. Адна з галоўных выказаных ідэй творцам – грамадская місія мастака і асветніцкае прызначэнне мастацтва ў грамадстве. Верш **"Песняру" –** яскравы адказ на пытанне аб адказнасці паэта перад чытачом. М. Багдановіч заклікаў майстроў слова шмат і дасканала працаваць над радкамі сваіх вершаў. Творчы працэс Максім Багдановіч параўноўвае з апрацоўкай каменя, што намаганнямі майстра ператвараецца ў мастацкую каштоўнасць: *"Трэба з сталі каваць, гартаваць гібкі верш, / Абрабіць яго трэба з цярпеннем. / Як ударыш ты ім, – ён, як звон, зазвініць, / Брызнуць іскры з халодных каменняў"* [3, т. 1, с. 126]. У другім жа вершы з нізкі "Думы" паэт назірае прыроднае ператварэнне з натуральнага ў эстэтычнае – нараджэнне жамчужыны з пясчынкі. Падобна да метамарфозаў прыроды *"кавалак грубага жыцця"* можа ператварыцца ва ўзвышаны парыў душы паэта: ***"Калі ў ракавіну цёмную жамчужніцы** / Упадзе пясчынка хоць адна, – / Жомчугам патроху робіцца яна! / Калі ў дух мой западзе і заварушыцца / Там кавалак грубага жыцця, – / Ў жомчуг звернецца ён сілай пачуцця!"* [3, т. 1, с. 124]. У вершы **"Гутарка з паненкамі"** зноў бачацца варыяцыі матыву аб ператварэнні грубага матэрыялу ў прыгожыя формы: *"Вельмі шаноўныя паненкі! / Тут ёсць напэўна трохі цуду: / Ў гняздзечку міленькім і сценкі / І дно яна зляпіла з бруду"* [3, т. 1, с. 128].

У артыкуле-аглядзе **"Глыбы і слаі"** Максім Багдановіч пісаў: *"Усякі выясніўшыйся, абасобніўшыйся пісьменнік хоць бы раз праз адно гэта стаіць на крок упарадзе пісьменнікаў-аднаднёвак, вабіць іх сваёй яркасцю, як аганёк матылькоў, і, прывабіўшы, гартуе вакол сябе, творыць літаратурны кірунак"* [3, т. 2, с. 185]. У прыведзеным выказванні класіка апісваецца механізм узбагачэння літаратуры новымі ідэямі, формамі і літаратурнымі элементамі. Згодна з канцэпцыяй М. Багдановіча, творчая спадчына сапраўды таленавітага аўтара – аснова для развіцця творчасці паслядоўнікаў і фарміравання шырокай літаратурнай плыні. Беларускі пісьменнік, развіваючы матыў стварэння твора, абыгрываў багатую вобразнасць паэтычнага радка. Кожны з вершаў па-рознаму раскрывае тэму творчасці, але пра вечную каштоўнасць сапраўднага мастацтва і майстэрства паэта Багдановіч найперш па-філасофску разважае ў наступных радках: ***"Ціхія мае ўсе песні, цёмныя, як вугаль чорны**, / Але ўсё ж яны засвецяць, калі я ў агні мучэння / Іх разжару, распалю; / А як згасне ён – дык бліснуць, быццам дыяментаў зёрны, / Бо абернуцца, застыўшы, у драгацэнныя каменні / Ў час, як лягу я ў зямлю"* [3, т. 1, с. 233].

У М. Багдановіча шмат вершаў напісана ў палітычных ўмовах, калі беларускую літаратуру прымушалі адступіцца ад ідэалаў свабоды. Самаахвяраванне дзеля інтарэсаў народа было вышэйшай ступенню праяўлення грамадскай пазіцыі паэта. У санеце **"Замёрзла ноччу шпаркая крыніца"** Багдановіч разважае пра непарыўныя сувязі паэта з вонкавым светам, з сацыяльнымі абставінамі, якія непазбежна ўцягваюць творчую асобу ў сітуацыю грамадскага супрацьстаяння. Вершы паэта нараджаліся з мэтай выказаць шчырую адданасць народу. Яны былі звязаны з радзімай, жыццём і барацьбой. Максім Багдановіч сімвалічна параўноўвае лёс свайго народа і лёс

паэта з крыніцай, што замёрзла зімой. На яе паверхні *“няма ўжо руху ні сляда”,* але ўнутры, пад слоем снега, *“струіцца магутная, жывучая вада”*, што здолее *“на вольны свет прабіцца”*: *“Прыклаў я гэты сімвал да сябе, / Схіліўшыся ў надсільнай барацьбе, / І разгадаў прыроды роднай словы. / Як – прамаўчу, бо кожны з вас – паэт. / Рассейце ж самі лёгкі змрок прамовы, / Сваей душы туды пралліце свет!”* [3, т. 1, с. 248]. Вялікую ролю ў фарміраванні духоўнасці народа М. Багдановіч ускладаў на песняроў, майстроў мастацкага слова. Ён падкрэсліваў, што дапамагчы свайму народу зможа толькі той творца, які не толькі клапоціцца пра тэхніку свайго верша, але і ўсяго сябе без астатку аддае людзям.

Максім Багдановіч патрабаваў ад паэта перш за ўсё шчырасці пачуццяў, непасрэднасці, глыбіні думак, а ўжо затым – дасканалай тэхнічнай апрацоўкі верша. *“Порою хорошо и безыскусственное искусство, и лучше уж примитивность, чем вычурность”,* – заўважае ён у нататцы аб творчасці рускага сялянскага паэта І. Марозава [3, т. 2, с. 413].

З цяжкім каменем на сэрцы пісаў Максім Багдановіч пра тое, што ў “нашай беднай старане” нялёгка быць паэтам, бо сапраўдны творца акумулюе ў сабе гора і пакуты суайчыннікаў. Аднак сам верш, як песня душы, узнікае з жадання служыць свайму народу. Радкі з’яўляюцца на паперы з адчування грамадскага абавязку паэта. Як доказ – верш **“Мае песні”**: *“А як родную згадаю старану, / Як згадаю яе беднасць і нуду, – / Сэрца сціснецца, і я пяяць пачну...”* [3, т. 1, с. 199]. Паколькі ў паўсядзённым жыцці шмат адмоўнага, неідэальнага і недасканалага, паэт павінен шукаць і знаходзіць у творчым працэсе моцныя сродкі для змагання са злом: ***“Я думы, путамі не скутыя,*** */ Тут перад вамі вываджу, / Я проці ганення кажу: / Хваробы лечаць і атрутамі”* [3, т. 1, с. 127]. Непрыхаваную, відавочную іронію, накіраваную на тых, хто лічыць момант паэтычнага натхнення і сам акт творчасці ў цэлым вынікам нябеснага бласлаўлення, бачым у наступных радках паэта: ***“Вы кажаце мне, што душа ў паэта,*** */ Калі спараджае ён дзіўныя вершы, / Нябесным агнём абагрэта, / І ў час той між люду ён – першы... / Ах, дзякуй на гэтай прамове; / Душа мая, пэўна, шчаслівай была бы, / Калі б я не ведаў, панове, / Што пекна спяваюць і жабы”* [3, т. 1, с. 129].

Сваёй галоўнай эстэтычнай задачай М. Багдановіч бачыў пашырэнне тэм і мастацкіх форм роднай літаратуры, арыентацыю яе на эстэтычную бездакорнасць, канцэптуальную і стылёвую ўнікальнасць. У вершы **“Тэрцыны”** паэт дакладна вызначыў уласную пазіцыю ў дачыненні да праблемы творчай пераемнасці: *“Ёсць чары ў забытым, старадаўным; / Прыемна нам сталеццяў пыл страхнуць / І жыць мінулым – гэткім мудрым, слаўным, – / Мы любім час далёкі ўспамянуць. / Мы сквапна цянемся к старым паэтам, / Каб хоць душой у прошлым патануць. / Таму вярнуўся я к рандо, санэтам, / І бліснуў ярка верш пануры мой: / Як месяц зіхаціць адбітым светам, – / Так вершы ззяюць даўняю красой!”*[3, т. 1, с. 143].

Узгадваючы славутых старажытных паэтаў і аналізуючы іх набыткі, М. Багдановіч у сваіх вершах часта разважае над праблемамі ўласнай творчасці і шляхамі развіцця мастацтва. У вершы **“Бледны, хілы, ўсё ж люблю я...”** паэт апявае *“мудры і кіпучы верш”* старажытнагрэчаскага творцы Анакрэонта, што *“ў жылах кроў хвалюе, / Ў ім жыццё струёю плешча, вее хмелем ён”* [3, т. 1, с. 120]. Не толькі прызнанне і прыхільнасць да такога роду паэзіі – лёгкай, жыццярадаснай – меркаваў выказаць беларускі аўтар. Вядома, выпрабаванне часам праходзіць кожны радок паэта. Толькі сапраўдная паэзія, паводле М. Багдановіча, нагадвае вытрыманае віно: *“Дні ідуць, праходзяць годы, – / Але ўсё крапчэй, хмяльнее робіцца яно”*[3, т. 1, с. 120].

Істотным для разумення пазіцыі Максіма Багдановіча адносна творчасці і паказальным у плане звароту да антычнасці з’яўляецца верш **“Ліст да п. В. Ластоўскага”**. Паэт, асэнсоўваючы на вобразах Моцарта і Сальеры сутнасць творчай дзейнасці мастака, надаў гэтаму пытанню палемічную вастрыню. Суадносячы важкасць таленту, працы і натхнення ў мастацкай дзейнасці, разважаючы над творчымі здабыткамі, Багдановіч невыпадкова акцэнтуе ўвагу на сальерыеўскім тыпе творчасці. Канстатаванае беларускім песняром *“У творчасці яго раптоўнага няма: / Аснова да яе – спакойная дума”* [3, т. 1, с. 264] выразна супадае з яго ўласнай творчай пазіцыяй. Відаць, таму Сальеры ў згаданым вершы творцы і атрымлівае пісьменніцкае апраўданне. М. Багдановіч аргументавана даказвае, што праца, *“мерны, нудны труд”* не пашкодзіць развіццю таленту*: “Не! Працай гэтаю сябе ён развіваў. / ... / Хай судны час настане, – / Спакойна Музе ён і проста ў вочы гляне, / І будзе за любоў да здольнасці сваёй / Апраўдан Музаю і ўласнаю душой”* [3, т. 1, с. 264].

“Творчасць Багдановіча няспынна хвалюе нас, радуе і вучыць. Беларуская паэзія многім яму абавязана. Вось ужо каторае дзясяцігоддзе творчасць яго з’яўляецца неадлучным спадарожнікам у нашым жыцці, актыўна ўздзейнічаючы на фарміраванне этычных і эстэтычных поглядаў новых і новых пакаленняў чытачоў...” [4, с. 148], – адзначаў М. Танк.

Паводле высновы М. Багдановіча, форма твора – гэта “арганічная, неад’емная частка

яго сутнасці, важнейшая праява мастацкасці". Менавіта таму, на яго думку, "краса формы – адзіная мера каштоўнасці мастацкага твора". Не толькі ў вершаваных радках, але і ў "**Апавяданні аб іконніку і залатару**, людзях мудрых і красамоўных, кнігалюбцам нейкім дзеля славы Божай ды размнажэння дабра паспалітага выкладзенае" Багдановіч закранаў тэму мастацкай творчасці. Гэту цудоўную гістарычную стылізацыю трэба вылучыць асобна, бо ў ёй вырашаецца пэўная эстэтычная праблема. Пісьменнік недвухсэнсоўна падкрэсліваў*: "Прызнаць мы мусім, што каштоўнасць вырабаў прыгожых адно толькі праз красу іх форм узрастае і толькі красою форм каштоўнасць тую мераць можна"* [3, т. 2, с. 63]. Багдановіч быццам бы схільны пагадзіцца з высновай залатара. Ён паказаў значнасць для творчасці руплівай працы, без якой немагчыма нараджэнне прыгожых форм. Паэт абараняў не шаблоны або паўторы, а неабходнасць наватарства, разуменне таго, што мастацтва аднаўляецца толькі ў пошуку, у руху наперад. Ад вытанчанасці форм, якіх дасягае майстар, залежаць прыгажосць і мастацкая вартасць твораў. З другога боку, крытэрыем майстэрства з'яўляецца ўменне майстра дасягнуць дасканаласці формы мастацкіх рэчаў: *"Бо чым болей ад работы майстра формы рэчы прыгажосці набіраюць, тым каштоўнейшай рэч гэтая пачынае рабіцца. Таксама і здольнасць майстра тым большай трэба ўважыць, чым лепшую форму кавалку срэбра або золата прыдаць ён здольны"* [3, т. 2, с. 63].

Пэўнае проціпастаўленне хараства матэрыяльнаму боку жыцця, разліку, карыснасці, утылітарнасці нельга не заўважыць у апавяданні **"Апокрыф"**. Самой формай апавядання падкрэсліваецца думка аб універсальным, вышэйшым, быццам культавым значэнні творчасці і хараства. Але фрагментарнасць выказванняў сведчыць аб тым, што Багдановіч толькі пачынаў свой шлях да разумення сутнасці мастацкай творчасці. "Апокрыф" і "Апавяданне аб іконніку і залатару..." – гэта тэматычна і стылёва звязаныя творы. Абодва прысвечаны тэме мастацтва і стылізуюць тагачасную беларускую мову пад скарынінскія прадмовы і пасляслоўі да Бібліі. У апошнім і заключалася наватарства Багдановічавай прозы, хоць не толькі ён першы ўводзіў прытчавую форму ў тагачасную беларускую літаратуру.

У невялікай крытычнай самахарактарыстыцы, якую сустракаем у аглядзе **"Глыбы і слаі"**, Максім Багдановіч зазначае, што *"асобнасці яго таленту выступаюць ужо даволі ясна"* [3, т. 2, с. 190]. Аб'ектыўныя ацэнкі сваёй лірыкі дае паэт і ў іншых крытычных працах. У артыкуле **"За тры гады: агляд беларускай краснай пісьменнасці 1911–1913 гг."** аўтар адзначае: *"М. Багдановіч таксама дбаў аб развіцці верша і даў колькі «нанізак» іх (цыклаў), новых або па тэмах, або па форме"* [3, т. 2, с. 225]. А ў **"Белорусским возрождении"** чытаем *"...моё творчество было направлено главным образом на расширение круга тем и форм белорусской поэзии"* [3, т. 2, с. 281]. Такі глыбокі, прадуманы самааналіз дае падставы сцвярджаць, што Багдановіч-паэт падпарадкоўваў кожны свой верш законам мастацкай рацыянальнасці. Узгадваючы словы класіка, *"... у творчасці ўсё хацеў паняць, / Ва ўсім упэўніцца, усё абмеркаваць, / Абдумаць спосабы, і матар'ял, і мэту"* [3, т. 1, с. 263].

Максім Багдановіч – паэт-лірык, празаік, тонкі крытык з высокім разуменнем і адчуваннем сусветных мастацкіх набыткаў – евангельскіх прыпавесцяў, хрысціянскіх апокрыфаў, старажытнай і антычнай літаратуры, прыгожага пісьменства розных народаў. Глыбокая, самаахвярная любоў да беларускай мовы і роднага краю не зрабіла з яго абмежаванага ў нацыянальным плане чалавека. Менавіта ў гэтым "прыкмета геніяльнасці – узняцца высока, каб святлом твораў сваіх дапамагчы свайму народу, а разам з ім і ўсім людзям ісці «праз церні да зорак», як казаў Людвіг ван Бетховен" [5, с. 263].

Заключэнне. Максім Багдановіч у сваёй творчасці дасягаў дасканаласці формаў, а літаратурную дзейнасць скіраваў у рэчышча спасціжэння ўласнай індывідуальнасці і мастацкага асэнсавання асобы творцы. Паэт, у трактоўцы М. Багдановіча, – майстар, творчая асоба з добрым мастацкім густам і патрыятычнымі памкненнямі.

Літаратура

1. Вабішчэвіч, Т.І. Літаратурная традыцыя Максіма Багдановіча як ідэйна-эстэтычная праграма / Т.І. Вабішчэвіч // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2005. – № 4. – Ч. 1. – С. 105–109.
2. Кароткая, Т.М. Багдановіч Максім / Т.М. Кароткая // Беларускія пісьменнікі: біябібліяграфічны слоўнік: у 6 т. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. – Т. 1: Абуховіч–Ватацы. – С. 157–178.
3. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991–1995.
4. Бачыла, А. Дарогамі Максіма Багдановіча / А. Бачыла. – Мінск: Нар. асвета, 1983. – 104 с.
5. У бязмежную даль: кніга пра Максіма Багдановіча: да 105-й гадавіны з дня нараджэння / уклад. С.С. Панізнік. – Мінск: Нар. асвета, 1996. – 432 с.

Паступіў у рэдакцыю 05.05.2016 г.

УДК 811.161.3’373:003.332.5“18”

Нематываваныя абстрактныя назоўнікі ў кітабе XIX ст.

Несцяровіч В.І.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”

Адным з найбольш яркіх паказчыкаў функцыянавання мовы з’яўляецца абстрактная лексіка. У помніку ісламскай культуры XIX ст. шырокае адлюстраванне атрымалі нематываваныя абстрактныя назоўнікі. Мэта даследавання заключаецца ў выяўленні і аналізе іх семантычных і функцыянальных асаблівасцей.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам з’яўляюцца транслітараваныя з арабскага пісьма беларускамоўныя тэксты Кітаба А. Хасяневіча (1832). У працы выкарыстаны лексікаграфічны, параўнальна-супастаўляльны і дыстрыбутыўны метады і элементы колькасных падлікаў.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *У артыкуле характарызуецца лексіка-семантычны разрад нематываваных абстрактных назоўнікаў: высвятляецца крыніца іх паходжання, значэнне, функцыянаванне ў мове манускрыпта, графіка-арфаграфічнае афармленне, ацэньваецца ступень замацаванасці ў слоўніку новай беларускай мовы. Акрамя гэтага праводзіцца аналіз тэматычнай накіраванасці нематываваных абстрактных назоўнікаў, вылучаюцца стрыжнёвыя лексемы з адцягненым значэннем, якія выяўляюць адметнасць арабскаалфавітнага помніка ісламскай культуры.*

Заключэнне. *Аснову абстрактных нематываваных назоўнікаў утвараюць славянскія назвы. У мове помніка яны з’яўляюцца спецыяльным сродкам выражэння адцягненых паняццяў. Пераважная большасць гэтай лексікі ўваходзіла ў слоўнік старабеларускай мовы XV–XVI стст., што сведчыць пра лексічную пераемнасць паміж старабеларускай і новай беларускай мовай.*

Ключавыя словы: *абстрактны назоўнік, адцягненае значэнне, кітаб, лексіка, нематываваны назоўнік.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 204–208)

Unmotivated Abstract Nouns in the Kitab of the XIXth Century

Nesciarovich V.I.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

One of the significant markers of the language functioning is the system of abstract nouns. In the Islamic monument of literary work of the XIXth century the unmotivated abstract nouns are widely spread. The aim of the research is to identify and analyze the semantic and functional features of abstract nouns.

The material and methods. *The material of the research is the Belarusian language texts of the Arabic writing in Kitab by A. Hasyanevich (1832). We used lexicographical, comparative and distributional methods as well as some elements of quantitative analysis.*

Findings and their discussion. *The lexical and semantic subgroup of unmotivated abstract nouns has been presented including the origin of the nouns, their meaning and functioning in the language, graphics and spelling, the level of spreading in the Belarusian language. Apart from it, the analysis of the groups of the unmotivated abstract nouns has been made. The dominant lexemes with the abstract meaning that reflect the specificity of the monument of the Islamic culture has been released.*

Conclusion. *The basis of unmotivated abstract nouns is formed by Slavic names. They are specific means of reflecting abstract notions. The majority of this lexical system is included into the old Belarusian language of the XV–XVIth centuries that present the links between the old Belarusian language and the new Belarusian one.*

Key words: *abstract nouns, abstract meaning, kitab, vocabulary, unmotivated noun.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 204–208)

Кітаб Абрагіма Хасяневіча (1832) адносіцца да помнікаў ісламскай пісьмовай культуры, у склад якога ўваходзяць рэлігійныя (пераважна), фальклорныя і літаратурныя творы і ў якім дамінуючай з’яўляецца беларуская мова. Спісаны гэты помнік з іншых копій у першай трэці XIX ст., што супадае з пачатковым перыядам гісторыі новай беларускай мовы і надзейна адлюстроўвае яе тагачасны стан. Адным з найбольш яркіх паказчыкаў функцыянавання і стану мовы з’яўляецца абстрактная лексіка, якая атрымала шырокае адлюстраванне ў згаданым арабскаалфавітным рукапісе. У артыкуле прыводзяцца вынікі назіранняў за функцыянаваннем абстрактных назоўнікаў у беларускамоўных тэкстах кітаба. Арыенталізмы, якімі ў помніку абазначаюцца разнастайныя абстрактныя паняцці рэлігійнага або свецкага характару, у публікацыі не разглядаюцца. Тэрміны *адцягнены* і *абстрактны* ў дачыненні да назоўнікаў прымяняюцца як раўнапраўныя, нягледзячы на рознае трактаванне іх значэнняў некаторымі лінгвістамі.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: nesciarka@mail.ru – **В.І. Несцяровіч**

Мэта даследавання заключаецца ў выяўленні і аналізе семантычных і функцыянальных асаблівасцей абстрактных назоўнікаў у мове кітаба. Актуальнасць даследавання абумоўліваецца выкарыстаннем вывадаў, якія прыводзяцца ў публікацыі на падставе аналізу значэння і ўжывання абстрактных назоўнікаў, іх графіка-арфаграфічнага афармлення, высвятлення крыніцы паходжання, пры вырашэнні праблемы лексічнай пераемнасці паміж старабеларускай і новай беларускай літаратурнай мовамі.

Матэрыял і метады. Матэрыялам з'яўляюцца транслітараваныя з арабскага пісьма беларускамоўныя тэксты Кітаба А. Хасяневіча (1832). У працы выкарыстаны параўнальна-супастаўляльны, дыстрыбутыўны метады і элементы колькасных падлікаў.

Да лексікі з адцягненай семантыкай аўтарам адносяцца словы са значэннем прыметы, якасці, адцягненага дзеяння і выніку такога дзеяння, якія на ўзроўні лагічнага асэнсавання становяцца самастойнымі прадметамі думкі, а на лінгвістычным – маюць адпаведнае лексіка-граматычнае афармленне ў манускрыпце: *вера* 'вера, рэлігія, веравызнанне', *вола* 'улада, магутнасць'; 'дазвол, згода, рашэнне, загад', 'жаданне', 'бласлаўленне', 'вызваленне ад прыгоннай залежнасці або ад выканання павіннасцей'*, гнев, дар* 'здольнасць да дабрадзейства'*, кривда* 'крыўда'; 'несправядлівасць'; 'ганьба', *лиха* 'зло' і да т.п. (тут і далей курсівам запісваюцца транслітараваныя з арабскага пісьма словы і сказы).

У гісторыі славянскага мовазнаўства вядомы і падрабязна апісаны розныя канцэптуальныя падыходы ў вылучэнні адцягненай лексікі – марфалагічны, словаўтваральны, сінтаксічны, семантычны, стылістычны. Яшчэ адзін падыход – лагічны – прапануецца ў публікацыях Кацярыны Борушкінай [1]. На думку даследчыцы, падобная лексіка ўзнікла ў выніку ізалявальнага (ад самога прадмета) абстрагавання.

Прапанаваны падыход прымяняецца і пры аналізе адцягненай лексікі ў Кітабе А. Хасяневіча. Яе аб'ём складае не менш за 550 лексем (асобныя напісанні патрабуюць дадатковага графалагічнага і этымалагічнага высвятлення, з гэтай прычыны прыведзеныя ў публікацыі статыстычныя даныя носяць не канчатковы характар). У склад адцягненай лексікі ўключаюцца толькі назоўнікі, таму што толькі з іх дапамогай можна ўявіць у мове адцягненую ад носьбіта якасць або адцягненае ад сітуацыі дзеянне; застаюцца па-за межамі адцягненай лексікі гіперонімы, зборныя назоўнікі і субстантываваныя прыметнікі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Паводле характару ўтварэння назоўнікі з адцягненым значэннем у Кітабе А. Хасяневіча аб'ядноўваюцца ў наступныя групы: а) нематываваныя назоўнікі; б) назоўнікі, утвораныя марфалагічным спосабам (бяссуфіксным і шляхам афіксацыі); в) назоўнікі, якія ўзніклі семантычным шляхам.

Прапанаваная класіфікацыя носіць умоўны характар. Не выдзяляюцца ў асобную групу іншамоўныя абстрактныя назвы, паколькі ў мове манускрыпта яны не адыгрываюць нейкай асобнай ці адрознай ролі ў параўнанні з падобнымі славянскімі назвамі. Іншамоўныя абстрактныя назоўнікі больш лагічна разглядаць у складзе першых дзвюх груп, паколькі адны з іх (і гэта большая частка назваў) былі запазычаны яшчэ ў старабеларускі перыяд, прайшлі стадыю адаптацыі, замацаваліся ў слоўніку старабеларускай мовы, іх сувязь з утваральнай асновай, прынамсі, у рамках сінхроннага падыходу, не праяўляецца, напрыклад: *афара (офара, ефара)* 'ахвярапрынашэнне'; 'міласціна'*, ġвалт* 'парушэнне прынятых норм у якой-н. сферы'; 'прымус, прымушэнне'; 'кліч аб паратунку'*, дастамент* 'запавет, наказ'*, жарт, зрок, ламент* 'лямант'*, лос* 'лёс'*, мамент, моц, нендза* 'беднасць, галеча'*, пиха* 'пыха, ганарлівасць'*, сенс* 'сэнс'*, схацки* 'спатканне'*, фигла* 'падман' ды інш.

Іншыя абстрактныя назвы іншамоўнага паходжання, выяўленыя ў манускрыпце, наадварот, захоўваюць сувязь з утваральнымі асновамі. Гэта адносіцца, напрыклад, да лексікі польскага паходжання, утворанай бяссуфіксным спосабам, – *вимове* 'апраўданне, адгаворка', *обмова* 'абгавор', *павага (повага)*, *пакута* ды інш., а таксама да слоў суфіксальнага ўтварэння – *вентпливосц* 'сумненне', *свентобливесц* 'набожнасць', *заздросц (зайздросц)* ды інш. Пры разглядзе суфіксальных дэрыватаў у кітабе неабходна мець на ўвазе тое, што ў беларускай мове былі тыя самыя фарманты, што і ў польскай (напр., *-осць, -ств-*), і правесці дакладную мяжу паміж утварэннямі, запазычанымі з польскай мовы, і самастойнымі новаўтварэннямі не заўсёды магчыма [2, с. 242]. Па гэтай прычыне іншамоўныя словы з адцягненым значэннем, утвораныя марфалагічным спосабам, разглядаюцца разам з аналагічнымі паводле ўтварэння славянскімі назвамі.

Такім чынам, у публікацыі аб'яднаны ў адзін лексічны разарад славянскія і іншамоўныя абстрактныя нематываваныя назоўнікі для вывучэння іх крыніцы паходжання, значэння, графіка-арфаграфічнага афармлення, выяўлення ступені замацаванасці ў слоўніку новай беларускай мовы. Да ліку ***нематываваных*** адносяцца назоўнікі, якія пры сінхронным разглядзе не выяўляюць сувязі са сваімі ўтваральнымі асновамі. Такія назоўнікі адсутнічаюць у рэестры "Словаўтваральнага слоўніка беларускай мовы" [3] – *вина* 'правіннасць, грэх'*, гнев, грех* 'грэх, віна, правіннасць; зло',

дар, карисц, лиха, справа ‘дзейнасць’, *памец, пригода* ‘выпадак; бяда, непрыемнае здарэнне’, *спор* ‘удача, поспех’, *спосаб* ‘прыём, метад ажыццяўлення чаго-н.’; пэўны парадак або характар чаго-н.’; ‘магчымасць ажыццяўлення чаго-н.’, *узор* ‘прыклад’, *чесц* ‘пашана, шанаванне’, *шчасце* і да т.п.

Гэта найбольш старажытная паводле паходжання лексіка. Лічыцца, што яшчэ ў агульнаславянскі перыяд за такімі назвамі замацавалася адцягненае значэнне стану, дзеяння або прыметы. Паводле спосабу ўтварэння яны ўзнікалі пераважна ад назоўнікавых, прыметнікавых і дзеяслоўных асноў, але цяпер словаўтваральныя афіксы ў такіх словах ужо не выдзяляюцца. У слоў, якія складаюць аналізуемы лексічны разрад, этымалагічныя сувязі аднаўляюцца цяжка. У дачыненні да некаторых з іх нельга з упэўненасцю вызначыць, у які бок ішло ўтварэнне – ад назоўніка да дзеяслова ці наадварот, на гэты конт у навуковай літаратуры ёсць супрацьлеглыя думкі. Увогуле гэта разнамасная група агульнаславянскіх назоўнікаў, якія ўтварыліся пры дапамозе старажытнага тэматычнага суфікса (*беда, вола, вера, гнев*), у рамках сінхроннага словаўтварэння такія словы называюць яшчэ назоўнікамі з нулявымі суфіксамі [4, с. 39–40]; іншыя сфарміравалася ў выніку афіксальнага (*беседа* < *bez-seda, закон, сме-х, да-р, сла-в-а, с-мер-ц, напас-ц* ‘гора, бяда’ і пад.) або бяссуфікснага ўтварэння (*блуд* ‘памылка’ ад *blęsti < *blędti).

Не выдзяляюцца фарманты і ў цэлай групы абстрактных слоў, якія, магчыма, параўнальна нядаўна страцілі сувязь з вытворнымі асновамі – *дастатак* ‘заможнасць’, *кривда* ‘крыўда’; ‘несправядлівасць’; ‘ганьба’, *правда* ‘тое, што адпавядае рэчаіснасці, ісціна’, *смутак, парадак, причина* ‘акалічнасць, якая выклікае іншую акалічнасць’; ‘заступніцтва, падтрымка, хадайніцтва’.

Тыя ***іншамоўныя*** абстрактныя назоўнікі, якія пры сінхронным падыходзе можна разглядаць як нематываваныя, паходзяць з розных крыніц – польскай, лацінскай, нямецкай, чэшскай, грэчаскай моў. Найбольш у кітабе засведчана слоў польскага паходжання, якія замацаваліся яшчэ ў слоўніку старабеларускай мовы і знайшлі адлюстраванне ў мове кітаба: *зрок*, *моц, нендза*, *пиха*, *цнота* ‘маральная чысціня, прыстойнасць’, *шлуб* ‘шлюб’ ды інш. Значная частка абстрактнай лексікі належыць да ліку лацінізмаў, запазычаных праз старапольскае пасрэдніцтва: *дастамент (дестамент)*, *квота* ‘норма, доля дапушчальнай колькасці’, *колер, ламент*, *мамент*, *минута* ‘момант, пара’, *натура* ‘сутнасць’, *парсуна (персуна)* ‘аблічча, лік’, *сенс*. Дастаткова прыкметную групу ўтвараюць таксама абстрактныя назвы нямецкага паходжання: *афара (офара, ефара)*, *ґвалт*, *дзенки* ‘падзякі’, *жарт, лос* ‘лёс’, *рада* ‘парада’, *фигла*, *фришт* ‘адтэрміноўка’. Адзінкавымі аказаліся лексемы з чэшскай мовы: *йалмужна* ‘міласціна’, *праца*.

У агульным аб’ёме нематываваныя назоўнікі займаюць пятую частку абстрактных назваў, выкарыстаных у манускрыпце. Пераважаюць абстрактныя назвы ***славянскага*** паходжання – 95 лексем, або 67%, колькасць ***іншамоўных*** – 46 лексем, або 33%. Група іншамоўных слоў у разрадзе нематываваных назоўнікаў найбольш прадстаўнічая і складае асаблівасць мовы кітаба, таму што ў другім лексіка-семантычным разрадзе, які складаецца з назоўнікаў, утвораных марфалагічным спосабам, іх значна менш, а ў агульным аб’ёме абстрактных назваў іншамоўныя словы, без уліку арыенталізмаў, складаюць каля 20%.

Нематываваныя назоўнікі з адцягненым значэннем як славянскага, так і іншамоўнага паходжання дэманструюць відавочную устойлівасць, здольнасць да захавання. Не менш як 95% лексікі гэтага разраду, засведчанай у кітабе першай трэці XIX ст., адзначаецца ў Гістарычным слоўніку беларускай мовы (ГСБМ) [5], пісьмовых помніках старабеларускай мовы. Бадай, толькі адзінкавыя словы не маюць пацвярджэння ў Гістарычным слоўніку (напр., *спор* ‘удача, поспех’, *абисце* ‘здарэнне, прыгода’ ды інш.). Гэтая акалічнасць дае падставы гаварыць пра відавочную лексічную пераемнасць паміж старабеларускай і новай беларускай мовай, на што асобна ў сучасным мовазнаўстве звяртаецца ўвага даследчыкаў у рамках адносна новага канцэптуальнага падыходу [6, с. 53–54].

Варта адзначыць і тое, што пераважная большасць абстрактных нематываваных назоўнікаў, выяўленых у Кітабе А. Хасяневіча (1832), захоўваецца ў сучаснай беларускай мове. Так, з ліку 46 іншамоўных 28 лексем (60%) замацаваліся ў слоўніку сучаснай беларускай літаратурнай мовы, а з ліку 95 славянскіх – 86 лексем (90%). Гэтая акалічнасць магла быць абумоўлена рознымі фактарамі, у прыватнасці, такімі, як замацаванне за гэтымі словамі адцягненых значэнняў яшчэ ў агульнаславянскі перыяд, своеасаблівым статусам гэтых назоўнікаў, якія ў сістэме абстрактных назваў абазначаюць найважнейшыя паняцці разумовай дзейнасці і эмацыянальнай сферы.

У рамках аналізуемага лексіка-семантычнага разраду вылучаюцца стрыжнёвыя лексемы, якія шматразова паўтараюцца ў розных тэкстах помніка. Да ліку іх належаць адцягненыя назоўнікі *грех* і *вера* – можна сказаць, цэнтральныя паняцці ісламскай дактрыны. У кітабе яны маюць самы высокі паказчык ужывання: слова *грех* выкарыстоўваецца 146, слова *вера (вара)* – 78 разоў (параўн. частотнасць ужывання іншых, бліжэйшых па колькасці выкарыстання абстрактных назваў: *смерц* – 52 разы, *розум* – 42 разы, *вола* ‘воля’ – 36 разоў).

Асаблівасцю абстрактных нематываваных назоўнікаў з'яўляецца выражэнне імі толькі адцягненых паняццяў. Колькасць такіх слоў у межах адзначанага разраду складае каля 80%. Напрыклад, толькі з адцягненым значэннем або з некалькімі адцягненымі значэннямі ўжываюцца назоўнікі, якія абазначаюць:

а) псіхічны стан і адчуванне: *бол, вина*, *гнев, грех*, *жал* 'шкадаванне, раскаянне'; 'смутак', *кривда*, *надзейа, напасц*, *памец, пахиба* 'сумненне', *слава, смутак (смутек), страх; спор*, *шчасце*;

б) адцягненае дзеянне і (адначасова) вынік гэтага дзеяння: *голас, игри* 'забавы, пацехі', *крик, музыки* 'танцы', *плач, причина* 'заступніцтва, падтрымка, хадайніцтва', *реч* 'прамова, выказванне, маўленне, гаворка', *смех, справа* 'дзейнасць, занятак'; 'учынак', *чара* 'чарадзейства', *чесц*;

в) прымету: *пиха*, *хлоба* 'ганарлівасць', *цнота*, *нендза*, *моц*;

г) фізіялагічны стан і адчуванне: *голад*, *хмел* 'стан ап'янення', *ценж* 'цяжарнасць' ды інш.

Некаторыя нематываваныя абстрактныя назоўнікі абазначаюць і канкрэтныя, і абстрактныя паняцці. Да іх належаць, напрыклад, тэмпаральныя лексемы тыпу *гадзина, год, дзен, рок*, якія ў адных кантэкстах маюць цалкам канкрэтныя, абмежаваныя колькаснымі рамкамі значэнні, напр., *гадзина* 'часавы адрэзак, роўны 60 мінутам' (канкрэтнае значэнне) і 'пара́, момант, час' (адцягненае значэнне); *год* 'адрэзак часу ў 12 месяцаў' (канкр.) і 'узрост' (адцягн.). Параўн.: *нагийе ѓисече год там стайац бӯдуц 'е которийе из иманем зешли за 'аднӯ гадзину прейдзе* (23а8); *голас пришов тайе ж гадзини и 'ез́ра'ил прийми с̀елам прароц́ки пашанӯй йего* (103б8).

Спалучэнне канкрэтнага і адцягненага значэнняў назіраецца таксама і ў назоўніках такой тэматычнай групы, як саматычныя назвы, словы *бок, живот, нутр* у прамым значэнні абазначаюць часткі цела чалавека, а ў пераносным – адцягненыя паняцці. Так, напр., назоўнік *нутр* фіксуецца, акрамя прамога, з некалькімі пераноснымі значэннямі: 'унутраная сутнасць, думкі, перакананасць, настрой, унутраны стан чалавека', 'аснова, стрыжань чаго-н.':: *и ти не бӯдз таќим жеби мев нутр* (думкі) *дац гетаму ќвету* (105а3); *хто душой нутром* (=унутранай перакананасцю) *и йезикам пейӯчи 'и ӯчинак ведлуг̣ йего чинеце ведай алхемду с̀ӯрей пецйа* (38б8); *не фрасӯйќе нутр* (=стан, настрой) *тримай весолей* (95б4); *'у кажней речи йест нӯтр* (=аснова, стрыжань) *и серце а в кӯр'ане нӯтр и серце йс̀н с̀ӯрей* (9б12).

Найбольш паказальным у гэтах адносінах з'яўляецца назоўнік *реч*. Ён фіксуецца ў манускрыпце не менш за 127 разоў з 3 канкрэтнымі (1–3) і 7 адцягненымі (4–10) значэннямі: *1. Неадушаўлёны прадмет, рэч. 2. Орган, частка цела. 3. Рэчыва. 4. Факт, з'ява, падзея рэчаіснасці. 5. Справа, дзейнасць, дзеянне, учынак. 6. Выпадак. 7. Правіла, пункт правіла. 8. Тэма, прадмет абмеркавання, увагі, думкі. 9. Колькасць. 10. Рыса, якасць.* Гэта, бадай, адзіны ў сваім разрадзе назоўнік, які развіў такую колькасць адцягненых значэнняў. Нават у адным кантэксце ён імкнецца абазначаць розныя з іх: *четири речи* (=якасці) *челевеке здобец йак дарагӣ камен.. перши розум вера встидливоќ̣ ӯчинек добрӣ.. а четирма речеми* (=учынкамі) *лихими тийе четири добрийе запсӯйе.. йак зазлӯйецца загине розум.. йак блӯд 'учиниц загине вера.. йак на што паквапицца з̀гине 'у йаго 'ус*[ты]*диливоќ̣.. йак прагавор 'учиниц загине' учинек добрӣ* (72а5-12).

Такім чынам, нематываваныя абстрактныя назоўнікі з'яўляюцца спецыяльным сродкам выражэння адцягненых паняццяў у манускрыпце ў цэлым, паколькі за пераважнай большасцю іх замацаваліся толькі адцягненыя значэнні. Словы, у якіх сумяшчаюцца адцягненыя значэнні з канкрэтнымі, складаюць меншасць – каля 20%. Як паказвае назіранне, у такіх словах першасным значэннем з'яўляецца канкрэтнае, а пераноснае – вынікам семантычных зрухаў, якія абумоўліваюцца кантэкстам.

Абстрактная нематываваная лексіка ў манускрыпце характарызуецца дастаткова ўстойлівым графіка-арфаграфічным і граматычным афармленнем. Толькі ў асобных выпадках назіраецца граматычная варыянтнасць, напрыклад: *жал* (жаль) і *жала* (жаля), *звада* і *звад* 'сварка, разлад' (варыянт, які ў тэкстах сустракаецца часцей, запісаны першым). У ГСБМ адзначаюцца першыя варыянты – *жаль, звада*, формы *жаля, звад* у кітабе ўжываюцца ў адзінкавых кантэкстах і ўспрымаюцца як вузкадыялектныя. У выкарыстанні граматычных варыянтаў семантычнай розніцы не выяўляецца.

У межах дадзенага разраду назіраецца канкурэнцыя паміж уласнымі і/або іншамоўнымі сродкамі, у выніку чаго ў кітабе суіснуюць сінанімічныя сродкі выражэння адцягненых паняццяў, напрыклад: *парсуна* (з лац.) (4 ужыванні) – *аблича* (2) у значэнні 'воблік, аблічча', *старана* (11) – *бок* (1) 'размяшчэнне чаго-н. адносна чаго-н.', *справа* (3) – *дзела* (2) 'занятак, дзейнасць, справа', *фрасунак* (праз ст.-польск., са ст.-чэш.) (11) – *смутак* (3) 'смутак, журба', *цуда* (з польск.) (3) – *дзива* (2) 'цуд' ды інш.

У межах манускрыпта праяўленне лексічнай варыянтнасці і лексічнай сінанімii назіраецца шырэй. Так, адцягненае паняцце 'жыццё' абазначаецца лексічнымі варыянтамі – нематываваным словам *живот* і словамі суфіксальнага ўтварэння *жицйо, житло*; параўн. такса-

ма: *аблича, парсуна* (сінанімічныя нематываваныя назвы) і *абличнасц* (суфіксальная назва, лексічны варыянт да *аблича* і сінанімічны да *парсуна*).

Некаторыя лексемы з ліку нематываваных абстрактных назваў ужываюцца ў беларускай або польскай графіка-арфаграфічнай рэдакцыі з перавагай адной або, радзей, прыкладна ў парытэтных суадносінах. Гэта формы *вера* і *вара* (вяра), *голас* і ґ*лос* ці *глос*, *голад* і ґ*лод*, *грех* і ґ*рех*, *довг* і *длуґ*, *парадак* і *парондак*, *памец* і *поменц*, *дарога* і *дроґа* ‘падарожжа, паездка’, ‘напрамак дзейнасці, рашэнне’. Напрыклад, назоўнік *вара* (*вяра*) зафіксаваны ў польскіх і беларускіх тэкстах помніка, назоўнік *вера* – толькі ў беларускіх. Дамінуючай лексічнай нормай з’яўляецца форма *вера*, яна адзначаецца не менш за 59 разоў, форма *вяра* – 19. Семантычнага адрознення ў іх ужыванні не назіраецца, ва ўсіх кантэкстах яны маюць значэнне ‘рэлігія, веравызнанне’ і праяўляюць аднолькавыя валентныя магчымасці. Наяўнасць графіка-арфаграфічных варыянтаў з адлюстраванымі польскімі фанетычнымі рысамі тлумачыцца роляй польскай мовы ў 1-й палове XIX ст. на тэрыторыі тагачаснай Беларусі. Увогуле ў Кітабе Абрагіма Хасяневіча беларускамоўныя варыянты, як правіла, дамінуюць (параўн. таксама: лексема *грех* фіксуецца не менш за 143 разы, запісаная з улікам польскай фанетыкі дублетная форма ґ*рех* – 3 разы; *гнев* – 6 разоў і ґ*нев* – 1 раз, *довг* і *длуґ* – 3 і 1 адпаведна).

Абстрактныя назоўнікі, аформленыя па-беларуску і па-польску, у беларускіх і беларуска-польскіх кантэкстах семантычна ўзаемазамяняльныя. Можна нават сказаць, што польскія формы, якія суіснуюць з беларускімі, выкарыстоўваюцца, бадай што, без пэўнай сістэмы, хаця і не заўсёды. Семантычная дыферэнцыяцыя ў асобных выпадках усё ж мае месца, яна ўласціва, напрыклад, словам *блend* і *блуд*. Першае з іх выкарыстоўваецца ў манускрыпце толькі са значэннем ‘памылка’: *хто би не мев на’уќи ‘учициśе и питациśе той челевек ‘у велќим блендзе йест* (76а12). Другое слова, акрамя згаданага, мае яшчэ значэнне ‘распуста’: *ӣ ќафире йестеśце в йавним блӯдзе* (=памылцы) *и в цемнаśци* (21а23): *йешче видзев ‘адзин пулк блӯдних жанок йени кричац ‘уздихайуц .. мӯвил гетийе што чинили на ќвеце сказав тий*[е] *мужов не слӯхали ‘улехце мели цӯдзелоства чинили .. дла тего йих ‘адзене смаланойе блӯд* (=распусту) *чинӯшчи лӯдзей таќийе биди бӯдуц* (107б3-6).

Адносна сціплая варыянтнасць, якая назіраецца пры абазначэнні адцягненых паняццяў нематываванымі назоўнікамі, сведчыць пра ўстойлівае графіка-арфаграфічнае афармленне дадзенага лексічнага разраду ў кітабе.

Заключэнне. Абстрактныя нематываваныя назоўнікі ў помніку складаюць пятую частку ад агульнай колькасці абстрактных назваў. Аснову гэтага лексічнага разраду ўтвараюць славянскія назвы, якія страцілі сувязь са сваімі ўтваральнымі асновамі. Паводле тэматычнай накіраванасці нематываваныя назоўнікі абазначаюць стан, адчуванне, адцягненае дзеянне і/або вынік гэтага дзеяння, прымету.

Нематываваныя назоўнікі з адцягненым значэннем славянскага і іншамоўнага паходжання праявілі высокую ўстойлівасць да захавання ў мове ў розныя перыяды: 95% лексікі гэтага разраду, засведчанай у кітабе першай трэці XIX ст., уваходзіла ў слоўнік старабеларускай мовы XV–XVI стст. і прыкладна 80% яе замацавалася ў слоўніку сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Гэтая акалічнасць сведчыць пра лексічную пераемнасць паміж старабеларускай і новай беларускай мовай, адзін з узораў якой дэманструецца ў кітабе першай трэці XIX ст.

Абстрактныя нематываваныя назоўнікі з’яўляюцца спецыяльным сродкам выражэння адцягненых паняццяў у манускрыпце, паколькі ў пераважнай большасці (80%) яны маюць толькі адцягненыя значэнні, 20% нематываваных назоўнікаў сумяшчаюць канкрэтныя і абстрактныя значэнні.

Абстрактная нематываваная лексіка характарызуецца дастаткова ўстойлівай літаратурна-пісьмовай унармаванасцю, варыянтнае графіка-арфаграфічнае і граматычнае афармленне адзначаецца ў невялікай колькасці нематываваных назоўнікаў, што сведчыць пра ўстойлівасць дадзенага лексічнага разраду ў кітабе.

Літаратура

1. Борюшкина, Е.Н. Отвлеченная лексика в Толковой Палее / Е.Н. Борюшкина: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М., 2013. – С. 8.
2. Булыка, А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А.М. Булыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 256 с.
3. Бардовіч, А.М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А.М. Бардовіч, М.М. Круталевіч, А.А. Лукашанец. – Мінск: Беларуская навука, 2000. – 413 с.
4. Николаев, Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы / Г.А. Николаев. – М.: Либроком, 2010. – 184 с.
5. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982–2015. – Вып. 1–35.
6. Гапоненка, І.А. Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця / І.А. Гапоненка. – Мінск: БДУ, 2015. – 307 с.

Паступіў у рэдакцыю 21.06.2016 г.

РЕЦЕНЗИЯ

Гребень, Е.А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.): монография / Е.А. Гребень. – Минск: БГАТУ, 2016. – 496 с. – 100 экз.

Монография кандидата исторических наук, доцента Е.А. Гребеня стала одной из первых попыток в отечественной историографии реконструировать военную повседневность населения, вынужденно оставшегося на оккупированной врагом территории. Автор акцентирует внимание на том, что среди таковых оказалось значительное количество наиболее уязвимых слоев населения – женщин, детей, стариков. Их обыденностью стала ситуация чрезвычайщины, длившаяся почти три года.

Данное научное издание состоит из введения, трех глав, которые разбиты на параграфы, четко отражающие структуру и содержание работы, и заключения. Первое, что обращает на себя внимание при чтении книги, – это колоссальная архивная работа, которую провел автор. Им введен в научный оборот значительный пласт документов из всех областных архивов Республики Беларусь.

Уже из названия работы и ее оглавления понятно, что главное внимание будет уделено населению Беларуси, которое оказалось в условиях жесткого оккупационного режима и вынуждено было выбирать свою модель поведения в этих обстоятельствах. В первой главе *«Идейно-политические мероприятия оккупационных властей, система контроля и регламентации жизни гражданского населения в условиях оккупации»* автор рассматривает социально-политические реалии оккупации, показывая мероприятия оккупантов пропагандистского характера и подробно анализируя нацистскую систему контроля гражданского населения. Интересна та часть главы, где впервые подробно рассматриваются разные категории конфликтов, которые возникали между населением, населением и оккупационной властью, и показано функционирование судебной и пенитенциарной системы.

Во второй главе *«Социально-бытовые условия жизни населения»,* состоящей из четырех параграфов, автор на богатейшем документальном материале раскрывает механизм повседневной жизни основной массы населении Беларуси на протяжении трех лет оккупации. В первом параграфе «Материальное положение граждан» подробно говорится об обеспечении продуктами питания и пособиями населения Беларуси, которые были столь мизерны, что вынуждали население использовать любую возможность самообеспечения. Уделено внимание и тому, как оккупационные власти применяли материальные ресурсы граждан для решения проблем вермахта. Во втором параграфе «Жилье и коммунальные услуги» автор впервые в историографии показывает порядок использования жилого фонда, как осуществлялись коммунальные услуги. В третьем и четвертом параграфах, которые также отличаются новизной и новаторским подходом, опираясь на документы оккупационной администрации, Е.А. Гребень показывает санитарно-эпидемическую ситуацию и раскрывает порядок осуществления медицинского обслуживания населения, работу медицинских учреждений. В четвертом параграфе впервые говорится о действиях оккупационной администрации и населения во время стихийных бедствий (наводнения) и техногенных катастроф (пожаров), и делается вывод о том, что последние еще более усугубляли тяготы обыденной жизни.

В третьей главе *«Источники выживания гражданского населения»* состоящей из четырех параграфов, автор показывает, что население, как всегда в условиях социально-политических катаклизмов, вынужденно меняет традиционные виды деятельности и для выживания своих семей начинает заниматься обработкой земли, торговлей, кустарничеством. Подробно рассматривается политика оккупационных властей в сфере частной предпринимательской деятельности, запрещенной советской властью. Правила, устанавливаемые оккупационной властью, были ориентированы на такую активизацию экономической деятельности, которая бы соответствовала военным и хозяйственным интересам Германии. Автор отмечает, что при регулировании хозяйственной жизни оккупационные власти стремились использовать национальные, социальные, политические характеристики местного населения, получавшего разрешение на занятие ремеслом или торговлей. Население, стремясь выжить, пыталось применять свои старые умения и навыки, вынужденно вступая в отношения с оккупационными властями.

Во втором параграфе исследуются различные аспекты, связанные с вопросами владения и пользования скотом, который был одним из важнейших условий выживания населения и стратегическим ресурсом нацистской армии. Показаны нормативные акты куп-

ли и продажи, характер обязательных поставок, реквизиции, налоги, гужевая повинность, а также вопросы ветеринарного обслуживания.

В третьем и четвертом параграфах детально освещается проблема пользования населением землей и природными ресурсами, а также транспортом и коммуникациями. Показана жесткая регламентация пользования лесными угодьями, связанная с наличием сильного партизанского движения на территории оккупированной республики.

Представляется, что несомненным достоинством работы является то, что автором впервые максимально полно исследуется комплекс вопросов, связанных с феноменом выживания населения в условиях оккупационного режима. Как видно из рецензируемой книги, обыденность в условиях оккупации Беларуси была более сложной и неоднозначной, чем об этом было принято говорить в отечественной историографии, которая основной упор в советское время делала на освещение героической борьбы партизан и подпольщиков, а также различных аспектов помощи им со стороны мирного населения. Известные мероприятия советской власти 1920–1930-х гг. оказали свое влияние на поведение некоторой части белорусского общества в условиях оккупации, что нашло отражение в монографии Е.А. Гребеня.

Используемый автором документальный материал позволил ему показать те стороны повседневной жизни под оккупацией, которые подтверждают факт: выжить в тех условиях и не совершать подлости – это уже подвиг. Важны и те сюжеты книги, где характеризуется деятельность организационных структур местной вспомогательной администрации, очевиден облик, часто неприглядный, чиновника этой администрации или особенно – полицейского, вступавшего в отношения с населением на протяжении ряда лет.

В то же время автор мог бы создать более объемную картину повседневной жизни населения, если бы не ограничился архивными документами, а использовал метод устной истории.

Таким образом, можно сделать вывод, что монография Е.А. Гребеня является качественным, обстоятельным, законченным исследованием по социальной истории периода военных катаклизмов. Она демонстрирует то, что история Великой Отечественной войны безгранична, и ее изучение выявляет все новые и новые грани. Книга будет с интересом воспринята как специалистами-историками, так и всеми, кто интересуется историей.

В.А. Космач

ДА XVI МІЖНАРОДНАГА З'ЕЗДА СЛАВІСТАЎ (Бялград, 2018)

Рашэнне аб правядзенні XVI Міжнароднага з'езда славістаў у 2018 годзе ў Бялградзе (Сербія) прынята на Пленуме Міжнароднага камітэта славістаў 25 жніўня 2013 года ў Мінску (Беларусь).

На пасяджэнні Міжнароднага камітэта славістаў у Празе (Чэхія) 31 жніўня 2015 года абмеркавана і 3 снежня 2015 года ў Бялградзе (Сербія) на пасяджэнні Прэзідыума Міжнароднага камітэта славістаў зацверджана тэматыка XVI Міжнароднага з'езда славістаў.

Таксама на пасяджэнні Міжнароднага камітэта славістаў у Празе вызначаны і формы работы з'езда. Згодна з існуючай традыцыяй прадугледжваюцца ўрачыстае адкрыццё з'езда і пленарнае пасяджэнне, пленарныя даклады (не больш за тры), праца секцый і тэматычных блокаў па чатырох напрамках (1. Мова. 2. Літаратура, культура, фальклор. 3. Пытанні славістыкі. 4. Спецыяльныя тэмы), круглых сталоў, рабочыя пасяджэнні акрэдытаваных пры МКС камісій, прэзентацыі, а таксама кніжная выстава. Прадугледжаны таксама стэндавыя (панэльныя) даклады для маладых славістаў.

ТЭМАТЫКА XVI МІЖНАРОДНАГА З'ЕЗДА СЛАВІСТАЎ (Сербія, Бялград, 2018 год)

1. МОВА

1.1. Этымалогія і параўнальна-гістарычныя даследаванні славянскіх моў.
1.1.1. Паходжанне праславянскай мовы.
1.1.1.1. Пытанні ўзаемадзеяння праславянскай мовы з прабалтыйскай мовай.
1.1.1.2. Праславянская мова і яе дыялекты.
1.1.2. Славянскі глотагенез.
1.1.2.1. Уплыў неславянскіх моў і моўных груп на развіццё славянскіх моў.
1.1.3. Стараславянская і царкоўнаславянская мовы.
1.1.3.1. Уплыў стараславянскай і царкоўнаславянскай моў на фарміраванне славянскіх літаратурных моў.
1.1.4. Этымалогія.

1.2. Гісторыя славянскіх моў.
1.2.1. Гістарычная граматыка славянскіх моў.
1.2.2. Гістарычная семантыка і лексікалогія славянскіх моў.
1.2.3. Развіццё славянскіх моў ва ўмовах моўнага кантакту.
1.2.4. Узаемадачыненні нацыянальных літаратурных моў і народных дыялектаў у розныя гістарычныя перыяды.

1.3. Дыялекталогія славянскіх моў.
1.3.1. Славянская лінгвагеаграфія.
1.3.2. Арэалогія.
1.3.3. Сучасныя славянскія дыялекты. Стан іх захаванасці: жыццяздольнасць, дынаміка, скарачэнне.
1.3.4. Структура сучасных славянскіх дыялектаў: акцэнталогія, граматыка, лексічная структура.
1.3.5. Дыялектная лексікаграфія і лексікалогія.
1.3.6. Мова горада.
1.3.7. Гісторыя развіцця славянскіх дыялектаў.
1.3.8. Перыферыйныя дыялекты славянскіх моў і кантакты з неславянскімі мовамі.
1.3.9. Дыялектная інтэрферэнцыя.
1.3.10. Інфармацыйныя дыялектныя фонды.
1.3.11. Анамастыка.
1.3.11.1. Этымалогія айконімаў, гідронімаў, аронімаў.
1.3.11.2. Анамастычная лексікаграфія.
1.3.11.3. Картаграфаванне славянскай анамастычнай прасторы.
1.3.11.4. Онімная арэалогія.
1.3.11.5. Міжславянскія онімныя сувязі.

1.4. Граматыка сучасных славянскіх літаратурных моў.
1.4.1. Фанетычна-фаналагічныя і прасадычныя характарыстыкі славянскіх моў.
1.4.2. Акцэнталогія славянскіх моў.
1.4.3. Граматычныя асаблівасці сістэм славянскіх моў (марфалогія, словаўтварэнне, сінтаксіс).
1.4.4. Тэарэтычныя і метадалагічныя аспекты граматычных даследаванняў славянскіх моў.
1.4.5. Міжславянская моўная інтэрферэнцыя і граматычнае ўзаемадзеянне славянскіх і неславянскіх моў.

1.5. Семантыка, прагматыка і стылістыка сучасных славянскіх моў.
1.5.1. Семантычныя пытанні славянскіх моў на ўсіх узроўнях лінгвістычнага аналізу.
1.5.2. Лексіка славянскіх моў і лексічныя адносіны.
1.5.3. Лексікаграфія славянскіх моў.
1.5.3.1. Анлайн-слоўнікі славянскіх моў.
1.5.4. Фразеалогія славянскіх моў.
1.5.5. Лінгвістыка тэксту і/або аналіз дыскурсу.
1.5.6. Лінгвістычная і функцыянальная стылістыка славянскіх моў.
1.5.7. Прагматычныя даследаванні ў славянскіх мовах.
1.5.8. Тэарэтычныя і метадалагічныя аспекты семантычных/стылістычных/прагматычных даследаванняў славянскіх моў.
1.5.9. Міжславянская моўная інтэрферэнцыя і ўзаемадзеянне славянскіх і неславянскіх моў у сферы семантыкі, стылістыкі, прагматыкі.
1.5.10. Славянская тэрміналогія і тэрмінаграфія.
1.5.11. Кантрастыўнае даследаванне сучасных славянскіх моў.

1.6. Міждысцыплінарныя даследаванні славянскіх моў.
1.6.1. Сацыялінгвістыка.
1.6.2. Моўная палітыка.
1.6.2.1. Нацыянальныя (славянскія) праграмы моўнай палітыкі.
1.6.2.2. Моўная і адукацыйная палітыка Еўрапейскага саюза і вывучэнне славянскіх моў як замежных.
1.6.2.3. Шматмоўнасць.
1.6.3. Псіха- і нейралінгвістыка.
1.6.4. Лінгвакультуралогія.
1.6.5. Этналінгвістыка.
1.6.6. Тыпалогія.
1.6.7. Камп'ютарная лінгвістыка.
1.6.8. Корпусная лінгвістыка.
1.6.9. Інтэрнэт-рэсурсы славянскіх моў.
1.6.10. Глотадыдактыка.

1.7. Стандартызацыя і норма славянскіх моў.
1.7.1. Праблемы нармалізацыі славянскіх стандартных моў.
1.7.2. Пытанні правапісу і графікі.
1.7.3. Развіццё норм стандартных славянскіх моў.
1.7.4. Інавацыі ў нормах стандартных славянскіх моў.
1.7.5. Інтэрнэт-камунікацыя і праблемы сучаснай нормы ў славянскіх мовах.
1.7.6. Славянскія літаратурныя мікрамовы, пытанні фарміравання, функцыянальнага развіцця і стандартызацыі.

2. ЛІТАРАТУРА, КУЛЬТУРА, ФАЛЬКЛОР

2.1. Міждысцыплінарныя даследаванні славянскіх літаратур.
2.1.1. Тэксталагічныя даследаванні славянскіх літаратур.
2.1.2. Дыгіталізаваныя прадукты.
2.1.3. Узаемадзеянне славянскіх літаратур з неславянскімі.
2.1.4. Славянскія мовы і культуры ў час інфармацыйных тэхналогій.
2.1.5. Славянскія літаратуры і культуры ў параўнальнай, міжлітаратурнай і міжкультурнай перспектыве.

2.2. Развіццё славянскага пісьменства.
2.2.1. Славянскае пісьменства на розных этапах свайго развіцця.
2.2.2. Пісьмовая традыцыя Кірыла і Мяфодзія і яе рэцэпцыя ў славянскіх літаратурах.
2.2.3. Новыя выданні помнікаў славянскага пісьменства.

2.3. Славянскія літаратуры і Сярэднявечча.
2.3.1. Паэтыка сярэднявечнай літаратуры.
2.3.2. Жанры сярэднявечнай літаратуры.
2.3.3. Узаемасувязі славянскіх літаратур і культур у сярэдніх вяках.

2.4. Гісторыя славянскіх літаратур і развіццё тэарэтычна-метадалагічных ведаў.
2.4.1. Стылістычныя ўтварэнні ў славянскіх літаратурах.
2.4.2. Жанры ў славянскіх літаратурах.
2.4.3. Тэорыя, гісторыя верша і параўнальная славянская метрыка.
2.4.4. Літаратурныя традыцыі і славянскія літаратуры сёння.
2.4.5. Узаемасувязі і кантакты славянскіх літаратур і культур.
2.4.6. Тэарэтычныя аспекты даследавання сучасных славянскіх літаратур.

2.5. Пераклады славянскіх літаратур як культурныя трансферы.
2.5.1. Славянскія і міжславянскія пераклады.
2.5.2. Працэс перакладання: лінгвістычныя і літаратурныя перадачы культурных знакаў.
2.5.3. Пераклад і спадчына антычнай, візантыйскай, іўдзейска-хрысціянскай і ісламскай традыцый у славянскіх літаратурах і культурах.
2.5.4. Пераклад як фактар філасофскай, рэлігійнай і палітычнай думкі славян.

2.6. Літаратурна-гістарычныя веды, літаратурная крытыка і публіцыстыка.
2.6.1. Перыёдыка ў славянскіх літаратурах і культурах: пасярэднік, паказчык паэтычных зменаў, стылістычных эпох, жанраў.
2.6.2. Дэкананізацыя і рэканструкцыя (нацыянальнай) літаратурнай гісторыі.
2.6.3. Публіцыстыка і СМІ: рэлятывізацыя/ўмацаванне культурнай і літаратурнай ідэнтычнасці.
2.6.4. Каштоўнасці і (славянская) літаратурная крытыка.

2.7. Славянскія літаратуры – рэлігія – філасофія – палітыка – культура.
2.7.1. Філасофская, рэлігійная і палітычная думка славян.
2.7.2. Спадчына Антычнасці, візантыйскай і іўдзейска-хрысціянскай традыцый у славянскіх літаратурах і культурах.
2.7.3. Дыялог “Усход – Захад” у славянскіх літаратурах і культурах.
2.7.4. Праблемы ўзаемнай рэцэпцыі нацыянальных культур.
2.7.5. Славістыка і нацыянальныя ідэалогіі ў славянскіх краінах.

2.8. Славянскія літаратуры і культурная спадчына ў XXI стагоддзі.
2.8.1. Еўрапеізацыя/глабалізацыя і славянскія літаратуры.
2.8.2. Міжкультурнае і міжлітаратурнае пранікненне славянскіх літаратур і культур.
2.8.3. Літаратурныя і культурныя “ўтопіі” – панславізм сёння.
2.8.4. Славістыка і праблемы (пост)каланіялізму ў сучасным свеце.
2.8.5. Праблема выгнання/прытулку/(э)міграцыі ў славянскіх літаратурах і культурах.
2.8.6. Мы і іншыя (у антрапалагічным і сацыяльным аспектах) у славянскіх літаратурах і культурах.
2.8.7. Еўрапейскія літаратурныя і культурныя парадыгмы і славянскія літаратуры і культуры.
2.8.8. Літаратура славянскіх дыяспар.

2.9. Славянскі фальклор, фальклярыстыка і міфалогія ў інтэрнацыянальным кантэксце.
2.9.1. Славянскі фальклор і іншыя этнакультурныя традыцыі.
2.9.2. Збіральнікі і даследчыкі славянскага фальклору.
2.9.3. Міфалагічныя асновы славянскага фальклору.
2.9.4. Слова і абрад.
2.9.5. Агульнае і рэгіянальнае ў фальклоры.
2.9.6. Жанры “жывога” фальклору сёння.
2.9.7. Тэксталогія фальклору.

2.9.8. Фальклор і літаратура.
2.9.9. Сучасны фальклор; постфальклор.

3. ПЫТАННІ СЛАВІСТЫКІ

3.1. Гісторыя славістыкі.
3.1.1. Славістычныя школы і іх уклад у лінгвістыку і літаратуразнаўства.
3.1.2. Славістыка ў перспектыве гісторыі школьніцтва і педагагічных ідэй.
3.1.3. Славістыка ў XX стагоддзі: кірункі, супярэчнасці і спадчына.
3.1.4. Карыфеі (волаты) славістыкі: новыя погляды на спадчыну выдатных славістаў.
3.1.5. Юбілеі і гадавіны:
3.1.5.1. Мікалай Кастамараў і Панцеляймон Куліш у гісторыі культуры славян (да 200-годдзя ўкраінскіх вучоных і пісьменнікаў).
3.1.6. Агляд гістарыяграфіі славістыкі ў нацыянальных цэнтрах.

3.2. Тэорыя і метадалогія славістыкі.
3.2.1. Традыцыі і інавацыі ў метадалогіі славістыкі.
3.2.2. Славістыка і новыя навуковыя парадыгмы ў гуманістыцы.
3.2.3. Славістыка ў кампаратыўнай перспектыве.
3.2.4. Славістыка і культуралогія.
3.2.5. "Вузкі" і "шырокі" падыходы да славістыкі.
3.2.5.1. Гістарычныя, сацыяльныя і эканамічныя ўмовы ў славянскіх краінах як прадмет славістычных даследаванняў.
3.2.6. Славістыка і міждысцыплінарныя даследаванні.

3.3. Перспектывы славістыкі.
3.3.1. Напрамкі развіцця славістыкі ў XXI стагоддзі.
3.3.2. Славістыка і глабалізацыйныя працэсы.
3.3.3. Славянскі свет па-за межамі Еўропы.

3.4. Тэарэтычна-метадалагічныя аспекты вывучэння і выкладання славянскіх моў, літаратур і культур.
3.4.1. Метадалагічныя праблемы і перспектывы выкладання славянскіх моў, літаратур і культур у ВНУ.
3.4.2. Напрамкі развіцця сучасных даследаванняў выкладання славянскіх моў, літаратур і культур.

4. СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ ТЭМЫ З'ЕЗДА

4.1. Дзвесце гадоў "Сербскаму слоўніку" Вука Стэфанавіча Караджыча і значэнне Вука ў славістыцы.
4.2. Аляксандр Беліч у гісторыі славістыкі.
4.3. 1918 год і развіццё славянскіх моў і літаратур і іх даследаванне.

Папярэдні адбор секцыйных дакладаў для ўключэння ў праграму з'езда ў адпаведнасці з выдзеленымі квотамі будзе праводзіць Беларускі камітэт славістаў.

Увага! Да разгляду будуць прымацца толькі даклады, якія ўключаць моўныя, літаратурныя і г.д. факты з розных славянскіх груп.

Заяўкі на ўдзел у XVI Міжнародным з'ездзе славістаў просьба дасылаць да 30 кастрычніка 2016 года на адрас Беларускага камітэта славістаў (з паметай "Да XVI МЗС"):

Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа
(Беларускі камітэт славістаў)
Адрас: вул. Сурганава, дом 1, корп. 2.
220072 г. Мінск, Беларусь
E-mail: alukashanets@tut.by
inlinasbel@tut.by
Тэлефоны для даведак:
(+375 17) 284-15-94; (+375 29) 684-15-94 (старшыня БКС А.А. Лукашанец)

Узор заяўкі

1.	Прозвішча, імя, імя па бацьку
2.	Вучоная ступень, званне
3.	Месца працы, пасада
4.	Службовы адрас (з указаннем індэкса)
5.	Дамашні адрас (з указаннем індэкса)
6.	Кантактныя тэлефоны (службовы, дамашні, мабільны)
7.	E-mail
8.	Тэма даклада
9.	Раздзел тэматыкі з'езда
10.	Кароткая анатацыя даклада на беларускай мове (да 1000 знакаў)

Патрабаванні да падачы заявак на тэматычныя блокі

Тэмы блокаў фармулююцца ў межах прапанаванай тэматыкі з'езда і ўяўляюць сабой дастаткова абмежаваныя праблемы, якія прапаноўваецца абмеркаваць у ходзе правядзення блока. Мадэратар (арганізатар) блока фармулюе тэму і самастойна падбірае дакладчыкаў і судакладчыкаў, падае заяўку ў Міжнародны камітэт славістаў, а таксама бярэ на сябе абавязак апублікаваць матэрыялы тэматычнага блока.

У праграму XVI Міжнароднага з'езда славістаў у Бялградзе ў 2018 г., як і на папярэднім з'ездзе ў Мінску, плануецца ўключыць 25 тэматычных блокаў.

Колькасць удзельнікаў тэматычнага блока складае 3–8 чалавек.

Пажадана, каб у кожным блоку былі прадстаўлены даклады як мінімум на 3-х славянскіх мовах (абавязковая ўмова – не менш чым на дзвюх).

Удзел у тэматычным блоку павінны прымаць дакладчыкі з розных краін, пры гэтым не больш за два з адной краіны.

У праграме тэматычнага блока прадугледжваецца адзін асноўны даклад працягласцю да 20 хвілін, астатнія даклады – да 15 хвілін; выступленне ў дыскусіі – да 5 хвілін.

Анатацыя тэматычнага блока. Арганізатар тэматычнага блока абавязаны падаць анатацыю тэматычнага блока ў цэлым і кожнага даклада асобна; анатацыі (блока і асобных дакладаў) не павінны перавышаць 1000 знакаў з прабеламі.

Тэрміны падачы заявак на тэматычныя блокі. Заяўкі на тэматычныя блокі неабходна даслаць у Прэзідыум МКС да 1 мая 2016 года. Заяўкі і анатацыі будуць разглядацца да верасня 2016 года, а канчатковы спіс рэкамендаваных для ўключэння ў праграму з'езда тэматычных блокаў будзе зацверджаны на пасяджэнні МКС у Бухарэсце ў верасні 2016 года.

Публікацыя матэрыялаў тэматычнага блока. Арганізатар рэкамендаванага для ўключэння ў праграму з'езда тэматычнага блока абавязаны забяспечыць размяшчэнне матэрыялаў у Інтэрнэце і даслаць Прэзідыуму МКС адпаведную спасылку, якая будзе размешчана на вэб-сайце МКС. Публікацыя матэрыялаў у тэматычных блоках (дакладаў і выступленняў) у папяровым выглядзе павінна быць ажыццёўлена пасля з'езда, а канчатковыя тэксты дакладаў павінны ўлічваць заўвагі і прапановы, выказаныя ў час дыскусій.

Заяўкі з анатацыямі неабходна дасылаць электроннай поштай на адрас:
mks@fil.bg.ac.rs з пазнакай: "Тематски блок" (Тэматычны блок).
Асоба для кантактаў: праф. доктар Райна Драгічавіч (rajnad@yahoo.com), а таксама на адрас Беларускага камітэта славістаў

Узор заяўкі на тэматычны блок

Тэма	
Арганізатар:	Прозвішча, імя, імя па бацьку
Месца працы:	
Адрас для перапіскі:	
Тэл/факс:	
E-mail:	
Дакладчыкі:	
1.	Прозвішча, імя, імя па бацьку, званне, месца працы, пасада
Тэма даклада:	
2.	
3.	
Удзельнікі дыскусіі:	
1.	Прозвішча, імя, імя па бацьку, званне, месца працы, пасада

Старшыня Беларускага камітэта славістаў
Аляксандр Лукашанец

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО “ВГУ им. П.М. Машерова”» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:
   - индекс УДК;
   - название статьи;
   - фамилия и инициалы автора (авторов);
   - организация, которую он (они) представляет (-ют);
   - введение;
   - раздел «Материал и методы»;
   - раздел «Результаты и их обсуждение»;
   - заключение;
   - список использованной литературы.
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи.

Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.

11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).

12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):

- реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
- домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
- экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.

14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications "Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»" is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements:
   - UDK index;
   - title of the article;
   - name and initial of the author (authors);
   - institution he (she) represents;
   - introduction;
   - "Material and methods" section;
   - "Findings and their discussion" section;
   - conclusion;
   - list of applied literature.
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. "Material and methods" section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author's (authors') research.
6. "Findings and their discussion" section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn't include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author's certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic

version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).

13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:

- summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;
- title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;
- author's home address, telephone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;
- expert conclusion on the feasibility of the publication.

14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.

15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 21

Компьютерный дизайн В.В. Бельчикова
Корректор А.Н. Фенченко

Подписано в печать 08.07.2016. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 25,58. Уч.-изд. л. 20,45. Тираж 100 экз. Заказ 88.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.